

Дин Кунц Дверь в декабрь

Аннотация

Дьявольский эксперимент открыл дверь в наш мир чему-то ужасному. И когда ОНО приходило за очередной жертвой, ледяное дыхание иной реальности вымораживало не только воздух вокруг, но и души людей...

Детектив Дэн Холдейн, переживший множество потерь и поражений, но так и не сумевший примириться с насилием, на этот раз решил сделать все, чтобы спасти от неведомого врага девятилетнюю Мелани Маккэффри и ее очаровательную и мужественную мать Лауру. Но ненависть и жажда мести толкают таинственного убийцу на все новые преступления. ОНО приближается...

Впервые на русском языке!

Дин Кунц Дверь в декабрь

*Герде, с которой я всегда
открывал дверь в будущее*

**Часть 1
СЕРАЯ КОМНАТА
Среда 2.50-8.00**

1

Одевшись, Лаура метнулась к входной двери и, открыв ее, увидела, как к тротуару перед ее домом подкатила патрульная машина управления полиции Лос-Анджелеса. Она вышла на крыльцо, захлопнула дверь, сбежала по ступенькам, и ее каблучки зацокали по

дорожке.

Длинные стрелы холодного дождя пригвоздили ночь к городу.

Зонтик она с собой не взяла. Не помнила, в какой стенной шкаф засунула его, и не хотела тратить время на поиски.

Раскаты грома прокатывались по темному небу, но она едва замечала это зловещее громохание. Для нее самыми громкими ночными звуками были удары собственного сердца.

Водительская дверца черно-белого автомобиля открылась, из кабины вышел полицейский в форме. Увидев ее, вернулся за руль, перегнулся через пассажирское сиденье и открыл дверцу со стороны тротуара.

Она села рядом с полицейским, захлопнула дверцу. Холодной, трясущейся рукой откинула с лица прядь мокрых волос, заложила за ухо.

Патрульная машина благоухала дезинфицирующим средством с запахом сосны, сквозь который пробивалась вонь блевотины.

— Миссис Маккэффри? — спросил молодой полицейский.

— Да.

— Карл Куэйд. Я отвезу вас к лейтенанту Холдейну.

— И к моему мужу? — озабоченно спросила она.

— Об этом я ничего не знаю.

— Мне сказали, что они нашли Дилана, моего мужа.

— Вполне возможно. Лейтенант Холдейн вам все расскажет.

Она поперхнулась, прикрыла рот рукой.

— Прошу извинить за вонь. Этим вечером арестовал парня за управление автомобилем в пьяном виде, так он еще и повел себя как свинья.

Ее желудок поднялся к горлу вовсе не из-за запаха. Ей стало нехорошо совсем по другой причине: несколько минут назад кто-то из полицейских сообщил по телефону, что они нашли ее мужа, но не упомянул Мелани. А если Мелани не с Диланом, то где она? Потерялась? Умерла? Нет. Немыслимо. Лаура, прижимая руку ко рту, скрипнула зубами, задержала дыхание, подождала, пока тошнота отступит.

— Куда... куда мы едем?

— В один дом в Студио-Сити. Недалеко.

— В котором они нашли Дилана?

— Если вам сказали, что нашли его, скорее всего, да.

— Как смогли они его засечь? Я не знала, что его искали. Полиция сказала мне, что повода вмешиваться у них нет... Это не по их части. Я уже думала, что у меня нет шансов когда-нибудь увидеть его... или Мелани.

— Вам нужно поговорить с лейтенантом Холдейном.

— Дилан, должно быть, ограбил банк. — Она не скрывала горечи. — Похищения ребенка у матери недостаточно для того, чтобы привлечь полицию.

— Пристегните ремень безопасности, пожалуйста.

Лаура нервно схватилась за ремень, защелкнула его, Куэйд отъехал от тротуара, развернулся на пустынной, залитой дождем улице.

— Так что вы можете сказать о Мелани? — спросила она.

— О ком?

— О моей дочери. Она в порядке?

— Извините, я и об этом ничего не знаю.

— Так ее не было с моим мужем?

— Думаю, что нет.

— Я не видела ее... почти шесть лет.

— Спор об опеке? — спросил он.

— Нет. Он ее похитил.

— Правда?

— Ну, закон называет это спором об опеке, но, по моему разумению, это похищение, и

ничто другое.

Злость и негодование охватывали ее, как только она начинала думать о Дилане. Лаура постаралась отогнать эти чувства, постаралась не испытывать к нему ненависти, потому что в голову внезапно пришла безумная мысль: Бог наблюдает за ней, Он судит о ней по чувствам и делам, и, если она позволит ненависти накрыть ее с головой или злобе заполнить разум, Он решит, что она недостойна воссоединения с маленькой дочерью. Безумие, конечно. Но она ничего не могла с собой поделать. Страх сделал ее безумной. И отнял у нее все силы. Она так ослабела, что не могла набрать полную грудь воздуха.

Дилан... Лаура задалась вопросом, чего ждать от первой за столько лет встречи лицом к лицу. Он попытается объяснить свое предательство? И что скажет она? Сможет выразить словами переполняющие ее ярость и боль?

Дрожь начала бить Лауру после телефонного звонка, но теперь ее просто трясло.

— Вы в порядке? — спросил Куэйд.

— Да, — солгала она.

Куэйд промолчал. С включенной мигалкой, но без сирены, они мчались по залитой дождем западной части города. Если пересекали глубокую лужу, вода летела в обе стороны, покрываясь белой пеной.

— Ей сейчас уже девять лет, — нарушила затянувшееся молчание Лаура. — Моей дочери. Я не могу сказать, как Мелани сейчас выглядит. В последний раз видела ее трехлетней.

— Извините. Я не заметил там маленькой девочки.

— Каштановые волосы. Зеленые глаза. Коп промолчал.

— Мелани должна быть с Диланом! — воскликнула Лаура, разрываясь между радостью и ужасом. Радовалась, что снова увидит дочь, боялась, что она мертва. Лауре так часто снился такой сон: она находит обезображенный труп Мелани. И теперь она подозревала, что сон этот — вещий, знак свыше. — Она должна быть с Диланом. С ним она провела все эти годы, шесть долгих лет, так почему сейчас ей не быть с ним?

— Мы будем на месте через несколько минут, — разлепил губы Куэйд. — Лейтенант Холдейн ответит на все ваши вопросы.

«Они не стали бы будить меня в половине третьего ночи, вытаскивать из дома в грозу, если бы не нашли и Мелани. Уверена, что не стали бы».

Куэйд смотрел на дорогу, и его молчание пугало ее сильнее любых слов.

Скрипучие «дворники» не могли полностью очистить лобовое стекло. Прилипшая к нему жировая пленка искажала окружающий мир, и Лауре казалось, что едут они во сне, а не наяву.

У нее вспотели ладони. Она вытерла их о джинсы. Чувствовала, как пот выступает под мышками, течет по бокам. Вновь скрутило желудок, тошнота снова подкатила к горлу.

— Она ранена? У нее серьезная травма? Так? Поэтому вы не хотите ничего о ней говорить?

Куэйд искоса глянул на нее.

— Честное слово, миссис Маккэффри, я не видел в доме маленькой девочки. Я от вас ничего не скрываю.

Лаура обмякла, откинувшись на спинку сиденья.

Слезы уже выступили на глазах, но она приказала себе не плакать. Слезы означали бы признание в том, что она потеряла всякую надежду найти Мелани живой, а если она теряла надежду (еще одна безумная мысль), то на нее ложилась ответственность за смерть ребенка, потому что (еще безумнее) Мелани, возможно, продолжала существовать, как Динь-Динь в сказочной повести «Питер Пэн», поддерживаемая лишь постоянной и страстной верой. Лаура понимала, что охвачена тихой истерией. Сама идея о том, что жизнь Мелани зависит от материнской веры и сдерживания слез, была нелепой и иррациональной, но Лаура ухватила за нее, подавила слезы, снова и снова твердила себе, что Мелани жива.

«Дворники» монотонно поскрипывали по стеклу, дождь глухо барабанил по крыше,

шины шуршали по мокрой мостовой, а Студио-Сити, похоже, находился никак не ближе Гонконга.

* * *

Они свернули с бульвара Вентуры в Студио-Сити, район, где смешалось множество архитектурных стилей: испанский, кейп-код, колониальный, постмодерн. Название свое эта часть города получила в честь «Рипаблик студиос», с которой началась киноиндустрия и где до телевизионной эры снимались многие малобюджетные вестерны. Новыми жителями Студио-Сити становились сценаристы, художники, операторы, музыканты, техники, беженцы из районов, которые все более приходили в упадок, и теперь, при строительстве домов, они устраивали негласное соревнование со старожилами Студио-Сити. То есть ни о каком стилевом единообразии не могло быть и речи.

Патрульный Куэйд остановил машину перед скромным домом-ранчо на тихой боковой улице, усаженной деревьями. Часть из них по случаю зимы осталась без листвы, другие, вечнозеленые, ее сохранили. Несколько автомобилей стояли у тротуара, включая два «Форда»-седана горчичного цвета, две черно-белые патрульные машины, один серый фургон с гербом города на борту. Но взгляд Лауры поймал и приковал другой фургон, с надписью «КОРОНЕР»¹ на задних дверцах.

О господи, пожалуйста, нет. Нет!

Лаура закрыла глаза, стараясь поверить, что все это — часть сна, из которого так резко вырвал ее телефонный звонок. Собственно, звонок из полиции вполне мог быть частью кошмара. В этом случае патрульный Куэйд был еще одной его частью. И этот дом тоже. Ей надо только проснуться, и тогда все исчезнет: и звонок, и телефонный разговор, и Куэйд, и дом, и все, все, все.

Но, когда Лаура открыла глаза, фургон коронера остался на прежнем месте. Окна дома были закрыты плотными портьерами, но фронтон озарялся ярким светом портативных прожекторов, серебрившим выюны, которые закрывали стены.

На тротуаре стоял полицейский в дождевике. Еще один находился под свесом крыши над площадкой перед входной дверью. Им поставили задачу не подпускать к дому зевак, но плохая погода и поздний час взяли эту работу на себя.

Куэйд вышел из машины, но Лаура застыла на сиденье.

Он наклонился, заглянул в кабину.

— Это тот самый дом.

Лаура кивнула, но не сдвинулась с места. Она не хотела входить в дом. Знала, что там найдет. Мелани. Мертвую.

Куэйд подождал несколько мгновений, потом обошел патрульную машину, открыл дверцу, протянул Лауре руку. Ветер забрасывал в кабину холодные капли.

— Миссис Маккэффри? — нахмурился патрульный. — Вы плачете?

Она не могла отвести глаз от фургона коронера. Если он уедет с маленьким тельцем Мелани, то увезет с собой все надежды Лауры и оставит ее такой же мертвой, как и дочь.

— Вы солгали мне. — Голос ее дрожал, словно осенний лист на ветру.

— Я? Нет, в общем-то, нет.

Она не смотрела на него. Куэйд всосал воздух между стиснутыми зубами.

— Ну, мы расследуем дело об убийстве. Так что пара трупов у нас есть.

Крик рвался из груди Лауры, но она сдержала его. У нее защемило сердце.

Куэйд же быстро продолжил:

— Но вашей маленькой девочки в доме нет. Она не погибла. Честное слово, среди трупов ее нет.

Лаура наконец-то встретила с ним взглядом. Вроде бы лицо искреннее. Да и не было

¹ Коронер — следователь, производящий дознание в случае насильственной или скоропостижной смерти.

ему смысла врать, потому что правду она могла узнать очень скоро, переступив порог.

Она выбралась из патрульной машины.

Взяв Лауру за руку, патрульный Куэйд повел ее к входной двери. Дождь стучал по мостовой и крышам, словно барабаны похоронной процессии.

2

Охранник прошел в дом, чтобы вызвать лейтенанта Холдейна. Лаура и Куэйд остались под свесом крыши, защищавшим от дождя и частично от ветра.

Ночь пахла озоном и розами. Побег выходящей розы обвивали стойки перед домом, а в Калифорнии большинство сортов цвели даже зимой. Намокшие под дождем лепестки пригибали цветки к земле.

Холдейн появился без задержки. Высокий, широкоплечий, крепко сбитый, с короткими русыми волосами и широким доброжелательным лицом ирландца. Синие глаза напоминали два стеклянных овала, и Лаура задалась вопросом: а вдруг они выглядят такими безжизненными лишь благодаря увиденному в доме?

В твидовом пиджаке спортивного покроя, белой рубашке, галстук с ослабленным узлом, серых слаксах и черных мокасинах, он, за исключением глаз, ассоциировался не с копом, а скорее с каким-нибудь соседом-добряком. Способствовала такому впечатлению и теплота, которая наполняла мимолетную улыбку.

— Доктор Маккэффри? Я — Дэн Холдейн.

— Моя дочь...

— Мелани мы пока не нашли.

— Она не...

— Что?

— Мертва?

— Нет, нет. Господи, да нет же. Только не ваша дочка. В этом случае я бы не обратился к вам с просьбой приехать сюда.

Облегчения Лаура не почувствовала, потому что не знала, можно ли ему верить. Она видела, что он на взводе. Должно быть, в этом доме произошло что-то ужасное. А если они не нашли Мелани, то зачем было привозить ее сюда в такой час? В чем же, собственно, дело?

Холдейн отпустил Карла Куэйда, который под дождем вернулся к патрульной машине.

— Дилан? Мой муж? — спросила Лаура. Холдейн отвел глаза.

— Да, мы думаем, что нашли его.

— Он... мертв?

— Ну... да. Вероятно, это он. У нас есть тело с его удостоверением личности, но точно сказать, что это он, мы не можем. Мы должны свериться с его зубной картой и сравнить отпечатки пальцев.

Новость о смерти Дилана, как это ни удивительно, не произвела на нее особого впечатления. Ощущения потери не возникло, потому что последние шесть лет она его ненавидела. Но его смерть не принесла и радости: ей не хотелось прыгать от восторга, не появилось и чувства удовлетворенности, ощущения, что Дилан получил по заслугам. Сначала она его любила, потом ненавидела, теперь на смену любви и ненависти пришло безразличие. Она совершенно ничего не чувствовала, и вот это, пожалуй, более всего огорчало ее.

Ветер изменил направление. Начал забрасывать капли ледяного дождя под свес крыши. Холдейн увлек Лауру к самой стене.

Она задалась вопросом: а чего они не идут в дом? Похоже, там было что-то такое, чего ему не хотелось ей показывать. Что-то слишком ужасное? Что же, во имя господа, произошло в этом доме?

— Как он умер? — спросила она.

— Его убили.

— Кто это сделал?

— Мы не знаем.
— Застрелили?
— Нет. Его... забили до смерти.
— Господи! — Ей стало нехорошо. Она привалилась к стене. Потому что ноги внезапно подогнулись.

— Доктор Маккэффри? — В голосе офицера слышалась тревога, он взял ее под руку, готовый оказать помощь, если таковая потребуется.

— Все нормально. Но я думала, что Дилан и Мелани будут вместе. Дилан забрал ее у меня.

— Я знаю.

— Шесть лет тому назад. Он закрыл наши общие банковские счета, бросил работу и сбежал. Потому что я хотела с ним развестись. А он не хотел отдавать мне Мелани.

— Когда мы ввели его имя и фамилию в поисковую систему, она выдала нам его досье. У меня не было времени вникать в подробности, но с основными фактами я успел ознакомиться, так что в курсе событий.

— Он погубил свою жизнь, отказался от карьеры и всего остального, чтобы сохранить Мелани. Конечно же, она должна по-прежнему быть с ним. — В голосе Лауры слышалось отчаяние.

— Она была. Она жила здесь, с ним, в этом доме...

— Жила здесь? *Здесь?* В десяти или пятнадцати минутах езды от меня?

— Совершенно верно.

— Но я нанимала частных детективов, нескольких, и никто не смог...

— Иногда оптимальный вариант — держаться поближе к месту похищения, — заметил лейтенант Холдейн.

— Я думала, что он покинул страну, перебрался в Мексику или куда-то еще, а они все это время жили рядом со мной.

Ветер стих, дождь усилился, но теперь капли падали вертикально. Лужайка медленно, но верно превращалась в озеро.

— Мы нашли одежду маленькой девочки. Несколько книг, соответствующих ее возрасту, — объяснил лейтенант Холдейн. — Пачку овсяных хлопьев «Граф Чокула», которые, я уверен, никто из взрослых есть бы не стал.

— Никто из взрослых? В доме, помимо Дилана и Мелани, еще кто-то жил?

— Мы не уверены. Но есть... и другие тела. Мы думаем, здесь жил еще один человек, потому что мы нашли мужскую одежду двух размеров. Один подходит вашему мужу, второй — одному из других мужчин.

— Сколько всего тел?

— Еще два. Всего три.

— И все забиты до смерти? Он кивнул.

— И вы пока не знаете, где Мелани?

— Пока не знаем.

— Тогда, возможно... тот или те, кто убил Дилана и остальных, увел ее с собой?

— Такое возможно.

Даже если Мелани жива, она в заложницах у убийцы. Может, не просто убийцы, но и насильника.

Нет. Ей же всего девять лет. Зачем она насильнику? Она еще ребенок.

Разумеется, в наше время сие не имело ровно никакого значения. По городам бродили звери в человеческом образе. Монстры охотились на детей, им особенно нравились маленькие девочки.

Внутри у нее все похолодело.

— Мы должны ее найти. — У Лауры так сел голос, что она едва узнала его.

— Мы пытаемся, — заверил ее Холдейн. Теперь она видела в его синих глазах симпатию и сочувствие, но ее это не утешало.

— Я бы хотел, чтобы вы прошли со мной в дом, — добавил он, — но должен предупредить, зрелище не из приятных.

— Я — врач, лейтенант.

— Да, но психиатр.

— И при этом врач. У всех психиатров медицинское образование.

— Что ж, оно и к лучшему. Я как-то не подумал.

— Полагаю, вы хотите, чтобы я опознала тело Дилана.

— Нет. Я не собирался просить вас взглянуть на тело. Состояние... Визуально опознать его невозможно. Я хотел показать вам другое, в надежде, что вы сможете объяснить, как это надо понимать.

— Показать что?

— Нечто странное, — ответил он. — Нечто чертовски странное.

3

В доме ярко горели все лампы: под потолком, на стенах, на столах. После ночной темноты Лауре даже пришлось прищуриться. Она увидела, что гостиная обставлена уютно, но не в одном стиле. Геометрические фигуры обивки дивана совершенно не гармонировали с цветочками занавесок. Зеленые ковер и стены не совпадали оттенками. Только две сотни книг на полках, похоже, подбирались с любовью. В остальном гостиная напоминала сценическую декорацию, которую торопливо собрали для спектакля с маленьким бюджетом.

— Пожалуйста, ничего не трогайте, — предупредил Лауру Холдейн.

— Если вы не хотите, чтобы я опознала Дилана...

— Как я и говорил, едва ли вам это удастся.

— Почему?

— Нечего там опознавать. От лица просто ничего не осталось.

— Господи!

Они стояли в прихожей, у арки, ведущей в гостиную. Холдейну определенно не хотелось вести ее дальше, как чуть раньше, когда они стояли под свесом крыши, не хотелось приглашать в дом.

— У него были какие-то особые приметы?

— Участок лишенной пигмента кожи...

— Родимое пятно? — Да.

— Где?

— На груди, посередине. Холдейн покачал головой:

— Скорее всего, нам это не поможет.

— Почему?

Он посмотрел на нее, потом взгляд его уперся в пол.

— Я — врач, — напомнила она ему. — Его грудь буквально сплющена.

— От побоев?

— Да. Все ребра сломаны, и не единожды. Грудина раздроблена, как тарелка из китайского фарфора.

— Раздроблена?

— Да. Именно так, доктор Маккэффри. Я говорю не о трещинах или переломах. Грудина именно раздроблена. Словно была стеклянной.

— Это невозможно.

— Видел это собственными глазами. О чем могу только сожалеть.

— Но грудина — крепкая кость. В человеческом теле она и череп выполняют роль брони.

— Убийцей был чертовски сильный сукин сын.

Лаура покачала головой.

— Нет. Можно раздробить грудину в автомобильной аварии, где мощность удара

невероятно велика, если столкновение происходит на скорости пятьдесят или шестьдесят миль в час. Но избить человека до такой степени невозможно...

— Мы предположили, что убийца орудовал свинцовой трубой или...

— Невозможно, — повторила она. — Раздроблена? Конечно же, нет.

«Мелани, моя маленькая Мелани. Что с тобой случилось, куда тебя увезли, увижусь ли я с тобой вновь?» Она содрогнулась:

— Послушайте, если вам не нужно, чтобы я опознала Дилана, я просто представить себе не могу, чем еще могу вам помочь...

— Как я и говорил, мне хочется вам кое-что показать.

— Что-то странное? — Да.

Однако он держал ее в прихожей и даже пытался загородить собственным телом арку, ведущую в гостиную. В нем явно боролись две силы. С одной стороны, ему хотелось получить ответы на интересующие его вопросы, которые она могла ему дать, с другой — он опасался подвергать ее шоку, который она могла испытать, увидев место преступления.

— Я не понимаю. Странное? В каком смысле? Холдейн на вопрос не ответил.

— По работе вы и он занимались одним и тем же?

— Не совсем.

— Он был психиатром, не так ли?

— Нет. Психологом, который занимался вопросами поведения людей. Особенно Дилана интересовали методы воздействия на поведение людей и способы его изменения.

— А вы — психиатр, по образованию врач.

— Моя специализация — лечение детей.

— Да, я понимаю. Разные области.

— Совершенно. Лейтенант нахмурился.

— Ладно, побывав в его лаборатории, вы все-таки сможете сказать мне, чем занимался там ваш муж.

— Лаборатории? Он здесь и работал?

— Он здесь *только* работал. Не думаю, что пребывание вашего мужа и дочери в этом доме можно назвать нормальной жизнью.

— Работал? И что же он делал?

— Проводил какие-то эксперименты. Мы не можем в этом разобраться.

— Так пойдемте посмотрим.

— Зрелище... жуткое, — он пристально смотрел на нее.

— Я же говорила... я — врач.

— Да, а я — коп, и коп видит больше крови, чем врач, но от того, что мы там нашли, мне стало дурно.

— Лейтенант, вы привезли меня сюда, и теперь вам не удастся избавиться от меня, пока я не узнаю, что мой муж и моя маленькая дочка делали в этом доме.

Он кивнул:

— В таком случае нам сюда.

Она последовала за ним мимо гостиной, подальше от кухни, в короткий коридор, где стройный, симпатичный латинос командовал двумя мужчинами в униформе с надписью «СЛУЖБА КОРОНЕРА» на спине. Они укладывали труп в матовый пластиковый мешок. Один из мужчин застегнул «молнию». Сквозь непрозрачную поверхность Лаура видела лишь контуры мужского тела да несколько крупных потеков крови.

Дилан?

— Это не ваш муж, — Холдейн словно прочитал ее мысли. — У этого человека не было никаких документов. Так что установить личность мы сможем только по отпечаткам пальцев, если они есть в нашей картотеке.

Она видела кровь на стенах, на полу, много крови, так много, что Лауре казалось, будто она не в реальном доме, а перенеслась в какой-то эпизод из плохого фильма-ужастика.

По центру коридора постелили пластиковую дорожку, чтобы следователи и технические

эксперты не наступили на кровь и не вымазали подошвы.

Холдейн искоса глянул на нее, и она изо всех сил попыталась скрыть от него свой страх.

Неужто Мелани была здесь, когда убивали этих людей? Если да, если сейчас она с мужчиной (*мужчинами?*), который это сделал, ее тоже ждет смерть, потому что она — свидетельница преступления. Даже если она ничего не видела, убийца покончит с ней, когда... она ему надоест. Сомнений в этом быть не могло. Он убьет ее, потому что это убийство доставит ему удовольствие. Судя по тому, что она сейчас видела, убийца — психопат. Ни один человек в здравом уме не стал бы убивать с такой жестокостью, проливая реки крови, наслаждаясь ее видом.

Оба сотрудника службы коронера вышли из дома, чтобы взять каталку и увезти на ней труп.

Стройный латинос в черном костюме повернулся к Холдейну. Голос у него оказался на удивление сильным.

— Мы все обследовали, лейтенант, сфотографировали, сняли, где могли, отпечатки пальцев. Теперь выносим тела.

— Предварительное обследование позволило получить что-нибудь интересное, Джой? — спросил Холдейн.

Лаура предположила, что Джой — полицейский патологоанатом, хотя чувствовалось, что он слишком уж потрясен для человека, привычного к сценам насильственной смерти.

— Такое ощущение, что все кости тела сломаны как минимум по одному разу, — начал Джой. — Один перелом над другим, их сотни, невозможно установить, как много. Я уверен, что вскрытие покажет перфорацию внутренних органов, повреждение печени... — он бросил короткий взгляд на Лауру, не зная, стоит ли продолжать.

Она надеялась, что ее лицо — бесстрастная маска, отражающая только профессиональный интерес и скрывающая истинные чувства: ужас и смутнение.

— Размозженный череп, зубы переломаны и частично выбиты, один глаз вытек.

Лаура увидела на полу каминную кочергу.

— Это орудие убийства?

— Мы так не думаем, — ответил Холдейн.

— Кочергу этот парень держал в руке. Нам пришлось потрудиться, чтобы разжать его пальцы. Он пытался защищаться, — пояснил Джой.

Они помолчали, глядя на матовый пластиковый мешок. Монотонный стук капель дождя по крыше чем-то напоминал далекий грохот огромных ворот, которые отворяются во сне, открывая глазу загадочные и опасные земли.

Двое мужчин вернулись с каталкой. Одно из колес разболталось и постукивало по полу. Звук этот действовал на и без того натянутые нервы.

От короткого коридора отходили три двери, одна — в дальнем торце, две — в боковых стенах. Все три были приоткрыты. Холдейн повел Лауру мимо трупа к комнате в конце коридора.

Несмотря на теплый свитер и пиджак на подкладке, Лауре было холодно. Она просто замерзала. Руки побелели до такой степени, что не отличались от рук мертвеца.

Она знала, что система кондиционирования работает, потому что чувствовала теплый воздух, идущий из вентиляционных отверстий, когда проходила мимо них, поэтому понимала, что источник холода находится в ее теле.

Комната когда-то была кабинетом, но ныне превратилась в образчик хаоса и уничтожения. Металлические ящики бюро выдернули из ячеек, смяли, согнули. Ручки оторвали. Содержимое разбросали по полу. Тяжелый письменный стол из орехового дерева с хромированными металлическими частями лежал на боку. Две металлические ножки погнули, дерево в некоторых местах треснуло, топорщилось щепками, словно стол рубили топором. Пишущую машинку швырнули в стену с такой силой, что несколько букв выскочили и впились в обои. Всюду валялись бумаги, графики, страницы с какими-то рисунками и записями, сделанными мелким, каллиграфическим почерком. Многие из этих

листов порвали, измяли, свернули в плотные шарики. И везде была кровь — на полу, на мебели, на бумагах, на стенах, даже на потолке. В комнате стоял резкий, неприятный запах.

— Господи! — выдохнула Лаура.

— Я хотел показать вам соседнюю комнату. — Лейтенант направился к двери в дальней стене разрушенного кабинета.

Она заметила на полу еще два матовых пластиковых мешка.

Обернувшись к ней, Холдейн повторил:

— Соседнюю комнату.

Лауре не хотелось останавливаться, но она остановилась. Не хотела смотреть на два уложенных в пластиковые мешки тела, но посмотрела.

— Один из них... Дилан?

Холдейн, уже подошедший к двери, вернулся.

— Вот у этого человека, — он указал на один из мешков, — мы нашли удостоверение личности Дилана Маккэффри. Но наверняка вам не хочется увидеть его в таком виде.

— Нет, не хочется, — согласилась она, перевела взгляд на второй мешок. — А это кто?

— Согласно водительскому удостоверению и кредитным карточкам в бумажнике, его звали Вильгельм Хоффриц.

Она изумилась.

Должно быть, изумление это отразилось на ее лице, потому что Холдейн спросил:

— Вы его знаете?

— Он работал в университете. Один из... коллег моего мужа.

— В ЛАКУ¹?

— Да. Дилан и Хоффриц вели совместные исследования. Они разделяли некоторые... навязчивые идеи.

— Я отмечаю осуждение в вашем тоне? Она промолчала.

— Вы не любили Хоффрица? — не унимался Холдейн.

— Я его презирала.

— Почему?

— Он был самодовольным, самоуверенным, высокомерным, напыщенным, наглым недомерком.

— Что еще?

— Разве этого мало?

— Вы не из тех женщин, которые с легкостью используют слово «презирать».

Встретившись с ним взглядом, она увидела острый и пронизательный ум, чего не замечала раньше. Закрыла глаза. Прямой взгляд Холдейна приводил в замешательство, но смотреть куда-то еще не хотелось, потому что все остальное марала кровь.

— Хоффриц верил в централизованное социальное планирование. Он интересовался использованием психологии, наркотиков и различных видов воздействия на подсознание с целью перевоспитания и направления масс.

Холдейн долго молчал, потом спросил:

— Контроль разума?

— Совершенно верно. — Глаз она не открывала, голову наклонила. — Он был элитистом². Нет, это слишком доброе слово. Он был тоталитаристом. Из него вышел бы отменный нацист или коммунист. Без разницы. В политике он признавал только грубую силу. Стремился к контролю над обществом.

— В ЛАКУ проводят такие исследования?

Она открыла глаза и увидела, что он не шутит, вопрос задан серьезно.

— Естественно. Это же крупный университет. Свободный университет. Там не признают никаких ограничений по части направления научных исследований, при условии, что ты обеспечишь их финансирование.

¹ ЛАКУ — Лос-Анджелесский калифорнийский университет.

² Элитист — от элиты, сторонник создания некой отборной группы граждан для правления всем обществом.

— Но последствия таких исследований...

Она с горечью улыбнулась:

— Практические результаты. Научные прорывы. Получение новых знаний — вот что заботит настоящего ученого, лейтенант. Не последствия.

— Вы говорите, ваш муж разделял некоторые навязчивые идеи Хоффрица. То есть он тоже активно занимался исследованиями по обретению контроля над человеческим разумом?

— Да. Но он не был таким фашистом, как Хоффриц. Его больше интересовало воздействие на поведение преступников как средство снижения уровня преступности. По крайней мере, я думала, что его это интересовало. Об этом Дилан говорил чаще всего. Но чем больше Дилан вовлекался в этот проект, тем меньше говорил о нем, словно разговоры отнимали энергию, необходимую для работы.

— Он получал государственные гранты?

— Дилан? Да. И он, и Хоффриц.

— Пентагон?

— Возможно. Но первоначально он не ориентировался на оборонные проекты. С какой стати? Какое они могли иметь к нему отношение?

Холдейн не ответил.

— Вы говорили, что ваш муж ушел из университета. А потом убежал с вашей дочерью.

— Да.

— А теперь выясняется, что он по-прежнему работал с Хоффрицем.

— Хоффриц более не связан с ЛАКУ, ушел оттуда три или четыре года тому назад, может, раньше.

— Что случилось?

— Я не знаю. Мне говорили, что ему вроде бы предложили более интересную работу. Но у меня сложилось впечатление, что его попросили уйти.

— Почему?

— Ходили слухи... из-за нарушения профессиональной этики.

— А конкретнее?

— Я не знаю. Спросите кого-нибудь в ЛАКУ.

— А вы никак не связаны с университетом?

— Нет. Исследованиями я не занимаюсь. Работаю в детской больнице Святого Марка. Кроме того, у меня небольшая частная практика. Возможно, поговорив с кем-нибудь из ЛАКУ, вы сможете узнать, почему там пожелали расстаться с Хоффрицем.

Она более не испытывала тошноты, обилие крови не волновало ее. Собственно, она перестала замечать кровь. Слишком много ужаса открылось глазам Лауры, вот ее чувства и притупились. Один труп и одна капля крови действовали бы на нее куда сильнее, чем эта вонючая бойня. Она теперь понимала, почему копы так быстро становятся невосприимчивыми к сценам кровавого насилия. Ты или адаптируешься, или сходишь с ума, и второй вариант, по большому счету, совсем и не вариант.

— Я думаю, ваш муж и Хоффриц работали вместе, — сказал Холдейн. — Здесь. В этом доме.

— И что они делали?

— Точно сказать не могу. Поэтому и попросил вас приехать. Поэтому и хочу, чтобы вы осмотрели лабораторию в соседней комнате. Может быть, вы скажете мне, чем они тут занимались.

— Давайте поглядим. Он помялся:

— И вот что еще...

— Что?

— Я думаю, ваша дочь участвовала в их экспериментах.

Лаура молча смотрела на него.

— Я думаю, они... использовали ее.

— Как?

— Вот это я и хочу услышать от вас, — ответил детектив. — Я — не ученый. Знаю лишь то, что можно прочесть в газетах. Но, прежде чем мы войдем туда... должен вам сказать, что некоторые из этих экспериментов были... болезненными.

«Мелани, чего они от тебя хотели, что с тобой сделали, куда увезли?»

Она глубоко вдохнула.

Вытерла мокрые от пота ладони о пиджак.

Последовала за Холдейном в лабораторию.

4

Дэн Холдейн удивлялся, с какой легкостью эта женщина приспосабливается к ситуации. Ладно, она получила медицинское образование, но многие врачи не привыкли шагать по крови. И, попадая туда, где с особой жестокостью убили нескольких человек, врачи в большинстве своем вели себя точно так же, как и обычные граждане. А потому отнюдь не медицинское образование помогало Лауре Маккэффри сохранять самообладание. Эта женщина отличалась невероятной стойкостью, которая безмерно восхищала Дэна. Ее дочь пропала, возможно, ранена, может, даже убита, но, не получив ответы на все важные вопросы, касающиеся Мелани, она не собиралась отступать или дать волю эмоциям. Да, Лаура определенно ему нравилась.

А ведь она была еще и красоткой, пусть и не пользовалась косметикой, а каштановые волосы намокли от дождя и висели патлами. В свои тридцать шесть она выглядела моложе. И эти зеленые глаза, ясные, открытые, пронизательные, прекрасные. Пусть в них и застыл ужас.

Дэн понимал, что увиденное в лаборатории только усилит тревогу женщины, и ругал себя за то, что вел ее туда. Но именно для этого он и позвонил Лауре глубокой ночью. Хотя она не видела мужа шесть лет, вряд ли кто знал его лучше, чем она. А будучи психиатром, она могла понять, какие эксперименты и исследования проводил здесь Дилан Маккэффри. И у Дэна было предчувствие, что он не сможет найти убийцу, да и Мелани тоже, не поняв, чем занимался Дилан Маккэффри.

Лаура следом за ним переступила порог.

Как только они очутились в серой комнате, Дэн пристально наблюдал за лицом Лауры. Отметил изумление, недоумение, неуверенность.

В гараже на два автомобиля ворота заложили кирпичом, превратив в глухую стену. Получилась большая комната без единого окна, совершенно безликая, где не было ни одного предмета, за который мог бы зацепиться глаз. Серый потолок. Серые стены. Флуоресцентные лампы под потолком за серыми пластиковыми панелями. Даже ручки сдвижных дверей стальных шкафов выкрасили в серый цвет. Той же краской покрыли и металлические сетки вентиляционных каналов. Без краски они бы слишком блестели. Во всей комнате Лаура не обнаружила ни единого цветового пятна. В результате создавалось ощущение, что никакая это не комната. А гроб.

Из установленного здесь оборудования наибольшее впечатление производил металлический резервуар, чем-то напоминающий первые установки «Искусственное легкое», но гораздо больших размеров. Цветом он не отличался от стен. От него в пол уходили трубы, а электрический кабель спускался от распределительного щитка на потолке. Передвижная лесенка из трех ступенек обеспечивала доступ к поднятому над уровнем пола входному люку с откинутой крышкой.

Лаура поднялась по ступенькам, заглянула внутрь.

Дэн знал, что она там найдет: черный интерьер, освещаемый слабым светом, попадающим в резервуар через люк. Звуки воды, которая начала плескаться благодаря вибрации, передаваемой от лесенки к стенке. Влажный солевой запах.

— Знаете, что это? — спросил он. Лаура спустилась вниз.

— Конечно. Камера, в которой органы чувств человека перестают поставлять в мозг

какую-либо информацию.

— И что он с ней делал?

— Вы хотите сказать, каково ее научное применение?

Дэн кивнул.

— Ну, на несколько футов резервуар заполняется водой... На самом деле берется десятипроцентный водяной раствор сульфата магния, чтобы обеспечить оптимальную подъемную силу. Раствор нагревается. До девяноста трех градусов по Фаренгейту, то есть температуры, при которой воздействие гравитации на плавающее тело минимально. Или, в зависимости от природы эксперимента, воду можно нагреть до девяноста восьми градусов, чтобы свести к нулю разницу между температурой тела и воды. Потом субъект...

— Человек... не животное?

Вопрос ее, несомненно, удивил. Дэн Холдейн почувствовал себя необразованной деревенщиной, но Лаура не стала стыдить его, да и в голос ее не прокралось раздражение, так что настроение у него сразу улучшилось.

— Да. Человек. Не животное. Далее, когда вода готова, человек раздевается, входит в камеру, закрывает за собой дверцу и плавает в полной темноте, в полной тишине.

— Зачем?

— Чтобы лишить себя сенсорной подпитки. Ничего не видно. Ничего не слышно. Нет информации, связанной со вкусом, или она минимальна. Самый минимум дает осязание. Нет ощущения веса, места, времени.

— Но зачем кому-то это могло понадобиться?

— Поначалу, когда появились первые подобные резервуары, эти эксперименты проводились для того, чтобы понять, что происходит, когда человек практически лишен возможности получать информацию извне.

— Да? И что же происходило?

— Совсем не то, что ожидали экспериментаторы. Никакой клаустрофобии, никакой паранойи. Короткий момент страха, да, но потом... не такая уж неприятная временная и пространственная дезориентация. Ощущение дискомфорта пропадало через минуту или около того. У некоторых субъектов возникало ощущение, что они не в маленькой камере, а в огромной, бескрайней. При отсутствии внешних источников информации мозг переключается на себя, начинает исследовать совершенно новый мир внутренней информации.

— Галлюцинации?

На какие-то мгновения тревога исчезла. Ее профессиональный интерес к функционированию мозга не вызывал сомнений, и Дэн понимал: если бы она выбрала карьеру учителя, студенты ломались бы на ее лекции и семинары. Она получала удовольствие, объясняя то, что знала сама, делясь своими знаниями.

— Да, иногда и галлюцинации. Но не пугающие или несущие в себе угрозу, ничего такого, чего можно ждать после приема наркотиков. Во многих случаях — яркие и необычайно живые сексуальные фантазии. И практически каждый участник экспериментов сообщал о резкой активизации процесса мышления. Некоторые без помощи карандаша и бумаги решали сложные математические задачи, требующие алгебраических и дифференциальных расчетов. И повторить эти достижения в обычных условиях им не удавалось. Возникло даже психотерапевтическое направление, которое использует камеры отсечения внешних воздействий, чтобы предоставить пациенту возможность максимально сконцентрироваться на исследовании внутреннего мира.

— Судя по вашему тону, вы это не одобряете.

— Не то чтобы не одобряю. Но если вы имеете дело с психологически неуравновешенным индивидуумом, который уже отрывается от реальности, только наполовину контролирует себя... тогда дезориентация, неизбежная в этой камере, практически наверняка приведет к негативным эффектам. Некоторым пациентам необходима максимальная связь с окружающим миром, без этого они не могут существовать. — Лаура

пожала плечами. — Но, опять же, возможно, я слишком осторожна, консервативна. В конце концов, эти камеры продаются для использования в частных домах, за последние годы их наверняка продано несколько тысяч, и, конечно, некоторые используются психически неуравновешенными людьми, но я пока не слышала, чтобы у кого-либо из-за такой вот камеры окончательно съехала крыша.

— Должно быть, дорогое удовольствие.

— Камера отсечения внешних воздействий? Безусловно. Но те, что устанавливаются в частных домах... новые игрушки для богатых, знаете ли.

— А с чего у кого-то может возникнуть желание купить такую камеру и установить ее дома?

— Помимо ярких галлюцинаций и активизации процесса мышления, все участники экспериментов сообщали о полном расслаблении и приливе жизненных сил после таких сеансов. После того как вы проведете час в такой камере, волны вашего мозга становятся точно такими же, как у буддийского монаха в состоянии глубокой медитации. Назовите это способом медитировать для ленивых. Не требуется ничему учиться, нет нужды ограничивать себя какими-либо религиозными принципами, залез в камеру, и наступает полное расслабление, которое так приятно после напряженного рабочего дня или недели.

— Но ваш муж использовал камеру не для расслабления.

— Это точно, — согласилась она.

— Тогда для чего она ему понадобилась?

— Я действительно не знаю. — Душевная боль вернулась в ее глаза, отразилась на лице.

— Я думаю, здесь была не только его лаборатория. Я думаю, ваша дочь жила в этой комнате. Я думаю, это была ее тюремная камера. И еще я думаю, что она спала в этом резервуаре каждую ночь, а иногда проводила в нем и сутки.

— Сутки? Нет. Это... невозможно.

— Почему?

— Потенциальный психологический вред, риск...

— Может, вашего мужа этот риск не волновал.

— Но она была его дочерью. Он любил Мелани. В этом я должна отдать ему должное. Он искренне ее любил.

— Мы нашли дневник, в котором ваш муж описывал каждую минуту жизни вашей дочери в течение последних пяти с половиной лет.

Она сощурилась:

— Я хочу его видеть.

— Буквально через минуту. Я еще не успел тщательно его изучить, но не думаю, что ваша дочь за эти пять с половиной лет хоть раз покинула стены этого дома. Не ходила ни в школу, ни к врачу, ни в кино или зоопарк, никуда. И пусть вы говорите, что это невозможно, из прочитанного мною следует, что иногда она не покидала этот резервуар трое или четверо суток кряду.

— Но еда...

— Не думаю, что ее в это время кормили.

— Вода...

— Может, она пила то, в чем плавала.

— Ей приходилось справлять естественную нужду.

— Из того, что я прочитал, следует, что иногда ее выпускали из резервуара на десять или пятнадцать минут, чтобы воспользоваться туалетом. Но в других случаях, думаю, он использовал катетер, чтобы она могла мочиться в закрытый сосуд и не загрязнять жидкость, в которой плавала.

Лаура обомлела.

Выдерживая паузу, чтобы дать ей возможность прийти в себя, и потому, что его самого мутило от этой лаборатории, Дэн увел ее от резервуара к другой Установке.

— Она предназначена для контроля деятельности мозга, — объяснила Лаура. — Включает ЭЭГ, электроэнцефалограф, который записывает излучаемые мозгом волны. Электроэнцефалограмма позволяет определить характер мозговых волн и, следовательно, состояние мозга.

— Насчет ЭЭГ я знаю. А вот это что?

Он указывал на деревянный стул с подлокотниками, с которого свисали кожаные ремни и провода, заканчивающиеся электродами.

Лаура Маккэффри осмотрела стул, и Дэн почувствовал, как в ней поднимается волна отвращения... и ужаса.

— Это устройство для болевой терапии.

— А мне кажется, что это электрический стул.

— Так и есть, только этот стул не убивает. И электрический ток поступает от этих аккумуляторов, а не из розетки, подключенной к сети. Вот этот рычаг... — она коснулась рычага, закрепленного на боковой поверхности сиденья, — регулирует подаваемое напряжение. Можно и чуть пощекотать, и дать сильный разряд.

— Это стандартный инструмент психологических исследований?

— Святой боже, нет!

— Вы уже видели такой в лаборатории?

— Однажды. Ну... два раза.

— Где?

— У одного беспринципного ученого, изучавшего психологию животных, которого я когда-то знала. Он использовал болевую терапию в экспериментах с мартышками.

— Пытал их?

— Я уверена, что он трактовал свои действия иначе.

— Так работают все ученые, изучающие психологию животных?

— Я же говорю, он был беспринципным. Послушайте, надеюсь, вы — не один из новых луддитов, которые думают, что все ученые дураки или монстры?!

— Я — нет. Когда я был маленький, всегда смотрел передачу «Мистер Мудрец».

Ей удалось выдавить из себя слабую улыбку:

— Не хотела на вас кричать.

— Я понимаю. Вы сказали, что видели такой стул дважды. Второй раз — это где?

Остатки улыбки исчезли бесследно.

— Второй раз я видела его на фотографии.

— Да?

— В книге о... научных экспериментах в нацистской Германии.

— Вот оно что.

— Они использовали его в экспериментах на людях.

Он замялся. Но не мог не сказать:

— Так же, как и ваш муж.

Взгляд Лауры Маккэффри говорил о том, что она ему не верит, более того, просто отказывается поверить. Ее лицо посерело.

— Думаю, он сажал вашу дочь на этот стул...

— Нет.

— ...и он, и Хоффриц, и еще бог знает кто...

— Нет.

— ...пытали ее, — закончил Дэн.

— Нет.

— В дневнике, о котором я вам говорил, есть соответствующие записи.

— Но...

— Я думаю, они использовали... как вы это называли, «болевою терапию» для того, чтобы научить ее контролировать рисунок волн своего мозга.

При мысли о Мелани, привязанной к этому стулу, Лаура Маккэффри едва не лишилась

чувств. Ее кожа более не была серой, она становилась все белее и белее, приобретая трупную бледность. Глаза запали, вдруг стали тусклыми. Лицо мгновенно осунулось. «Но... это бессмысленно. Болевая терапия — наименее результативный метод обретения контроля над мозговыми волнами».

Дэну хотелось обнять ее, прижать к груди, погладить по волосам, успокоить. Поцеловать. Он нашел ее привлекательной, как только увидел, но до этого момента не испытывал к ней романтических чувств. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Он не мог равнодушно пройти мимо беспомощного котенка или сломанной куклы, ему всегда хотелось помочь потерявшимся, слабым, попавшим в беду. И всегда дело заканчивалось одинаково: потом он жалел, что ввязался. Лаура Маккэффри поначалу не привлекала его из-за уверенности в себе, самообладания, выдержки. Но, как только она начала давать слабину, более не могла скрывать страх и замешательство, его так и потянуло к ней. Ник Хэммонд, другой детектив отдела расследования убийств и большой говнюк, как-то обвинил Дэна в том, что у него сильно развит материнский инстинкт, и, пожалуй, попал в десятку.

«Что это со мной? — думал Дэн. — Почему я настаиваю на том, чтобы изображать из себя странствующего рыцаря, постоянно пребывающего в поисках попавшей в беду дамы? Я едва знаю эту женщину, но уже хочу, чтобы она полностью доверилась мне, возложила на мои плечи все свои надежды и страхи. Да, мэм, вы можете рассчитывать только на Большого Дэна Холдейна, и ни на кого другого. Большой Дэн поймает этих злодеев и склеит ваш разбитый мир. Большому Дэну это по силам, мэм, пусть сердцем он еще идиот-подросток».

Нет. Не в этот раз. У него есть работа, и он должен ее сделать, но полагаясь исключительно на профессионализм. Никаких личных чувств. И потом, нужен ли он этой женщине? Ее образование не чета его. И сам он ей не ровня. Она идет по разряду бренди, тогда как он — пива. А кроме того, сейчас не время для романтики. Она слишком ранима. Волнуется из-за дочери, мужа только что убили. Его насильственная смерть не может не подействовать на нее, пусть даже она давно разлюбила этого человека. Да и какой мужчина может в такой момент избрать ее объектом своих романтических возжеланий. Стыдно, дорогой мой. И однако...

Он вздохнул:

— Возможно, внимательно изучив дневник вашего мужа, вы сможете доказать, что он не сажал вашу дочь на этот стул. Но я так не думаю.

Она стояла столбом, испуганная, потерянная.

Он подошел к стенному шкафу, распахнул дверцы, открыв взгляду джинсы, свитера, футболки, туфли кроссовки — размером на девятилетнюю девочку.

Все серое.

— Почему? — спросил Дэн. — Что он надеялся доказать? Чего пытался добиться от малышки?

Женщина покачала головой, от горя она не могла произнести ни слова.

— И вот о чем еще я думаю, — продолжил Дэн. — На шесть лет такой жизни у него должна была уйти сумма большая, чем та, что он снял с ваших общих банковских счетов, когда бросил вас. Гораздо большая. Однако он нигде не работал. Никуда не выходил. Возможно, деньги ему давал Вильгельм Хоффриц. Но наверняка и другие вносили свою лепту. Кто? Кто финансировал эти исследования?

— Понятия не имею, — ответила она.

— И почему? — задал он еще один вопрос.

— И куда они увезли Мелани? — У Лауры тоже нашлись вопросы. — И что сейчас делают с ней?

5

Кухня не была грязной, но и не сверкала чистотой. Раковину заполняла гора использованной посуды. На столе, который стоял у единственного окна, хватало крошек.

Лаура присела к столу, смахнула часть крошек на пол. Ей не терпелось заглянуть в дневник, в который Дилан записывал свои эксперименты с Мелани. А вот Холдейн не торопился передавать ей дневник, большущую книгу в дерматиновом переплете. Расхаживал по кухне, не выпуская ее из рук, и продолжал задавать вопросы.

Капли дождя били в окно и стекали по стеклу. Иногда вспышка молнии освещала ночь, и тогда тени бегущих по стеклу струек проецировались на стены. В такие моменты очертания кухни расплывались, она становилась полупрозрачной, напоминая мираж.

— Я хочу узнать о вашем муже как можно больше.

— Например.

— Почему вы решили развестись с ним?

— Это имеет отношение к вашему расследованию?

— Вполне вероятно.

— Каким боком?

— Во-первых, если в этой истории замешана еще одна женщина, она, возможно, сможет рассказать нам о том, что он тут делал. Может, даже скажет, кто его убил.

— Другой женщины не было.

— Тогда почему вы решили развестись с ним?

— Просто... я его больше не любила.

— Но в свое время вы его любили.

— Да. Но он уже не был тем мужчиной, за которого я выходила замуж.

— И когда же он изменился?

Лаура вздохнула:

— Он не менялся. Никогда не был тем мужчиной, за которого я выходила замуж. Я только думала, что был. Потом, по прошествии какого-то времени, мне стало ясно, что я его совершенно не понимала, принимала за другого, с самого начала.

Холдейн перестал ходить, прислонился к разделочному столику, сложил руки на груди, держа в одной дневник.

— И в чем же вы его не понимали?

— Ну... во-первых, тут нужно сказать пару слов обо мне. Ни в школе, ни в колледже я не пользовалась успехом. Меня не так уж часто приглашали на свидания.

— Должен признать, в это трудно поверить.

Она покраснела. Ей бы, конечно, хотелось контролировать цвет своего лица, но не получилось.

— Это правда. Я была невероятно застенчива. Избегала юношей. Избегала всех. У меня не было и близких друзей.

— И никто не говорил вам, каким нужно пользоваться зубным эликсиром или шампунем из одуванчиков?

Она улыбнулась его попытке настроить ее на нужную волну, но разговор о себе никогда не давался ей легко.

— Я никого не хотела подпускать к себе, думала, что не понравлюсь им, а если бы меня отвергли, я бы этого не перенесла.

— А почему вы могли кому-то не понравиться?

— Ну... для них я могла быть недостаточно остроумна, недостаточно умна, недостаточно красива.

— Я не могу сказать, остроумная вы женщина или нет. Боюсь, это место не располагает к остроумию. Но в отношении вашего высокого интеллекта сомнений нет. Вы же защитили докторскую диссертацию. И я не понимаю, кого, кроме красавицы, вы можете увидеть, посмотревшись в зеркало.

Она оторвала глаза от усыпанного крошками стола. Встретилась с прямым, теплым, открытым взглядом лейтенанта, в котором не было ничего наглого, ничего оскорбительного. Холдейн говорил, как полицейский, не делая никаких допущений, выкладывая только факты. И однако под маской профессионализма она уловила что-то личное. Его явно влекло к ней. И

от этого влечения ей стало как-то не по себе.

Смутившись, она перевела взгляд на залитое дождем окно.

— Тогда я страдала сильнейшим комплексом неполноценности.

— Почему?

— Мои родители.

— Разве бывает по-другому?

— Бывает. Иногда. Но в моем случае... в основном моя мать.

— Расскажите о них.

— К делу это не имеет никакого отношения. Да и потом, их уже нет.

— Они умерли?

— Да.

— Я сожалею.

— Напрасно. Я — нет.

— Понимаю.

Лучше бы она не произносила последние фразы. К собственному удивлению, она вдруг поняла, что хочет произвести на него хорошее впечатление. С другой стороны, она еще не могла найти в себе силы, чтобы рассказать ему о своих родителях и лишенном любви детстве.

— Что же касается Дилана... — Она замолчала, не могла вспомнить, а на чем они остановились.

— Вы говорили мне, что с самого начала приняли его за другого человека, — подсказал Холдейн.

— Видите ли, я так поднаторела в умении отталкивать от себя людей, восстанавливать всех против себя и прятаться в собственном коконе, что меня обходили на пушечный выстрел. Особенно юноши... и мужчины. Я знала, как дать им от ворот поворот. До того, как появился Дилан. Он не сдавался. Продолжал приглашать меня на свидания. Как бы часто я ни отказывала ему, приходил снова. Моя застенчивость не останавливала его. Грубость, безразличие, холодность — ничего не помогало. Он преследовал меня. Не желал отказаться от меня. Я стала для него навязчивой идеей. Но в этой навязчивости не было ничего пугающего, только сентиментальность. Он посылал мне цветы, конфеты, снова цветы, однажды большущего плюшевого медведя.

— Плюшевого медведя для молодой женщины, которая пишет докторскую диссертацию? — спросил Холдейн.

— Я же упомянула про сентиментальность. Он писал мне стихи и подписывался «Тайный поклонник». Банальность, конечно, но на женщину, которая в двадцать шесть лет от силы несколько раз целовалась и нацеливалась в старые девы, это действовало. Он стал первым, которому удалось показать мне, что я... особенная.

— Он пробил брешь в ваших оборонительных редутах.

— Черт, он их просто смел.

Стоило ей произнести эти слова, как то время и те чувства вернулись, необычайно живые и сильные. А с воспоминаниями пришла грусть, потому что ожидания не сбылись. Слишком уж она оказалась наивной.

— Позже, когда мы уже поженились, я узнала, что страсть и пыл Дилана предназначены не только мне. Нет, других женщин не было. Но с той же страстностью, с какой он преследовал Дилан отдавался любому своему увлечению. Исследования, связанные с изменением человеческого поведения, оккультизм, скоростные автомобили с мощным двигателем, всему он отдавал себя без остатка, щедро растрачивая ту энергию, с которой ранее добивался моего благорасположения.

Она вспомнила, как волновалась из-за Дилана... о том влиянии, которое он окажет на Мелани. В какой-то степени и развестись она захотела потому, что опасалась, как бы Мелани не передалась импульсивная одержимость ее мужа.

— Например, он решил построить за домом настоящий японский сад и многие месяцы

отдавал этому саду все свое свободное время. Стремился довести его до совершенства. Каждый цветок, каждое растение, каждый камень, все должно было быть идеальным. Каждое деревцо должно было иметь те же пропорции и располагаться так же гармонично, как в примерах, которые приводились в книгах по классическому восточному садоводству. Он ожидал, что этот проект увлечет и меня, как и все его остальные проекты. Но я не могла увлечься, как он. Да и не хотела. А кроме того, при его фанатичном стремлении к совершенству, все, что я делала для него, из забавы постепенно превращалось в тяжелый труд, за который мне платили только придирками да насмешками. Никогда раньше мне не встречались столь одержимые люди. И хотя Дилан постоянно увлекался чем-то новым, он не получал от своих увлечений ни удовольствия, ни радости. Потому что на радость у него просто не оставалось времени.

— Получается, что жизнь с ним была далеко не сахар, — вставил Холдейн.

— Господи, да! Через год-полтора его увлеченность перестала быть заразной, потому что он постоянно переключался с одного на другое, и ни один здравомыслящий человек не может постоянно жить в таком напряжении. Он перестал интриговать, вселять энергию, бодрость. Он... стал утомлять. Сводить с ума. Ни минуты покоя, никакой возможности расслабиться. К тому времени я заканчивала докторскую диссертацию по психиатрии, проходила курс психоанализа, необходимое условие для тех, кто хотел стать практикующим психиатром, и наконец поняла, что у Дилана далеко не все в порядке с психикой и я имею дело отнюдь не со сверхэнергичным человеком, которому просто не сидится на месте. Я старалась убедить его обратиться к психоаналитику, но это мое предложение не вызвало у него энтузиазма. И наконец я сказала ему, что хочу с ним развестись. Он не дал мне времени, чтобы заполнить соответствующие бумаги. На следующий день снял деньги с наших общих банковских счетов и ушел с Мелани. Мне следовало предугадать, что так и будет.

— Почему?

— Потому что Мелани он был одержим так же, как и остальным. В его глазах она была самым прекрасным, самым удивительным, самым умным ребенком, какой только ходил по этой земле, и он всегда следил за тем, чтобы она была идеально одета, идеально ухожена, идеально воспитана. Ей было только три годика, но он уже учил ее читать, пытался учить французскому. В три годика! Он говорил, что малышам учеба дается легко. Это правда. Но он делал это не для Мелани. О нет! Ни в коем разе. Он думал только о себе, о том, что у него будет ребенок-совершенство. Он не выносил даже мысли о том, что его дочь не будет самой красивой, самой умной, самой потрясающей девочкой для всех, кто мог ее увидеть.

Они помолчали.

Дождь заливал окно, барабанил по крыше, потоки воды бежали по сливным канавам.

— Такой человек мог... — прервал паузу Холдейн.

— Мог экспериментировать на собственной дочери, мог подвергать ее пыткам, если думал, что все это пойдет ей только на пользу. Или если увлекся серией экспериментов, в которых роль подопытного кролика отводилась ребенку.

— Господи! — В голосе Холдейна слышались отвращение, шок, жалость.

К собственному удивлению, Лаура заплакала. Детектив подошел к столу. Отодвинул стул, сел рядом с ней.

Она вытерла глаза бумажной салфеткой. Холдейн положил руку ей на плечо:

— Все будет хорошо.

Она кивнула, высморкалась.

— Мы ее найдем.

— Боюсь, она мертва.

— Она жива.

— Я боюсь.

— Не нужно бояться.

— Ничего не могу с собой поделать.

— Я знаю.

* * *

Полчаса (лейтенанту Холдейну хватало дел в других комнатах) Лаура читала написанный от руки дневник Дилана, по существу, подробное описание дней и ночей, которые Мелани провела в этом доме.

К тому времени, когда детектив вернулся на кухню, Лаура была ни жива ни мертва от ужаса.

— Это правда. Они прожили здесь как минимум пять с половиной лет, во всяком случае, столько времени он вел дневник, и Мелани, насколько я поняла, ни разу не выходила из дома.

— И она каждую ночь спала в камере отсечения внешних воздействий, как я и думал?

— Да. Вначале восемь часов каждую ночь. Потом восемь с половиной. Девять. К концу первого года проводила в камере по десять часов ночью и еще два — во второй половине дня.

Лаура захлопнула дневник. Один только вид аккуратного почерка Дилана приводил ее в ярость.

— Что еще?

— С самого утра она час медитировала.

— Медитировала? Такая маленькая девочка? Да она не могла знать даже значения этого слова.

— По сути, медитация не что иное, как направление разума внутрь себя, отсечение материального мира, поиск покоя через внутреннее уединение. Я сомневаюсь, что он учил Мелани буддистской медитации или любой другой, основанной на философских или религиозных принципах. Скорее всего, он учил ее, как сидеть неподвижно, уходить в себя и ни о чем не думать.

— Самогипноз.

— Да, конечно.

— Но зачем он ее этому учил?

— Не знаю.

Она поднялась со стула, нервная, взволнованная. Не могла усидеть на месте, ей хотелось двигаться, ходить, расходовать энергию, которая так и рвалась из нее. Но кухня была слишком мала. Пять шагов, и Лаура уперлась бы в стену. Она направилась к двери в коридор, но остановилась, осознав, что не сможет пройти через дом, мимо тел, по крови, мешая полицейским и сотрудникам службы коронера. Прислонилась к разделочному столику, взялась за край руками, яростно сжала, словно надеялась, что тем самым избавится от части своей нервной энергии, «сошьет» ее в керамическую поверхность.

— Каждый день после медитации Мелани проводила несколько часов, обучаясь методам управления волнами, которые излучает мозг.

— Сидя на электрическом стуле?

— Думаю, что да. Но...

— Но что?

— Электрический стул использовался не только для этого. Я думаю, с его помощью она училась не чувствовать боли.

— Повторите еще раз.

— Я думаю, Дилан использовал электрический шок, чтобы научить Мелани блокировать боль, выдерживать, игнорировать, как это делают восточные мистики, те же йоги.

— Зачем?

— Может, для того, чтобы позднее блокировка боли позволила ей проводить больше времени в камере отсечения внешних воздействий.

— Так в этом я не ошибся?

— Нет. Он постепенно увеличивал время ее пребывания в камере, и к третьему году она иной раз оставалась на плаву трое суток. К четвертому году — четверо или пятеро суток. А совсем недавно... буквально на прошлой неделе, он продержал ее в камере семь суток.

— С катетером?

— Да. И на капельнице, через которую в вену подавался раствор глюкозы, чтобы избежать слишком большой потери веса и обезвоживания организма.

— Святой боже.

Лаура промолчала. Она с трудом сдерживала слезы. Ее мутило. Глаза жгло, словно в них насыпали песку. Лицо горело. Она подошла к раковине, открыла холодную воду, которая полилась на груды грязной посуды. Подставила под струю сложенные лодочкой ладони, плеснула в лицо. Оторвала несколько сухих полотенец от рулона, который висел на стене, вытерла лицо и руки.

Лучше ей не стало.

— Он хотел научить ее противостоять боли, чтобы она легче выдерживала удлиняющиеся периоды пребывания в камере. — Холдейн словно размышлял вслух.

— Возможно. Но уверенности в этом нет.

— Но какие болевые ощущения может вызвать пребывание в этом резервуаре? Я думал, физических ощущений при этом нет вовсе. Вы сами так говорили.

— При нормальной продолжительности пребывания болевых ощущений нет. Но, если вы собираетесь продержать человека в камере отсечения внешних воздействий несколько дней, может начать трескаться кожа. Начнут появляться язвы.

— Ага.

— И этот чертов катетер. В вашем возрасте у вас, скорее всего, не было столь тяжелого заболевания, чтобы вам ставили катетер.

— Нет, никогда.

— Видите ли, через пару дней катетер вызывает воспаление уретры. Это болезненно.

— Могу себе представить.

Ей хотелось выпить. Она практически не пила. Разве что изредка позволяла себе бокал вина. «Мартини». Но сейчас она бы с радостью напилась.

— К чему он стремился? — спросил Холдейн. — Что пытался доказать? Зачем он все это с ней проделывал?

Лаура пожала плечами.

— Должна же у вас возникнуть хоть какая-то идея.

— Никакой. В дневнике не описываются эксперименты, нет ни слова о его намерениях. Это всего лишь описание каждодневного состояния, с указанием продолжительности эксперимента и установки, на которой он проводился.

— Вы видели бумаги в его кабинете, разбросанные по полу. В них наверняка больше информации, чем в дневнике. Может, из них мы что-то узнаем?

— Возможно.

— Я просмотрел несколько листов, но мало что смог разобрать. Технический язык, психологический жаргон. Для меня это что греческий. Если я сделаю ксерокопии, сложу их в ящик и пришлю вам через пару дней, вы сможете их просмотреть, систематизировать, высказать свое мнение?

Она замялась:

— Я... не знаю. Мне и от дневника стало дурно.

— Разве вы не хотите знать, что он делал с Мелани? Если мы ее найдем, вы должны это знать. Иначе не сможете избавить ее от психологической травмы, нанесенной ей пребыванием в этом доме.

Он говорил правильно. Для того чтобы подобрать правильное лечение, ей предстояло проникнуть в кошмар дочери и сделать его своим.

— А кроме того, в этих бумагах могут быть какие-то зацепки, которые позволят

определить, с кем он работал, кто мог его убить. Если нам удастся это выяснить, мы, возможно, сможем понять, кто и куда увез Мелани. Не исключено, что в бумагах вашего мужа вы найдете ту самую крупинку информации, которая поможет нам найти вашу дочь.

— Хорошо, — устало ответила она. — Когда вы подготовите ксерокопии, отправьте их мне домой.

— Я понимаю, это будет нелегко.

— Вы чертовски правы.

— Я хочу знать, кто финансировал пытки маленькой девочки во имя каких-то там исследований. — Лауре показалось, что в голосе лейтенанта слышится жажда мщения, которую не положено выказывать слуге закона. — Я очень хочу это знать.

Он хотел сказать что-то еще, но в этот момент в кухню из коридора вошел полицейский.

— Лейтенант?

— В чем дело, Фил?

— Вы ищете маленькую девочку, не так ли? — Да.

— Похоже, ее нашли.

Сердце Лауры словно сжали железные пальцы. Грудь пронзила боль. Она хотела задать самый важный для нее вопрос, но не смогла, потому что горло не пропускало воздух, а язык и губы не желали пошевеливаться.

— Сколько лет? — спросил Холдейн. Лаура хотела задать совсем другой вопрос.

— Они полагают, восемь или девять.

— Приметы? — спросил Холдейн. Опять не тот вопрос.

— Каштановые волосы. Зеленые глаза, — ответил полицейский.

Оба мужчины повернулись к Лауре. Она знала, что смотрят они на ее каштановые волосы и зеленые глаза.

Попыталась что-то сказать. Но дар речи не возвращался.

— Живая? — это был тот самый вопрос, который не удалось озвучить Лауре.

— Да, — кивнул полицейский. — Патрульная машина засекла ее в семи кварталах отсюда.

Горло разжалось, язык и губы обрели подвижность.

— Она жива? — Лаура боялась поверить услышанному.

Полицейский кивнул:

— Да. Я же сказал. Жива.

— Когда? — спросил Холдейн.

— Полтора часа тому назад. Холдейн побагровел.

— И за это время никто мне не сказал. Черт побери!

— Ее же заметил обычный патруль. Они понятия не имели, что девочка как-то связана с этим расследованием. Это выяснилось несколько минут тому назад.

— Где она? — спросила Лаура.

— В «Вэлью медикэл».

— В больнице? — Сердце Лауры заколотилось о ребра. — Что с ней? Она ранена? Как сильно?

— Не ранена, — ответил коп. — Насколько я понял, ее нашли бредущей по улице, голую, словно в трансе.

— Голую, — повторила Лаура. Вернулся страх, связанный с насильниками, растлителями малолетних. Она привалилась к разделочному столику, вновь ухватила пальцами за край, боясь, что ноги не удержат ее и она сползет на пол, попыталась глубоко вдохнуть, но горло опять перехватило. — Голую?

— Она не понимала, где находится, не могла говорить, — продолжил Фил. — Они подумали, что она в шоке, а может, под действием наркотиков, и отвезли ее в больницу.

Холдейн взял Лауру за руку:

— Поехали. Не будем терять времени.

— Но...

— Что «но»?

Она облизала губы.

— А если это не Мелани? Я не могу обретать надежду, чтобы тут же ее потерять.

— Это она, — настаивал лейтенант. — Здесь мы потеряли девятилетнюю девочку, в семи кварталах отсюда они ее нашли. Таких совпадений не бывает.

— Но если...

— Доктор Маккэффри, что с вами?

— Что, если это не конец кошмара?

— Не понял.

— Что, если это только начало?

— Вы спрашиваете меня, думаю ли я, что... после шести лет пыток...

— Думаете ли вы, что она сможет стать нормальной девочкой? — У Лауры сел голос.

— Не надо сразу ожидать худшего. Надежда есть всегда. Вы ничего не узнаете наверняка, пока не увидите ее, не поговорите с ней.

Лаура упрямо покачала головой:

— Нет. Не сможет она стать нормальной. Не сможет после того, что сделал с ней родной отец. После стольких лет насильственной изоляции. Она, должно быть, очень больная маленькая девочка, с сильнейшим психическим расстройством. И нет даже одного шанса на миллион, что она станет нормальной.

— Нет, — мягко ответил он, понимая, что голословные утверждения обратного только разозлят Лауру. — Едва ли мы увидим здоровенькую, полностью адаптированную к действительности девочку. Она будет больной, испуганной, возможно, замкнувшейся в собственном мире. Достучаться до нее будет сложно, может, и не удастся. Но вы не должны забывать об одном.

Лаура встретила с ним взглядом.

— О чем?

— Вы ей нужны.

Лаура кивнула.

Они покинули залитый кровью дом. Дождь все лил, ночь осветила молния, сопровождаемая громовым раскатом.

Холдейн усадил ее в седан. Поставил на крышу мигалку. Они помчались в «Вэлью медикэл» с включенными мигалкой и сиреной, в шипении шин по залитому водой асфальту, с летящими из-под колес брызгами.

6

В отделении интенсивной терапии дежурил Ричард Пантагельо, молодой врач с густыми темными волосами и аккуратной темно-русой бородкой. Он встретил Лауру и Холдейна в приемном отделении и повел их в палату девочки.

Шли они по пустынным коридорам, лишь изредка им попадались скользкие, словно призраки, медицинские сестры. В десять минут пятого утра в больнице царил тишина.

На ходу доктор Пантагельо тихим голосом, почти шепотом, вводил их в курс дела:

— У девочки нет ни переломов, ни порезов, ни ссадин. Только один синяк, на правой руке. Прямо над веной. Судя по характеру синяка, я бы сказал, что он — результат неумелого введения иглы для внутривенного вливания.

— В каком она состоянии? — спросил Холдейн.

— Я бы сказал, что она в трансе. Никаких признаков травмы головы нет, хотя с того самого момента, как ее привезли в больницу, она не может или не хочет говорить.

Подстраиваясь под ровный тон врача, но не в силах полностью изгнать озабоченность из голоса, Лаура спросила:

— Как насчет... изнасилования?

— Я не смог найти ни одного признака надругательства над девочкой.

Они обогнули угол и остановились перед закрытой дверью в палату 256.

— Она там. — Доктор Пантагельо сунул руки в карманы белого халата.

Лаура все еще обдумывала ответ врача на ее вопрос об изнасиловании.

— Вы не нашли признаков надругательства над девочкой, но это не означает, что ее не могли изнасиловать.

— Никаких следов спермы в вагинальном тракте. Ни синяков, ни кровотечения на половых губах или стенках влагалища.

— Так и должно быть, если она не один год была жертвой растлителей малолетних.

— Разумеется. Но ее девственная плева не тронута.

— Значит, ее не насиловали, — подвел черту Холдейн.

У Лауры вновь сжалось сердце, когда она увидела печаль и жалость в добрых карих глазах врача. И в голосе, когда он заговорил, звучала печаль:

— С ней не совершался нормальный половой акт, в этом можно не сомневаться. Но... разумеется, я не могу этого утверждать. — Он откашлялся.

Лаура видела, что этот разговор дается молодому доктору ничуть не легче, чем ей. Она хотела, чтобы он замолчал, но понимала, что должна услышать все, должна знать все, а его обязанность — рассказать обо всем.

Прокашлявшись, он продолжил с того места, где остановился:

— Я не могу полностью исключить оральный секс.

Горестный бессловесный вскрик сорвался с губ Лауры.

Холдейн взял ее за руку, и она привалилась к нему.

— Спокойно. Спокойно. Пока мы даже не знаем, что это Мелани.

— Она, — мрачно ответила Лаура. — Я уверена, что она.

Лаура хотела увидеть дочь, ей не терпелось встретиться с ней после стольких лет разлуки. Но она боялась открыть дверь и войти в палату. За порогом ее ждало будущее, и она страшилась того, что в этом будущем ее ждет только душевная боль и отчаяние.

Медсестра прошла мимо, не взглянув на них, намеренно избегая их взглядов, не желая соприкасаться с еще одной трагедией.

— Мне очень жаль. — Пантагельо вытащил руки из карманов халата. Хотел утешить Лауру, но, похоже, боялся прикоснуться к ней. Вместо этого взялся за стетоскоп, висевший на груди, повертел. — Послушайте, если это поможет... ну, по моему мнению, ее не растлевали. Я не могу этого доказать. Просто чувствую. А кроме того, растление малолетних обычно сопровождается синяками. Порезами, другими травмами. Отсутствие следов насилия указывает на то, что ее никто не трогал. Действительно, я готов на это поспорить. — Он улыбнулся. Ей хотелось верить, что улыбнулся, хотя улыбка эта больше смахивала на гримасу. — Готов поспорить на год моей жизни.

— Но, если к ней не прикасались, — Лаура глотала слезы, — почему она бродила по улицам голой?

Ответ пришел к ней до того, как Лаура закончила озвучивать вопрос.

— Должно быть, она находилась в камере отсечения внешних воздействий, когда в дом проник убийца или убийцы. В камере она находилась голая.

— Отсечение внешних воздействий? — Брови Пантагельо приподнялись.

Лаура повернулась к Холдейну.

— Может, поэтому ее и не убили вместе с остальными. Может, убийца не знал, что она там, в резервуаре.

— Возможно, — ответил Холдейн.

— И она выбралась из резервуара после ухода убийцы. — Затебившаяся у Лауры надежда начала набирать силу. — Увидела тела... всю эту кровь... зрелище очень травмирующее. Этим может объясняться ее нынешнее состояние, транс.

Пантагельо с любопытством посмотрел на лейтенанта Холдейна.

— Должно быть, вы ведете необычное расследование.

— Очень, — согласился детектив.

Внезапно у Лауры пропали все страхи. Она более не боялась открыть дверь в палату Мелани. Взялась за ручку, уже собралась толкнуть дверь.

Остановила ее рука доктора Пантагельо, опустившаяся ей на плечо.

— Еще один момент.

Лаура с замиранием сердца ждала, пока молодой врач подберет слова, чтобы сообщить последнюю плохую новость. Она знала, что новость будет плохой. Видела это по его лицу. Он был слишком неопытен, чтобы скрывать свои чувства за бесстрастной маской профессионала.

— Состояние, в котором она находится... ранее я назвал его «трансом». Но это не совсем верно. По существу, это практически кома. Такое состояние можно увидеть у детей-аутистов, когда они в максимальной степени уходят в себя.

Во рту у Лауры пересохло, как будто последние полчаса она ела песок. На языке появился металлический привкус страха.

— Продолжайте, доктор Пантагельо. Говорите прямо. Я сама врач. Психиатр. Что бы вы мне ни сказали, я выдержу.

Теперь он заговорил быстрее, слова полились потоком, словно он стремился как можно скорее поделиться с ней плохими новостями и умыть руки.

— Аутизм, психические расстройства в целом — не мой профиль. Очевидно, это по вашей части. Поэтому лучше мне вообще об этом не говорить. Но я хочу подготовить вас к тому, что ждет вас за дверью. Ее уход в себя, ее молчание, ее отстраненность... в общем. Я не думаю, что из этого состояния ее удастся вывести легко и быстро. Я думаю, она пережила что-то очень травмирующее и ушла в себя, чтобы отгородиться от воспоминаний. Чтобы вернуть ее в реальный мир, потребуется... невероятное терпение.

— А может, она уже не вернется? — спросила Лаура. Пантагельо покачал головой, подергал бородку, повертел стетоскоп.

— Нет, нет, я этого не говорил.

— Но вы об этом подумали.

Молчание послужило подтверждением.

Лаура открыла дверь и вошла в палату. Врач и детектив последовали за ней.

Дождь бил в единственное окно. Создавалось впечатление, будто по стеклу колотят крыльями сотни птиц, пытающихся вырваться из западни. Далеко в ночи, ближе к невидимому океану, дважды, трижды полыхнула молния и умерла в темноте.

Из двух кроватей ближайшая к окну пустовала, и в той половине палаты царил сумрак. Свет горел над второй кроватью, на которой лежала девочка, укрытая простыней, в обычном больничном халате. Ее голова покоилась на подушке. Часть кровати у изголовья приподняли вместе с верхней половиной тела лежащего ребенка, так что Лаура, переступив порог, сразу увидела лицо девочки.

Это была Мелани. Лаура в этом не сомневалась. Девочка унаследовала волосы матери, нос, аккуратный подбородок. А вот лоб и скулы достались ей от отца. Глаза были того же зеленого оттенка, что и у Лауры, но глубоко утопленными, как у Дилана. За шесть прошедших лет Мелани, конечно, изменилась. Лаура помнила ее совсем не такой, но установить личность позволяли скорее не внешние приметы, а нечто иное, неуловимое, возможно, аура, эмоциональная и даже психическая связь между матерью и дочерью, которая восстановилась, как только Лаура вошла в палату. Она знала, что перед нею ее маленькая девочка, а вот каким образом она это узнала, объяснить, пожалуй, если бы и смогла, то с трудом.

Мелани напоминала ребенка с плакатов международных организаций, борющихся с голодом или собирающих средства на поиск методов лечения какой-то редкой и пока еще смертельной болезни. Бледная кожа с нездоровым, сероватым оттенком, губы скорее серые, чем розовые, темные мешки под запавшими глазами, словно она размазывала слезы чернильным кулачком.

Да и сами глаза свидетельствовали о ее нездоровье. Она смотрела в пустой воздух над

собой, моргая, но ничего не видя... ничего в этом мире. В этих глазах не было ни боли, ни страха. Только опустошенность.

— Сладенькая, — обратилась к ней Лаура. Девочка не пошевелинулась. Глаза не дернулись.

— Мелани! Никакой реакции.

Лаура нерешительно двинулась к кровати.

Девочка не ощущала ее приближения.

Лаура опустила предохранительный поручень, наклонилась к ребенку, вновь позвала по имени и опять не добилась ответной реакции. Дрожащей рукой коснулась лица Мелани, горячего, как при повышенной температуре, и это прикосновение потрясло ее до глубины души. Дамба, сдерживающая эмоции, рухнула, Лаура схватила девочку, подняла с кровати, обнимая, крепко прижала к себе.

— Мелани, крошка, моя Мелани, теперь все будет хорошо, все будет хорошо, обязательно будет, ты в безопасности, со мной ты в безопасности, с мамой ты в безопасности, слава богу, в безопасности, слава богу. — И вместе со словами из глаз Лауры катились слезы, она плакала навзрыд, никого не стесняясь, как в последний раз плакала давным-давно, когда сама была ребенком.

Если бы Мелани тоже заплакала. Но нет. И не обняла мать. Лежала, обмякнув, в объятиях Лауры: податливое тело, пустая оболочка, не ведающая о любви, которую могла получить, неспособная принять поддержку и уход, предлагаемый матерью, отстраненная, остающаяся в своем собственном мире, потерянная.

* * *

Десять минут спустя, в коридоре, Лаура вытерла глаза двумя бумажными салфетками, высморкалась.

Дэн Холдейн ходил взад-вперед. Его ботинки поскрипывали по чисто вымытым виниловым плиткам. По выражению лица детектива Лаура догадалась, что он пытается подавить ярость, которую вызывали у него те, кто сотворил такое с Мелани.

Может, у копов было больше сострадания, чем она думала. У этого, к примеру.

— Я хочу оставить Мелани в палате как минимум до второй половины завтрашнего дня, — нарушил молчание доктор Пантагельо. — Для наблюдения.

— Конечно, — кивнула Лаура.

— Когда она выпишется из больницы, ей потребуется психиатрическая помощь.

Лаура кивнула.

— Вот о чем я думаю... вы не собираетесь лечить ее сами, не так ли?

Лаура сунула мокрые салфетки в карман пиджака.

— Вы думаете, что лучше пригласить кого-то еще, квалифицированного, но постороннего психиатра?

— Да.

— Доктор, я понимаю, на чем вы основываетесь, и в большинстве случаев согласилась бы с вами, но не в этом.

— Но мать, лечащая своего ребенка, — вариант не из лучших. Вы будете более требовательно относиться к дочери, чем к обычному пациенту. И уж извините меня, но вполне возможно, что родительское воздействие — часть возникшей у ребенка проблемы.

— Да. Вы правы. Обычно. Но не на этот раз. Я не творила такого с моей маленькой девочкой. Я не имела к этому ни малейшего отношения. По существу, я для нее — такая же незнакомка, как и любой другой психиатр, но я могу уделить ей больше времени, окружить ее большей заботой, большим вниманием, чем кто бы то ни было. С другим врачом она будет еще одним пациентом. Но со мной — моим единственным пациентом. Я уйду из больницы Святого Марка. Я передам моих частных пациентов коллегам на несколько недель, а то и

месяцев. У меня не будет необходимости ожидать быстрого прогресса, потому что я не буду ограничена во времени. Я целиком посвящу себя Мелани. Она получит не только то, что я могу предложить как психиатр, как врач, но и мою материнскую любовь.

Пантагелью уже собрался предупредить еще о какой-то опасности принятого Лаурой решения, но в последний момент передумал.

— Тогда... удачи вам.

— Спасибо.

— Это большая работа, — сказал детектив после того, как врач ушел, оставив их в пустынном, пахнущем дезинфицирующим раствором коридоре.

— Я смогу с этим справиться.

— Уверен, что сможете.

— У нее все будет хорошо.

— Я очень на это надеюсь.

На сестринском посту в конце коридора дважды звякнул телефон.

— Я приказал прислать полицейского, — продолжил Холдейн. — На случай, что кто-то будет искать Мелани, если она стала свидетельницей убийств. Охрана не мешает. Во всяком случае, до второй половины завтрашнего дня.

— Спасибо, лейтенант.

— Вы останетесь здесь, не так ли?

— Да. Конечно. Где же еще?

— Надеюсь, ненадолго?

— На несколько часов.

— Вам нужно отдохнуть, доктор Маккэффри.

— Мелани нуждается во мне в большей степени. Да и я все равно не смогу уснуть.

— Но если завтра она отправится домой, разве вам не нужно подготовиться к ее приезду?

Глаза Лауры широко раскрылись.

— Ох! Я даже не подумала об этом. Я должна приготовить спальню. Она больше не сможет спать в детской кроватке.

— Вам лучше поехать домой, — мягко заметил он.

— Скоро поеду, — согласилась она. — Но не для того, чтобы спать. Я не могу спать. Оставлю Мелани одну лишь на время, которое понадобится мне, чтобы подготовиться к ее возвращению домой.

— Вы уж извините, что говорю об этом, но мне нужны образцы крови, вашей и Мелани.

Просьба удивила ее.

— Зачем?

Он помялся.

— Ну, по анализам крови, вашей, вашего мужа и девочки, мы сможем точно установить, что она — ваша дочь.

— В этом нет необходимости.

— Это наиболее простой способ...

— Я сказала, в этом нет необходимости, — раздраженно повторила Лаура. — Она — Мелани. Моя маленькая девочка. Я это знаю.

— Я понимаю, каково вам сейчас. — В голосе слышалось сочувствие. — Уверен, что она — ваша дочь. Но, поскольку вы не видели ее шесть лет, за которые она сильно изменилась, поскольку она не может говорить, мы должны иметь вещественные доказательства, а не только ваши инстинкты, иначе суд по делам несовершеннолетних отдаст ее под опеку штата. Вы этого не хотите, не так ли?

— Господи, нет.

— Доктор Пантагелью сказал мне, что образец крови девочки у них есть. На то, чтобы взять несколько кубических сантиметров вашей крови, потребуется лишь минута.

— Хорошо. Но... где?

— Рядом с сестринским постом процедурный кабинет.
Лаура с тревогой посмотрела на закрытую дверь палаты Мелани.
— Мы сможем побыть здесь до прихода полицейского?
— Конечно. — Он прислонился к стене. Лаура не сдвинулась с места, глядя на дверь. Молчание становилось все более невыносимым.
— Я была права, не так ли? — Лаура нарушила молчание вопросом.
— Насчет чего?
— Когда сказала, что кошмар не закончится после того, как мы найдем Мелани, а только начнется.
— Да. Вы не ошиблись. Но по крайней мере это начало.
Она знала, о чем он: они могли найти тело Мелани вместе с остальными телами, избитыми, изуродованными, мертвыми. Однако нашли живую Мелани. Будущее тревожило, пугало, вызывало массу вопросов, но это было будущее.

7

Дэн Холдейн сидел за столом, выделенным ему во временное пользование в полицейском участке Ист-Вэлью. На повидавшей виды деревянной поверхности хватало темных пятен, как от затушенных о стол сигарет, так и от разлитого горячего кофе. Но удобства Холдейна не интересовали. Он любил свою работу и мог заниматься ею хоть в палатке.

В этот предрассветный час в полицейском участке царил относительный покой. Большинство потенциальных жертв еще не проснулось, и даже преступникам требовался сон. Понятное дело, что численностью замогильная смена¹ значительно уступала дневной. Поэтому тишина в эти недолгие, оставшиеся до рассвета минуты нарушалась разве что стрекотом пишущей машинки да ударами швабры уборщицы о ножки пустующих столов. Где-то зазвонил телефон: даже в столь ранний час кто-то попал в беду.

Дэн раскрыл потрепанный брифкейс и разложил его содержимое по столу. Поляроидные фотографии трех тел, найденных в доме в Студио-Сити. Несколько листов, поднятых наугад с пола в кабинете Дилана Маккэффри. Показания соседей. Предварительные заключения коронера и департамента экспертно-технической поддержки (ОТП). И списки.

Дэн верил в списки. У него были списки содержимого ящиков столов, буфетов, стеновых шкафов дома, где совершились убийства, список названий книг, которые стояли на полках в гостиной, список телефонных номеров из блокнота, который лежал у телефонного аппарата в кабинете Маккэффри. И список фамилий, всех фамилий, которые встречались на листах или обрывках бумаги, найденных в доме в Студио-Сити. До завершения расследования он намеревался носить эти списки с собой, доставать их и просматривать в любой свободный момент, за ленчем, в туалете, в кровати, перед тем как выключить свет, чтобы дразнить свое подсознание, надеясь, что в какой-то момент ему удастся найти упущенную ранее важную связь.

Стэнли Холбайн, давний друг и бывший напарник из отдела расследований грабежей и убийств, однажды смутил Дэна, рассказав на рождественской вечеринке отдела длинную и забавную (а также не соответствующую действительности) историю о самых секретных списках Дэна, включая и тот, в который заносилось все съеденное на завтрак, обед и ужин, начиная с девятилетнего возраста, плюс время каждой дефекации и возникающие при этом ощущения. Дэн, красный как рак, слушал, улыбаясь, глубоко засунув руки в карманы, и в конце концов сделал вид, что ему хочется задушить Стэнли. Но в тот момент, когда он уже собрался броситься на своего друга, на пол выпали с полдюжину листков, которые он случайно, вытаскивая руки, достал из карманов, что вызвало гомерический хохот

¹ Замогильная смена — в полиции, и не только (в частности, на радиостанции круглосуточного вещания), с полуночи до восьми утра.

присутствующих, а Дэну пришлось срочно ретироваться в другую комнату.

Теперь же он бегло просмотрел последний комплект списков, смутно надеясь обнаружить что-то важное, какой-то ключевой для расследования момент. Ничего не обнаружилось, и он пошел по второму кругу, теперь уже более внимательно проглядывая каждый список.

Названия книг были сплошь незнакомы. Библиотека состояла из книг по психологии, медицине, естественным наукам, оккультизму. Почему ученый, доктор наук интересовался ясновидением, психическими силами и другими паранормальными феноменами?

Он просмотрел список фамилий. Ни одной знакомой.

И хотя в желудке жгло все сильнее, он раз за разом возвращался к фотографиям тел. За четырнадцать лет в УПЛА и четыре года в армии он насмотрелся на мертвых. Но с таким сталкивался впервые. Видел, во что превращались люди, которые наступали на противопехотные мины. Но даже они выглядели получше, чем эти.

Убийц, конечно же, их было несколько, отличала невероятная сила или нечеловеческая жестокость, а может, и то и другое. Жертв продолжали методично избивать и после того, как несчастные умерли, превращая тела в желе. Какие люди могли убивать со столь беспредельной злобой? Какая маниакальная ярость двигала ими?

Прежде чем он успел сосредоточиться на этих вопросах, послышались приближающиеся шаги.

К столу Дэна подходил Росс Мондейл, капитан участка, крепкий, широкоплечий мужчина ростом пять футов и восемь дюймов, с карими глазами, каштановыми волосами и бровями, в темно-коричневом костюме, бежевой рубашке, коричневом галстуке и туфлях. На правой руке он носил тяжелый перстень с ярким рубином, единственным цветовым пятном в облике, выдержанном в коричневых тонах.

Уборщица ушла. В большом зале они остались вдвоем.

— Ты все еще здесь? — спросил Мондейл.

— Нет, это моя картонная копия. А сам я в сортире, ширяюсь героином.

Мондейл не улыбнулся:

— Я думал, ты уже уехал к себе.

— Меня приписали к Ист-Вэлью. У смога здесь особый вкус.

Мондейл сердито глянул на него:

— Это сокращение фондов — постоянная головная боль. Раньше, если человек заболел или уходил в отпуск, мне было кем его заменить. А теперь мы должны приглашать людей с других участков, а нередко одалживать своих, хотя у них и тут полно работы. Это же просто кошмар.

Дэн знал, что Мондейл не возражал, если к нему в участок для каких-то расследований присылали кого-то еще. Просто он не любил Дэна. И антипатия была взаимной.

Они вместе учились в полицейской академии, а потом их свели в один патрульный экипаж. Дэн написал рапорт с просьбой дать ему другого напарника, но ничего не добился. И со временем лишь встреча с сумасшедшим, пуля в грудь и длительное пребывание в госпитале позволили Дэну добиться желаемого: вернувшись на службу, он получил нового и более надежного напарника. По натуре Дэн был патрульным. Ему нравилось находиться на улицах, в гуще событий. Мондейл, наоборот, тяготел к кабинетной службе. Умел подать себя и найти подход к нужным людям. Манипулятор, подхалим, льстец, он всегда держал нос по ветру, прекрасно разбирался во внутренних интригах и иерархии полицейского управления, стремился войти в доверие к тем высокопоставленным сотрудникам, которые могли сделать для него максимум возможного, и тут же отворачивался от бывших союзников, если они теряли власть. А кроме того, он умел находить общий язык как с политиками, так и с репортерами. Эти таланты помогали ему продвигаться по службе быстрее Дэна. Ходили слухи, что мэр прочил Росса Мондейла в начальники управления полиции Лос-Анджелеса.

Так что для Дэна у Мондейла не находилось добрых слов.

— У тебя пятно на рубашке, Холдейн.

Дэн опустил голову, увидел пятно цвета ржавчины размером с десятицентовик.

— Хот-дог с соусом «Чили».

— Знаешь, Холдейн, каждый из нас представляет целый участок. Наша обязанность... долг... делать все, чтобы у общественности складывалось о нас самое благоприятное впечатление.

— Ты прав. Больше не буду есть хот-доги с соусом «Чили». Только рогалики с черной икрой. Тогда пятна на рубашке будут совсем другого качества. Клянусь.

— У тебя привычка высмеивать всех вышестоящих офицеров?

— Нет. Только тебя.

— Мне это без разницы.

— Я так и думал.

— Слушай, я не собираюсь вечно терпеть твои выходки только потому, что мы вместе учились в академии.

Ностальгия не была причиной, по которой Мондейл терпел выходки Дэна, и оба это прекрасно понимали. Просто Дэн знал кое-что о Мондейле, и информация эта, став достоянием общественности, могла порушить карьеру капитана. Мондейл совершил некий проступок на втором году службы, когда они еще ездили в одной патрульной машине, и сведения эти стали бы праздником для любого шантажиста. Но Дэн не собирался использовать этот козырь против Мондейла. Да, он презирал капитана, но не мог заставить себя опуститься до шантажа.

Если бы их роли поменялись, Мондейл без всякого сожаления пошел бы на шантаж или разоблачение Дэна, в зависимости от того, что могло принести большую выгоду. И продолжающееся молчание Дэна ставило капитана в тупик, лишало спокойствия, заставляло при каждой их встрече вести себя с крайней осторожностью.

— А если конкретнее? — любопытствовал Дэн. — Как долго ты еще будешь терпеть мои выходки?

— Слава богу, не очень-то и долго. — Мондейл улыбнулся. — По окончании этой смены ты возвращаешься на свой участок.

Дэн откинулся на спинку старого стула, который протестующе заскрипел, закинул руки за голову, сплел пальцы на затылке.

— К сожалению, придется тебя разочаровать. Какое-то время я побуду здесь. Этой ночью я занимался убийством. Теперь это мое дело. Полагаю, до конца смены найти убийц мне не удастся. Так что я задержусь у тебя.

Улыбка капитана растаяла, как тает мороженое на раскаленной сковородке.

— Ты выезжал на тройное убийство в Студио-Сити?

— Ага, теперь я понимаю, почему ты приехал в участок в такую рань. Ты об этом услышал. Двух достаточно известных психологов убили при загадочных обстоятельствах, вот ты и решил, что пресса не оставит это расследование без внимания. Как тебе удастся так быстро все узнавать, Росс? Ты спишь, поставив рядом с кроватью полицейскую рацию?

Пропустив вопрос мимо ушей, Мондейл уселся на край стола.

— Есть зацепки?

— Нет. Зато могу показать фотографии жертв.

И удовлетворенно отметил, как кровь отхлынула от лица Мондейла, когда тот увидел изуродованные тела. Капитан даже не досмотрел снимки до конца. Положил на стол.

— Похоже, что грабители потеряли контроль над собой.

— Никакого взлома не было. Деньги мы нашли на каждом теле. Хватало наличных и в доме. Ничего не украли.

— Я этого не знал.

— Но ты должен знать, что грабители обычно убивают, когда загнаны в угол, и стараются это сделать быстро и чисто. Не так, как здесь.

— Всегда бывают исключения, — высокомерно возразил Мондейл. — Даже бабушки грабят банки.

Дэн рассмеялся.

— Но это правда.

— Ты великолепен, Росс.

— Но это правда.

— Моя бабушка банки не грабила.

— Я не говорил, *твоя* бабушка.

— То есть ты хотел сказать, что банки грабила *твоя* бабушка, Росс?

— Чья-то чертова бабушка это делает, и ты можешь поставить на спор свой зад.

— Ты знаком с букмекером, который берет ставки на то, что чья-то бабушка ограбит или не ограбит банк? Если можно выиграть приличные деньги, я, пожалуй, поставлю сотню баксов.

Мондейл слез со стола, поправил узел галстука:

— Я не хочу, чтобы ты здесь работал, сукин ты сын.

— Ты же помнишь старую песню «Роллинг стоунз», Росс. Не всегда можно получить то, что хочешь.

— Я могу отправить твой зад в Центральный участок, где ему самое место.

— Тебе не удастся отправить его без остальных частей моего тела, а остальные части намерены какое-то время побыть здесь.

Лицо Мондейла потемнело. Губы сжались и побелели. Казалось, еще чуть-чуть, и он бросится на Дэна с кулаками.

Но Дэн заговорил до того, как капитан успел совершить что-либо опрометчивое.

— Послушай, ты не можешь снять меня с расследования, которое я начал вести с самого начала, если я не напортачу. Ты знаешь, таковы правила. Но я не хочу собачиться с тобой. Меня это отвлекает. Поэтому давай заключим перемирие, а? Я тебя не цепляю, веду себя как пай-мальчик, а ты не путаешься у меня под ногами.

Мондейл молчал. Тяжело дышал и, похоже, не решался заговорить, опасаясь, что сболтнет лишнее.

— Мы не очень любим друг друга, но это не та причина, которая может помешать нам работать вместе, — добавил Дэн, чтобы окончательно успокоить Мондейла.

— Почему ты не хочешь отказаться от этого расследования?

— Потому что оно интересное. Большинство расследований убийств скучны. Муж убивает бойфренда жены. Какой-нибудь псих убивает женщин, которые напоминают ему мать. Один торговец наркотиками убивает другого торговца наркотиками. Я сталкивался с этим сотню раз. Наводит тоску. А вот здесь, думаю, что-то особенное. Вот почему я не хочу отдавать это расследование. В жизни нам всем необходимо разнообразие. Вот ты, Росс, носишь только коричневые костюмы, и это твоя ошибка.

Шпильку Мондейл проигнорировал.

— Так ты думаешь, на этот раз у нас громкое дело?

— Три убийства... ты не считаешь, что это привлечет внимание?

— Я имел в виду что-то действительно громкое. Вроде семьи Мэйсона или Душителя из Хиллсайда.

— Вполне возможно. Все зависит от того, как пойдет расследование. Но, да, я предполагаю, что это та самая история. Которая увеличивает продажу газет и повышает рейтинги новостных телепрограмм.

Мондейл задумался над словами Дэна, глаза его затуманились.

— Настаиваю я только на одном. — Дэн наклонился вперед, положил руки на стол, изобразил на лице суровость. — Если я буду вести это расследование, то не хочу тратить время на разговоры с репортерами, на интервью. И твоя задача — не подпускать этих мерзавцев ко мне. Пусть сколько хотят снимают кровавые пятна, чтобы им было что показать в дневном выпуске новостей, но рядом со мной их быть не должно. Общаться с ними — не по моей части.

Туман в глазах Мондейла рассеялся, он встретился с Дэном взглядом.

— Да, конечно, никаких проблем. От прессы иной раз одна головная боль. — Возможность покрасоваться перед телекамерами и побеседовать с репортерами Мондейла только радовала. — Я возьму их на себя.

— Отлично.

— И ты будешь докладывать результаты мне, никому, кроме меня.

— Естественно.

— Каждый день, подробный отчет.

— Как скажешь.

Мондейл смотрел на Дэна, не веря своей удаче, но и боясь ее спугнуть. Каждый человек любит помечтать. Даже Росс Мондейл.

— Учитывая нехватку сотрудников и все такое, разве тебе нечем заняться? — спросил Дэн.

Капитан направился к своему кабинету, остановился через пару шагов, обернулся.

— Пока у нас есть трупы двух достаточно известных психологов, а известным людям нравится узнавать всякие новости об известных людях. Так что ты сможешь выйти на другой уровень, отличный от того, на котором находился, когда расследовал убийства наркодилеров. А кроме того, это расследование привлечет пристальное внимание прессы. Так что мне, скорее всего, придется встречаться с начальником полицейского управления, членами комиссариата, может, даже с мэром.

— И что?

— Поэтому не наступай ни на чьи мозоли.

— Об этом не волнуйся, Росс, я никогда не стану танцевать с этими парнями.

Мондейл покачал головой: «Господи!» Дэн проводил капитана взглядом. А оставшись один, вернулся к спискам.

8

Небо просветлело, из черного стало серо-черным. Заря еще не выползла из своей норы, но уже подобралась к выходу из нее, и оставалось десять или пятнадцать минут до ее появления над холмистым горизонтом.

Автомобильная стоянка у «Вэлью медикэл» практически пустовала, темноту на ней разгоняли лишь редкие круги света от подвешенных на столбах натриевых ламп.

Сидя за рулем своего «Вольво», Нед Ринк сожалел о том, что ночь подходит к концу. Он предпочитал ночную жизнь, был совой, а не жаворонком. До полудня мало что соображал и лишь после полуночи становился самим собой. Такая особенность его организма программировалась на генном уровне, потому что в этом он ничем не отличался от своей матери. У них обоих биологические часы шли не так, как это бывает у большинства людей.

Тем не менее ночную жизнь он выбрал сознательно. В темноте чувствовал себя более уверенно, чем при свете дня. Он был уродлив и знал это. Понимал, что днем уродство это бросается всем в глаза, тогда как темнота смягчала его, делала менее заметным. Низкий покатый лоб Неда вроде бы указывал на недостаток ума, но на самом деле он был далеко не глуп. Маленькие глазки располагались слишком близко к крючковатому носу, а остальные черты словно вырубил топором. За широкие плечи, длинные руки и бочкообразную грудь, несоразмерные его росту (ныне пять футов и семь дюймов), его еще в детстве (дети, как известно, жестоки) прозвали Обезьяной. Он так нервно реагировал на их насмешки, что уже к тринадцати годам заработал язву желудка. Но теперь Нед Ринк никому не позволял насмехаться над собой. Теперь, если такой смельчак находился, Нед Ринк просто убивал его, вышибал мозги без малейшего колебания и не испытывая при этом никаких угрызений совести. Он нашел прекрасный способ борьбы со стрессом: язвы давным-давно зарубцевались и более его не беспокоили.

С пассажирского сиденья он взял черный «дипломат», в котором лежали белый врачебный халат, белое больничное полотенце, стетоскоп и полуавтоматический пистолет

«вальтер» с глушителем. Пули в патронах были с полыми наконечниками и с тефлоновым покрытием, от таких не спасали и пуленепробиваемые жилеты. Ему не пришлось открывать «дипломат», чтобы убедиться, что все на месте. Вышеуказанные предметы он уложил туда сам менее чем час тому назад.

Попав в вестибюль больницы, он намеревался напрямик пойти в общественный туалет, снять плащ, надеть белый халат, прикрыть пистолет полотенцем и подняться в палату 256, куда поместили девочку. Ринка предупредили, что около палаты может дежурить полицейский. Его это не смутило. Он знал, как устранить это препятствие. Он намеревался представиться врачом, под каким-то предлогом зазвать копа в палату девочки, где их не могли видеть медсестры, пристрелить сначала этого кретина, затем девочку. А потом сделать по контрольному выстрелу. Приложить ствол к уху каждому и нажать на спусковой крючок, чтобы гарантировать их смерть. Покончив с заданием, Ринк тут же покинул бы палату, спустился вниз, прошел в туалет, взял плащ и «дипломат» и ретировался из больницы.

План был предельно простым и четким, и Ринк не представлял себе, что могло бы помешать его реализации.

Прежде чем открыть дверцу и выбраться из «Вольво», он пристально оглядел стоянку, чтобы убедиться, что за ним не наблюдают. Хотя гроза ушла и дождь уже с полчаса как перестал, город был накрыт легким туманом, который что-то прятал, что-то искажал. Каждую выемку в асфальте наполняла вода, рябь на лужах (ветер все еще продолжал дуть) отражала желтый свет натриевых ламп.

Но, кроме тумана и ветра, в ночи вроде бы ничего не двигалось.

Ринк решил, что он один и его никто не видит.

На востоке серо-черное небо посветлело, начало приобретать розово-голубой оттенок. Заря готовилась показать свое лицо. Еще час, и спокойная ночная жизнь больницы сменится дневной суетой. Пришло время действовать.

Ринку не терпелось перейти к делу. Раньше он никогда не убивал ребенка. Вот и хотелось попробовать что-то новенькое.

9

Девочка проснулась, одна. Села на кровати, попыталась закричать. Рот широко открылся, мышцы шеи напряглись, кровяные сосуды в горле и на висках пульсировали от напряжения, но она не смогла издать ни звука.

Посидела с полминуты, сжимая в маленьких кулачках мокрую от пота простыню. С широко раскрытыми глазами. Но она смотрела и реагировала не на то, что находилось в палате. Ужас лежал за этими стенами.

На какие-то мгновения ее глаза очистились. Она уже понимала, что находится в какой-то комнате.

И тут впервые осознала, что она одна. Вспомнила, кем была, ей отчаянно захотелось, чтобы ее обняли, пригнали, успокоили.

— Привет? — прошептала она. — К-кто-нибудь? Кто-нибудь? Кто-нибудь? Мамик?

Если бы рядом находились люди, возможно, они бы захватили ее внимание и раз и навсегда отвлекли от тех ужасов, которые пугали ее. Но в палате она была одна и не смогла отделаться от кошмара, вонзившего в нее свои когти, так что глаза девочки вновь заволкло. И взгляд устремился куда-то далеко-далеко.

Наконец, отчаянно, безмолвно всхлипывая, она перебралась через предохранительный поручень и вылезла из кровати. Сделала несколько шагов. Опустилась на колени. Тяжело дыша, даже задыхаясь от страха, поползла в темную половину палаты, мимо пустующей кровати, в угол, где дружелюбные тени обещали защиту. Села спиной к стене, лицом к палате, подтянула колени к груди. Больничный халат заканчивался на бедрах. Она обхватила руками тоненькие ножки и сжалась в комок.

Оставалась в таком положении с минуту, а потом начала пищать и скулить, как

испуганное животное. Подняла руки и закрыла лицо, стремясь отсечь что-то отвратительное.

— Нет, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Учащенно дыша, паника все нарастала, она опустила руки и сжала кулаки. Забарабанила по груди, сильнее и сильнее.

— Нет, нет, нет, — повторяла она.

Была сильно, такие удары не могли не вызывать боли, но девочка ее не чувствовала.

— Дверь, — прошептала она. — Дверь... дверь... Пугали девочку не дверь в коридор или дверь в ванную. Она смутно воспринимала окружающий ее мир, вместо этого концентрируя свое внимание на том, что в этой комнате не мог видеть никто, во всяком случае, находясь в этой больничной палате.

Она подняла обе руки, выставила перед собой, словно уперлась ими в невидимую дверь, изо всех сил пытаясь удержать ее, не дать открыться.

— Не двигайся.

Слабенькие мышцы рук напряглись, но потом ее локти согнулись, словно невидимая дверь имела реальный вес и открывалась, несмотря на все ее усилия. Словно что-то большое неумолимо толкало дверь с другой стороны. Что-то большое и невероятно сильное.

Резко, ахнув, она метнулась из укутанного тенями угла, бросилась на пол. Заползла под пустую кровать. Она в безопасности. Или нет. Безопасности не найти нигде. Под кроватью она свернулась в клубок, приняла позу зародыша, что-то бормоча, пытаясь спрятаться от неведомой твари за дверью.

— Дверь, — прошептала она. — Дверь... дверь в декабрь.

С руками, скрещенными на груди, с пальцами, вжимающимися в худенькие плечи, она начала тихонько плакать.

— Помогите мне, помогите, — шептала она, но шепот не мог долететь до коридора, где ее могли бы услышать на сестринском посту.

Если бы кто-то откликнулся на ее крик, Мелани могла в ужасе прикинуться к этому человеку, не в силах сбросить покров аутизма, защищавшего ее от мира, жестокость которого она не могла вынести. Даже такой контакт с человеческим существом, когда ей того хотелось, мог бы стать первым маленьким шагом на пути выздоровления. Но, из лучших побуждений, люди оставили ее одну, отдыхать, и ее мольба о помощи осталась не услышанной.

Она содрогнулась.

— Помогите мне. Она открывается. Она... открывается, — последнее слово растворилось в глухом стоне черного отчаяния. Боль рвала душу.

Но постепенно частота дыхания замедлилась до нормальной. Рыдания прекратились.

Она лежала в молчании, недвижно, словно крепко спала. Но в темноте под кроватью ее глаза оставались широко открытыми, и видели они кошмар и ужас.

10

Вернувшись домой чуть ли не на рассвете, Лаура сварила себе крепкий кофе. С полной кружкой прошла в спальню для гостей и, пригубивая обжигающий напиток, принялась протирать пыль, застилать кровать, готовиться к приезду Мелани.

Ее четырехлетний кот Перец вертелся рядом, терся о ноги, требовал, чтобы его погладили, почесали за ухом. Кот, похоже, чувствовал, что скоро он перестанет быть главным в доме.

Четыре года Перец заменял Лауре ребенка. В каком-то смысле и дом заменял ей ребенка, служил для выхода энергии, которую Лаура могла бы потратить на свою маленькую девочку.

Шестью годами раньше, после того как Дилан ушел, сняв с банковских счетов все деньги и оставив Лауру без цента, ей пришлось сильно напрячься, чтобы поддерживать дом в должном состоянии. Жили они не в особняке, но в просторном, построенном в испанском стиле двухэтажном доме с четырьмя спальнями в Шерман-Оукс, на престижной стороне

бульвара Вентуры, на улице, где во многих домах имелись бассейны, в том числе и с подогревом, откуда детей часто отправляли в частные школы, если держали собак, то не каких-то дворняжек, а породистых немецких овчарок, спаниелей, золотистых ретриверов, эрдель-терьеров и пуделей, зарегистрированных в Американском клубе собаководства¹. Дом стоял на большом участке, наполовину скрытый коралловыми деревьями, магнолиями, кустами красного и лилового гибискуса, красной азалии и зеленой изгородью. Выложенную плитами дорожку, идущую к парадной двери, с двух сторон окаймлял цветочный бордюр.

Лаура гордилась своим домом. Три года тому назад, перестав нанимать частных детективов для поисков Дилана и Мелани, она стала вкладывать остающиеся после текущих расходов деньги в обновление дома, в гостиной отделала стены дубом, поменяла двери, в большой ванной сменила кафель на темно-синий, поставила новые ванну и раковины, краны с золотым покрытием. Восточный сад Дилана она срыла, потому что он напоминал ей о сбежавшем муже, и заменила розарием, где теперь росли двадцать сортов роз.

В каком-то смысле дом занял место украденной у нее дочери: она тревожилась из-за дома, возилась с ним, прихорашивала. Короче, заботилась о состоянии дома точно так же, как мать заботится о здоровье ребенка.

Теперь у нее отпала необходимость сублимировать материнский инстинкт. Ее дочь наконец-то возвращалась домой.

Перец мяукнул.

Схватив кота за шкурку, Лаура рывком подняла его на уровень лица. Все четыре лапки скребли воздух.

— Для одного жалкого кота любви у меня хватит. Об этом можешь не волноваться, охотник на мышей.

Зазвонил телефон.

Она опустила кота на пол, по коридору прошла в большую спальню, сняла трубку с рычага. «Алло?»

Ответа не услышала. Тот, кто звонил, выждал несколько секунд, потом оборвал связь.

Лаура в тревоге посмотрела на телефон. Может, неправильно набрали номер. Но в этот предрассветный час, в эту экстраординарную ночь звонящий телефон и молчание на другом конце провода вызывали предчувствие дурного.

Она проверила, хорошо ли заперты все дверные замки. Вроде бы неадекватная реакция, но что еще она могла сделать?

Все еще тревожась, она постаралась забыть о звонке и вернулась в пустую комнату, которая когда-то была детской.

Двумя годами раньше она выбросила детскую мебель из спальни Мелани, наконец-то признав, что дочь к этому времени ее переросла. А вот ремонт в спальне делать не стала, исходя из того, что девочка, вернувшись, сможет сама выбрать цвет обоев, рисунок занавесок и все прочее. Собственно, Лаура оставила комнату пустой, потому что (хотя не признавалась в собственных страхах) в глубине сердца не ждала возвращения девочки, смирилась с тем, что ребенок исчез навсегда.

Однако она сохранила несколько игрушек Мелани. И теперь достала ящик с игрушками из стенного шкафа, просмотрела его содержимое. Трехлетние и девятилетние играют в разные игрушки, но Лаура нашла две, которые могли бы заинтересовать Мелани: большую куклу Рэггеди Энн², только чуть замызганную, и маленького плюшевого медвежонка с висющими ушами.

Медвежонка и куклу она перенесла в спальню для гостей и посадила на подушки, спинами к изголовью. Переступив порог, Мелани сразу увидела бы их.

Перец прыгнул на кровать, с любопытством и тревогой приблизился к кукле и медвежонку. Понюхал куклу, лизнул медвежонка, потом свернулся калачиком рядом с ними,

¹ Американский клуб собаководства — общественная организация, основанная в 1884 г., включающая более 500 отделений. Штаб-квартира в Нью-Йорке.

² Рэггеди Энн — тряпичная кукла, имеющая вид деревенской девочки с косичками.

вероятно, решив, что они — друзья.

Первые лучи утреннего солнца проникли в комнату через французские окна, говоря о том, что дождь закончился и в сплошных облаках появились разрывы, чем незамедлительно воспользовалось солнце.

Хотя ночью Лауре удалось поспать не больше трех часов, а ее дочь могла покинуть больницу лишь через шесть-восемь часов, вновь ложиться в кровать Лауре не хотелось. Она чувствовала себя бодрой, энергичной. С крыльца взяла запечатанную в пластик утреннюю газету. На кухне из двух апельсинов выжала себе стакан сока, поставила на плиту кастрюльку с водой, достала из буфета коробку овсянки с изюмом, сунула в тостер два ломтика хлеба. И даже напевала («Даниэля» Элтона Джона), когда садилась за стол.

Ее дочь возвращалась домой.

Статьи на первой полосе, напряженность на Ближнем Востоке, вооруженные столкновения в Центральной Америке, козни политиков, ограбления, грабежи и бессмысленные убийства не вызывали у нее привычной озабоченности. Об убийстве Дилана, Хоффрица и третьего неопознанного мужчины ничего не сообщалось. Убитых нашли слишком поздно: утренний выпуск уже ушел в печать. Если бы она прочитала об этой бойне, с соответствующими фотоснимками, в «Таймс», возможно, на сердце у нее не было бы так легко. Но о тройном убийстве в газете она не нашла ни слова, Мелани обещали выписать из больницы во второй половине дня, так что, по большому счету, она знавала и куда более худшие утра.

Ее дочь возвращалась домой.

Закончив завтрак, она отодвинула газету и пересела к окну, посмотрела на розарий. Вымокшие цветы казались неестественно яркими в косых солнечных лучах, такие насыщенные цвета она видела во сне, а не наяву.

Лаура потеряла счет времени, возможно, просидела у окна минуту, а может, и десять, когда из грез ее вырвал раздавшийся где-то в доме грохот. Она вскочила, напряженная, испуганная, перед мысленным взором возникли залитые кровью стены и три тела в матовых пластиковых мешках.

А потом Перец влетел в столовую, потом на кухню, его когти царапали по виниловым плиткам. Промчался мимо Лауры в угол, развернулся, с вздыбленной шерстью, прижав уши к голове, уставился на дверь, через которую только что вбежал. А затем, совершенно неожиданно, и выглядело это очень комично, кот изобразил полную беззаботность, свернулся на полу пушистым калачиком, зевнул, поднял на Лауру сонные глаза, как бы говоря: «Кто, я? Потерял свое кошачье достоинство? Даже на мгновение? Ни в коем разе. Испугался? Нелепо!»

— Что ты сделал, котик? Что-то сшиб и испугался?

Кот снова зевнул.

— Лучше бы ты сшиб что-то небьющееся, — продолжила Лаура, — а не то у меня наконец-то появятся теплые наушники из кошачьей шкурки, о которых я давно мечтаю.

Она прошла по дому, чтобы посмотреть, какой нанесен урон. Обнаружила, что Перец буянил в спальне для гостей. Плюшевый медвежонок и Рэггеди Энн валялись на полу. К счастью, кот не подрал их когтями. Смахнул Перец со столика у кровати и будильник. Лаура подняла его, увидела, что часы тикают, стекло тоже не разбилось. Поставила будильник на положенное место, вернула куклу и медвежонка на кровать.

Странно, Перец три последние года не позволял себе ничего подобного. За это время немного поправился, вел себя смирно, был всем доволен. И такая перемена в поведении могла трактоваться однозначно: кот знал, что в доме Маккэффри ему придется потесниться.

На кухне Перец по-прежнему лежал в углу.

Лаура наполнила едой его миску.

— К счастью для тебя, ничего не разбилось. Мне бы не хотелось, чтобы из твоей шкуры сшили наушники.

Перец сел, наострил ушки.

Лаура постучала по миске пустой банкой из-под кошачьей еды.

— Пора ам-ам, ты, беспощадный истребитель мышей.

Перец не сдвинулся с места.

— Ладно, поешь, когда захочешь, — Лаура вымыла банку под струей воды в раковине, прежде чем бросить в мусорное ведро.

Перец ракетой вылетел из угла, промчался по кухне, пересек столовую, исчез в гостиной.

— Сумасшедший кот. — Лаура, хмурясь, смотрела на полную миску. Обычно Перец начинал есть еще до того, как весь корм вываливался из банки.

Странно.

Часть 2

БЕЗЛИКИЕ ВРАГИ

Среда 13.00-19.45

11

В час дня, когда Лаура на своей синей «Хонде» подъехала к «Вэлью медикэл», полицейский в форме, который стоял у въезда на главную автомобильную стоянку, остановил ее и направил на стоянку для сотрудников, открытую для всех «на то время, пока мы во всем разберемся». За его спиной стояли черно-белые патрульные машины УПЛА и автомобили других городских служб, некоторые с включенными мигалками.

Следуя указаниям полицейского и направляясь к стоянке автомобилей сотрудников больницы, Лаура посмотрела направо и за забором увидела лейтенанта Холдейна. Ростом и габаритами он превосходил всех, кто находился на автостоянке. И тут Лаура внезапно поняла, что вся эта суeta, возможно, связана с Мелани и убийствами в Студио-Сити.

К тому времени, когда она втиснула «Хонду» между двумя автомобиля с буквами MD¹ на пластине с номерными знаками и побежала к забору, за которым находилась общественная автостоянка, Лаура уже наполовину убедила себя, что Мелани ранена, похищена или убита. Полицейский у ворот не пропустил ее, даже когда Лаура сказала, кто она такая, и ей пришлось во весь голос звать Дэна Холдейна.

Тот поспешил к воротам, чуть подволакивая левую ногу. Чуть, но подволакивая. Она бы этого не заметила, но страх до предела обострил ее чувства. Он взял Лауру под руку и повел вдоль забора, подальше от ворот, где их никто не мог подслушать.

На ходу она спросила:

— Что случилось с Мелани?

— Ничего.

— Скажите мне правду!

— Это правда. Она в своей палате. Цела и невредима. Какой вы ее и оставили.

Они остановились, и она повернулась спиной к забору, глядя мимо Холдейна на включенные мигалки. Заметила среди патрульных машин и фургон, в каких перевозили трупы.

Нет. Такого просто не могло быть. Найти Мелани после стольких лет поисков и так быстро вновь потерять ее: невысказано!

Грудь сжало железным обручем. В висках запульсировала кровь.

— Кто умер?

— Я звонил вам домой...

— Я хочу...

¹ Буквы MD на пластине с номерным знаком указывают, что владелец автомобиля — врач.

— ...пытался связаться с вами...

— ...знать...

— ...последние полтора часа.

— ...кто умер! — потребовала она.

— Послушайте, это не Мелани. Понимаете? — голос звучал необычно мягко и даже нежно для мужчины таких габаритов. — С Мелани все в порядке. Честное слово.

Лаура всмотрелась в его лицо, глаза. И поверила, что он говорит правду. С Мелани все в порядке. Но страх по-прежнему не отпускал Лауру.

— Я попал домой только в семь утра, — продолжил Холдейн. — Буквально упал на кровать. В одиннадцать часов мне позвонили и срочно вызвали в «Вэлью медикэл». Они подумали, что есть какая-то связь между этим убийством и Мелани, потому что...

— Потому что «что»?

— Ну, в конце концов, она — пациент этой больницы. Вот я и пытался связаться с вами...

— Я поехала в магазин, покупала ей одежду, — прервала его Лаура. — Что случилось? Кого убили? Что вы мне такое говорите?

— Мужчину в автомобиле. Вот в том «Вольво». Его труп на переднем сиденье. За рулем.

— Кто он?

— Согласно водительскому удостоверению его зовут Нед Ринк.

Она привалилась к сетчатому забору, пульс начал медленно замедляться.

— Вы когда-нибудь слышали о нем? — спросил Холдейн. — О Неде Ринке?

— Нет.

— Я подумал, может, он сотрудничал с вашим мужем. Или с Хоффрицем.

— Если и сотрудничал, то я об этом не знаю. Мне незнакомы ни имя, ни фамилия. Почему вы думаете, что он знал Дилана? Он умер так же, как те трое? Из-за этого? Его забили насмерть, как и остальных?

— Нет. Но умер он странно.

— Расскажите мне.

Холдейн замялся, но по выражению синих глаз она поняла, что речь пойдет еще об одном особенно жестоком убийстве.

— Расскажите мне.

— Ему сломали шею. Такое ощущение, будто кто-то с невероятной силой ударил куском свинцовой трубы аккуратно по адамову яблоку. Ударил не раз. Шея превратилась в пульпу. От дыхательного горла остались одни ошметки, адамово яблоко раздроблено, перелом основания черепа, переломы позвоночника.

— Ясно. — Во рту у Лауры пересохло. — Мне все ясно.

— Извините. Конечно, не та картина, что в Студио-Сити, но тоже необычная. Вы понимаете, почему мы могли решить, что эти преступления взаимосвязаны. В обоих случаях речь идет о необычной жестокости убийц. Конечно, этого парня отделали не так, как тех троих, но все-таки...

Лаура оттолкнулась от забора.

— Я хочу видеть Мелани.

Внезапно она поняла, что должна немедленно увидеться с Мелани. Просто обязана. Не просто увидеться, прикоснуться к девочке, обнять, убедиться, что с ее доченькой все в порядке.

Она направилась к входу в больницу.

Холдейн шагал рядом, чуть прихрамывая, но не морщась от боли.

— Вы попали в аварию?

— Не понял?

— Ваша нога.

— Нет. Футбольная травма со времен колледжа. На втором году обучения серьезно

повредил колено. Во влажную погоду оно иногда дает о себе знать. Послушайте, я вам не все рассказал об этом парне из «Вольво», Ринке.

— И что?

— При нем был «дипломат». А в нем белый халат, стетоскоп и пистолет с глушителем.

— Он застрелил свою жертву? Вы ищете человека с пулевым ранением?

— Нет. Из пистолета не стреляли. Но вы понимаете, к чему я клоню? Белый халат? Стетоскоп?

— Он — не врач, так?

— Нет. И мы полагаем, что он намеревался войти в больницу, надеть белый халат, повесить стетоскоп на шею и прикинуться врачом.

Она посмотрела на него, когда они добрались до бордюрного камня, и поднялась на тротуар.

— И зачем ему все это понадобилось?

— Судя по результатам предварительного осмотра, наш медицинский эксперт считает, что смерть наступила между четырьмя и шестью часами утра, хотя обнаружили труп только без четверти десять. Получается, что он хотел войти в больницу, скажем, в пять утра, то есть должен был выдавать себя за врача, потому что посетителей начинают пускать только с часа дня. Если бы в столь ранний час он поднялся на один из этажей, где расположены палаты, в обычной одежде, его остановила бы или медсестра, или охранник. Но в белом халате, со стетоскопом на груди, он бы ни у кого не вызвал подозрений.

Они подошли к двери, и Лаура остановилась.

— Вы хотите сказать, он приехал в больницу не для того, чтобы навестить кого-то из родственников или друзей?

— Не для того.

— То есть вы уверены, что он намеревался кого-то убить.

— Человек не берет с собой пистолет с глушителем, если не собирается его использовать. Глушители запрещены законом. И наказание предусмотрено очень строгое. Если тебя ловят с глушителем, считай, что ты в тюрьме, и надолго. Я еще не знаю подробностей, но мне сказали, что Ринк — достаточно известная фигура в криминальном мире. Есть подозрения, что последние несколько лет он по заказу устранял неугодных кому-то людей.

— Наемный убийца?

— Я в этом практически уверен.

— Но он приехал сюда не для того, чтобы убить Мелани. Конечно же, в больнице...

— Мы уже отработали этот вариант. Проверили список пациентов в поисках тех, кто связан с преступностью или выступает важным свидетелем на готовящемся судебном процессе. Или крупный наркодилер, или член одной из мафиозных групп. Никого не нашли из тех, кто мог бы быть целью Ринка... за исключением Мелани.

— Вы говорите мне, что Ринк, возможно, убил Дилана, Хоффрица и еще одного мужчину в Студио-Сити... а теперь приехал сюда, потому что Мелани могла видеть, как он убивал остальных?

— Этого нельзя исключить.

— Но тогда кто убил Ринка? Холдейн вздохнул.

— Вот тут наша логическая цепочка разрывается.

— Тот, кто убил Ринка, не хотел, чтобы он убил Мелани.

Холдейн пожал плечами.

— Если это так, я рада.

— Чему тут можно радоваться?

— Ну, если кто-то убил Ринка, чтобы не позволить ему убить Мелани, значит, у нее есть не только враги. У нее есть и друзья.

— Нет, — в голосе Холдейна слышалась нескрываемая жалость. — Ваш вывод далеко не единственный. Люди, которые убили Ринка, возможно, тоже хотят добраться до Мелани, и

ничуть не меньше, чем он... только им она нужна живая.

— Почему?

— Потому что она слишком много знает об экспериментах, которые проводились в этом доме.

— А потом они захотят убить ее, как убили Ринка.

— Если только она не потребуется им, чтобы продолжить эксперименты.

Едва эти слова сорвались с его губ, как Лаура поняла, что такое вполне возможно, и ее плечи согнулись под грузом нового страха. Почему Дилан работал с этим Хоффрицем, фанатиком, дискредитировавшим себя в глазах научного сообщества? И кто их финансировал? Ни один официально зарегистрированный фонд, университет или исследовательский институт не выдал бы гранта Хоффрицу после того, как его попросили из ЛАКУ. Ни одно дорожащее своей репутацией научное учреждение не стало бы субсидировать исследования Дилана, человека, который похитил собственную дочь и скрывался от адвокатов жены, человека, который использовал дочь в качестве подопытного кролика в своих экспериментах, поставив ее на грань аутизма. Получается, что те, кто поддерживал Дилана и его исследования, исповедовали такие же безумные идеи, как Дилан и Хоффриц.

Ей хотелось поставить точку в этой истории. Хотелось забрать Мелани домой, окружить теплом и заботой, дать ей счастливую жизнь, потому что если кто на этой земле и заслуживал покоя и счастья, так это ее маленькая девочка. Но теперь «они» этого бы не допустили. «Они» наверняка попытаются вновь украсть у нее Мелани. Ребенок требовался «им» по причинам, которые знали только «они». И кто же они такие, черт побери? Безымянные. Без лица. Лаура не могла бороться с врагом, которого не могла увидеть, разглядеть, узнать.

— Они хорошо информированы, — заметила она. — И не теряют времени даром.

Холдейн моргнул:

— В каком смысле?

— Мелани провела в больнице пару часов, а Ринк уже приехал, чтобы убить ее. Он очень быстро узнал, куда ее отвезли.

— Быстро, — согласился лейтенант.

— Поневоле подумаешь, что у него были хорошие источники информации.

— Источники информации? Вы хотите сказать, в полицейском управлении?

— Возможно. И врагам Ринка не потребовалось много времени, чтобы понять, кого ему заказали. Они действуют чертовски быстро, обе группы.

Она стояла у дверей больницы, смотрела на поток автомобилей, проезжающих мимо, на магазины и конторы на противоположной стороне улицы. Солнечные лучи били в большие стеклянные витрины. Солнечные лучи отражались от ветровых стекол и хромированных деталей легковушек и грузовиков.

Лаура смотрела на этот залитый солнцем мир и надеялась заметить что-то подозрительное, указать на человека, которого Холдейн мог бы выследить и поймать, но видела лишь обычных людей, занимающихся обычными делами. Их ординарность злила Лауру, враг никак не хотел выделиться, объявить во всеуслышание: «Вот он я!»

Более того, ее злили даже солнечный свет и теплый воздух. Холдейн только что сказал ей, что кто-то хотел убить ее дочь, а еще кто-то — похитить и вновь засунуть в камеру отсечения внешних воздействий, а может, и усадить на электрический стул, чтобы продолжать мучить во имя бог знает каких целей. После таких новостей и в мире все должно быть плохо. К таким новостям очень бы даже подошли вспышки молний и раскаты грома, низко нависшие над землей серо-черные тучи, проливной дождь, холодный порывистый ветер. Казалось несправедливым, что мир вокруг нее нежится в теплых солнечных лучах, другие люди посвистывают, улыбаются, неспешно прогуливаются, наслаждаются жизнью, тогда как она погружается все глубже в черный кошмар, только не во сне, а наяву.

Лаура посмотрела на Дэна Холдейна. Ветерок ерошил его светло-русые волосы,

солнечный свет заострял черты лица, добавляя красоты. При других обстоятельствах, он мог бы заинтересовать ее как мужчина. Контраст между внешностью громы и мягкостью души придавал ему некую загадочность. Но эти неизвестные «они» подгадили ей и в этом, лишили возможности наладить с ним более близкие отношения.

— А почему вы искали меня? — спросила она. — Почему звонили полтора часа? Не для того же, чтобы рассказать о Ринке. Вы знали, что я приеду сюда. Могли бы подождать моего приезда, а уж потом сообщить плохие новости.

Он обвел взглядом автомобильную стоянку, труповозка как раз уезжала с места преступления. Когда вновь посмотрел на Лауру, лицо прорезали морщины, рот превратился в узкую полоску, глаза потемнели от тревоги.

— Я хотел, чтобы вы позвонили в частную службу безопасности и попросили организовать круглосуточную охрану вашего дома после того, как заберете Мелани.

— Нанять ей телохранителя?

— Вот именно.

— Но, если она в опасности, разве управление полиции не может обеспечить ей защиту?

Он покачал головой:

— В ее случае — нет. Напрямую ей никто не угрожал. Не было ни телефонных звонков, ни записок.

— Ринк...

— Мы *не знаем*, приезжал ли он с тем, чтобы убить Мелани. Только подозреваем.

— Но тем не менее...

— Если бы в штате и городе не бушевал бюджетный кризис, если бы финансирование полиции не урезалось, если бы мы не испытывали нехватку сотрудников, тогда, возможно, мы бы напряглись и установили наблюдение за вашим домом. Но в сегодняшней ситуации я эту меру обосновать не могу. А если я без ведома капитана распоряжусь, чтобы за вашим домом установили наблюдение, он подаст на меня рапорт в службу внутренней безопасности, и меня наверняка вышибут с работы. Но частное охранное бюро, профессиональные телохранители... они обеспечат защиту не хуже нас, даже если бы мы располагали необходимыми финансовыми и людскими возможностями. У вас есть средства, чтобы их нанять, хотя бы на несколько дней?

— Полагаю, что да. Я не знаю, сколько это стоит, но я же не бедная. И если вы думаете, что их услуги потребуются лишь на несколько дней...

— У меня есть предчувствие, что все закончится очень быстро. Эти убийства, риск, на который кто-то идет... все говорит за то, что эти люди в жутком цейтноте, что им поставлен какой-то крайний срок. Я понятия не имею, что они делали с вашим ребенком и почему им так нужно снова заполучить ее в свое распоряжение, но я чувствую, что ситуация напоминает огромный снежный ком, который катится с горы, быстро, как скорый поезд, становясь все больше и больше. Сейчас он уже огромный и находится совсем близко от подножия горы. А добравшись туда, разлетится на сотни кусков.

Будучи детским психиатром, Лаура всегда с осторожностью подходила к новому пациенту, долго определялась с лечением, стараясь подобрать оптимальное для каждого конкретного пациента. Но, определившись, без колебаний следовала выбранному курсу. Она была хорошим врачом, целителем психики, и ее успехи придавали ей уверенности, подвигая ее на новые достижения. Но теперь она чувствовала себя потерянной. Маленькой, уязвимой, беспомощной. Подобных ощущений она не испытывала уже несколько лет, с тех пор, как смирилась с потерей Мелани.

— Я... я даже не знаю, как... куда должен идти человек, чтобы найти телохранителей.

Холдейн достал бумажник, порылся в нем, вытащил визитную карточку.

— Большинство частных детективов, к которым вы обращались несколько лет тому назад, чтобы разыскать Дилана, скорее всего, предлагают и охранные услуги. Нам не положено давать рекомендаций. Но я хорошо знаю этих парней, и цены у них приемлемые.

Она взяла визитку, прочитала:

КАЛИФОРНИЯ ПАЛАДИН, ИНК.
ЧАСТНЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
Личная безопасность

И телефонный номер в нижнем правом углу. Лаура сунула визитку в сумочку.

— Благодарю.

— Позвоните им до того, как покинете больницу.

— Я позвоню.

— Пусть пришлют человека сюда. Он сможет проводить вас до дома.

Внутри у нее все похолодело.

— Хорошо. — И она направилась к дверям больницы.

— Подождите. — Холдейн протянул еще одну визитную карточку, собственную. — Напечатанный номер — моя линия в Центральном участке, но там вы меня не найдете, потому что сейчас я работаю в участке Ист-Вэлью, и мой нынешний номер я записал на обратной стороне. Я хочу, чтобы вы позвонили мне, если вдруг что-то вспомните о прошлом Дилана или о каких-то его давних исследованиях, которые могли привести к этим.

Она перевернула визитку.

— Тут два номера.

— Нижний — мой домашний, на случай, если вы не найдете меня на службе.

— Разве у вас на службе не принимают сообщений?

— Принимают, но передают с большой задержкой. Если я срочно вам понадоблюсь, я хочу, чтобы вы меня разыскали.

— Вы всем даете свой домашний номер?

— Нет.

— Тогда почему?

— Больше всего на свете я ненавижу... —Что?

— Такие преступления. Когда жертвами становятся дети. Меня от этого мутит. Закипает кровь.

— Я вас понимаю.

— Да, пожалуй, понимаете.

12

Доктор Рафаэль Йбарра, главный педиатр больницы «Вэлью медикэл», встретился с Лаурой в маленькой комнатке рядом с сестринским постом, в которой сотрудники пили кофе. У одной стены стояли два торговых автомата. Рядом с ними погромыхивала машина для приготовления льда. За спиной Лауры тихонько гудел холодильник. Она сидела напротив Йбарры за длинным столом, на котором лежали зачитанные до дыр журналы и стояли две пепельницы, полные окурков.

Педиатр, смуглый, хрупкий, с правильными чертами лица, держался крайне формально. Его идеально расчесанные волосы напоминали лакированный парик. Лаура отметила и стоящий колом ворот рубашки, и безупречный узел галстука, и сшитый по фигуре белый халат. Ходил он так, словно боялся испачкать туфли, сидел, расправив плечи и подняв голову. Оглядел крошки и пепел от сигарет на столе, поморщился и оставил руки на коленях.

Лаура решила, что этот мужчина ей не нравится.

Говорил доктор Йбарра властно, рубя слова:

— Физически ваша дочь в хорошем состоянии, на удивление хорошем, учитывая обстоятельства. У нее недостаток веса, но не такой уж и большой. На правой руке синяк от многочисленных внутривенных инъекций, которые делались не очень умело. В уретре небольшое воспаление, причиной которого, вероятно, являлся катетер. Я прописал ей

необходимое лекарство. И это все проблемы, связанные с ее физическим состоянием.

Лаура кивнула:

— Я знаю. И приехала, чтобы увезти ее домой.

— Нет, нет, я бы этого не советовал, — покачал головой доктор Йбарра. — Во-первых, вам будет слишком сложно обеспечить ей должный уход на дому.

— Она ничем не больна?

— Нет, но...

— Она не доставляет неудобств?

— Нет. Пользуется туалетом.

— Она может сама есть?

— В принципе да. Ее нужно начать кормить, но потом она ест сама. Но за ней нужно следить, потому что после нескольких ложек она вроде бы забывает, что делает, теряет интерес к еде. Ей нужно говорить, что она должна есть и дальше. И помогать одеваться.

— Я со всем этим справлюсь.

— И все-таки мне бы не хотелось ее отпускать, — гнул свое Йбарра.

— Но прошлой ночью доктор Пантагельо сказал... При упоминании Пантагельо Йбарра поморщился. В его голосе слышалось пренебрежение.

— Доктор Пантагельо только осенью закончил ординатуру и подписал контракт с нашей больницей месяц тому назад. Я же здесь главный педиатр, и, по моему мнению, вашей дочери лучше остаться здесь.

— Надолго?

— Ее состояние характеризуется симптомами, возникающими у ребенка при длительном пребывании в заточении и при жестоком обращении. Ей следует остаться у нас, пока мы не проведем полное психиатрическое обследование. На это уйдет неделя... может, десять дней.

— Нет.

— Для ребенка это будет наилучший вариант. — От голоса так и веяло холодом. И возникали серьезные сомнения в том, что доктора Йбарру действительно волновало благополучие ребенка.

Так что Лаура не могла не задаться вопросом: «А что чувствуют дети, имея дело с таким суровым врачом?»

— Я сама детский психиатр, — ответила она. — Так что смогу оценить ее состояние и окружить должной заботой дома.

— Лечить собственную дочь? — Йбарра вскинул брови. — Не думаю, что это разумно.

— Я с вами не согласна, — она не собиралась объяснять этому человеку свои резоны.

— Послушайте, после проведения обследования и определения лечения мы сможем провести его здесь. У вас дома нет необходимого оборудования.

Лаура нахмурилась:

— Оборудования? Какого оборудования? О каком, собственно, лечении вы говорите?

— Это решать доктору Гехагену в отделении психиатрии. Но если Мелани будет оставаться в таком состоянии, или оно будет ухудшаться... я думаю, он порекомендует барбитураты и электросудорожную терапию...

— Черта с два! — резко бросила Лаура, отодвинула стул, вскочила.

Йбарра моргнул, удивленный ее враждебностью.

— Наркотики и электрошок — именно этим, среди прочего, и потчевал ее отец, будь он проклят, последние шесть лет.

— Но, разумеется, мы будем использовать другие наркотики и другой электрошок, да и наши намерения...

— Да, конечно, но откуда Мелани знать, какие у вас намерения? Я знаю, для некоторых пациентов барбитураты и даже электросудорожная терапия дают хорошие результаты, но для моей дочери они не годятся. Ей нужно вернуть уверенность в себе, чувство собственного достоинства. Ее нужно освободить от страха и боли. Ей нужны спокойствие и постоянство.

Ей нужно... чтобы ее любили.

Йбарра пожал плечами:

— Вы не подвергнете опасности здоровье девочки, забирая ее домой сегодня, поэтому у меня нет возможности запретить вам уйти вместе с ней.

— Вот и прекрасно, — подвела черту Лаура.

* * *

Труповозка уехала, но технические эксперты еще продолжали возиться с «Вольво», когда Керри Берн один из патрульных, подошел к Дэну Холдейну.

— Звонок из Ист-Вэлью, от капитана Мондейла.

— Ага. Нашего достопочтенного и славного капитана.

— Он хочет немедленно вас видеть.

— Он по мне соскучился?

— Причина не называлась.

— Готов спорить, соскучился.

— У вас с Мондейлом что-то личное?

— Конечно же, нет. То есть Мондейл, возможно, и гей, но я западаю только на женщин.

— Вы понимаете, о чем я. Вы же терпеть друг друга не можете!

— Неужели это заметно? — игриво спросил Холдейн.

— А заметно, что собаки не любят кошек?

— Скажем так, если я буду гореть ярким пламенем, а у Росса Мондейла будет единственное в радиусе десяти миль ведро с водой, я предпочту гасить огонь собственной слюной.

— Тогда мне все ясно. Так вы возвращаетесь в Ист-Вэлью?

— Он же мне приказал, не так ли?

— Но вы туда поедете? Я должен позвонить и подтвердить.

— Конечно.

— Так я звоню и говорю, что вы уже выехали.

— Абсолютно.

Керри направился к своей патрульной машине, а Дэн сел за руль седана. Выехал с автомобильной стоянки и повернул к центру города, тогда как Ист-Вэлью и Росс Мондейл находились в противоположной стороне.

* * *

До разговора с доктором Йбаррой Лаура позвонила в частную охранную фирму, порекомендованную Дэном Холдейном. И к тому времени, когда она, переговорив с Йбаррой, одела Мелани в джинсы, клетчатую синюю блузку и кроссовки и подписала все необходимые для выписки документы, в больницу уже прибыл сотрудник «Калифорния паладин».

Звали его Эрл Бентон, и выглядел он как деревенский парень, который однажды проснулся не в том доме, и ему пришлось брать одежду из гардероба банкира. Его светлые волосы были зачесаны назад, модно подбриты на висках, не парикмахером — стилистом, но ему это совершенно не шло. Его простецкое, с грубыми чертами лицо куда лучше сочеталось бы с торчащими во все стороны вихрами. Шея диаметром в добрые семнадцать дюймов буквально рвалась из воротничка рубашки от Ива Сен-Лорана. Чувствовалось, что ему неуютно в сером костюме-тройке. А его огромные, с толстыми пальцами кисти просто не могли выглядеть изящными, однако маникюр ему явно делал профессионал.

Лаура могла с первого взгляда сказать, что Эрл — один из тех десятков тысяч людей, что ежегодно приезжают в Лос-Анджелес, чтобы подняться по социальной лестнице, и ему,

похоже, это удалось. Более того, она предположила, что он будет подниматься и дальше, обтачивая свои грубые углы и все более обживаясь в костюмах известных модельеров. Он ей понравился. И широкой, обаятельной улыбкой, и манерой держаться, и цепким, наблюдательным взглядом. Они встретились в коридоре, около двери в палату Мелани, а после того, как Лаура более детально, чем по телефону, объяснила ситуацию, она спросила:

— Вы вооружены?

— Да, мэм.

— Хорошо.

— Я буду с вами до полуночи, — добавил Эрл, — а потом меня сменит другой наш сотрудник.

— Отлично.

Через пару минут, когда Лаура вывела Мелани из палаты, Эрл присел рядом с малышкой на корточки.

— Какая ты красивая девочка. Мелани промолчала.

— Должен отметить, ты очень напоминаешь мне мою сестру Эмму.

Мелани смотрела сквозь него.

Взяв вялую руку девочки в свои две, огромные, как лопаты, Эл продолжил, словно это был диалог, а не монолог:

— Эмма, она на девять лет моложе меня, сейчас учится в первом классе средней школы. Она вырастила двух призовых бычков, моя Эмма. Теперь у нее целая коллекция премиальных ленточек, штук двадцать, не меньше, с различных конкурсов, включая выставки домашних животных на ярмарках трех округов. Ты что-нибудь знаешь насчет бычков? Любишь животных? Бычки, они лучше всех. У них такие милые мордашки. Готов спорить, ты бы с ними отлично ладила, так же как Эмма.

Глядя на то, как Эрл Бентон воркует с Мелани, Лаура поняла, что он все больше и больше ей нравится.

— Отныне, Мелани, тебе не о чем волноваться, понимаешь? — спросил он. — Я — твой друг, а пока Эрл Бентон твой друг, никто не посмеет даже косо на тебя посмотреть.

Девочка, похоже, и не подозревала о его присутствии.

Он отпустил ее ручку, и она, как плеть, упала вниз, повисла вдоль бока.

Эрл поднялся, повел плечами, чтобы расправить пиджак, повернулся к Лауре.

— Так вы говорите, вина за то, что она такая, лежит на ее отце?

— Он — один из тех, кто несет за это ответственность, — ответила Лаура.

— И он... мертв?

— Да.

— Но кто-то из остальных еще жив, не так ли? — Да.

— С удовольствием бы встретился с одним из них. И поговорил. Наедине. С большим удовольствием. — В голосе Эрла слышались резкие нотки, глаза вспыхнули ледяным светом. И впервые Лаура поняла, что этот человек очень и очень опасен для своих врагов. Ей это тоже понравилось.

— А теперь, мэм... доктор Маккэффри, так, полагаю, мне следует к вам обращаться, когда мы будем выходить отсюда, я пойду первым. Я знаю, джентльмены так не поступают, но отныне я буду практически всюду идти на пару шагов впереди, можно сказать, разведывать дорогу.

— Я уверена, никто не будет стрелять в нас ясным днем, — ответила Лаура.

— Может, и не будет. Но я все равно пойду первым.

— Хорошо.

— Если я попрошу вас что-то сделать, делайте незамедлительно, и никаких вопросов. Понятно?

Она кивнула.

— Возможно, я не буду кричать. Возможно, скажу «бегите» или «ложитесь на землю» приятным голосом, каким говорят: «Добрый день». Так что будьте начеку.

— Я понимаю.

— Хорошо. Я уверен, все у нас будет хорошо. А теперь, дорогие дамы, вы готовы к отъезду домой?

Они направились к лифту, спустились в вестибюль.

Как минимум тысячу раз за последние шесть лет Лаура грезил о том знаменательном дне, когда она приведет Мелани домой. Она представляла себе, что это будет самый счастливый день в ее жизни. И никак не думала, что ей понадобится прибегать к услугам телохранителя.

13

В Центральном участке Дэн Холдейн получил от сотрудника архивного отдела два досье и с ними прошел к одному из маленьких столиков, что стояли у стены.

На обложке первого значилось: Эрнст Эндрю Купер. Проверка отпечатков пальцев показала, что именно он погиб прошлой ночью в доме в Студио-Сити, вместе с Диланом Маккэффри и Вильгельмом Хоффрицем.

Куперу было тридцать семь лет, при росте в пять футов и одиннадцать дюймов весил он сто шестьдесят фунтов. В досье имелись фотографии: анфас и в профиль, сделанные при последнем аресте, но пользы от них Дэну не было никакой, потому что лицо убитого превратили в лишенную черт кровавую пульпу. Так что он полагался исключительно на отпечатки пальцев.

Жил Купер в Хэнкок-Парк, на улице, застроенный домами, стоимость которых измерялась миллионами и десятками миллионов долларов. Он был председателем совета директоров и главным акционером «Купер софтех», процветающей фирмы, продукцией которой являлось программное обеспечение компьютеров. В пределах Лос-Анджелеса его арестовывали трижды, всякий раз за вождение в нетрезвом виде, и ни разу при нем не было водительского удостоверения. Он опротестовывал аресты, каждый раз дело передавалось в суд, его трижды признавали виновным, приговаривали к штрафу, но за решетку он ни разу так и не попал. В каждом случае патрульные, которые арестовывали его, отмечали, что Купер называл арест аморальным и считал, что при этом нарушаются его конституционные права, поскольку государство заставляет человека носить при себе идентификационный документ, пусть и всего лишь водительское удостоверение. Второй патрульный записал: «...мистер Купер проинформировал меня, что он (мистер Купер) является членом организации „Свобода теперь“, которая поставит все государства на колени, и эта организация использует его арест, как пробный камень для определения соответствия конституции некоторых законов. Потом он назвал меня невольным орудием сил тоталитаризма, после чего его вырвало, и он отключился».

Улыбнувшись последней фразе, Дэн закрыл досье и взялся за второе, Эдуарда Филиппа Ринка. Его очень интересовала личность этого наемного убийцы, но сначала вместе с досье он переместился за один из трех компьютеров. Включил его, ввел пароль допуска, попросил сведения об организации «Свобода теперь».

И после короткой паузы на мониторе начала появляться затребованная им информация.
«СВОБОДА ТЕПЕРЬ»

Политическая организация, зарегистрированная в федеральной комиссии по проведению выборов и департаменте налогов и сборов.

Пожалуйста, учтите:

«СВОБОДА ТЕПЕРЬ» — легитимная организация частных лиц, реализующих свои конституционные права. Эта организация не являлась объектом какого-либо полицейского расследования и не должна стать объектом такого расследования до тех пор, пока ее действия не выходят за рамки, определенные и утвержденные федеральной комиссией по проведению выборов. Вся информация в этом файле собрана из открытых источников. Этот файл создан с единственной целью — идентифицировать легитимные политические организации и

отделить их от групп, занимающихся подрывной деятельностью. Существование этого файла ни в коем случае не является подтверждением наличия особого интереса полиции к организации «Свобода теперь».

УПЛА подвергалось серьезной критике со стороны Американского союза гражданских свобод и других правозащитных организаций за тайную слежку за политическими группами, которые подозревались в опасной подрывной деятельности. Управление по-прежнему вело расследование деятельности террористических организаций, но его обязали воздержаться от внедрения своих агентов в легитимные политические организации до тех пор, пока собранные доказательства не убедят судью, что данная конкретная организация тесно связана с группами, которые занимаются террористической деятельностью.

Это вступление Дэн знал чуть ли не наизусть, поэтому сразу сдвинул курсор ниже.

«СВОБОДА ТЕПЕРЬ» — руководство: Президент: Эрнст Эндрю Купер, Хэнкок-Парк
Казначей: Вильгельм Стивен Хоффриц, Уэствуд Секретарь: Мэри Кэтрин О'Хара, Бербэнк

«СВОБОДА ТЕПЕРЬ» создана и зарегистрирована в 1989 г. с целью поддержки либерально ориентированных кандидатов, публично заявляющих о своем намерении постепенного сведения функций государства до абсолютного минимума и такого же постепенного роспуска всех политических партий.

Купер и Хоффриц, президент и казначей, оба убиты. А сама организация создана в тот год, когда Дилан Маккэффри исчез вместе с малолетней дочерью. Возможно, это совпадение, а может быть, и нет.

В любом случае любопытный момент.

Дэну потребовалось двадцать минут, чтобы просмотреть файл и выписать заинтересовавшие его сведения. Потом он выключил компьютер и раскрыл досье Неда Ринка.

Документов в досье хватало, и Холдейн с интересом просматривал их один за другим. Ринку, которого этим утром нашли мертвым в «Вольво», исполнилось тридцать девять лет. В двадцать один он закончил Лос-Анджелесскую полицейскую академию, четыре года прослужил в полиции, по вечерам изучая в университете уголовное законодательство. Дважды становился объектом внутреннего расследования в связи с обвинениями в чрезмерной жестокости, но из-за недостатка доказательств никаких мер по отношению к нему не предпринималось. Он подал заявление в ФБР, его взяли, и он проработал в Бюро пять лет. Девять лет назад Ринка отчислили из ФБР, причина в досье не указывалась, хотя имелся намек на превышение полномочий более чем в одном случае и излишнее усердие при допросе подозреваемого.

Дэн подумал, что знаком с таким типом людей. Некоторые выбирают службу в полиции, потому что хотят работать на благо общества, для других полицейские были героями детства, у третьих в полиции работали отцы, четвертые полагали эту работу престижной и гарантирующей высокую пенсию. Наверное, причин существовала добрая сотня. Но таких, как Ринк, привлекала власть. Они просто ловили кайф, отдавая приказы, потому что им нравилось командовать людьми, нравилось почтение, с которым относятся к власти имущим.

Согласно досье восемь лет тому назад, через год после увольнения из ФБР, Ринка арестовали за нападение с покушением на убийство. Потом обвинение перекалибровали на простое нападение, чтобы гарантировать обвинительный приговор, и Ринк отсидел десять месяцев, после чего его досрочно освободили за примерное поведение. Шесть лет тому назад его арестовали снова, по подозрению в убийстве. С уликами не сложилось, и обвинение с него сняли. После этого Ринк стал осторожнее. Правоохранительные органы города, штата, страны предполагали, что он — наемный убийца, который выполняет заказы преступного мира и всех, кто готов хорошо заплатить за его услуги, и за последние пять лет косвенные улики связывали его с девятью убийствами (возможно, это была только верхушка айсберга), но никому не удалось собрать достаточно улик, чтобы арестовать Ринка и передать дело в суд.

Однако теперь ему воздали по заслугам.

Правда, без участия правоохранительных ведомств или судебных инстанций.

Холдейн закрыл досье, положил его поверх досье Купера и вытащил из кармана списки, связанные с последним расследованием. Несколько минут просматривал их, и на этот раз нашел знакомые имя и фамилию: Мэри О'Хара, секретарь общественной организации «Свобода теперь». Номер ее телефона значился в блокноте, который лежал на столе в кабинете Дилана Маккэффри.

Он убрал списки и задумался. Два доктора психологии, оба раньше работали в ЛАКУ, оба мертвы. Один бизнесмен-миллионер и политический активист — мертв. Один бывший коп, бывший агент ФБР и подозреваемый наемный убийца мертв. Странная серая комната в обычном, неприметном доме в пригороде, где маленькую девочку, среди прочего, пытали электрошоком. И пытал ее отец. Великий бог «жареной» журналистики щедро одаривал свою паству: пресса не могла не ухватиться за эту историю.

Дэн вернул оба досье сотруднику архивного отдела и на лифте поднялся в ДЭТП, департамент экспертно-технической поддержки.

14

Как только они добрались до дома, Эрл Бентон обошел все комнаты, чтобы убедиться, что окна и двери заперты. Потом опустил жалюзи, сдвинул портьеры и посоветовал Лауре и Мелани держаться подальше от окон.

Взяв несколько журналов из стопки, что лежала в кабинете Лауры, Эрл пододвинул кресло к одному из окон гостиной, из которого мог видеть дорожку, ведущую к крыльцу, и улицу.

— Со стороны может показаться, что я бездельничаю, но волноваться нет нужды. Журналы меня не отвлекают.

— Я и не волнуюсь.

— По большей части наша работа — это сидеть и ждать. И человек может сойти с ума, если у него нет журнала или газеты.

— Я понимаю, — заверила его Лаура.

Перец, кот, в большей степени заинтересовался Эрлом, тогда как Мелани не произвела на него особого впечатления. Осторожно кружил вокруг него, изучал, обнюхивал ноги. Наконец прыгнул на колени, требуя ласки.

— Хороший котик. — Эрл почесал Перца за ушами. На морде кота отражалось блаженство.

— Так быстро он сходится далеко не со всеми, — заметила Лаура.

Эрл улыбнулся:

— Всегда умел найти подход к животным.

Пусть это покажется глупостью, но именно отношение Перца к телохранителю окончательно убедило Лауру в том, что ему можно полностью доверять.

«И что сие должно означать? — спросила себя Лаура. — Разве ранее я ему не полностью доверяла? Подсознательно сохраняла какие-то сомнения?»

Его наняли, чтобы охранять ее и Мелани, для этого он и приехал сначала в больницу, а потом в ее дом. У нее не было причин подозревать, что он связан как с людьми, которые хотели убить Мелани, так и с теми, кто хотел захватить ее живой и запереть в какой-нибудь другой серой комнате.

И однако именно в этом Лаура подозревала Эрла, глубоко внутри, на чисто подсознательном уровне.

Она поняла, что ей уже пора бороться с паранойей. Она не знала, кто ее враги: лиц у них по-прежнему не было. Поэтому и возникало естественное желание подозревать всех и вся, а это могло привести к печальному результату: она бы решила, что против нее и Мелани объединился весь мир.

Сварив кофе Эрлу и себе, она приготовила Мелани горячий шоколад и отнесла в кабинет, где ждала девочка. Ранее она уже позвонила в больницу Святого Марка,

договорилась об отпуске и попросила помощницу на этой неделе самой принять всех частных пациентов. Она собиралась начать лечение Мелани в этот же день, но не знала, как проводить сессию в одной комнате с Эрлом, который мог отвлекать девочку.

Кабинет у Лауры был маленький, но уютный. Две стены занимали стеллажи от пола до потолка, уставленные книгами, от популярных романов до специальной литературы по психологии. Две другие драпировались бежевой тканью из волокна рами. На одной, напротив окна, висели две репродукции картин Делакруа. Обстановка состояла из письменного стола темной сосны, стула с бежевой обивкой, кресла-качалки и изумрудно-зеленого дивана со множеством подушек. Две лампы на одинаковых тумбочках освещали кабинет мягким янтарным светом. Ранее Эрл задернул изумрудно-зеленые шторы на обоих окнах.

Мелани сидела на диване, положив руки на колени, уставившись на ладони.

— Мелани.

Девочка не шевельнулась, ничем не показала, что знает о присутствии матери.

— Сладенькая, я принесла тебе чашку горячего шоколада.

Девочка вновь не отреагировала, поэтому Лаура села рядом с ней. Держа кружку какао в одной руке, вторую она подсунула под подбородок Мелани, приподняла ее голову, заглянула в глаза. Они оставались пустыми, и Лаура не смогла войти хоть в какой-то визуальный контакт с дочерью.

— Я хочу, чтобы ты выпила какао. Оно очень вкусное. Тебе понравится. Я знаю, что понравится.

Она прислонила ободок чашки к губам дочери и после долгих уговоров убедила ее сделать маленький глоток. Часть какао вытекла на подбородок Мелани, и Лаура вытерла его бумажной салфеткой до того, как капли могли упасть на блузку или диван. Дальнейшие уговоры привели к тому, что Мелани продолжила пить, уже не проливая какао. И наконец тоненькие ручки поднялись и сжали кружку, так что Лаура смогла ее отпустить. Как только кружка оказалась в руках девочки, она быстро, с жадностью допила горячий шоколад. Когда в кружке ничего не осталось, облизнулась. В глазах на кратчайший момент блеснула жизнь, она словно поняла, где находится. На секунду, не больше чем на секунду, ее взгляд встретился со взглядом матери, и она смотрела уже не сквозь, как прежде, а на нее. Мгновение контакта вдохновило Лауру. Но, увы, Мелани тут же ушла в свой, никому не ведомый внутренний мир, и ее глаза затуманились. Но теперь Лаура знала, что ее ребенок способен возвратиться из ссылки, в которую сам себя и отправил. А значит, существовал шанс, что она вернется в реальность не на мгновение, а навсегда.

Она взяла пустую чашку из рук Мелани, поставила на одну из тумбочек, бочком села на диван, лицом к девочке. Сжала обе руки Мелани своими.

— Сладенькая, это было так давно, ты была такая маленькая, когда мы виделись в последний раз... Может, ты точно не знаешь, кто я. Я — твоя мама, Мелани.

Девочка не отреагировала.

Лаура говорила мягко, убедительно, шаг за шагом рассказывала обо всем, потому что точно знала: на каком-то, пусть подсознательном, уровне девочка могла ее понять.

— Я привела тебя в этот мир, потому что больше всего на свете хотела ребенка. Ты была прекрасным младенцем, таким сладким, никому не доставляла хлопот. Ты научилась ходить и говорить раньше, чем я ожидала, и я тобой очень гордилась. А потом тебя украли у меня, и пока тебя не было, я хотела только одного, чтобы ты ко мне вернулась. Хотела вновь обнять тебя, вновь любить. И теперь, дитя мое, самое главное — вылечить тебя, вытащить из той дыры, в которой ты прячешься. Я собираюсь это сделать. Сладенькая. Я сделаю так, чтобы тебе стало хорошо. Помогу тебе выздороветь.

Девочка молчала.

Зеленые глаза показывали, что внимание Мелани сосредоточено совсем на другом.

Лаура усадила дочь себе на колени, обняла, прижала к себе. Какое-то время они просто сидели, тесно прижавшись друг к другу, возрождая узы любви и привязанности, необходимые для успешного лечения.

Несколько минут спустя Лаура поймала себя на том, что уже напевает колыбельную, шепотом произнося слова. Пальцами она гладила Мелани по лбу, убирая волосы с лица. Глаза девочки оставались затуманенными, устремленными в никуда, но она поднесла руку к лицу и сунула большой палец в рот. Словно превратилась в маленького ребенка. Так она делала в три года.

Глаза Лауры наполнились слезами. Голос задрожал, но она продолжала напевать, поглаживая шелковистые волосы Мелани. Потом вспомнила, сколько положила усилий на то, чтобы отучить трехлетнюю Мелани сосать палец, и подивилась тому, как теперь ей это нравится, как тронута она этим всунутым в рот большим пальцем.

Фактически у нее так поднялось настроение и она так воодушевилась как сосанием пальца, так и мгновением прямого визуального контакта после выпитой чашки горячего шоколада, что решила попробовать гипноз прямо сегодня, не ждать, как планировала раньше, завтрашнего дня. В полном сознании и в полукататоническом состоянии ребенок глубоко ушел во внутренний мир и не хотел возвращаться оттуда. Загипнотизированная, Мелани могла стать более податливой, лучше откликаться на предложения, могла пройти хотя бы часть пути, отделяющего ее от реального мира.

В сравнении с обычным человеком, загипнотизировать того, кто находится в таком состоянии, как Мелани, было или проще, или невозможно. Продолжая напевать колыбельную, Лаура начала массировать виски девочки, пальцы ее описывали небольшие круги, усиливая давление. Когда веки ребенка начали подрагивать, Лаура перестала петь и зашептала:

— Давай, крошка. Засыпай, крошка, засыпай, я хочу, чтобы ты заснула, расслабься... ты просто погружаешься в глубокий, естественный сон... опускаешься, как перышко, планирующее в застывшем теплом воздухе... планируешь все ниже и ниже... спи... но будешь по-прежнему слышать мой голос... вниз и вниз ты опускаешься, неспешно, как перышко... но мой голос будет следовать за тобой в сон... вниз... вниз... и ты будешь слышать меня и отвечать на все мои вопросы... будешь спать, но ты будешь слышать и слушаться. — Лаура продолжала массировать виски Мелани все более легкими движениями, пока глаза девочки не закрылись, а ровное дыхание не указало на то, что она крепко спит.

Перец вошел в дверь, с любопытством уставился на них. Потом пересек комнату, прыгнул на кресло-качалку, свернулся в клубок.

Лаура заговорила, по-прежнему держа дочь на коленях:

— Ты сейчас опустилась вниз, крепко спишь. Но ты слышишь мой голос и будешь отвечать мне, когда я стану задавать тебе вопросы.

Лицевые мышцы девочки расслабились, губы чуть разошлись.

— Ты меня слышишь, Мелани?

Девочка не ответила.

— Мелани, ты меня слышишь?

Девочка вздохнула, вздох этот был таким же мягким, как свет, идущий от бронзовых ламп под стеклянными абажурами цвета янтаря.

— Ах...

Это был первый звук, произнесенный Мелани при Лауре с того момента, как последняя увидела дочь на больничной койке.

— Как тебя зовут? Девочка нахмурила лоб.

— Мах...

Перец поднял голову.

— Мелани? Это твое имя? Мелани?

— Мах... мах...

Перец наострил уши.

Лаура решила перейти к следующему вопросу:

— Ты знаешь, кто я, Мелани? Во сне малышка облизала губы.

— Мах... мах... это... ах... это... — Она дернулась и начала поднимать руку, словно от

чего-то защищаясь.

— Успокойся, — сказала Лаура. — Расслабься. Успокойся и расслабься. Спи. Ты в безопасности. Со мной ты в безопасности.

Девочка опустила руку. Вздохнула. Когда складки на лице Мелани разгладились, Лаура повторила вопрос:

— Ты знаешь, кто я, Мелани?

Складки тревоги или страха вновь вернулись на лицо девочки, и в ответ Лаура услышала:

— Амм... ах... ах-ах-ах... это... это...

Лаура попыталась зайти с другой стороны.

— Чего ты боишься, Мелани?

— Это... это... там... — Теперь страх отчетливо читался на бледном, как полотно, лице девочки.

— Что ты видишь? — спросила Лаура. — Чего ты боишься, сладенькая? Что ты видишь?

— Это... там... это...

Перец поднял голову, выгнул спину. Напрягся, не сводя глаз с девочки.

Воздух вдруг застыл, стал тяжелым.

И хотя такого быть не могло, Лауре показалось, что тени по углам потемнели и вытянулись вперед, наползая на диван.

— Это... там... нет, нет, нет, нет.

Лаура положила руку на изрезанный складками лоб дочери, заверяя ее, что все в порядке, дожидаясь, когда девочка заговорит. Ее саму охватила тревога. Она почувствовала, как холод, словно живое существо, ползет от поясицы по позвоночнику, поднимаясь все выше.

— Где ты, Мелани?

— Нет...

— Ты в серой комнате?

Девочка закричала зубами, плотно закрыла глаза, пальцы сжались в кулаки, словно она активно чему-то сопротивлялась. Лаура собиралась увести ее в прошлое, вернуть в серую комнату в доме в Студио-Сити, но, похоже, девочка сама вернулась туда, как только ее загипнотизировали. Но такого не могло быть: Лаура никогда не слышала о спонтанном гипнотическом перемещении в прошлое. Пациента следовало направлять, постепенно приближаясь вместе с ним к месту получения психической травмы.

— Где ты, Мелани?

— Н-нет... это... нет!

— Расслабься. Успокойся. Чего ты боишься?

— Пожалуйста... нет...

— Успокойся, сладенькая. Что ты видишь? Скажи мне, крошка. Скажи маме, что ты видишь? Резервуар, камеру отсечения внешних воздействий? Никто больше не посадит тебя туда, крошка.

Но пугал девочку не резервуар. Так что заверения матери ее не успокоили.

— Это... это...

— Стул для болевой терапии? Электрический стул? Тебя больше не посадят и на него, сладенькая.

Девочку ужасало что-то другое. По ее телу пробежала дрожь, она напряглась, словно хотела соскочить с колен Лауры, убежать.

— Сладенькая, со мной ты в безопасности, — шептала Лаура, еще сильнее прижимая Мелани к себе. — Тебе никто не причинит вреда.

— Открывается... она открывается... нет... она... открывается...

— Успокойся, — Лаура почувствовала, как холод, поднимаясь по спине, добрался до шеи, и поняла, что сейчас произойдет что-то очень важное.

За глаза лейтенанта Феликса Порто из ДЭТП называли «Пуаро», намекая на его сходство со знаменитым детективом-бельгийцем Агаты Кристи. У Дэна не вызывало сомнений, что Порто мнит себя Шерлоком Холмсом, несмотря на толстенные ножки, приличный животик, покатые плечи, лицо Санта-Клауса и лысую, с высоким лбом голову. Чтобы больше соответствовать желанному образу, Порто практически не расставался с трубкой, которую набивал ароматизированным табаком.

Трубка не дымилась, когда Дэн вошел в кабинет, но Порто ухватил ее из пепельницы и использовал для того, чтобы указать на стул.

— Присядь, Дэн, присядь. Разумеется, я тебя ждал. Знал, что ты придешь сюда, чтобы справиться о моих находках в том доме в Студио-Сити.

— Отдаю должное твоей проницательности, Феликс.

Порто откинулся на спинку стула.

— Необычное это дело, удивительное. Естественно, на подготовку официального заключения моей лаборатории потребуется несколько дней, — он всегда говорил *«моя лаборатория»*, как будто не руководил командой экспертов полицейского управления большого города, а проводил эксперименты в комнатенке своих апартаментов на Бейкер-стрит. — Однако я могу, если хочешь, поделиться с тобой некоторыми предварительными результатами.

— За это я тебе буду крайне признателен. Порто прикусил мундштук, бросил на Дэна озорной взгляд, улыбнулся:

— Ты надо мной насмехаешься, Дэниэль.

— Никогда в жизни.

— Да. Ты насмехаешься над всеми.

— Тебя послушать, так я — противный, ехидный тип.

— Ты ехидный.

— Премного тебе благодарен.

— Ехидный, но не противный. Остроумный, умный, обаятельный, а это совсем другое дело.

— Теперь получается, что я — Гэри Грант.

— А разве ты не ассоциируешь себя с ним? Дэн задумался:

— Возможно, наполовину я — Гэри Грант, а на вторую половину, во всяком случае сейчас, Уайл¹ Э. Койот.

— Это еще кто?

— Койот из мультфильмов про калифорнийскую кукушку.

— Понятно. А почему?

— У меня такое ощущение, что огромный валун перекатился через край обрыва прямо надо мной, уже падает вниз и вот-вот раздавит меня.

— Валун — это самое расследование.

— Да. Есть у тебя отпечатки пальцев, которые могут нам помочь?

Порто выдвинул ящик стола, достал табачный кисет:

— Множество отпечатков, принадлежащих трем жертвам. По всему дому. Другие — маленькой девочки. Но их нашли только в реконструированном гараже.

— В лаборатории.

— Серой комнате, как назвал ее один из моих людей.

— Ее держали там постоянно?

— Это самый логичный вывод, да. Мы нашли несколько ее пальчиков в туалете, что находится в коридоре, но нигде больше.

— И это все? Никаких отпечатков пальцев, которые могли бы принадлежать киллерам?

¹ У а й л — от английского Wile (злой).

— Нет, конечно, мы нашли еще множество отпечатков и сейчас прогоняем их через высокоскоростную компьютерную программу, позволяющую сравнить найденные отпечатки пальцев с имеющимися в картотеке отпечатками пальцев преступников, но пока результата нет. И, боюсь, не будет. — Он замолчал, начал набивать табаком трубку. — Скажи мне, Дэниэль, как часто, по твоему опыту, убийца оставлял на месте преступления четкие, легко идентифицируемые отпечатки пальцев?

— Дважды, — ответил Дэн. — За четырнадцать лет. Значит, от отпечатков помощи ждать не приходится. Что еще у нас есть?

Порто раскурил трубку, выдохнул струю ароматного дыма, потушил спичку.

— Оружия не найдено.

— Один из убитых держал в руке каминную кочергу. Порто кивнул.

— Мистер Купер, судя по всему, пытался ею защититься. Но он никого не ударил. На кочерге кровь только Купера, да и то несколько капель. Она же брызнула во все стороны, на пол, на стены. Попала и на кочергу.

— Значит, Купер не успел ударить кочергой кого-нибудь из убийц, но и его били не кочергой.

— Совершенно верно.

— А что твои люди собрали пылесосом, помимо пыли?

— Анализ еще не закончен. Но, откровенно говоря, оптимизма я не испытываю.

Обычно Порто излучал оптимизм, еще одна холмсовская черта, поэтому его пессимизм относительно расследования, которое вел Холдейн, настораживал.

— А что нашли под ногтями убитых? — спросил Дэн.

— Ничего интересного. Ни кожи, ни волос, ни крови, за исключением собственной. Это означает, что у них не было шанса добраться до своих убийц.

— Но убийцы не могли не приблизиться к ним вплотную. Я хочу сказать, Феликс, они же забили этих троих до смерти.

— Да. Но, хотя они и приблизились вплотную, ни один из них не получил ни малейших повреждений. Мы взяли десятки образцов крови, с каждой поверхности во всех комнатах, чтобы выяснить, что вся кровь принадлежит убитым.

Они посидели в молчании.

Порто выдыхал все новые клубы дыма. Глаза его затуманились, словно он размышлял над полученными уликами, и если бы он, как Шерлок, играл на скрипке, то обязательно потянулся бы за инструментом.

Затянувшееся молчание прервал Дэн:

— Как я понимаю, ты видел фотографии тел.

— Да. Ужасно. Невероятно. Такая дикая ярость.

— У тебя возникло ощущение, что это таинственное убийство.

— Дэниэль, я нахожу все убийства таинственными.

— Но это представляется мне более таинственным, чем другие.

— Оно более таинственное, — согласился Порто и улыбнулся, словно трудности его только радовали.

— У меня от него мурашки бегут по коже.

— Берегитесь падающего валуна, мистер Койот.

Дэн оставил лейтенанта ДЭТП в облаке ароматного дыма и на лифте спустился вниз, на этот раз в подвал, где работали патологоанатомы.

16

Все еще загипнотизированная, девочка воскликнула: «Нет!»

— Мелани, сладенькая, успокойся, пожалуйста, успокойся. Никто больше тебя не обидит.

Девочка мотала головой, задышала быстро и часто, что свидетельствовало об

охватившей ее панике. Вопль страха и ужаса застрял в горле, вырвался лишь жалким, пронзительным: «И-и-и-и». Она задержалась, пытаясь слезть с колен матери.

Лаура удерживала ее.

— Перестань дергаться, Мелани. Расслабься. Успокойся. Все будет хорошо.

Внезапно девочка ударила воображаемого нападавшего, выбросив вперед обе руки. Не ведая того, нанесла матери два сильных и болезненных удара. В грудь и лицо.

На мгновение Лаура застыла. Удар в лицо вышел таким сильным, что на глазах от боли выступили слезы.

Девочка скатилась с колен матери на пол и поползла от дивана.

— Мелани, остановись!

Несмотря на постгипнотическое внушение, требующее от девочки реагировать и повиноваться командам Лауры, Мелани приказ проигнорировала. Проползла мимо кресла-качалки, издавая животные звуки беспредельного ужаса.

Кот, сидевший на кресле-качалке, прижав уши к голове, тоже зашипел от страха. Когда Мелани проползала мимо кресла, перепрыгнул через нее, приземлился на пол и стремглав выскочил из кабинета.

Девочка исчезла за столом.

Лаура тоже обошла стол. Левую щеку еще саднило в том месте, куда ударил кулак Мелани. Мелани забралась в нишу между тумбами и спряталась там. Девочка сидела, подтянув колени к груди, обхватив ноги руками, сгорбившись, положив подбородок на колени, уставившись перед собой широко раскрытыми глазами, не видя ни Лауры, ни кабинета.

— Сладенькая?

Жадно ловя ртом воздух, словно она долго и быстро бежала, девочка выдохнула:

— Не дай ей... открыться. Держи... закрытой... плотно закрытой.

Эрл Бентон возник на пороге.

— Вы в порядке?

Лаура посмотрела на него поверх стола.

— Да... просто моя дочь... но у нее все будет хорошо.

— Вы уверены? Моя помощь не нужна?

— Нет, нет. Мне нужно побыть с ней вдвоем. Я справлюсь.

С неохотой Бентон вернулся в гостиную.

Лаура вновь заглянула под стол. Мелани по-прежнему тяжело дышала, но теперь еще и дрожала всем телом. Из глаз по щекам струились слезы.

— Вылезай оттуда, сладенькая.

Девочка не шевельнулась.

— Мелани, ты будешь слушать меня, будешь делать то, что я тебе говорю. Немедленно вылезай оттуда.

Вместо этого девочка попыталась еще глубже залезть в нишу, но ее спина и так упиралась в стенку между тумбами.

Лаура и представить себе не могла, что загипнотизированный пациент может полностью игнорировать команды гипнотизера. Она пристально посмотрела на девочку и решила позволить ей на какое-то время остаться в нише, раз уж там она чувствовала себя в относительной безопасности.

— Сладенькая, от кого или чего ты прячешься?

Нет ответа.

— Мелани, ты должна мне сказать... что ты увидела? Что я должна держать закрытой?

— Не дай ей открыться, — пролепетала девочка, вроде бы впервые отреагировав на вопрос Лауры, хотя глаза ее по-прежнему не отрывались от некоего ужаса в другом времени и месте.

— Чему я не должна дать открыться? Скажи мне, Мелани.

— Держи ее закрытой! — взвизгнула девочка, закрыла глаза и так сильно укусила

нижнюю губу, что на ней появилась капелька крови.

Лаура сунулась в нишу, успокаивающе коснулась пальцами руки девочки.

— Сладенькая, о чем ты говоришь? Я помогу тебе держать ее закрытой, если только ты скажешь мне, о чем речь.

— Д-д-дверь, — промямлила девочка.

— Какая дверь?

— ДВЕРЬ!

— Дверь в резервуар?

— Она открывается, она открывается!

— Нет, — резко бросила Лаура. — Слушай меня. Ты должна слушать меня и принимать то, что я скажу. Дверь не открывается. Она закрыта. Плотно закрыта. Посмотри на нее. Видишь? Она даже не приоткрыта. Нет даже маленькой щелочки.

— Нет даже щелочки, — повторила девочка, и теперь пропали последние сомнения в том, что какая-то часть ее рассудка может слышать Лауру, пусть даже она продолжала смотреть сквозь мать и, по большей части, находилась в другой, созданной ею самой реальности.

— Нет даже щелочки, — кивнула Лаура, испытывая безмерное облегчение от того, что смогла в какой-то степени взять ситуацию под контроль.

Девочка чуть успокоилась. Она еще дрожала, а на лице отражался страх, но губу она более не кусала. По ее подбородку змеилась алая полоска крови.

— Теперь, сладенькая, дверь закрыта и останется закрытой, и никто и ничто с той стороны не сможет ее открыть, потому что я врезала в дверь новый замок, крепкий замок. Ты понимаешь?

— Да. — В слабеньком голосе слышалось сомнение.

— Посмотри на дверь. Видишь на ней большой, блестящий новый замок? Ты видишь новый замок?

— Да. — Уверенности в голосе Мелани прибавилось.

— Большой латунный замок. Огромный. — Да.

— Огромный и прочный. И ничто в мире не сможет сломать этот замок.

— Ничто, — согласилась девочка.

— Хорошо. Очень хорошо. А теперь... пусть даже дверь не сможет открыться, я бы хотела знать, что находится на той стороне.

Девочка промолчала.

— Сладенькая! Помни про крепкий замок. Теперь ты в безопасности. Поэтому скажи мне, что по ту сторону двери.

Маленькие бледные ручки Мелани поднялись и прошли по воздуху перед ней, словно она пыталась что-то нарисовать.

— Что по другую сторону двери? — повторила Лаура. Руки двигались и двигались. С губ девочки слетали бессвязные звуки.

— Скажи мне, сладенькая...

— Это дверь...

— Куда ведет эта дверь?

— Эта дверь...

— Что за комната по другую сторону?

— Это дверь в...

— Куда?

— Это дверь... в... декабрь, — ответила Мелани, ее страх рухнул под напором других эмоций, печали, тоски, отчаяния, раздражения, все они чувствовались в вырвавшихся из груди рыданиях. А потом, вдруг: — Мамик? Мамик?

— Я здесь, крошка, — Лаура удивилась и обрадовалась тому, что дочь признала ее.

— Мамик?

— Рядом с тобой. Иди ко мне, крошка. Вылезай оттуда.

Девочка продолжала плакать, но из-под стола не вылезла. «Мамик?» — похоже, она думала, что по-прежнему одна-одинешенька, далеко от объятий Лауры, хотя их разделяли считанные дюймы.

— О, мамик! Мамик!

Вглядываясь в темную нишу под письменным столом, наблюдая, как плачет маленькая девочка, Лаура потянулась к ней, коснулась ребенка и ощутила те чувства, что переполняли Мелани, особенно горе и раздражение. Но теперь Лауру разбирало любопытство. Дверь в декабрь?

— Мама?

— Я здесь, рядом с тобой.

Они находились совсем рядом, но их разделяла огромная и таинственная пропасть.

17

Чернокожий Лютер Уильямс был одним из самых молодых патологоанатомов УПЛА. Одевался он, как призрак Сэмми Девиса-младшего¹, роскошные костюмы и слишком много украшений, но красноречием и остроумием ничуть не уступал Томасу Соуэллу, чернокожему социологу. Лютер был большим поклонником Соуэлла и других социологов и экономистов, представляющих в интеллектуальном сообществе чернокожих буржуазное консервативное течение, и частенько цитировал их книги. Чуть ли не страницами. Несколько раз он рассказывал Дэну о преимуществах прагматичной политики и экономики свободного предпринимательства, утверждая, что только с их помощью можно вытащить бедных из бедности. При этом он был отличным патологоанатомом, с наметанным глазом на аномалии, которые частенько имели самое важное значение в судебной медицине. Поэтому Дэн и соглашался выслушивать долгие политические лекции, чтобы получить информацию, которую приносило вскрытие. Приносило почти всегда.

Когда Дэн вошел в лабораторию с облицованными зеленым кафелем стенами, Лютер сидел за микроскопом, изучал образец ткани. Он оторвался от окуляров и улыбнулся, увидев, кто к нему пожаловал.

— Дэнни, дружище! Ты воспользовался билетами, которые я тебе дал?

Поначалу Дэн даже не понял, о чем спрашивает его патологоанатом, потом вспомнил. Лютер купил два билета на предвыборные дебаты Дж. Гордона Лидди и Тимоти Лири, но пойти не смог, что-то помешало. Неделю тому назад он столкнулся в коридоре с Дэном и настоял, чтобы тот взял билеты. «Такие дебаты не дают заснуть совести», — заявил тогда он.

Теперь Дэн начал переминаться с ноги на ногу.

— Слушай, я же еще тогда предупредил тебя, что, скорее всего, не смогу пойти. И попросил отдать билеты кому-нибудь еще.

— Так ты не пошел? — В голосе Лютера слышалось разочарование.

— Не было времени.

— Дэнни, Дэнни, для такого ты должен находить время. Идет битва, которая определит наше будущее, битва между теми, кто любит свободу, и теми, кто нет, тихая война между любящими свободу либералами и ненавидящими свободу фашистами и леваками.

Дэн не голосовал, даже не регистрировался для голосования, уже двенадцать лет. Его совершенно не волновало, какая партия стоит у власти и какая господствует идеология. Нет, он не считал, что все они говнюки: республиканцы и демократы, либералы и консерваторы. Возможно, они ими и были, но его это не волновало, поскольку причина его упорного безразличия к политике была другой. Он полагал, что преступность будет существовать в обществе, независимо от того, кто стоит у власти, а потому не видел смысла в том, чтобы выслушивать наводящие тоску политические аргументы.

Его главным интересом в жизни, всепоглощающим интересом, были убийства, вот почему у него не оставалось времени на политику. Убийства и убийцы. Некоторые люди

¹ Дэвис-младший, Сэмми (1925—1990) — известный негритянский танцор и певец.

оказывались способными на чудовищную жестокость, и они зачаровывали Дэна Холдейна. Не те убийцы, что были психами. Не те, кто убивал в безрассудном приступе ярости или страсти. Другие. Мужья, которые могли убивать жен, не испытывая угрызений совести просто потому, что жены им надоели. Матери, которые могли убивать детей, потому что больше не хотели нести ответственность за их воспитание, и убивали, не испытывая ни горя, ни даже чувства вины. Некоторые люди могли убивать по самой банальной причине, скажем, только за то, что его подрезали на автостраде. Все они были аморальными социопатами, и Дэну не надоедало изучать эту категорию убийц и их извращенную психологию. Он хотел их понять. Хотел понять, кто они, психически больные... или выродки? Может, это был какой-то особый тип людей, способных на хладнокровное убийство, ни в коей мере не связанное с самозащитой? Если дело обстояло именно так, если они были волками в обществе овец, Дэну хотелось выяснить, что же их отличало? Чего в них не хватало? Почему они не знали, что такое сострадание и сочувствие?

Он не мог на все сто процентов понять и объяснить свой интерес к убийствам. По складу ума он не относил себя ни к мыслителям, ни к философам, был практиком до мозга костей. Но, возможно, работая изо дня в день в мире насилия, крови и смерти, по прошествии многих лет невозможно не выработать в себе философский взгляд на проблему. Возможно, большинство копов, занятых расследованием убийств, проводят немало времени, размышляя о темной стороне человеческой натуры; возможно, он был не единственным; но знать этого он не мог; большинство копов предпочитают о таком не говорить.

В случае Дэна, однако, стремление понять причины совершения убийств и образ мышления убийц определялось тем, что его брат и сестра были убиты. Возможно, именно этим.

Теперь же, благоухая спиртом и какими-то другими химикалиями, которые используются в патологоанатомической лаборатории, широко улыбаясь Дэну, Лютер Уильямс продолжил:

— Послушай, Дэнни, на следующей неделе состоятся действительно потрясающие дебаты между...

Дэн прервал его:

— Лютер, ты меня извини, но у меня нет времени на болтовню. Мне нужны кое-какие сведения, и срочно.

— А с чего такая спешка?

— Мне хочется отлить.

— Послушай, Дэнни, я знаю, политика вызывает у тебя зевоту...

— Нет, дело не в этом. — Лицо Дэна стало очень серьезным. — Мне действительно хочется пи-пи.

Лютер вздохнул:

— Придет день, когда тоталитаристы возьмут верх, и они примут законы, по которым ты не сможешь справиться малую нужду, не получив разрешения официального представителя Федеральной комиссии по моче.

— Ой!

— Вот тогда ты придешь ко мне с наполненным до предела мочевым пузырем и скажешь: «Лютер, господи, почему ты не предупредил меня, кто эти люди?»

— Нет, нет, я обещаю, что уползу в какой-нибудь подвал, один, и позволю моему мочевому пузырю разорваться. Обещаю, чего там, *клянусь*, что не побеспокою тебя.

— Да, потому что ты действительно скорее позволишь своему мочевому пузырю разорваться, чем согласишься выслушать меня, а зря.

Лютер сидел за лабораторным столом на стуле с колесиками. Дэн пододвинул другой стул, сел перед ним.

— Ладно. Поразите меня своими научными открытиями, доктор Уильямс. Прошлой ночью вы получили трех необычных клиентов. Маккэффри, Хоффрица и Купера.

— Их вскрытие намечено на этот вечер.

— То есть с ними еще не работали?

— У нас запарка, Дэнни. Людей нынче убивают быстрее, чем мы успеваем их вскрывать.

— Похоже на нарушение принципов свободного предпринимательства.

— Не понял?

— Предложение превышает спрос.

— Ты думаешь, это не так? А чего бы тебе не зайти в морг, не взглянуть на столы с наваленными один на другой трупами?

— Нет, благодарю, хотя ты предлагаешь приятную экскурсию.

— Скоро мы будем рассовывать их по чуланам и обкладывать мешками со льдом.

— Ты, по крайней мере, видел тех троих, что меня интересуют?

— Да, конечно.

— Можешь ты что-нибудь о них сказать?

— Они мертвы.

— Как только тоталитаристы возьмут верх, они первым делом покончат со всеми слишком умными чернокожими патологоанатомами.

— Слушай, именно об этом я тебе и толкую! — воскликнул Лютер.

— Ты осмотрел их ранения? Темное лицо потемнело еще больше.

— Никогда не видел ничего подобного. У каждого трупа множество следов от ударов, десятки, даже сотни. Живого места нет. Ужас какой-то. И однако нет двух одинаковых следов. Все кости переломаны поразному, нет каких-то закономерностей. Вскрытие, конечно, даст более точную информацию, но предварительно я могу сказать, что кости где-то сломаны, где-то раздроблены, а где-то... раздавлены. И я представить себе не могу, как некий тупой предмет, использованный в качестве дубинки, может превратить кость в порошок. Удар ломает кость, дробит ее, если это удар. Но растолочь удар не может, такое случается, если автомобиль врезается в пешехода и размазывает его по кирпичной стене. Можно, конечно, раздавить кость, прилагая давление, но это должно быть чертовски большое давление.

— Так чем же их били?

— Ты меня не понимаешь. Видишь ли, когда человека бьют так сильно и так долго, как вроде бы били этих парней, ты находишь какие-то закономерности, можешь сказать, что его били, скажем, молотком с закругленной ударной поверхностью диаметром один дюйм, с притупленной кромкой. Или били ломом, или обухом топора, книгой, батоном салями. То есть, осматривая следы от ударов, обычно можно понять, чем они наносились. *Но не на этот раз.* Все переломы и ранения разные, словно убийцы применяли великое множество орудий убийства.

Дэн подергал левую мочку.

— Полагаю, мы отметем версию, согласно которой убийца вошел в дом с чемоданом, набитым тупыми орудиями убийства, потому что он — большой любитель разнообразия. Я не думаю, что жертвы спокойно стояли и ждали, пока он сменит молоток на сковороду, а сковороду — на ломик.

— Я бы сказал, что это логичное предположение. Дело в том... я не заметил ни одной раны или перелома от удара молотка, сковороды или лома. Каждый след от удара не просто отличается от других, он уникален, он совершенно необычной формы.

— Есть идеи?

— Знаешь, если бы мы были персонажами одного из старых романов про Фу Манчу, я бы сказал, что мы имеем дело со злодеем, который изобрел дьявольское оружие, некую машину-компрессор, которая обладает большей мощностью, чем Арнольд Шварценеггер с кузнечным молотом.

Любопытная версия. Но маловероятная.

— Ты когда-нибудь читал Сакса Ромера¹, эти старые книжки о Фу Манчу? Черт, в них

¹ Сакс Ромер — псевдоним английского писателя Артура Генри Сарсфилда Уорда (1883—1959), среди произведений которого — несколько романов, объединенных одним героем — злобным доктором Фу Манчу.

полным-полно экзотического оружия, приводятся необычные способы убийства.

— Слушай, это же реальная жизнь.

— Да, вроде бы так говорят.

— Реальная жизнь — не романы про Фу Манчу. Лютер пожал плечами:

— У меня такой уверенности нет. Ты в последнее время смотришь выпуски новостей?

— Мне нужно что-нибудь получше, чем ссылка на роман про Фу Манчу, Лютер. В этом расследовании мне нужна конкретная помощь.

Их взгляды встретились.

И Лютер ответил ему, совершенно серьезно, без намека на шутку:

— Но именно так они выглядят, Дэнни. Словно их забил до смерти мощный удар воздушной волны.

18

После того как Лауре удалось убедить девочку вылезти из-под письменного стола, она вывела ее из гипнотического состояния. Конечно, не до конца: полностью сознание к ребенку не вернулось. Мелани вышла из гипнотического транса, но осталась в полукататоническом состоянии, в каком пребывала с того самого момента, как ее нашла полиция.

Лаура лелеяла надежду, что выход из гипноза оборвет и кататонию. На какие-то мгновения глаза ребенка встретились с глазами Лауры, она протянула ручку и коснулась ее щеки, словно не веря в присутствие матери.

— Оставайся со мной, крошка. Не уходи от меня. Оставайся со мной.

Но девочка соскользнула в собственный мир. Контакт с реальностью был, но короткий, очень короткий.

Сеанс гипноза отнял много сил у Мелани. Ее лицо побледнело от усталости, глаза налились кровью. Лаура уложила Мелани на кровать, и девочка заснула, едва ее голова коснулась подушки.

Вернувшись в гостиную, Лаура увидела, что Эрл Бенсон на ногах и без пиджака. Он также достал пистолет из плечевой кобуры и держал его в правой руке, наготове, словно думал, что необходимость воспользоваться им может возникнуть в любую минуту. Он стоял у французского окна, под прикрытием стены, смотрел на улицу, на его широком лице отражалась тревога.

— Эрл? — позвала она. Он коротко глянул на нее.

— Где Мелани?

— Спит.

Он вновь повернулся к улице.

— Лучше оставайтесь с ней.

У нее перехватило дыхание. Она судорожно сглотнула слюну.

— Что случилось?

— Может, и ничего. Полчаса тому назад на противоположной стороне улицы остановился фургон телефонной компании. Никто из него не вышел.

Она подошла, встала рядом с ним.

Серо-синий фургон с белыми надписями на борту стоял напротив ее дома, чуть выше по склону холма, наполовину на солнце, наполовину в тени палисандрового дерева. Выглядел он точь-в-точь как другие фургоны телефонной компании, которые ранее попадались ей на глаза: она не нашла в нем ничего особенного, ничего угрожающего.

— А почему он показался вам подозрительным? — спросила она.

— Как я и говорил, до сих пор из фургона никто не выходил.

— Может, монтер решил вздремнуть за счет компании?

— Маловероятно. В телефонной компании слишком хорошие управляющие, чтобы допускать такое. А потом... что-то здесь не так. Я это чувую. Уже сталкивался с чем-то

подобным. Мне представляется, что за нами следят.

— Следят? Кто?

— Трудно сказать. Но фургон телефонной компании... так часто работают феды.

— Федеральные агенты? — Да.

В изумлении она перевела взгляд с фургона на профиль Эрла. А вот он, похоже, ее изумления не разделял.

— Вы хотите сказать, ФБР?

— Возможно. Или Министерство финансов... Бюро по контролю за продажей алкогольных напитков, табачных изделий и оружия. Может, одна из секретных служб Министерства обороны. Феды бывают разные.

— Но с какой стати федеральным агентам устанавливать за нами слежку? Мы — жертвы... во всяком случае, потенциальные жертвы, не преступники.

— У меня нет полной уверенности, что это феды. Я лишь говорю, что они часто так действуют.

Глядя на Эрла, который не отрывал глаз от фургона, Лаура поняла, что он изменился. Теперь она видела перед собой не деревенщину под тонким слоем лос-анджелесского лоска. Он вдруг стал старше своих двадцати шести лет, весь подобрался, словно готовясь к бою.

Лаура не понимала, что происходит.

— Но если это государственные служащие, беспокоиться не о чем.

— Неужто?

— Они же не те, кто пытался убить Мелани.

— Не те?

Она даже вздрогнула.

— Конечно, не те. Ведь не государство убило моего мужа и тех двоих.

— Откуда вам это известно? — Эрл по-прежнему не отрывал взгляда от фургона телефонной компании.

— Ради бога...

— Ваш муж и один из тех, кого убили вместе с ним... раньше они работали в ЛАКУ?

— И что?

— Они получали фанты. На исследования.

— Да, конечно, но...

— Некоторые гранты, точнее, большинство, выделяло государство, не так ли?

Лаура не стала отвечать, потому что Эрл, судя по всему, и без того знал ответ.

— Гранты Министерства обороны, — добавил он. Она кивнула.

— И других ведомств.

— Министерство обороны интересуется коррекцией поведения. Контролем за разумом. Лучший способ борьбы с врагом — взять под контроль его разум, превратить в своего друга, не позволяя осознать, что им манипулируют. Научный прорыв в этой области может положить конец войнам в их нынешнем виде. Черт, да любое государственное ведомство заинтересовано в контроле разума.

— Но откуда вам известно о характере работы Дилана? Я вам ничего не говорила.

Эрл вопрос проигнорировал.

— Возможно, ваш муж и Хоффриц до сих пор работали на государство.

— Хоффрица выгнали...

— Если его исследования имели важное значение, если он получал требуемые результаты, они бы не посмотрели на то, что Хоффриц потерял уважение научного сообщества. Его бы все равно использовали.

Эрл вновь взглянул на нее, в его глазах читался цинизм, выражение лица совершенно изменилось.

Она более не видела перед собой деревенского парня, который, как Лаура думала, приехал в Лос-Анджелес в поисках лучшей жизни. И поняла, что Эрл Бентон, несмотря на молодость, далеко не так прост, как ей поначалу показалось.

И у нее уже не было уверенности, что она может ему доверять.

Ситуация с каждым мгновением усложнялась, возможные варианты развития событий множились с пугающей скоростью, она почувствовала, что голова идет кругом.

— Государственный заговор? Но зачем убивать Дилана и Хоффрица, если они работали на них?

Эрл ответил без запинки:

— Может, убивали не они. Если уж на то пошло, вероятность этого крайне мала. Но, возможно, исследования вашего мужа вели к серьезному научному прорыву, и результаты могли иметь важное военное применение, вот другая сторона его и ликвидировала.

— Другая сторона?

Он вновь смотрел на улицу.

— Иностранные агенты.

— Советскому Союзу пришел капут. Может, вы слышали. Об этом писали все газеты.

— Русские по-прежнему здесь, и мы с ними очень не скоро станем лучшими друзьями. А есть еще Китай, Иран, Ирак, Ливия. Врагов мало не бывает. Все рвущиеся к власти хотят посчитаться с нами.

— Это безумие, — запротестовала она.

— Что?

— Иностранные агенты, шпионы, международные интриги... Обычные люди не имеют к этому никакого отношения. Попадают в такие передраги только в кино.

— Все так, — согласился Эрл. — Но ваш муж не был обычным человеком. Как и Хоффриц.

Она не могла оторвать взгляда от этого человека, с которым у нее на глазах происходили столь глубокие изменения, он становился все старше, суровее. Она повторила вопрос, на который Эрл не ответил раньше.

— Все эти рассуждения... вы не могли делать такие выводы, если не знали моего мужа, области его исследований, работы, которой он занимался. Кто рассказал вам все это про Дилана? Я не рассказывала.

— Дэн Холдейн.

— Детектив? Когда?

— Когда позвонил мне. Около полудня.

— Но я еще в час дня не знала, что обращаться в вашу фирму.

— Дэн сказал, что дал вам нашу визитную карточку и не сомневается, что вы позвоните. Он хотел, чтобы мы с самого начала знали о всех возможных осложнениях.

— Но он не говорил мне, что в этой истории могут быть замешаны агенты ФБР и, не дай бог, русские.

— Он не знает, замешаны ли они, доктор Маккэффри. Он всего лишь пришел к выводу, что эти убийства могут иметь серьезный резонанс. А вам ничего этого говорить не стал, потому что не хотел, чтобы вы волновались попусту.

— Господи!

Волна паранойи вновь начала подниматься в ее рассудке. Она чувствовала, что попала в тщательно сплетенную паутину заговоров.

— Так что лучше приглядывайте за Мелани, — посоветовал Эрл.

По улице медленно ехал «шеви»-седан. Остановился, поравнявшись с фургоном телефонной компании, проехал чуть вперед, припарковался перед ним. Из седана вышли двое мужчин.

— Наши люди, — пояснил Эрл.

— Сотрудники «Паладина»?

— Да. Я позвонил в контору после того, как понял, что из фургона следят за домом, попросил прислать кого-нибудь из парней, потому что не хотел выходить и оставлять вас одних.

Двое мужчин, которые вышли из «шеви», с двух сторон направлялись к фургону.

— Лучше приглядите за Мелани, — повторил Эрл.
— Она в порядке.
— Тогда отступите на шаг от окна.
— Почему?
— Потому что мне платят за риск, а вам — нет. И я с самого начала предупреждал, что вы должны выполнять все мои указания, не задавая вопросов.
Она отступила от окна, но только на шаг. Хотела увидеть, как будут развиваться события.
Один из сотрудников «Паладина» остался у водительской дверцы, второй обошел фургон сзади.
— Если это федеральные агенты, стрельбы не будет, — догадалась Лаура. — Даже если им нужна Мелани.
— Но, как я и говорил, возможно, в этом фургоне не феды.
— А если там... кто-то еще? — спросила она, не сумев заставить себя произнести: «Русские».
— Тогда можно ждать всякого. — И его пальцы еще крепче сжали рукоятку пистолета.
Лаура смотрела в окно, все в грязных потеках после вчерашнего дождя.
Катящееся к горизонту солнце окрасило улицу в красно-бронзовые цвета.
Прищурившись, она увидела, как открылась одна половинка задней дверцы фургона телефонной компании.

19

Дэн вышел из патологоанатомической лаборатории, но не прошел и нескольких шагов, как в голове сверкнула мысль, заставившая его остановиться. А мгновением позже он уже возвращался в лабораторию. Открыл дверь, вошел. Лютер оторвался от микроскопа.
— Вроде бы ты пошел отлить, но отсутствовал только десять секунд.
— Отлил прямо в коридоре.
— Обычное дело для детектива отдела расследования убийств.
— Послушай, Лютер, ты — либерал?
— Да, конечно, но либералы бывают разные. Есть либералы-консерваторы, либералы-анархисты, либералы-ортодоксы. Есть либералы, которые верят, что мы должны...
— Лютер, посмотри на меня, и ты увидишь живой пример существительного «скука».
— Тогда почему ты спрашиваешь?
— Я просто хотел узнать, слышал ли ты о либеральной группе, которая называется «Свобода теперь».
— Если мне не изменяет память, нет.
— Это комитет политических действий.
— Мне это ничего не говорит.
— Ты достаточно активен в либеральных кругах, не так ли? Ты бы слышал о «Свободе теперь», если бы они вели какую-то работу, проповедовали свои идеи, стремились реализовать их?
— Пожалуй.
— Эрнст Эндрю Купер.
— Один из трех убитых в Студио-Сити, — кивнул Лютер.
— Да. Раньше никогда о нем не слышал?
— Нет.
— Вроде бы большая шишка в либеральных кругах.
— Где?
— Здесь, в Лос-Анджелесе.
— Нет, конечно. Раньше никогда о нем не слышал.
— Ты уверен?

— Разумеется, уверен. Почему ты меня допрашиваешь, как детектив отдела расследования убийств?

— Я и есть детектив отдела расследования убийств.

— Ты — детектив, это точно. — Лютер заулыбался. — Все люди, с которыми ты работаешь, так говорят. Некоторые, правда, используют другие слова, но подразумевают то самое — детектив¹.

— Лютер, по-моему, ты просто заиклился на этом слове, что с тобой такое? Тебе одиноко, может, тебе нужен новый бойфренд?

Патологоанатом рассмеялся. Смеялся он всегда очень заразительно, и улыбка у него была такая обаятельная, что собеседник не мог не улыбнуться в ответ. Дэн не раз спрашивал себя, а почему такой добродушный, жизнелюбивый, оптимистичный, энергичный, веселый человек, как Лютер Уильямс, решил отведенное работе время проводить с трупами?

* * *

Кабинет доктора Ирматруды Гелькеншеттль, заведующей кафедрой психологии ЛАКУ, занимал угловое помещение, и из многочисленных окон открывался вид на кампус. Часы показывали без четверти пять, короткий зимний день подходил к концу. Багрянец заката напоминал еще раскаленные угли костра. Тени вытягивались с каждой минутой. Студенты спешили разбежаться по общежитиям и опередить пробирающийся до костей холод, который несла с собой приближающаяся ночь.

Дэн расположился в современном датском кресле, тогда как доктор Гелькеншеттль обошла стол и села на стул с высокой спинкой.

Невысокая коренастая женщина пятидесяти с небольшим лет, с коротко стриженными, обильно тронутыми сединой волосами, красавицей никогда не была, но ее доброе лицо притягивало взгляд. Носила она синие джинсы и белую мужскую рубашку с накладными карманами, эполетами и закатанными по локоть рукавами. Часы у нее тоже были мужские, простой, но надежный «Таймекс» на браслете. Она излучала компетентность, уверенность в себе, интеллигентность.

Хотя Дэн встретился с ней впервые, у него сложилось ощущение, что он давно уже ее знает. Очень уж она напоминала ему тетю Кей, сестру матери, офицера американской армии. Доктор Гелькеншеттль, несомненно, выбирала одежду по критериям удобства, долговечности и стоимости. Она не осуждала тех, кто стремился идти в ногу с модой. Просто ей в голову не приходила мысль о том, что при обновлении гардероба необходимо принимать во внимание моду. Он даже знал, почему она отдавала предпочтение мужским часам. Точно так же поступала и тетя Кей, потому что у мужских часов больше циферблат, и проще рассмотреть, который час.

Поначалу ее внешность его ошарашила. Он и представить себе не мог, что вот так может выглядеть глава кафедры психологии. Но потом он заметил, что одна из полок книжного шкафа, который стоял за ее столом, заполнена более чем двадцатью томами с ее фамилией на корешке.

— Доктор Гелькеншеттль...

Она подняла руку, прерывая его.

— Эту фамилию произнести невозможно. Доктором Гелькеншеттль называют меня только студенты, коллеги, которых я презираю, и мой автомеханик, этих ребят нужно держать в узде, а не то они сдерут с тебя годовое жалованье за обычное техобслуживание, и незнакомцы. Мы — незнакомцы, или почти что незнакомцы, но мы также профессионалы, поэтому давайте обойдемся без формальностей. Зовите меня Мардж.

— Это ваше второе имя?

¹ Игра слов, непередаваемая в русском языке. Английское слово *detective*, использованное в оригинале, имеет много значений, в том числе детектив и мужской половой орган.

— К сожалению, нет. Но Ирматруда ничуть не лучше Гелькеншеттль, а мое второе имя — Хейди. Как по-вашему, Хейди мне подходит?

Он улыбнулся:

— Полагаю, что нет.

— Вы чертовски правы. Мои родители были очень милые люди, они любили меня, но вот с подбором имен дали маху.

— Меня зовут Дэн.

— Гораздо лучше. Просто. Разумно. Каждый может выговорить Дэн. Так вы хотите поговорить о Дилане Маккэффри и Вилли Хоффрице. Трудно поверить, что они мертвы.

— Если б вы увидели тела, то поверили бы сразу. Сначала расскажите мне о Дилане. Какого вы о нем были мнения?

— Я не занимала этот кабинет, когда здесь работал Дилан. Меня назначили заведующей кафедрой лишь четыре года тому назад.

— Но вы уже преподавали в университете, вели собственные исследования. Работали с ним на одной кафедре.

— Да. Я не знала его очень хорошо, но в одном сомнений у меня не было: я не хотела узнать его лучше.

— Как я понимаю, он полностью отдавался работе. Его жена, она психиатр, говорит, что он уходил в работу с головой, называла его одержимым.

— Он был чокнутым, — высказала свое мнение Мардж.

* * *

Два сотрудника «Паладина» отошли от подозрительного фургона телефонной компании и направились к парадной двери дома Лауры. Эрл Бентон впустил их в дом.

Высокого и низкого. Высокий был еще и тощим, с лицом серого цвета. У низкого по переносице и по обеим щекам рассыпались веснушки. Они не захотели присесть, отказались от кофе. Низкорослого Эрл называл Флэш¹, и Лаура так и не поняла, имя это или прозвище.

Говорил только Флэш, высокий стоял рядом с бесстрастным лицом.

— Они разозлились из-за того, что мы их вычислили.

— Если б они этого не хотели, могли действовать тоньше, — ответил Эрл.

— Так я им и сказал, — кивнул Флэш.

— Кто они?

— Они показали нам удостоверения агентов ФБР.

— Ты записал фамилии?

— Фамилии, имена и номера удостоверений.

— Удостоверения показали тебе настоящими?

— Да, — кивнул Флэш.

— А сами мужчины? Похожи на агентов ФБР?

— Да. Одеты строго. Сдержанные, говорят мягко, вежливо, пусть и злятся, но наглые и самодовольные. Ты же знаешь, какие они.

— Знаю, — согласился Эрл.

— Мы направляемся в контору, — продолжил Флэш, — проверим, есть ли в Бюро такие агенты.

— Фамилии ты найдешь, даже если в фургоне совсем другие люди, — заметил Эрл. — Ты должен заполучить фотографии настоящих агентов и посмотреть, выглядят ли они как эти парни.

— Этим мы и собирались заняться, — заверил его Флэш.

— Возвращайтесь сюда как можно быстрее, — напутствовал парочку Эрл, и они

¹ Ф л э ш — от английского flash — вспышка, миг, бахвал и др.

направились к двери.

— Подождите, — остановила их Лаура. Все трое посмотрели на нее.

— Что они вам сказали? По какой причине они следят за моим домом?

— Бюро не рассказывает о своих операциях, если, конечно, не хочет рассказать, — объяснил Лауре Эрл.

— А эти парни не хотели, — добавил Флэш. — Скорее они бы расцеловали нас и пригласили потанцевать, чем рассказали бы о том, что им поручено.

Высокий согласно кивнул.

— Если бы они приехали для того, чтобы защитить Мелани и меня, они бы нам сказали, не так ли? Следовательно, они хотят отнять ее у меня.

— Необязательно, — возразил Флэш. Эрл сунул пистолет в плечевую кобуру.

— Лаура, для Бюро ситуация, возможно, такая же неопределенная, как и для нас. Например, представьте себе, что ваш муж работал над важным пентагоновским проектом, когда исчез вместе с Мелани. Допустим, с тех пор ФБР разыскивало его. Теперь он появляется, мертвый, при необычных обстоятельствах. Может, последние шесть лет его финансировало совсем не наше государство, и в этом случае у ФБР может возникнуть вопрос, а где он брал деньги.

Вновь Лаура почувствовала, что пол уходит у нее из-под ног, словно реальный мир, который она всегда принимала как само собой разумеющееся, в действительности оказался иллюзией. А настоящая реальность — кошмарный мир параноика, полный невидимых врагов, изощренных заговоров.

— Так вы говорите мне, что они сидят в фургоне телефонной компании, следят за моим домом, потому что думают, как бы кто-то еще не пришел за Мелани, и хотят их перехватить? Но я все равно не понимаю, почему они не пришли ко мне и не сказали, что будут вести наблюдение.

— Вам они не доверяют, — ответил Флэш.

— Они злы на нас за то, что мы выдали их присутствие не только тем, кто тоже может наблюдать за вашим домом, — добавил Эрл, — но и вам.

— Почему? — в голосе Лауры слышалось недоумение.

Эрл замялся:

— Потому что, насколько им известно, вы могли быть замешаны в этой истории наравне с вашим мужем.

— Он украл у меня Мелани.

Эрл откашлялся, ему определенно не хотелось объяснять Лауре очевидное, но ничего другого не оставалось.

— С точки зрения Бюро вы могли позволить вашему мужу забрать вашу дочь, чтобы он мог экспериментировать с ней без вмешательства родственников или друзей.

— Это безумие! — воскликнула Лаура, потрясенная таким предположением. — Вы же видите, что он сделал с Мелани! Как я могла в этом участвовать?

— Люди способны на странные поступки.

— Я ее люблю. Она — моя маленькая девочка. У Дилана была расстроенная психика, возможно, он был сумасшедшим, он мог не видеть или не обращать внимания на то, что он мучает ее, убивает. Но у меня-то с психикой все в порядке! Я — не Дилан.

— Я знаю, — Эрл попытался успокоить ее. — Я знаю, что вы — не он.

По глазам Эрла она поняла, что он верит ей, сочувствует, но в глазах двух других сотрудников «Паладина» увидела толику сомнения и подозрительности.

Они работали на нее, но не до конца верили, что она говорит правду.

Безумие!

Она попала в водоворот, который все дальше и дальше уносил ее в кошмарный мир подозрительности, обмана и насилия, в мир, где все видимое на поверку оборачивалось чем-то совсем другим.

* * *

— Чокнутым? — удивленно повторил Дэн. — Не знал, что в лексиконе психологов есть такие слова.

Мардж усмехнулась:

— Разумеется, мы не употребляем их в студенческих аудиториях, публикуемых работах или в зале суда, если нас приглашают на какой-то процесс в качестве экспертов. Но в уединении моего кабинета, между нами, почти что незнакомцами, скажу вам, Дэн, он был чокнутым. Нет, конечно, на учете он не состоял, будьте уверены. До этого не дошло. Но и не был просто эксцентричным человеком. Вроде бы его исследования сосредотачивались на разработке и практическом применении методов коррекции поведения, которые могли быть использованы для перевоспитания преступников. Но он постоянно сбивался с курса, воодушевляясь то одним, то другим хобби. Регулярно объявлял о глубокой увлеченности, я бы выразилась точнее — одержимости, каким-то новым направлением исследований, но обычно через шесть месяцев, или около того, он терял к этому направлению всякий интерес.

— А что это были за хобби?

Она откинулась на спинку стула, сложила руки на груди.

— К примеру, он пытался подобрать дозировки наркотиков для лечения от никотиновой зависимости. Вам это представляется разумным? Снять у курильщиков зависимость от сигарет и посадить их на наркотики. Черта с два! Потом он предлагал воздействовать на подсознание людей, скажем, давать гипнотическую установку, которая позволила бы поверить в сверхъестественное и открыть разум для психических экспериментов, чтобы мы могли видеть души так же легко, как мы видим друг друга.

— Души? Вы говорите о призраках?

— Говорю. Вернее, он говорил.

— Я не думал, что психологи могут верить в призраков.

— Перед вами психолог, которая не верит. Маккэффри был одним из тех, кто верил.

— Я помню книги, которые мы нашли в его доме. Некоторые были об оккультизме.

— Возможно, половина его хобби была связана с оккультизмом, — сказала она. — С одним сверхъестественным феноменом или с другим.

— А кто же оплачивал такие исследования?

— Мне придется поднять архивные документы. Могу предположить, что связанное с оккультизмом он оплачивал сам или использовал деньги, предназначенные для других работ.

— Разве можно использовать фонды не по назначению? Вроде бы за все нужно отчитываться.

— Если ты нечестен, обмануть государство довольно легко. Иногда воры становятся легкой добычей другого вора, потому что не представляют себя в роли добычи, только хищника.

— А кто финансировал его основные исследования?

— Он получал какие-то деньги от фондов, основанных выпускниками университета для финансирования научных исследований. И, разумеется, корпоративные гранты. А также, как я уже говорила, государственные деньги.

— В основном его финансировало государство?

— Я бы сказала, в основном. Дэн нахмурился:

— Послушайте, если Дилан Маккэффри был чокнутым, как государство могло с ним работать?

— Да, он был чокнутым, и его интерес к оккультизму не мог не раздражать, но ведь и ума ему хватало. Этого у него не отнимешь. Будь у него побольше психологической устойчивости, блестящий интеллект поднял бы его на самую вершину. Он бы стал знаменитостью в своей области, а может, и для широкой общественности.

— Пентагон финансировал его исследования?

— Да.

— А над чем он работал для Пентагона?

— Не могу сказать. Во-первых, не знаю. Я могла бы покопаться в архивах, но, если бы узнала, все равно сказать бы не смогла. У вас нет допуска к секретной информации.

— Логично. А что вы можете сказать мне о Вильгельме Хоффрице?

— Он был мразью.

Дэн рассмеялся:

— Доктор... Мардж, вы определенно не стараетесь подбирать слова.

— Но это правда. Хоффриц был отъявленным сукиным сыном. Чертовым элитистом. Отчаянно хотел стать заведующим кафедрой. Но не имел ни малейшего шанса. Все знали, каким он станет, обретя власть над нами. Злобным. Мстительным. Завистливым. Он бы втоптал кафедру в грязь.

— Он тоже работал на Министерство обороны?

— Практически полностью. Об этом тоже ничего сказать не могу.

— Ходит слух, что его вынудили уйти из университета.

— Да, для ЛАКУ это был праздник.

— И за что от него избавились?

— Одна молодая девушка, студентка...

— Ага.

— Все гораздо хуже, чем вы думаете, — продолжила Мардж. — Речь идет не просто о нарушении неписаного морального кодекса. Он не был первым профессором, который спал со студенткой. За это прегрешение пришлось бы выгнать половину преподавателей-мужчин и пятую часть женщин. Он не только спал с ней, но и бил ее, и в результате она попала в больницу. Их отношения были... мягко говоря, извращенными. Как-то ночью он потерял контроль над собой.

— Вы говорите об играх с привязыванием рук и ног, не так ли?

— Да. Хоффриц был садистом.

— А девушка ему подыгрывала? Была мазохисткой?

— Да. За это и поплатилась. В одну из ночей Хоффриц сломал ей нос, три пальца, левую руку. Я ездила к ней в больницу. Оба заплывших глаза, рассеченная губа, синяки по всему телу.

* * *

Лаура и Эрл наблюдали, как Флэш и высокий в сгущающихся сумерках идут к седану. Фургон телефонной компании превратился в темное пятно, буквы на борту растворились в густой тени, падающей от палисандрового дерева.

— ФБР, значит? — подала голос Лаура. — Они не уедут?

— Нет.

— Несмотря на то что мне известно об их присутствии?

— Они *не убеждены*, что вы были с мужем заодно. Собственно, для них это один из наименее вероятных вариантов. Они предполагают, что те, кто финансировал исследования Дилана, придут за Мелани, и хотят находиться здесь, когда это случится.

— Но без вас мне все равно не обойтись, — заметила Лаура. — На случай, если агенты ФБР захотят увезти мою дочь.

— Да. Если такое произойдет, вам понадобится свидетель для того, чтобы прижать их в суде.

Она подошла к дивану, присела на краешек, ссутулившись, опустив голову, положив руки на колени.

— У меня такое ощущение, что я схожу с ума.

— Все образуется, так что... Его прервал вопль Мелани.

* * *

Выслушав описание избитой студентки, Дэн поморщился.

— Но Хоффрица не арестовали.

— Девушка не написала заявления в полицию.

— Он так ее избил, а она позволила ему выйти сухим из воды? Почему?

Мардж поднялась, подошла к окну, посмотрела на кампус. Оранжевый свет заката уступил место серости и синеве сумерек. По небу со стороны моря наплывали редкие облака.

Заговорила психолог после долгой паузы:

— Когда мы на время отстранили Вилли от преподавания и начали разбираться с его взаимоотношениями со студентками, выяснилось, что эта девушка была не первой. За предыдущие годы как минимум четверо, мы, во всяком случае, точно знаем о четверых, вступали с Хоффрицем в сексуальные отношения, все играли роль мазохисток, с готовностью принимавших его садизм, но до серьезных травм никогда не доходило. До этой девушки все заканчивалось пусть грубыми, но играми. Первые четверо согласились поговорить с нами, и в результате этих бесед мы узнали некоторые интересные, приводящие в смятение... и пугающие подробности.

Дэн подгонять ее не стал. Почувствовал, что для нее очень болезненно и унижительно признавать, что коллега, пусть и тот, кого она терпеть не могла, оказался способен на такие гадости, тем самым доказывая, что научное сообщество ничуть не лучше человечества в целом. Но она была реалисткой, понимала, что так уж устроена жизнь, и он не сомневался, что она расскажет ему все. От него требовалось только одно: не мешать ей.

Она продолжила, всматриваясь в сумерки:

— Среди этих первых четырех девушек не было распутниц. Все из хороших семей, приехали сюда, чтобы получить образование, а не ради того, чтобы вырваться из-под родительской опеки и удовлетворять свои сексуальные фантазии. Собственно, двое были девственницами до того, как попали под влияние Хоффрица. И ни одна до встречи с Хоффрицем ни с кем не вступала в садомазохистские отношения. Их мучило от воспоминаний о том, что они позволяли ему с ними делать.

Мардж вновь замолчала.

Он решил, что она хочет услышать от него вопрос, и задал его:

— Но, если им это не нравилось, почему они это делали?

— Ответ достаточно сложен.

— Я постараюсь понять. Я тоже не так-то прост.

Она отвернулась от окна, улыбнулась, но лишь на мгновение. И действительно, в том, что она рассказала, не было ничего веселого или забавного.

— Мы узнали, что все четыре девушки добровольно участвовали в закрытых экспериментах по изменению поведения, которые проводил Хоффриц. Эксперименты эти включали постгипнотическое внушение и использование подавляющих собственное достоинство наркотиков.

— Но почему у них возникло желание в этом участвовать?

— Чтобы доставить удовольствие профессору. Чтобы получить хорошие оценки. А может, потому, что предложение их заинтересовало. Студенты, знаете ли, иногда интересуются тем, что изучают, даже в наши дни, даже средненькие студенты, которые ныне приходят к нам. А Хоффриц не был лишен обаяния, которое на некоторых действовало сильнее, чем на других.

— Но не на вас.

— Когда он пытался обаять меня, то я находила его еще более мерзким, чем всегда. Короче, он учил этих девушек, он их очаровал, и не следует забывать, что он постоянно публиковал свои работы как в периодике, так и в монографиях, и в своей области считался

компетентным специалистом. Получил известность.

— И после начала таких экспериментов каждая девушка попадала к нему в постель.

— Да.

— Вы думаете, что он использовал гипноз, наркотики, подсознательное воздействие, чтобы... изменить их психику, подстроить под себя?

— Чтобы запрограммировать в их психологическую матрицу распутство и мазохизм. Да. Именно так я и думаю.

* * *

Пронзительный вопль Мелани наполнил дом.

Выкрикивая имя дочери, Лаура последовала за Бенсоном в коридор. С пистолетом в руке, телохранитель первым вошел в комнату Мелани, включил свет.

Девочка была одна. Угрозу, которая заставила ее закричать, могла видеть только она.

В белых носках и трусиках из белой хлопчатобумажной ткани, в которых она спала, девочка забилась в угол, выставила перед собой руки, защищаясь от невидимого врага, и вопила так пронзительно, что могла повредить горло. И выглядела она такой хрупкой, такой ранимой.

Лауру просто сокрушила ненависть к Дилану. Ноги отказывались держать ее тело, она уже начала опускаться на пол, вес переполняющей ее злости оказался слишком велик.

Эрл сунул пистолет в кобуру. Протянул руки к Мелани, но она ударила по ним и поползла вдоль стены, подальше от него.

— Мелани, сладенькая, прекрати! Все хорошо, — обратилась к дочери Лаура.

Девочка не услышала мать. Добралась до другого угла, уселась, подтянула ноги к груди, выставила перед собой маленькие, сжатые в кулаки ручонки. Она больше не кричала, с губ срывался только один бессвязный панический звук:

— Ах... ах... ах... ах... ах...

Эрл присел перед ней на корточки.

— Все в порядке, малыш.

— Ах... ах... ах... ах...

— Теперь все в порядке. Действительно в порядке, Мелани. Я позабочусь о тебе.

— Эта д-д-дверь, — проговорила Мелани. — Эта дверь. Не позволяйте ей открыться.

— Она закрыта, — Лаура поспешила к дочери, опустилась перед ней на колени. — Дверь закрыта и заперта, сладенькая.

— Держите ее *закрытой!*

— Разве ты не помнишь, крошка? — спросила Лаура. — На двери большой, новый, крепкий замок. Разве ты не помнишь?

Эрл в недоумении посмотрел на Лауру.

— Дверь закрыта, — продолжала она. — Заперта. Запечатана. Наглухо забита гвоздями. Никто не сможет ее открыть, сладенькая. Никто.

Большие слезы появились в уголках глаз Мелани. Покатались по щекам.

— Я позабочусь о тебе, — мягко произнес Эрл.

— Крошка, ты тут в безопасности. Никто не сможет причинить тебе вред.

Мелани вздохнула. Страх начал покидать ее лицо.

— Здесь ты в безопасности. В полной безопасности.

Девочка подняла одну бледную руку к голове и начала рассеянно вертеть в руках прядь волос, как это делала бы любая другая девочка, занятая мыслями о мальчиках, лошадях, беседах с подружками или о чем-то еще, все-таки в головы к девятилетним девочкам приходят самые разные мысли. Действительно, после столь странного поведения, которое она до этого времени демонстрировала, после резких переходов от истерики к кататонии и обратно вид ее руки, играющей с прядью волос вселял самые радужные надежды, потому что

являл собой толику нормального поведения, малую, конечно, толику, не прорыв, не брешь в прочной броне аутизма, но уже толику нормальности.

И Лаура не могла за это не ухватиться.

— Ты бы хотела пойти со мной в салон красоты, крошка? А? Ты ведь никогда не была в настоящем салоне красоты. Мы пойдем, и там твои волосы приведут в порядок. Тебе бы этого хотелось?

И хотя глаза Мелани оставались стеклянными, брови чуть сошлись у переносицы, словно она рассматривала предложение матери.

— Видит бог, тебе нужно что-то сделать с волосами, — продолжила Лаура, стремясь сохранить этот момент. Растянуть, углубить и расширить этот неожиданный контакт с дочерью, отделенной от нее и от всего реального мира броней аутизма. — Мы их подстрижем и уложим. Может, сделаем завивку. Ты бы хотела, чтобы твои волосы стали выющимися, сладенькая? С кудряшками ты будешь так славно выглядеть.

Лицо девочки смягчилось. Еще чуть-чуть, и губы начали бы изгибаться в улыбке.

— А после салона красоты мы с тобой пойдем по магазинам, покупать одежду. Не возражаешь, сладенькая? Купим множество новых платьев. Платьев и свитеров. Даже блестящий пиджак, какие сейчас носят дети. Могу поспорить, тебе такой понравится.

Но начавшая формироваться улыбка Мелани застыла на полпути. И хотя Лаура продолжала говорить, та самая толика нормальности вдруг исчезла бесследно. На только что спокойном лице девочки отразилось отвращение, словно в своем личном мире она увидела нечто мерзкое и ужасающее.

Потом она повела себя совсем странно, даже пугающе. Начала бить себя своими маленькими кулачками сначала по коленям и бедрам, с громкими чавкающими звуками заколотила по груди...

— Мелани!

Кулаки молотили по бицепсам, по плечам с невероятной силой, яростью, с тем, чтобы причинить себе боль.

— Перестань! Мелани! — Лауру потрясла и перепугала внезапно открывшаяся в Мелани жажда самоуничтожения.

Мелани ударила себя по лицу.

— Я ее остановлю! — крикнул Эрл.

Девочка укусила его, когда он попытался схватить ее за руки. Вырвала одну руку и в кровь исцарапала собственную грудь.

— Господи! — выдохнул Эрл, когда девочка пнула его голый ногой и вывернулась из его рук.

* * *

— Запрограммировал распутство и мазохизм? — хмурясь, переспросил Дэн. — Разве такое возможно?

Мардж кивнула:

— Если психолог в должной мере владеет современными методами глубокого воздействия на мозг, если он беспринципен, если находится человек, желающий на это пойти, или у психолога есть возможность контролировать человека и работать с ним в течение продолжительного времени... тогда такое возможно. Но обычно на это уходит очень много времени, требуется терпение и упорство. Самым удивительным и пугающим в этой истории является то обстоятельство, что Хоффриц сумел запрограммировать этих девушек буквально за несколько недель, работая с ними час или два в день, три или четыре раза в неделю. Вероятно, он разработал новые и чертовски эффективные методы психологической коррекции. Но с первыми четырьмя ему не удавалось добиться длительного эффекта, через несколько недель или месяцев все шло насмарку. Психологическая матрица каждой девушки

обретала прежнюю конфигурацию. Поначалу она испытывала стыд за ту сексуальную акробатику, которую проделывала с Хоффрицем, но продолжала получать удовольствие в унижении и боли, которые доставались ей как мазохистке. Потом весь садомазохистский аспект их взаимоотношений вызывал у нее страх и отвращение. Каждая из девушек говорила, что она словно вырывалась из кошмарного сна, когда у нее возникало и крепло желание порвать с Хоффрицем. И все четыре девушки в конце концов нашли в себе силы это сделать.

— Слава богу.

— Я понимаю, почему Его славят, но иногда задаюсь вопросом, а как Он может позволять таким людям, как Хоффриц, ходить по этой земле.

— Почему девушки не обратились в полицию... или как минимум в администрацию университета?

— Их всех останавливало глубокое чувство стыда. До того как мы нашли их и допросили, они и представить себе не могли, что их мазохизм — результат воздействия Хоффрица на их психику. Все они думали, что эти извращенные желания заложены в них природой.

— Но как такое может быть? Они же знали, что участвуют в экспериментах по изменению поведения. И когда начали вести себя, как не вели никогда раньше...

Она подняла руку, останавливая его:

— Вилли Хоффриц, возможно, давал им постгипнозные директивы, запрещающие каждой девушке рассматривать возможность того, что он несет ответственность за изменения в их поведении.

Мысль о том, что мозгом так легко манипулировать, не на шутку напугала Дэна.

* * *

Мелани протиснулась мимо Эрла, в два шага оказалась на середине спальни, остановилась. Покачнулась, чуть не упала. Вновь начала колошматить себя, словно чувствуя, что заслуживает наказания, или стремясь изгнать какую-то черную душу из своей, предавшей ее плоти.

Подойдя ближе, Лаура, выбрав момент, обняла дочь, притянула к себе, стараясь прижать руки к бокам.

Но, даже лишившись возможности бить себя руками, Мелани не успокоилась. Принялась пинаться и кричать.

Эрл Бентон надвинулся на девочку сзади, зажав ее между собой и Лаурой, чтобы она не могла пошевелиться. Ей оставалось только кричать, плакать и пытаться вырваться. В таком положении все трое оставались минуту-другую. Лаура продолжала уговаривать девочку успокоиться, и Мелани в конце концов перестала сопротивляться. Мешком обвисла между ними.

— Она утомилась? — спросил Эрл.

— Думаю, да, — ответила Лаура.

— Бедная малышка.

Мелани выглядела так, будто совершенно вымоталась.

Эрл отступил на шаг.

Став покорной, Мелани позволила Лауре довести ее до кровати.

Села на краешек.

Из глаз продолжали катиться слезы.

— Крошка, ты в порядке? — спросила Лаура.

— Она открылась, — ответила девочка, ее глаза снова остекленели. — Она снова открылась, открылась полностью. — И в отвращении содрогнулась.

* * *

— А пятая девушка? — спросил Дэн. — Та, которая после его побоев попала в больницу. Как ее звали?

Коренастая психологиня отошла от окна, за которым сумерки стремительно сменялись ночью, вернулась к своему столу, плюхнулась на стул, словно эти неприятные воспоминания отняли у нее больше сил, чем долгий рабочий день.

— Не уверена, что могу вам сказать.

— Я считаю, что должны.

— Вторжение в личную жизнь и все такое.

— Полицейское расследование и все такое.

— Конфиденциальность отношений врач—пациент и все такое, — упорствовала Мардж.

— Да? Девушка была вашим пациентом?

— Я несколько раз приходила к ней в больницу.

— Слабенький аргумент, Мардж. Слова, конечно, правильные, но аргумент слабенький. Я приходил к моему отцу каждый день, когда он лежал в больнице после коронарного шунтирования, но не уверен, что такие визиты дают мне право называть себя его врачом.

Мардж вздохнула:

— Просто бедняжка так настрадалась, и теперь, по прошествии четырех лет, снова втягивать ее...

— Я никуда не собираюсь ее втягивать и ворошить прошлое перед ее новым мужем и детьми, — заверил ее Дэн. — Я, возможно, выгляжу большим, тупым и грубым, но на самом деле я — тонко чувствующая натура и умею не привлекать лишнего внимания.

— Вы не выглядите тупым или грубым.

— Благодарю.

— И вы выглядите опасным.

— Я сознательно поддерживаю этот образ. Помогает в моей работе, знаете ли.

Какое-то время она еще мялась, потом пожала плечами.

— Ее зовут Реджина Саванна.

— Вы шутите.

— Стала бы Ирматруда Гелькеншеттль шутить с именами других людей?

— Извините, — он записал «Реджина Саванна» в маленький блокнот. — Вы знаете, где она живет?

— Когда это все случилось, Реджине оставалось два года до диплома. Она жила в большой квартире вне кампуса в Уэствуде с тремя другими студентками.

— Что произошло после того, как девушка выписалась из больницы? Она ушла из университета?

— Нет. Закончила учебу, защитила диплом, хотя в университете хватало людей, которые хотели, чтобы она перевелась в другое учебное заведение. Они чувствовали, что ее присутствие позорит ЛАКУ.

Дэн удивился:

— Позорит? Я-то думал, все обрадовались тому, что она поправилась, физически и психически, и может учиться дальше.

— Дело в том, что она продолжала встречаться с Хоффрицем.

— Что?

— Потрясающе, не так ли?

— Она продолжала встречаться с ним, после того как его стараниями попала в больницу?

— Совершенно верно. Более того, Реджина написала мне письмо, как заведующей кафедрой, в котором защищала Хоффрица.

— Святой боже!

— Она отправила точно такие же письма президенту университета и многим членам комиссии по этике. Сделала все, что было в ее силах, чтобы Хоффрица не выгнали с работы.

Дэну вновь стало не по себе. Он полагал, что пронять его не так-то просто, но от всей этой истории с Хоффрицем у него похолодело внутри. Если Хоффриц мог до такой степени подчинить себе Реджину, не хотелось даже думать о том, чего добились он и Дилан Маккэффри, объединив свои демонические таланты. И ради какой цели они превратили Мелани практически в растение?

Дэн более не мог усидеть на месте. Поднялся. Но кабинет был маленький, а он — мужчина крупный, так что покружить по кабинету не было никакой возможности. Вот он и остался стоять, сунув руки в карманы.

— Вы можете сказать, что после того, как Хоффриц побил Реджину, она смогла вырваться из-под его влияния?

Мардж покачала головой:

— Даже после того, как Хоффрица вышибли из университета, Реджина приводила его в кампус на все мероприятия как своего кавалера.

Дэн вытаращился на нее.

— И он был ее единственным гостем на выпускном вечере.

— Святой боже!

— Им обоим страшно нравилось тыкать нас мордой в грязь.

— Этой девушке требовалась психологическая помощь.

— Да.

— Депрограммирование.

На добром лице психологини отразилась печаль. Она сняла очки, будто они вдруг стали слишком тяжелыми, потерла усталые глаза.

Дэн хорошо представлял себе, что чувствует сейчас эта женщина. Она любила свою профессию, хорошо делала то, что умела, установила для себя высокие личные стандарты. У нее имелись принципы и идеалы. Она чутко прислушивалась к голосу совести, верила, что такие люди, как Хоффриц, позорили не только профессию, но и всех тех, кто работал рядом с ним.

— Мы постарались сделать все возможное, чтобы Реджина получила необходимую ей помощь, но она отказалась.

За окном зажглись натриевые лампы уличных фонарей, но они не смогли отогнать ночь.

— Вероятно, Реджина не обратилась в полицию и не выдвинула обвинения против Хоффрица, потому что ей нравилось такое обращение?

— Вероятно.

— Он так ее запрограммировал, что ей нравилось.

— Вероятно.

— Опыт, накопленный с первыми четырьмя девушками, не пропал зря.

— Да.

— Он потерял над ними контроль, но понял, в чем его ошибка. И еще до того, как Реджина попала под его влияние, модифицировал свой метод с тем, чтобы удерживать ее железной хваткой. — Дэн чувствовал, что должен двигаться, сбросить распиравшую его энергию. В пять шагов добрался до книжных стеллажей, вернулся обратно, положил руки на спинку стула. — Теперь при упоминании термина «коррекция поведения» меня будет тошнить.

— Это очень серьезная область исследований, достойное уважения направление психологии. — Мардж вступилась за свою профессию. — Благодаря методам, которые разрабатываются в рамках коррекции поведения, для детей облегчается процесс обучения, и они лучше и на более продолжительное время запоминают полученную информацию. Коррекция поведения помогает нам снижать уровень преступности, лечить больных, создавать более спокойный мир.

Если Дэну не терпелось от разговоров перейти к действиям, то Мардж, похоже, искала

облегчения в летаргии. Она еще сильнее вдавилась в спинку кресла. Она привыкла принимать решения, могла найти выход из многих ситуаций, но, похоже, такие монстры, как Хоффриц, были ей не по зубам. И когда сталкивалась с тем, что не могла контролировать, из кадрового военного офицера превращалась в бабушку, которая с радостью бы оказалась в кресле-качалке с чашкой чая с медом в руках. Дэн такая ранимость в ней только нравилась.

Голос ее звучал устало.

— Коррекция поведения и «промывка мозгов» — далеко не одно и то же. «Промывка мозгов» — это извращение коррекции поведения, и Хоффриц не был обыкновенным человеком и не был обыкновенным ученым, а был извращенцем, как в первой, так и во второй ипостаси.

— Реджина до сих пор с ним?

— Не знаю. Последний раз я видела ее более двух лет тому назад, и тогда она была с ним.

— Если она не бросила его после того избиения, полагаю, ничто не заставит ее уйти от него. Так что, скорее всего, она по-прежнему с ним.

— Если только она ему не надоела, — вставила Мардж.

— Судя по тому, что я о нем слышал, ему не может надоест человек, который боится его и во всем ему подчиняется.

Мардж мрачно кивнула.

Дэн взглянул на часы, торопясь двинуться дальше.

— Вы говорили, что Дилан Маккэффри был блестящим ученым, гением. Вы бы могли сказать такое о Хоффрице?

— Пожалуй. Фактически да. Но его гениальность более черная, извращенная, злая.

— Вроде бы и с Маккэффри та же история.

— Нет, Хоффриц тут даст ему большую фору.

— Но если они начали работать вместе, получая существенное, возможно, неограниченное субсидирование, не сдерживаемые никакими юридическими или моральными ограничениями, комбинация получалась опасной, не так ли?

— Да. — Пауза. — Дьявольская.

Это слово, «дьявольская», казалось гиперболой, несвойственной Мардж, но Дэн не сомневался, что выбрала она это слово сознательно.

— Дьявольская, — повторила она, чтобы у него не осталось сомнений в том, что она глубоко встревожена.

* * *

В ванной Лаура смазала укус на руке Эрла Бентона йодом и заклеила пластырем.

— Это ерунда, — заверил он ее. — Не волнуйтесь.

Мелани сидела на краю ванны, уставившись в выложенную зеленой плиткой стену. Она ничем не напоминала ту фурию, что несколько минут тому назад яростно сражалась с ними в спальне.

— Человеческий укус более опасен, чем собачий или любого другого животного, — тревожилась Лаура.

— Вы залили ранку йодом, да и крови вытекло совсем ничего. Поверхностный укус. Даже не больно, — ответил, он, хотя Лаура знала, что ранка жжется.

— Вам в последнее время делали прививку от столбняка? — спросила она.

— Да. В прошлом месяце. Искали мы тут одну компанию. Так какой-то тип, когда его нашли, полез на меня с ножом. В общем-то, обошлось, всего семь швов, но прививку от столбняка мне на всякий случай сделали.

— Я сожалею, что все так вышло.

— Вы это уже говорили.

— Тем не менее сожалею.

— Послушайте, я знаю, девочка этого не хотела. А потом, такая у меня работа.

Лаура присела перед Мелани, осмотрела покраснение на левой щеке в том месте, где девочка ударила себя кулаком. Да, со временем красноте предстояло смениться полноценным синяком. На шее и груди виднелись царапины от ногтей. Губа припухла там, где девочка укусила ее этим днем, в конце сеанса гипноза.

Во рту у Лауры пересохло от страха и тревоги. Она повернулась к Эрлу:

— Как же нам защитить ее? Это не просто какой-то враг без лица, который хочет добраться до нее. Это не просто государственные агенты или русские. Как мы сможем защитить ее от нее самой?

— Кто-то должен оставаться с ней, каждую минуту держать ее под присмотром.

Лаура подсунула пальцы под подбородок девочки, повернула ее голову так, чтобы их взгляды встретились.

— Это уже перебор, крошка. Мамик может постараться уберечь свою девочку от плохих людей, которые хотят схватить ее. И Мамик может постараться помочь тебе в твоём нынешнем состоянии, сделает все, чтобы вывести тебя из него. Но теперь... это уже перебор. Почему ты хотела причинить себе вред, крошка? *Почему?*

Мелани шевельнулась, словно отчаянно хотела ответить, но кто-то удерживал ее. Губы дернулись, зашевелились, но с них не слетело ни звука. По телу девочки пробежала дрожь, она покачала головой, застонала.

У Лауры щемило сердце, когда она наблюдала, как ее ребенок безуспешно пытается сбросить с себя оковы аутизма.

20

Нед Ринк, бывший полицейский и агент ФБР, которого нашли мертвым в автомобиле на стоянке у больницы, жил в маленьком уютном доме на окраине Ван-Нейса. Дэн поехал туда сразу после беседы с Мардж Гелькеншеттль. Дом был низкий, с плоской крышей, выложенной белыми камнями, и стоял на ровной части долины Сан-Фернандо в окружении таких же низких домов с плоскими крышами, которые вместе образовывали целую улицу. Вокруг в изобилии росли кусты. Геометрические формы дома указывали на то, что построили его в конце 1950-х годов.

Дом встретил Дэна темными окнами. Горел только грязный уличный фонарь, который выхватывал из темноты черные окна да светло-желтую штукатурку стен там, где их не закрывала пышная растительность.

Автомобили стояли вдоль одной стороны узкой улицы. И хотя полицейский седан без знаков отличия занял место в темноте, между двух уличных фонарей, Дэн сразу же вычислил его. Один мужчина сидел за рулем неприметного «Форда», пригнувшись, наблюдал за домом Ринка, сам оставаясь практически невидимым.

Дэн проехал мимо дома, обогнул квартал, вернулся, припарковался в полуквартале от полицейского «Форда». Вышел из машины, зашагал к нему. Водитель наполовину опустил стекло. Дэн наклонился к окошку.

Наблюдение вел детектив из полицейского участка Ист-Вэлью, и Дэн его знал. Внешне Джордж Падракис напоминал певца 50—60-х годов Перри Комо.

Падракис полностью опустил стекло.

— Ты приехал меня сменить или как? — И голос у него походил на голос Комо, мягкий, мелодичный, сонный. Он посмотрел на часы. — Нет, мне еще торчать здесь пару часов. Для смены рановато.

— Я приехал, чтобы заглянуть в дом, — ответил Дэн.

Падракис повернул голову, чтобы посмотреть на него.

— Это твое дело?

— Это мое дело.

— Уэкслерш и Мануэлью уже перевернули дом вверх дном.

Уэкслерш и Мануэлью, два ближайших помощника Росса Мондейла в полицейском участке Ист-Вэлью, два детектива-карьериста, которые прицепили свои вагоны к поезду шефа. Для него они могли пойти на все, даже нарушить закон. Дэн терпеть их не мог.

— Они тоже занимаются этим расследованием? — спросил Дэн.

— Ты же не думаешь, что все достанется тебе одному, не так ли? Слишком большое дело. Четыре трупа. Один из них — миллионер с Хэнкок-Парк. Одинокому рейнджеру такое не по статусу.

— А чего они оставили тебя здесь? — спросил Дэн, присаживаясь на корточки, чтобы оказаться лицом к лицу с Падракисом.

— Понятия не имею. Наверное, решили, что в доме Ринка есть нечто такое, что может подсказать им, на кого он работал или кто его нанял. Они думают, что этот человек может прийти сюда, чтобы уничтожить улики.

— А ты его, само собой, прихватишь.

— Нелепо, не правда ли?

— И чья это идея?

— Догадайся с трех раз.

— Мондейла.

— Приз твой. Бери любую из набивных игрушек. Порыв ледяного ветра зашелестел листвою.

— Ты, должно быть, работаешь круглые сутки, если прошлой ночью был в доме в Студио-Сити, — добавил Падракис.

— Практически да.

— А что ты делаешь здесь?

— Прослышал, что тут бесплатно раздавали попкорн.

— Тебе бы поехать домой, выпить пива, положить ноги на стол. Я бы точно поехал.

— Пива у меня дома нет, — ответил Дэн. — А потом, я очень люблю свою работу. Они оставили тебе ключ, Джордж?

— Все говорят, что ты — трудоголик.

— Ты хочешь провести со мной сеанс психоанализа или сначала скажешь, оставили тебе ключ или нет?

— Да. Но не знаю, должен ли я дать его тебе.

— Это мое расследование.

— Но в этом доме уже произведен обыск.

— Не мной.

— Уэкслершем и Мануэлью.

— Сладкой парочкой. Перестань, Джордж, не будь занудой.

С неохотой Падракис полез в карман пиджака за ключом от дома Неда Ринка.

— Насколько мне известно, Мондейл очень хочет поговорить с тобой.

Дэн кивнул:

— Все потому, что я — блестящий собеседник. Ты бы слышал, как я рассуждаю о балете.

Падракис нашел ключ, но Дэну не отдал.

— Он весь день пытается тебя найти.

— И он называет себя детективом? — Дэн протянул руку за ключом.

— Он искал тебя весь день, а ты объявляешься здесь, вместо того чтобы вернуться в участок, как ты ему обещал, и если я дам тебе ключ... его это не порадует.

Дэн вздохнул:

— Думаешь, он больше порадует, если ты откажешься отдать ключ и мне придется разбивать стекло, чтобы попасть в дом?

— Ты не разобьешь.

— Выбирай окно.

— Это же глупо.

— Любое окно.

Наконец Падракис дал ему ключ. Дэн пересек тротуар, миновал ворота, направился к входной двери, чуть подволакивая больную ногу. Колено чувствовало: будет дождь. Дэн открыл дверь и вошел.

Очутился в крошечной прихожей. В гостиной по его правую руку темноту чуть разгонял свет далеких уличных фонарей, падающий через окна. Налево уходил узкий коридор, и где-то там, в спальне или кабинете, горела лампа, невидимая с улицы. Уэкслерш и Мануэль, должно быть, забыли погасить ее, когда закончили обыск. Они частенько допускали неряшливость в работе.

Он включил свет в коридоре, ступил в темноту справа, нащупал выключатель, включил свет и оглядел гостиную. Это был скромный дом в скромном районе, но обстановкой он напоминал тайное убежище одного из Рокфеллеров. Середину комнаты занимал роскошный, двенадцать на двенадцать футов, толщиной три дюйма китайский ковер с драконами и цветками вишни. Французские стулья четырнадцатого века, с гнутыми ножками и подлокотниками, диван с такими же ножками и обивкой, точно соответствующей цвету ковра. Две бронзовые лампы с хрустальными абажурами, большой кофейный столик, каких Дэн никогда не видывал, из бронзы и оловянного сплава, с каким-то восточным орнаментом на поверхности. Поверхность эта плавно переходила в боковины, боковины — в ножки, и казалось, что столик отлит зацело. Стены украшали пейзажи в золоченых рамах, определенно принадлежащие кисти какого-то мэтра. В дальнем углу стоял стеллаж работы французских мастеров, с хрустальными фигурками, статуэтками, вазочками, и Дэн никогда не видел ничего более прекрасного.

Обстановка гостиной стоила гораздо больше всего этого скромного дома. Не вызывало сомнений, что профессия наемного убийцы обеспечивала Неду Ринку безбедное существование. И он знал, как и на что тратить свои деньги. А если бы купил большой дом в престижном районе, в департаменте налогов и сборов обратили бы на него внимание и спросили, откуда денежки. Здесь же он мог жить в роскоши, не вызывая ненужных вопросов.

Дэн попытался представить себе Ринка в этой комнате. Недомерок, урод. Его желание окружать себя прекрасным в принципе понятно, но ведь здесь он выглядел как таракан на праздничном торте.

Дэн обратил внимание на то, что в гостиной нет зеркал, и предположил, что нет их и во всем доме, за исключением разве что ванной. И буквально пожалел Ринка, любителя и ценителя красоты, который терпеть не мог пялиться на собственное лицо.

Из гостиной он вернулся в коридор, чтобы осмотреть весь дом. Первым делом направился в комнату, где Уэкслерш и Мануэль оставили включенную лампу. Когда переступил порог, внезапно подумал, а вдруг Уэкслерша и Мануэль не стоит винить за излишний расход электроэнергии и в дом проник кто-то еще, несмотря на то что Джордж Падракис держал под контролем парадную дверь. И тут же краем глаза уловил какое-то движение, но было поздно. Повернувшись, увидел опускающуюся на него рукоятку револьвера. Поскольку успел повернуться, удар пришелся в лоб, а не по затылку.

Дэн повалился на пол.

Чего там, рухнул как подкошенный.

Свет под потолком погас.

Он чувствовал, что череп у него, скорее всего, пробит, но сознания не потерял.

Услышав шум, понял, что нападавший мимо него направляется к двери. В коридоре горел свет, но перед глазами Дэна стоял туман, так что разглядел он разве что расплывающийся силуэт. Более того, этот силуэт мотало вверх-вниз и одновременно по кругу, и Дэн понимал, что сознание вот-вот покинет его.

Тем не менее он развернулся на полу, хотя дикая боль в голове распространилась на шею и плечи, и схватил убегающего призрака. Схватил за штанину и изо всех сил дернул на себя.

Незнакомец пошатнулся, его бросило на дверной косяк, он воскликнул: «Дерьмо!»

Дэн штанину не отпускал.

Ругаясь, незванный гость пнул его в плечо.

Потом снова.

Дэн схватился за штанину уже обеими руками и пытался завалить незнакомца на пол, чтобы хоть как-то уравнять силы, но тот держался за дверной косяк и старался вырвать ногу. Дэн напоминал себе собаку, напавшую на почтальона.

Незванный гость пнул его вновь, на этот раз в правую руку, и правая рука онемела. Так что теперь он держал ногу преступника только одной рукой. Перед глазами все по-прежнему плыло, свет начал меркнуть. Глаза жгло. Он скрипнул зубами, словно хотел впиться ими в сознание и удержать его, плотно сжав челюсти.

Незнакомец, все тот же черный силуэт на фоне освещенного коридора, наклонился и опять ударил его рукояткой пистолета. На этот раз по плечу. Потом по спине. Еще раз по плечу.

Отчаянно моргая, изо всех сил стараясь избавиться от застилающего глаза тумана, Дэн отпустил ногу незнакомца, но вскинул левую руку, попытавшись добраться до лица или шеи мерзавца. Ухватился за ухо, дернул изо всех оставшихся сил.

Незнакомец взвыл.

Рука Дэна соскользнула с залитого кровью уха, но пальцы зацепились за воротник рубашки.

Незванный гость лупил Дэна по руке, стараясь освободиться.

Дэн держал его крепко.

Онемение частично ушло из правой руки, так что он смог приподняться, упираясь ею в пол, не выпуская из левой воротник рубашки своего противника. Встал на колени, потом уперся в пол одной ступней. Поднимаясь, толкал незнакомца назад, в коридор. Вот так, шатаясь из стороны в сторону, словно неуклюжие танцоры, они прошли два или три шага. Потом рухнули на пол. Оба.

Дэн оказался наверху, но по-прежнему не мог разглядеть лицо этого парня. Туман перед глазами не рассеивался, свету в коридоре явно не доставало яркости. Глаза горели, словно в них плеснули кислотой, и он решил, что их заливают пот или кровь из раны на лбу.

Он сунул руку под пиджак и вытащил из плечевой кобуры «полис спешл» 38-го калибра, но не заметил, как незнакомец размахнулся, чтобы вышибить револьвер из его руки, так что не смог уклониться от удара. Хрястнули костяшки пальцев, и револьвер отлетел в сторону.

Продолжая бороться, они подкатились к стене, и Дэн попытался врезать здоровым коленом незнакомцу в пах, но тот блокировал удар. Хуже того, незнакомец пнул Дэна во второе, травмированное колено, его слабое место. Боль выстрелила в бедро, добралась до желудка. Удар по его правому колену иногда достигал той же цели, что и удар по яйцам: перехватывало дыхание, силы уходили. Он почти отпустил незнакомца.

Но только почти.

Парень выбрался из-под него, попытался оторваться, взяв курс на кухню, но Дэн ухватился за его пиджак. Преступник тем не менее продвигался в выбранном направлении, буквально таща Дэна за собой.

Все это могло показаться забавным, но обоим уже крепко досталось, Дэну, понятное дело, больше, и дышали они, как загнанные лошади. Да и борьба шла не на жизнь, а на смерть.

По-прежнему ничего не видя перед собой, Дэн в последней отчаянной попытке прыгнул вперед, чтобы накрыть своим телом незнакомца и припечатать к полу. Но преступник, должно быть, решил, что лучшая оборона — нападение, поэтому оставил попытки оторваться от Дэна и повернулся к нему, ругаясь так яростно, что изо рта летели брызги слюны, и принялся осыпать лейтенанта ударами четырех, а то и пяти рук. Они покатались по полу, а когда остановились, незванный гость оказался наверху.

Что-то холодное и тяжелое уперлось в зубы Дэна. Он знал, что это такое. Ствол пистолета.

— Немедленно прекрати! — прорычал незнакомец.

— Если бы ты хотел меня убить, давно бы это сделал. — Зубы Дэна постукивали о металл.

— Не испытывай судьбу. — В голосе слышалось столько злости, что Дэн понял: незванный гость может нажать на спусковой крючок, хотел он этого или нет.

Отчаянно моргнув, Дэну удалось хоть чуть-чуть, но разогнать туман. Он увидел пистолет, огромный, как артиллерийское орудие, приставленный к его губам. Увидел и человека, который держал пистолет в руке, но смутно. Лампа находилась выше и позади сукина сына, так что лицо оставалось в тени. Левое ухо висело под странным углом, с него капала кровь.

Дэн понял, что и его ресницы слиплись от крови. Кровь по-прежнему натекала в глаза вместе с потом и тоже мешала получше разглядеть незнакомца.

Он перестал сопротивляться.

— Отпусти меня... ты... бульдог... мерзавец! — Каждое слово его противник выплевал вместе с выдохом, словно свинцовую дробину.

— Ладно. — Дэн его отпустил.

— Ты что, псих?

— Да ладно, ладно.

— Ты наполовину оторвал мое гребаное ухо!

— Ладно, проехали.

— Или ты не знаешь, когда нужно остановиться, сукин ты сын?

— Сейчас?

— Да, сейчас.

— Хорошо.

— Лежи тихо!

— Хорошо.

Незванный гость медленно подался назад, по-прежнему держа Дэна на мушке, но уже отведя ствол пистолета от его зубов. Несколько мгновений настороженно смотрел на Дэна, потом поднялся, пошатываясь.

Теперь Дэн мог разглядеть его, но толку в этом не было, потому что никогда раньше он этого человека не видел.

Незнакомец попятился к кухне. В одной руке держал пистолет, вторую прижимал к уху.

Беззащитный, не решаясь пошевелинуться из опасения получить пулю в лоб, Дэн лежал на полу, приподняв голову. Кровь из раны на лбу заливала глаза, текла по щекам, попадала в рот, сердце стучало, как паровой молот. Ему хотелось вскочить, броситься за незнакомцем, не обращая внимания на пистолет, но он сдержался, понимая, что ему не остается ничего другого, как наблюдать за уходом незванного гостя. И Дэна, конечно же, это бесило.

Преступник добрался до кухни. Все еще пятась, миновал дверь черного хода, повернулся, побежал.

Дэн ползком добрался до своего револьвера. Оружие отбросило к двери комнаты, в которой он подвергся нападению, схватил его, поднялся на ноги и взвыл от боли, когда в травмированном колене словно взорвалась граната. Неимоверным усилием воли ему удалось подавить боль, и он поспешил на кухню.

Когда добрался до двери черного хода и вышел в холодный ночной воздух, незванного гостя и след простыл. Он понятия не имел, в какую сторону побежал преступник.

* * *

Дэн умылся в ванной Ринка. От удара рукояткой пистолета лоб превратился в сплошной

синяк, увенчанный рваной раной.

Острота зрения полностью восстановилась. И хотя оставалось ощущение, что его голова какое-то время служила кузнечной наковальней, он понимал, что сотрясения мозга нет.

Болела не только голова, но и шея, плечи, спина. И, конечно, боль пульсировала в травмированном колене.

В аптечном шкафчике над раковиной он нашел вату, из которой сделал компресс и отложил в сторону. Тут же стоял баллончик «Бактайна», и Дэн обработал этим дезинфицирующим и кровоостанавливающим средством рану на лбу, после чего прижал к ране ватный компресс в надежде, что кровь полностью остановится, пока он доведет до конца осмотр дома.

Дэн вернулся в комнату, в которой подвергся нападению, и включил верхний свет. Это был кабинет, возможно, не столь элегантный, как гостиная, но тоже обставленный дорогой мебелью. Одну стену занимали книжные стеллажи, поставленные по бокам телевизора и видеомagneфона. Половину полки заполняли книги, вторую половину — видеокассеты.

Начал он с видеокассет и увидел много знакомых названий: «Серебряная лента», все фильмы знаменитого комедийного дуэта Эбботт—Костелло, «Тутси», «До свидания, девушки», «День сурка», «Грязная игра», «Миссис Даблфайр», несколько фильмов Чарли Чаплина, два — братьев Меркс. Из лицензионных видеокассет Ринк покупал только комедии, и объяснение лежало на поверхности: профессиональному киллеру хотелось немного расслабиться после трудового дня, отданному вышибанию мозгов другим людям. Но в большинстве своем видеокассеты были нелегальными, в основном порнографическими. С названиями вроде «Дэбби трахает Даллас» и «Сперминатор». Дэн прикинул, что порноколлекция включает никак не меньше двухсот фильмов, может, и все триста.

Книги заинтересовали Дэна гораздо больше, потому что, судя по всему, за ними и явился незванный гость. На полу у стеллажей стояла картонная коробка. Несколько книг уже сняли с полки и положили в нее. Дэн прежде всего оглядел полки и обнаружил, что беллетристики здесь нет, а все книги так или иначе связаны с оккультными науками. Потом, по-прежнему держа правой рукой ватный компресс у лба, присел рядом с картонной коробкой, одну за другой достал семь лежавших в ней книг. Все их написал один человек, Альберт Ахландер.

Ахландер?

Он сунул руку во внутренний карман пиджака и достал маленькую телефонную книжку, которую прошлой ночью взял со стола в развороченном кабинете Дилана Маккэффри.

Нашел в ней Ахландера.

Маккэффри, который интересовался оккультизмом, знал Ахландера. Ринк, который интересовался оккультизмом, как минимум читал Ахландера. То есть связь между Маккэффри и Недом Ринком была. Но действовали ли они заодно или по разные стороны баррикады? И какое отношение имел к этому оккультизм?

Мысли налезали друг на друга, и не только потому, что ему звезданули по лбу рукояткой пистолета.

Так или иначе, Ахландер становился ключевым звеном для понимания происходящего. Вероятно, незванный гость проник в дом Ринка только для того, чтобы изъять книги Ахландера и не позволить детективам выйти на его след.

Прижимая вату ко лбу, Дэн вышел из кабинета. Как электрический ток, боль, похоже, передавалась через вату в кисть, руку, правое плечо, спускалась по спине, переходила в левую лопатку, потом плечо, по шее возвращалась к лицу и замыкала круг во лбу, чтобы вновь двинуться тем же маршрутом.

Осторожно ступая на левую ногу, чтобы побережь травмированное колено, перекладывая вещи с места на место одной рукой, напоминая себе большого покалеченного жука, Дэн продолжил обыск дома, но более ничего интересного не обнаружил. Ринк был

наемным убийцей, а последние не стремятся помочь полицейскому расследованию, оставляя на видном месте записные книжки с адресами заказчиков и перечнем выполненных заказов.

В ванной он опустил правую руку с ватным компрессом и увидел, что кровь действительно больше не течет.

Выглядел он ужасно. И внешность в его случае полностью соответствовала содержанию, потому что чувствовал он себя еще хуже.

21

Когда Дэн вышел на тротуар, неся в руках коробку с книгами, Джордж Падракис все так же сидел за рулем неприметного седана, с наполовину опущенным стеклом водительской дверцы. Увидев Дэна, он опустил стекло полностью.

— Я только что говорил по рации. Мондейл хочет... Эй, что у тебя со лбом?

Дэн рассказал ему о незваном госте.

Падракис открыл дверцу и вышел из автомобиля. Он не только выглядел и говорил, как Перри Комо, но двигался так же, лениво, небрежно, с достоинством.

— Этот тип уже убежал, — сказал Дэн, когда Падракис шагнул к дому Ринка. — Давно убежал.

— Как он мог туда попасть?

— Со двора.

— Улица тихая, стекло я опустил, — возразил Падракис. — Я бы услышал, как бьется стекло.

— Я не нашел разбитых стекол, — ответил Дэн. — Думаю, он вошел через дверь на кухню, возможно, воспользовавшись ключом.

— Что ж, тогда они не будут винить меня. — Падракис вернул револьвер в кобуру. — Я не могу быть в двух местах одновременно. Если они хотели, чтобы за домом следили и со двора, им следовало прислать двух человек. Ты хорошо разглядел этого козла, который напал на тебя?

— Не так, чтобы хорошо. — Дэн вернул Падракису ключ от дома. — Но если ты увидишь парня с наполовину оторванным ухом, это он.

— Ухом.

— Я чуть не оторвал его.

— Зачем ты это сделал?

— Во-первых, потому, что он пытался вышибить мне мозги, — нетерпеливо ответил Дэн. — А кроме того, во мне есть что-то от матадора. Всегда стараюсь приносить домой какой-нибудь трофей, а хвоста у этого парня не было.

На лице Падракиса отразилось недоумение. Гигантский дом на колесах обогнул угол, ревя двигателем, и прокатился мимо, словно динозавр. Глядя на коробку в руках Дэна, Падракис возвысил голос, чтобы перекричать ревущий двигатель автомобиля, которому отдавали предпочтение любители природы.

— Что у тебя там?

— Книги.

— Книги?

— Скрепленные воедино страницы со словами на них, предназначенные для передачи информации или получения удовольствия. А что насчет рации? Чего нужно Мондейлу?

— Ты берешь эти книги с собой?

— Совершенно верно.

— Не уверен, что ты можешь это сделать.

— Не волнуйся, я справлюсь. Они не такие тяжелые.

— Я не об этом.

— А что хочет Мондейл?

С тоской глядя на коробку в руках Дэна, Падракис подождал, пока дом на колесах не

скроется вдаль, словно бронтозавр в доисторическом болоте. Их обдало холодным воздухом и выхлопными газами.

— Я позвонил в участок, чтобы сообщить Мондейлу, что ты здесь.

— Какой ты заботливый, Джордж.

— Он как раз собирался поехать в «Пентаграмму» на бульваре Вентуры.

— Уверен, эта поездка пойдет ему на пользу.

— Он действительно хочет, чтобы ты встретился с ним там.

— «Пентаграмма» — это что? Похоже на название бара для вервольфов.

— Я думаю, это книжный магазин или что-то в этом роде, — Падракис все еще смотрел на коробку с книгами. — Там убили какого-то парня.

— Какого парня?

— Думаю, владельца. Фамилия Скальдоне. Мондейл говорит, что выглядит он точно так же, как трупы в доме в Студио-Сити.

— Опять я остался без обеда, — Дэн направился к своему автомобилю, переходя из чернильных теней в круги янтарного света под уличными фонарями.

Падракис последовал за ним.

— Слушай, эти книги...

— Ты любитель почитать, Джордж?

— Они же собственность убитого...

— Нет ничего более приятного, чем улечься на диване с хорошей книгой, хотя, возможно, это не столь уж и приятно, если ты мертв.

— Но это же не место преступления, откуда мы можем забирать вещественные доказательства.

Дэн поставил коробку на бампер своего автомобиля, открыл багажник, положил коробку в него.

— «Человек, который не читает хороших книг, ничуть не отличается от человека, который уже не может их читать». Это сказал Марк Твен, Джордж.

— Послушай, пока не найден кто-нибудь из его родственников и не получено согласие последнего, я действительно думаю, что...

Дэн захлопнул крышку.

— «В книгах больше сокровищ, чем в пиратских кладах на Острове сокровищ». Это слова Уолта Диснея. И он был прав, Джордж. Тебе следует больше читать.

— Но...

— «Книги — не просто тома безжизненной бумаги, но мысли, живущие на полках». Гильберт Хигет¹, — он похлопал Джорджа Падракиса по плечу. — Расширяй свой кругозор, Джордж. Книги так оживляют жизнь детектива. Читай, Джордж, *читай!*

— Но...

Дэн сел за руль, захлопнул дверцу, завел двигатель. Падракис, хмурясь, смотрел на него сквозь стекло.

Уезжая, Дэн помахал рукой.

Повернув за угол и проехав пару кварталов, свернул к тротуару, остановил автомобиль. Достал записную книжку Дилана Маккэффри.

Нашел Джозефа Скальдоне. Далее следовало слово «Пентаграмма», телефонный номер и адрес на бульваре Вентуры.

Не вызвала сомнений связь убийств в доме в Студио-Сити, Неда Ринка и вот теперь Джозефа Скальдоне. По всему выходило, что кто-то отчаянно пытается скрыть какой-то неизвестный заговор, уничтожая всех, кто имел к нему определенное отношение. Из чего следовал вывод: рано или поздно они попытаются или убить Мелани Маккэффри, или выкрасть ее у матери. И если эти лишенные лиц враги смогут заполучить девочку, она исчезнет навеки. Вероятность того, что ее удалось бы спасти второй раз, если и отличалась от

¹ Хигет, Гильберт (1906—1978) — известный шотландский литературовед, признанный специалист по классической греческой и римской литературе. Автор многих афоризмов.

нуля, то ненамного.

* * *

Вечером, в пять минут восьмого, Лаура хлопотала на кухне, готовила ужин для себя, Мелани и Эрла. Вода закипала в большой кастрюле. Подогревалась также и маленькая, с соусом для спагетти и фрикадельками. От запахов чеснока, лука, помидоров, базилика, сыра, заполнивших кухню, рот наполнялся слюной. Лаура помыла несколько черных оливок и добавила их в миску с салатом.

Мелани сидела за столом, молчаливая, неподвижная, уставившись на свои руки, сложенные на коленях. С закрытыми глазами. Казалось, спала. А может, углубилась дальше, чем обычно, в свой тайный, личный мир.

За последние шесть лет Лаура впервые готовила ужин для дочери, и вызывающее сожаление состояние Мелани не могло приуменьшить значимость этого события. Лаура чувствовала себя как мать, так и хозяйкой дома. Давно уже она не испытывала этих чувств, забыла, до чего же это хорошо, быть матерью. Такую же удовлетворенность лишь изредка приносила ей работа.

Эрл Бентон накрыл на стол, расставил тарелки и стаканы, разложил столовые приборы, салфетки и теперь сидел за столом напротив Мелани, в рубашке, с плечевой кобурой, читал газету. Когда находил что-нибудь необычное, шокирующее или забавное, зачитывал заметку вслух.

Перец уютно свернулся калачиком в углу у холодильника, его убаюкивали гудение и вибрация компрессора. Кот знал, что ни на стол, ни на разделочные столы хода ему нет, и обычно в кухне вел себя скромно, чтобы его не вышвырнули вон. Но вдруг он отчаянно мяукнул и вскочил на все четыре лапы. Спина выгнулась, шерсть встала дыбом. Оглядев кухню безумными глазами, кот зашипел.

— Что случилось, киска? — спросил Эрл, отложив газету.

Лаура оторвалась от доски, на которой резала салат.

Перца что-то сильно разозлило. Он стоял, прижав уши к голове, ощерившись.

— Перец, что с тобой?

Глаза кота, которые едва не вылезали из орбит, на мгновение повернулись к Лауре. В глазах этих не было ничего домашнего, на нее смотрели глаза дикого зверя.

— Перец...

Кот вылетел из угла, шипя от страха или ярости, а может, и от первого, и от второго. Взял курс на буфет, затормозил на полпути, словно в буфете затаилось что-то страшное. Резко развернулся, скребя когтями по плиткам пола. Направился к раковине, но вновь остановился, принялся вертеться на месте, гоняясь за своим хвостом, потом вдруг подпрыгнул в воздух, словно его укололи или ударили. Молотя перед собой передними лапами, закружился на задних, исполняя какой-то странный танец святого Витта, вновь опустился на все четыре лапы и метнулся под стол, проскочил между стульев к двери в столовую. Исчез.

Устроил незабываемое представление. Лаура могла поклясться, что ранее ничего подобного никогда не было.

Мелани же ничего не заметила. По-прежнему сидела со сложенными на коленях руками, наклонив голову, закрыв глаза.

Эрл отложил газету, встал. В другой части дома Перец издал еще один полный отчаяния крик. И наступила тишина.

* * *

«Пентаграммой» назывался маленький магазинчик, расположенный в квартале, который по праву считался квинтэссенцией южнокалифорнийских надежд и грез. Фотографии этой части бульвара Вентуры частенько использовались в толковых словарях как иллюстрация термина «мелкое предпринимательство». Здесь теснилось множество маленьких магазинчиков и ресторанов, они занимали квартал за кварталом, среди их владельцев были люди самого разного возраста и национальности, и любой человек, попавший сюда, мог найти для себя что-нибудь интересное, как экзотическое, так и обыденное: корейский ресторан на пятнадцать столиков, феминистский книжный магазин, лавку охотничьих ножей, которые прямо в ней и изготавливали, некое заведение, именуемое «Ресурсный центр геев», сухую химчистку, фирму по организации вечеринок, пару кулинарий, книжный магазин, где продавали исключительно фэнтези и научную фантастику, финансовый центр братьев Чинь «Кредиты надежным клиентам», крошечный ресторан «Американская нигерийская кухня», соседствующий с «Франко-китайской кухней», магазин армейской атрибутики, где продавали все военное, за исключением оружия. Некоторые из владельцев этих заведений становились богачами, другие — нет, пусть и мечтали об этом, и Дэну казалось, что в этой части бульвара Вентуры темноту раннего вечера разгоняли не только уличные фонари, но и свет надежд.

Дэн припарковался в квартале от «Пентаграммы» и до магазина добирался пешком, шагая мимо фургона телепрограммы «Новости очевидца», таких же фургонов новостных программ каналов «Эн-би-си Калифорния» и «Телевидение Лос-Анджелеса», полицейских автомобилей, патрульных и без знаков отличия, а также фургона коронера. Тротуар загромодила толпа, состоящая из местных зевак, панков и рэпперов, которые хотели выглядеть как дети улицы, но, скорее всего, жили с родителями в домах стоимостью от трехсот тысяч долларов и выше, охочих на сенсации репортеров с рыскающими глазами (Дэну они напоминали шакалов). Он проталкивался сквозь толпу, заметил репортера криминальной хроники «Лос-Анджелес таймс», постарался не попасть в зону действия видеокамеры: съемочная группа Четвертого канала готовила сюжет для одиннадцатичасового выпуска новостей. Дэн протиснулся мимо девушки с сине-зелеными волосами, собранными в розовые пики. Она была в высоких, до колен, черных сапогах, красной мини-юбке и белом свитере, разрисованном мертвыми детьми. Фасад магазина покрывали разнообразные астрологические знаки, полицейский в форме стоял под выцветшей красной пентаграммой, охраняя входную дверь. Дэн показал бляху детектива и прошел в магазин.

Увидел уже знакомый масштаб разрушений. Обезумевший гигант, который забрел прошлой ночью в дом в Студио-Сити, решил вновь оттянуться и пожаловал в этот магазин. Электронный кассовый аппарат подставили под паровой молот. Однако какая-то электрическая цепочка осталась жива, так что на панели мерцала красная и неполная цифра 6, должно быть, старалась что-то рассказать копам об убийце. Некоторые полки разбили в щепы, книги грудями валялись на полу. Но книги не были единственным товаром, который предлагал покупателям магазин «Пентаграмма», так что на полу валялись свечи всех размеров, форм и цветов, карты Таро, гадальные доски, пара совиных чучел, тотемы, амулеты, пузырьки и баночки с сотнями экзотических порошков и масел. Пахло в магазине розами, клубникой и смертью.

Детективы Уэкслерш и Мануэль, находившиеся в магазине среди полицейских и технических экспертов, заметили Дэна, как только тот переступил порог. Направились к нему, лавируя среди мусора. С одинаково ледяными улыбками, в которых юмор отсутствовал полностью. Две сухопутные акулы, такие же холоднокровные и хищные, как настоящие океанские.

Уэкслерш, с его светло-серыми глазами и рыхлым бледным лицом, даже зимой казался в Калифорнии чужаком.

— Что с твоим лбом? — спросил он.

— Наткнулся на ветку.

— А выглядишь ты так, словно избил какого-то бедного, невинно задержанного,

злостно нарушив его гражданские права, и задержанному этому хватило дури сопротивляться.

— Именно так вы обращаетесь с задержанными в участке Ист-Вэлью?

— А может, тебя так отделала шлюха, которая не захотела забесплатно подставить известно что, когда ты показал ей свою бляху, — тут Уэкслерш широко улыбнулся.

— Не пытайся изображать юмориста, — предложил ему Дэн. — Остроумия у тебя не больше, чем у туалетного сиденья.

Уэкслерш продолжал улыбаться, но серые глаза стали злыми.

— Холдейн, как думаешь, с каким маньяком мы здесь столкнулись?

Мануэль, несмотря на характерную фамилию, внешне ничем не напоминал латиноса, высокий, светловолосый, с угловатыми чертами лица, ямочкой, будто у Керка Дугласа, по центру подбородка.

— Да, Холдейн, — добавил он, — поделись с нами мудростью своего опыта.

— Ага, — кивнул Уэкслерш. — Ты же лейтенант. А мы всего лишь детективы, пусть и первого класса.

— Да, пожалуйста, мы жаждем услышать все, что ты хотел бы сказать об этом отвратительном преступлении. — В голосе Мануэля слышалась откровенная насмешка. — Аж затаили дыхание.

И хотя Дэн был полицейским более высокого ранга, такое неуважение к старшему по званию могло сойти им с рук. И не только потому, что они работали в участке Ист-Вэлью, а не в Центральном, где служил Дэн. Просто они были любимчиками Росса Мондейла и знали, что капитан не даст их в обиду.

— Знаете, вы оба допустили серьезную ошибку, когда выбирали карьеру, — ответил им Дэн. — Я уверен, нарушать закон вам нравится гораздо больше, чем защищать его.

— Но действительно, лейтенант. — Уэкслерш предпочел пропустить последнюю реплику Дэна мимо ушей. — Есть же у вас какие-то версии. Что за маньяк бродит по городу, избивая людей до такой степени, что они превращаются в клубничный джем?

— Кстати, может, ты знаешь, к какому типу маньяков следует отнести последнюю жертву? — спросил Мануэль.

— Джозефа Скальдоне? — переспросил Дэн. — Он же хозяин этого магазина, так? Почему вы записали его в маньяки?

— Прежде всего, он никак не мог считаться ординарным бизнесменом, — ответил Уэкслерш.

— Не думаю, что его хотели бы видеть в Торговой палате, — поддакнул Мануэль.

— Или в Бюро по совершенствованию бизнеса¹, — кивнул Уэкслерш.

— Законченный псих, — подвел итог Мануэль.

— О чем вы оба долдоните? — спросил Дэн. Ему ответил Мануэль:

— А ты не думаешь, что только псих может держать магазин... — Он сунул руку в карман и достал небольшую стеклянную баночку, в каких продают оливки. — ...Магазин, в котором продается такое?

Поначалу Дэн решил, что в баночке оливки, но, приглядевшись, понял, что это глазные яблоки. НЕ человеческие. Меньшего размера. И странные. С желтыми радужными оболочками, зелеными, оранжевыми, даже красными, по цвету радужки разнились, по форме — нет: в отличие от круглых, как глаза людей и большинства животных, были продолговатыми, эллипсовидными, на удивление злыми.

— Змеиные глаза, — Мануэль указал на наклейку.

— А что ты скажешь насчет этого? — Уэкслерш достал из кармана своего пиджака другую баночку.

Эту наполнял серый порошок. Аккуратно напечатанная надпись на наклейке гласила:

¹ Бюро по совершенствованию бизнеса — местное отделение (всего их более 200) Совета бюро по совершенствованию бизнеса. Общественное объединение предпринимателей, цель которого — повышение уровня деловой практики, пропаганда честности при сделках, представление интересов деловых кругов.

«Гуано летучей мыши».

— Говно летучей мыши, — расшифровал Уэкслерш.

— Растертое в порошок говно летучей мыши, — уточнил Мануэль, — змеиные глаза, языки саламандр, ожерелья из чеснока, пузырьки с бычьей кровью, магические амулеты, шестигранники и прочее, и прочее. Какие люди приходят сюда и покупают такой товар, лейтенант?

— Ведьмы, — ответил Уэкслерш, прежде чем Дэн успел открыть рот.

— Люди, которые думают, что они ведьмы, — поправил напарника Мануэль.

— Колдуны, — продолжил перечисление Уэкслерш.

— Люди, которые думают, что они колдуны, — развил мысль Мануэль.

— Люди со странностями, — вставил Уэкслерш.

— Маньяки, — добавил Мануэль.

— Но в этом месте принимают карточки «Виза» и «Мастеркард», — вспомнил Уэкслерш. — Разумеется, при наличии удостоверения личности.

— Да, в наши дни колдуны и маньяки без кредитных карт никуда, — произнес Мануэль. — Разве это не удивительно?

— Где жертва? — спросил Дэн. Уэкслерш махнул рукой в глубину магазина.

— Там. Сыграл главную роль в новой серии «Техасской резни».

— Надеюсь, у парней из Центрального участка крепкие желудки, — сказал Мануэль напарнику, когда Дэн двинулся в указанном направлении.

— Только не блевани там, — предупредил Уэкслерш.

— Да, ни один судья не позволит приобщить к делу вещественные улики, на которые блеванул коп.

Дэн их проигнорировал. Возникни у него такое желание, он бы блеванул на Уэкслерша и Мануэля.

Переступил через груды порванных книг, sprыснутых жасминовым маслом, направился к помощнику медицинского эксперта, склонившемуся над чем-то алым и бесформенным. Даже не верилось, что это человеческое тело, и человек этот не так уж давно звался Джозефом Скальдоне.

* * *

Исходя из предположения, что кот уловил какой-то звук, недоступный человеческому уху, и испугался присутствия в другой части дома незваного гостя, Эрл переходил из комнаты в комнату, проверяя окна и двери. Заглянул во все чуланы, стенные шкафы и за крупногабаритную мебель. Не нашел посторонних, еще раз убедился, что окна и двери надежно заперты. Кота он нашел в гостиной. Уже не испуганного, но настороженного. Кот лежал на телевизоре. Позволил себя погладить, замурыкал.

— Что на тебя нашло, киска? — спросил Эрл.

Какое-то время спустя кот протянул лапку в сторону пульта управления и посмотрел на Эрла, словно спрашивая, не будет ли тот столь любезен, что включит обогреватель с картинками и голосами, чтобы выбранная им лежанка немного прогрелась.

Не включив телевизор, Эрл вернулся на кухню. Мелани по-прежнему сидела за столом, квелиая, как залежавшаяся морковь.

Лаура стояла у разделочного столика, с ножом в руке. В его отсутствие она приготовлением обеда не занималась. Просто ждала. С ножом в руке, на случай, что вернется не Эрл, а кто-то другой.

На ее лице отразилось облегчение, когда Эрл появился в дверном проеме, нож она опустила.

— Ну что?

— Ничего.

Холодильник внезапно открылся сам по себе. Банки, бутылки, другие предметы, которые стояли на стеклянных полках, начали трястись и дребезжать. Распахнулись, словно за них взяли невидимые руки, и дверцы нескольких полок и буфетов.

Лаура ахнула.

Инстинктивно Эрл схватился за оружие, но цели не обнаружил. Постоял, сжимая пальцами рукоятку, чувствуя себя идиотом, не понимая, что происходит.

Тарелки подпрыгивали и позвякивали на полках, календарь, что висел на стене у двери черного хода, свалился на пол, шелестя листами, как крыльями.

Через десять или пятнадцать секунд, которые тянулись целый час, тарелки перестали звенеть, дверцы — качаться на петлях. Успокоилось и содержимое холодильника.

— Землетрясение, — предположил он.

— Ой ли? — В голосе Лауры слышалось сомнение. Он знал, о чем она. Да, похоже на землетрясение средней силы... но только похоже. Изменение давления словно сгустило воздух, а волна холода, вдруг накрывшая кухню, не могла вырваться из открывшейся дверцы холодильника. Собственно, как только тарелки, дверцы и все прочее утихомирилось, воздух в кухне мгновенно согрелся, хотя дверца холодильника оставалась открытой.

Но, если не землетрясение, тогда что? Не звуковая волна. Она не объясняла холода и изменения давления. Не призрак. Он не верил в призраков. И откуда вообще взялась эта мысль? Пару дней тому назад он смотрел «Полтергейст» на видео. Может, аналогичный случай? Но Эрл был не столь впечатлителен, чтобы один фильм-ужастик, пусть и хороший, заставил бы его искать сверхъестественное объяснение случившемуся, когда ответ был куда более прозаическим.

— Всего лишь землетрясение, — заверил он Лауру, далеко не убежденный в собственной правоте.

* * *

Они предположили, что это Джозеф Скальдоне, владелец магазина, потому что в бумажнике убитого лежали документы этого человека. Но без сравнения отпечатков пальцев и зубной карты это была лишь одна из версий. Потому что бумажник могли и подбросить. Из тех же, кто лично знал Скальдоне, никто не мог его опознать, потому что у бедняги не осталось лица. И не было никакой надежды идентифицировать его по старым шрамам или родимым пятнам, потому что на теле тоже не осталось живого места, и шрамы вместе с родимыми пятнами, если они и были, исчезли в кровавом месиве. Острые концы сломанных ребер торчали сквозь дыры в рубашке. Острые концы костей пронзали брючины на голених и бедрах.

Он выглядел... раздавленным.

Отвернувшись от тела, Дэн столкнулся лицом к лицу с мужчиной, биологические часы которого определенно дали сбой. Гладкое, без единой морщины, открытое лицо тридцатилетнего человека совершенно не вязалось с седеющими волосами пятидесятилетнего и сутулыми плечами пенсионера. Одет он был в сшитый по фигуре темно-синий костюм, белую рубашку и темно-синий галстук с золотой цепочкой вместо заколки.

— Вы — Холдейн? — спросил он.

— Совершенно верно.

— Майкл Симс, ФБР.

Они обменялись рукопожатиями. Рука Симса была холодной и влажной. Они отошли в угол, где не было мусора.

— Вы тоже занялись этим исследованием? — спросил Дэн.

— Не волнуйтесь. Мы не отпихиваем вас в сторону, — дипломатично заверил его Симс. — Просто хотим присмотреться. Выступить наблюдателями... пока.

— Хорошо, — бесстрастно ответил Дэн.

— Я поговорил со всеми, кто работает по этому делу, поэтому просто хотел повторить вам то, что сказал им. Пожалуйста, держите меня в курсе. Если появится что-то новое, пусть вы и решите, что это мелочь, я хочу, чтобы меня ставили в известность.

— Но каково юридическое основание для вмешательства ФБР в это расследование?

— Юридическое основание? — На лице Симса появилась натянутая улыбка. — На чьей вы стороне, лейтенант?

— Я хочу сказать, какие нарушены федеральные законы?

— Скажем так, это вопрос национальной безопасности.

А вот глаза на молодом лице Симса были старыми, мудрыми, пронизательными. Глаза хищной рептилии, которая обитала на Земле с мезозойской эры и знала если не все, то почти все.

— Хоффриц ранее работал на Пентагон, — поделился известной ему информацией Дэн. — Проводил какие-то исследования.

— Совершенно верно.

— Он проводил исследования на нужды обороны, когда его убили?

— Нет.

В голосе агента эмоции отсутствовали напрочь, поэтому Дэн не мог сказать, говорит тот правду или лжет.

— Маккэффри? — спросил Дэн. — Он проводил исследования на нужды обороны?

— Он работал не на нас, — ответил Симс. — Во всяком случае, в последнее время.

— На кого-то еще?

— Возможно.

— Русских?

— Более вероятно, что на Ирак, Ливию или Иран. Такое уж нынче время.

— Вы говорите, что одна из этих стран финансировала его исследования?

— Я ничего такого не говорю. Мы не знаем. — Все тот же бесстрастный голос мог служить идеальной ширмой для лжи. — Вот почему мы хотим быть в курсе событий. Шесть лет тому назад, когда Маккэффри исчез с девочкой, он работал над проектом, субсидируемым Пентагоном. Тогда мы провели расследование по просьбе Министерства обороны и установили, что он не мог сбежать с какой-либо новой, ценной информацией, полученной в результате своих исследований. Мы решили, что у этого побега нет второго плана, что это исключительно личный вопрос, связанный с правом опеки над ребенком.

— Может, так и было.

— Да, может, — не стал спорить Симс. — Во всяком случае, поначалу. Но потом Маккэффри втянулся во что-то важное... возможно, что-то опасное. Во всяком случае, такие мысли возникают после осмотра серой комнаты в доме в Студио-Сити. Что же касается Вилли Хоффрица... через восемнадцать месяцев после исчезновения Маккэффри Хоффриц закончил довольно длительный пентагоновский проект и отказался братья за следующий. Заявил, что подобные исследования начинают беспокоить его совесть. Поначалу военные пытались переубедить Хоффрица, но потом смирились с его отказом.

— Из того, что мне о нем известно, — заметил Дэн, — напрашивается однозначный вывод: у Хоффрица совести не было.

Пронизательные, ястребиные глаза Симса не отрывались от лица Дэна.

— Думаю, в этом вы правы. Когда Хоффриц отказался продолжать работать с военными, Министерство обороны не попросило нас выяснить, с чего это вдруг его потянуло в пацифисты. Они приняли его объяснение за чистую монету. Я убежден, он отказался от пентагоновских грантов, потому что хотел избежать периодических проверок, которые проводила служба безопасности. Не хотел тревожиться из-за того, что находится у кого-то под колпаком. Предпочитал заниматься своим новым проектом втайне от всех.

— К примеру, пытать девятилетнюю девочку, — вставил Дэн.

— Да, я побывал в Студио-Сити несколько часов тому назад, осмотрел тот дом. Жуткое

место.

Но выражение лица и глаз ни в коей степени не соответствовало осуждению в голосе. А если судить по глазам, то даже возникала мысль, что Майкл Симс нашел серую комнату скорее интересной, чем отвратительной.

— Как вы думаете, почему они проделывали все это с Мелани Маккэффри? — спросил Дэн.

— Не знаю. Странными они занимались исследованиями. — Симс в недоумении покачал головой. Но внезапная демонстрация наивности выглядела дозированной, точно рассчитанной.

— Чего они намеревались добиться?

— Я не знаю.

— В этом доме они занимались отнюдь не коррекцией поведения.

Симс пожал плечами.

— Их интересовала «промывка мозгов», полный контроль над разумом... и что-то еще... что-то худшее.

Симс, похоже, заскучал. Взгляд его сместился с Дэна на экспертов, перебиравших залитый кровью мусор.

— Но зачем?

— Я действительно не знаю. — На этот раз в голосе Симса слышалось нетерпение. — Я только...

— Но вам же очень нужно выяснить, кто финансировал этот дьявольский проект, — напирал Дэн.

— Я бы не сказал, что очень. Скорее для нас это жизненно необходимо. В таком вот разрезе.

— Тогда вы должны хотя бы в общих чертах представлять себе, чем они занимались. Что-то вы знаете, и это «что-то» заставляет вас принять участие в этом расследовании.

— Ради бога, Холдейн... — говорил Симс зло, но и злость казалась дозированной, точно отмеренной. — Вы видели состояние тел. Известные ученые, ранее проводившие исследования по заказу Пентагона, убиты необъяснимым способом... черт, конечно же, мы хотим знать, кто за этим стоит.

— Необъяснимым способом? — переспросил Дэн. — А что тут необъяснимого? Их забили до смерти.

— Перестаньте, Холдейн. Все гораздо сложнее. Вы говорили с сотрудниками коронера, а потому знаете, что они не могут определить, каким было орудие убийства. На телах и под ногтями жертв не было ни кожи, ни волос нападавших. И многие удары нанесены не дубинкой, потому что у человека не хватит силы, чтобы вот так раздробить кости другого человека. Для этого требуется огромная сила, механическая сила... нечеловеческая сила. Их не забили до смерти, их *раздавили*, как жуков. А что вы думаете насчет здешних дверей?

Дэн нахмурился.

— Каких дверей?

— Здешних, в этом магазине, парадной и черного хода.

— А что я должен о них думать?

— Вы ничего не знаете?

— Я только что пришел. Ни с кем не успел поговорить.

Симс нервно поправил узел галстука, и от одного только вида нервничающего агента ФБР Дэну стало не по себе. Раньше такие ему не встречались. Причем нервозность Майкла Симса была истинной, ее он не изображал.

— Когда прибыли ваши люди, двери были заперты, — ответил агент. — Скальдоне закрыл магазин аккуратно перед тем, как его убили. Дверь черного хода, возможно, была все время заперта, но он запер и парадную дверь, опустил жалюзи. Вероятно, он всегда уходил через черный ход (его автомобиль стоит там) после того, как подбивал итоги дня. Но на этот раз подбить итоги он не успел. Его убили при запертых дверях. Первому полицейскому,

который приехал к магазину, пришлось выбивать парадную дверь.

— И что?

— А то, что в магазине была только жертва. Обе двери были заперты, когда подъехали копы, но убийцу в магазине они не обнаружили.

— А что тут удивительного? Из сказанного вами лишь следует, что у убийцы был ключ.

— И, уходя с места преступления, он запер дверь?

— Вполне возможно. Симс покачал головой.

— Нет, если вы знаете, как были заперты обе двери. Помимо пары врезных замков, на каждой имеется засов, открыть который можно, лишь находясь внутри магазина.

— Засовы на обеих дверях? — переспросил Дэн.

— Да. И в магазине только два окна. Большое окно-витрина, стекло которого вделано в стену. Через него можно выйти, лишь разбив стекло кирпичом. Второе окно в подсобке, которая также и кабинет. По существу, вентиляционное окошко.

— Но достаточно большое, чтобы через него пролез человек?

— Да, — кивнул Симс. — Но изнутри оно забрано железными прутьями.

— Железными прутьями?

— Да.

— Тогда должен быть еще один выход.

— Вот вы его и найдите. — Тон Симса говорил о том, что такого выхода не существует.

Дэн оглядел разгромленный магазин, провел рукой по лицу, словно хотел снять усталость, поморщился от боли, когда подушечки его пальцев коснулись еще липкой раны на лбу.

— Вы говорите мне, что Скальдоне забили до смерти в закрытой комнате?

— Убили в закрытой комнате. Я до сих пор не уверен насчет «избиения».

— И убийца никоим образом не мог выйти из магазина до прибытия первого копа?

— Никоим образом.

— Однако его здесь нет.

— Совершенно верно. — Слишком уж молодое лицо Симса пришло в большее соответствие с седеющими волосами и согнутыми возрастом плечами. — Вы понимаете, почему мне жизненно необходимо разобраться в этом деле, лейтенант Холдейн? Мне это жизненно необходимо, потому что два первоклассных исполнителя оборонных исследований, пусть и бывших, убиты неизвестными людьми или силами, с помощью оружия, для которого не служит преградой запертая дверь. И против этого оружия, похоже, нет абсолютно никакой защиты.

Случившее чем-то отличалось от землетрясения, но назвать конкретные отличия Лаура, пожалуй, бы не смогла. Вроде бы она не помнила, чтобы дребезжали оконные стекла, хотя при землетрясении, достаточно сильном, чтобы распахнуть дверцы полок и буфетов, стекла не могли не дребезжать. И земля под ногами вроде бы не качнулась, не заходила ходуном. Но, конечно, если они находились далеко от эпицентра, движения земли она могла и не уловить. И воздух стал каким-то странным, давящим, не душным или влажным, но... тяжелым, что ли? Землетрясения в Калифорнии не редкость, на ее памяти случилось не одно и не два, но она не помнила, чтобы хоть раз воздух вот так давил на нее. И что-то еще говорило за то, что случившееся — не землетрясение, что-то важное, но она не могла понять, что именно.

Эрл вернулся к столу и газете, Мелани продолжала смотреть на свои руки. Лаура закончила резать овощи для салата. Перемешала их в миске и поставила ее в холодильник.

Вода закипела. Над кастрюлей поднимался пар.

Лаура как раз доставала спагетти из коробки, когда Эрл оторвался от газеты.

— Теперь понятно, почему кот повел себя так странно!

Лаура не поняла.

— Что?

— Считается, что звери предчувствуют землетрясение. Начинают нервничать и вести

себя необычно. Может, именно поэтому Перец устроил истерику и принялся гоняться за призраками.

Но, прежде чем Лаура успела обдумать слова Эрла, щелкнул радиоприемник, словно кто-то нажал на кнопку включения. Шесть лет Лаура прожила одна и иногда не могла выдерживать тишину и пустоту дома, поэтому держала радиоприемники в нескольких комнатах. На кухне радиоприемник стоял рядом с хлебницей, в нескольких футах от Лауры, портативный «Сони» с часами. Когда он включился сам по себе, Бонни Тайлер пела «Полное затмение сердца». Песню транслировала радиостанция KRLA. Лаура настроила на нее приемник, когда включала его в последний раз.

Эрл отложил газету. Уже успел вскочить.

Сам по себе диск регулятора громкости начал вращаться по часовой стрелке. Лаура это видела собственными глазами.

Голос Бонни Тайлер прибавил в громкости.

— Что за черт?! — воскликнул Эрл.

Мелани пребывала в своем, никому не ведомом, мире.

Голос Бонни Тайлер и музыка, сопровождающая ее пение, металась между стенами кухни, вызывая дребезжание оконных стекол, что оказалось не под силу «землетрясению».

Ощущая холод, вновь опустившийся на кухню, Лаура шагнула к радиоприемнику.

В другой части дома вновь отчаянно заорал Перец.

* * *

Когда Дэн уже отворачивался от Майкла Симса, агент ФБР спросил:

— Между прочим, что случилось с вашим лбом?

— Примерял шляпы, — ответил Холдейн.

— Шляпы?

— Натянул на голову слишком маленькую. Потерял массу времени, пытаюсь снять. В результате она слезла вместе с кожей.

Прежде чем Симс успел как-нибудь отреагировать, в магазин через дверь подсобки вошел Росс Мондейл. Увидев Дэна, позвал:

— Холдейн. Подойди сюда.

— Что такое, чиф?

— Хочу поговорить с тобой.

— О чем, чиф?

— Наедине, — прошипел Мондейл.

— Уже иду, чиф.

И, оставив недоумевающего Симса, лавируя между мусором, обходя тело, Дэн направился к капитану. Мондейл указал на дверь подсобки, последовал туда за Дэном.

Шириной подсобка-кабинет не уступала магазину, но ее глубина не превышала четырех футов. Стены, сложенные из бетонных блоков, даже не оштукатурили. Слева громоздились ящики, вероятно с товаром. Справа стояли стол с компьютером, маленький холодильник, несколько бюро, рабочий стол с кофеваркой. Здесь никаких следов погрома не наблюдалось.

Мондейл уже просмотрел содержимое ящиков стола. Несколько предметов, в том числе и записная книжка, лежали рядом с компьютером.

Пока капитан закрывал за собой дверь, Дэн обошел стол и сел.

— И что ты, по-твоему, делаешь? — спросил Мондейл.

— Даю отдых ногам. Чертовски длинным выдался день.

— Ты знаешь, я не об этом.

— Правда?

Как и всегда, Мондейл был в коричневом костюме, светло-бежевой рубашке, коричневых галстуке, носках, ботинках. Его карие глаза злобно блестели. Рубин в перстне

кровоаво сверкал.

— Я ждал тебя в моем кабинете к половине третьего?

— Я не получил твоего вызова.

— Я чертовски хорошо знаю, что получил.

— Нет. Правда. Я бы примчался.

— Не дури мне голову.

Дэн молча смотрел на него.

Капитан на несколько шагов приблизился к столу, плечи напряглись, пальцы то сжимались, то разжимались. Чувствовалось, что он с трудом сдерживает желание наброситься на Холдейна с кулаками.

— Чем ты занимался целый день?

— Размышлял над смыслом жизни.

— Ты побывал в доме Ринка.

— Для этого нет нужды идти в церковь. Размышлять о смысле жизни можно где угодно.

— Я не посылал тебя к дому Ринка.

— Я, между прочим, детектив-лейтенант. И обычно при расследовании делаю то, что считаю нужным.

— Только не в этом. Дело слишком крупное. И на этот раз ты — игрок одной команды. Делаешь, что я тебе говорю, идешь, куда я тебя посылаю. Даже не срьшь, не получив от меня такой команды.

— Держи себя в руках, Росс. А то может создаться впечатление, что ты обезумел от жажды власти.

— Что у тебя со лбом?

— Брал уроки карате.

— Что?

— Пытался разбить доску головой.

— Черта с два.

— Ладно, рассказываю, как все случилось. Услышал от Джорджа Падракиса, что ты хочешь меня видеть, и одного упоминания твоего имени хватило, чтобы я упал на колени и поклонился. Причем поклонился так быстро, что ободрал лоб об асфальт тротуара.

На мгновение Росс Мондейл лишился дара речи. Его загорелое лицо побагровело. Каждый вдох давался ему с трудом.

А Дэн уже разглядывал вещи, которые Мондейл достал из ящиков стола: записную книжку, чековую, с логотипом магазина «Пентаграмма», ежедневник, толстую пачку накладных. Первой взял со стола записную книжку.

— Положи ее и послушай меня. — Мондейл наконец-то обрел голос.

Дэн одарил его ослепительной невинной улыбкой.

— Но именно здесь может таиться зацепка, капитан. Я веду расследование и едва ли сумею справиться с заданием, если упущу что-то важное.

Мондейл ринулся к столу. Теперь уже его пальцы крепко сжались в кулаки.

«Наконец-то, — подумал Дэн. — Мы уже не один год ждали этой схватки».

Лаура встала перед «Сони», сверля радиоприемник взглядом, боясь до него дотронуться, дрожа в холодном воздухе. Холод, казалось, шел от радиоприемника, его излучал светло-зеленый дисплей настройки.

Нет, безумная мысль.

Это же радиоприемник, а не воздушный кондиционер. Не... Не... Просто радиоприемник. Обычный радиоприемник.

Обычный радиоприемник, который включается сам по себе, без чьей-либо помощи.

Бонни Тайлер уступила место новому исполнителю. Золотой фонд классики. Прокул Харум запел «Зимний оттенок белого». Тоже на полную громкость. Радиоприемник вибрировал на пластиковой поверхности столика, на котором стоял. Дребезжали оконные

стекла. Громовой звук грозил разорвать барабанные перепонки.

Подошел Эрл, встал позади Лауры.

Если Перец и продолжал орать в другой комнате, столь громкая музыка полностью заглушала кошачьи вопли.

С опаской, осторожно, Лаура взялась пальцами за диск регулятора громкости. Обжигаяще ледяной. Содрогнувшись всем телом, едва не отдернула руку, потому что холод, идущий от пластика, отличался от прежних ощущений, вызываемых холодом, пробирал не только тело, но и рассудок, и душу. Тем не менее она не выпустила диск из пальцев и попыталась повернуть его против часовой стрелки, чтобы уменьшить громкость, но диск не сдвинулся с места. И она не могла отключить Прокула Харума, потому что радиоприемник включался и выключался нажатием диска регулятора громкости. А он не реагировал на попытки повернуть его или вдавить в корпус, хотя Лаура прилагала все силы, и от напряжения заболели мышцы руки.

Ее начало трясти.

Она отпустила диск регулятора громкости.

И хотя «Зимний оттенок белого» на редкость мелодичная и теплая песня, при такой громкости она стала просто зловещей. Удары барабанов воспринимались как приближающиеся шаги какого-то чудовища, звуки труб — как его полные враждебности крики.

Лаура схватила провод, дернула. Штепсель вылетел из розетки.

Музыка мгновенно стихла.

Лаура боялась, что она будет звучать и дальше, без подвода к радиоприемнику электрического тока.

* * *

Поскольку Дэн не положил на стол записную книжку Джозефа Скальдоне, совсем маленькую, карманного формата, Мондейл правой рукой сильно сжал правое запястье Дэна, чтобы заставить его разжать пальцы.

Ростом Мондейл не вышел, но его отличали широкие плечи и грудь. А также мощные руки, широкие запястья, большие кисти. И незаурядная сила.

Да только Дэн был сильнее. Он не выпустил из пальцев записную книжку. А потом, глядя в глаза Мондейла, попытался левой рукой оторвать от правой его пальцы.

Ситуация с каждой секундой становилась все более нелепой. Оба вели себя как идиоты-подростки, решившие доказать друг другу свою крутизну: Мондейл пытался раздавить правую руку Дэна, а последний всеми силами старался показать, что ему совсем и не больно, одновременно стараясь освободиться.

Ему удалось ухватиться за один из пальцев Мондейла, и он начал отгибать его назад.

Челюсть Мондейла закаменела. Мышцы напряглись до предела.

Палец отгибался все дальше и дальше. Мондейл отказывался ослабить хватку на правой руке Дэна, но тот неумолимо отгибал и отгибал палец капитана, грозя выломать его.

На лбу Мондейла выступили капли пота.

«Моя собака лучше твоей собаки, моя мать красивее твоей матери, — думал Дэн. — Господи! Сколько же нам сейчас лет? Четырнадцать? Двенадцать?»

Но он не отрывал взгляда от глаз Мондейла и отказывался дать знать капитану, что тот причиняет ему боль. А этот чертов палец отгибал все дальше и понял, что в следующее мгновение сломает его. И тут Мондейл ахнул и разжал остальные четыре пальца.

Записная книжка осталась в правой руке Дэна.

А палец он отпустил еще через пару секунд, чтобы не было сомнений в том, кто сдался первым. Поединок получился глупым, детским, но Дэн точно знал, что Мондейлу хотелось одержать в нем верх. Очень хотелось. И если капитан думал, что преподаст Дэну урок,

покажет, на чьей стороне сила, возможно, поединок этот стал уроком для него самого.

* * *

Они стояли в полной тишине, глядя на радиоприемник.

— Как он мог... — первым заговорил Эрл.

— Не знаю, — ответила Лаура.

— Такое уже...

— Никогда.

Радиоприемник из безобидного предмета домашнего обихода превратился в угрозу.

— Включите его, — предложил Эрл.

Лауру вдруг охватил безотчетный страх: если подключить радиоприемник к сети, он тут же выпустит лапки, будто у краба, и засemenит к ней по столу. Мысль эта была настолько странной, что она не могла не подивиться на себя. Откуда только взялась эта боязнь сверхъестественного у нее, которая занималась наукой, полагала себя логически мыслящей женщиной, никогда не сомневающейся в том, что у всякого следствия есть причина. И однако Лаура не могла отделаться от чувства, что в радиоприемнике поселилась какая-то злобная сила, которая с нетерпением ждала, когда же штепсель вставят в розетку и она сможет подпитаться электрическим током.

Ерунда. Чушь.

Тем не менее Лаура спросила:

— Включить? Зачем?

— Ну, я хочу посмотреть, что из этого выйдет, — ответил Эрл. — Мы не можем этого так оставить. Все очень уж странно. Нам надо разобраться, что к чему.

Лаура понимала, что он прав. Осторожно потянулась к проводу. Где-то ожидала, что он обовьет ей руку, как холодная змея, и вопьется в плоть вилкой. Но это был всего лишь электрический провод: самый обычный и совсем не живой.

Она прикоснулась к диску регулятора громкости и обнаружила, что он свободно вертится. Полностью убрала звук, нажала на диск, выключая радиоприемник.

Очень осторожно, с предчувствием самого худшего, вставила штепсель в розетку.

Ничего не произошло.

Миновало пять секунд. Десять. Пятнадцать.

— Ну, что бы это ни было... — начал Эрл. Радио включилось.

Воздух вновь похолодел.

Лаура подалась от столика, попятилась, боясь, что радиоприемник прыгнет на нее. Остановилась рядом с Мелани, положила руку на плечо девочки, чтобы успокоить ее, но Мелани не замечала странных событий, происходящих вокруг нее, она пребывала совсем в другом месте.

Диск регулятора громкости завертелся по часовой стрелке. На этот раз остановился на полпути к максимуму. Пел кто-то из модных рэпперов. Музыка, конечно, грохотала, но не грозила разорвать барабанные перепонки.

И тут под невидимыми пальцами пришел в движение диск настройки. Красная полоска поползла по светло-зеленому дисплею настройки, оставив рэп позади, быстро приближаясь к правому краю. Песни, рекламные объявления, новости, прогноз погоды, голоса диджеев сменяли друг друга. Дойдя до упора, красная полоска поползла к левому краю дисплея, вернулась к правому, уже с большей скоростью, так что музыка и голоса слились в какую-то какофонию.

Эрл приблизился к «Сони».

— Осторожно, — прошептала Лаура.

Она понимала, нелепо предупреждать его, это же простой радиоприемник. Неодушевленный предмет, не живое существо. Этот радиоприемник стоял у нее на кухне три

или четыре года. Он позволял ей слушать музыку, ничего больше. Всего лишь радиоприемник.

* * *

Убрав руку, Мондейл не стал потирать палец, чтобы изгнать из него боль. Нет, продолжал притворяться, будто ничего такого и не произошло и он по-прежнему круче. Небрежно сунул руку в карман, словно за ключами или мелочью, и оставил там. Зато поднял вторую, нацелил палец в Дэна.

— Не дури мне голову, Холдейн. Это важное расследование. Оно привлечет внимание, много внимания. У нас возникнет ощущение, будто работаем мы на раскаленной сковородке. Пресса наседает на меня, ФБР просто не дает прохода. Мне уже звонил мэр и чиф Келси, оба ждут результата. Я не собираюсь запороть это расследование. От него, возможно, зависит моя карьера. Я держу все под контролем, Холдейн. Под жестким контролем. И не допущу, чтобы какой-то Одинокый рейнджер подставил меня под удар. Если все закончится тем, что мне дадут пинка под зад, я хочу быть уверен, что вина в этом моя, и только моя. Это командная игра, знаешь ли, и я — капитан, тренер и куотербек¹. Мы все должны действовать заодно, и никто не может играть в команде, не выходя на поле. Ты меня понял?

Дэн понял, что драки все-таки не будет. Весь пыл Россса ушел в гудок. Он чувствовал себя такой важной шишкой, когда устраивал разнос подчиненному.

Дэн разочарованно вздохнул, откинулся на спинку стула. Сложил руки за головой.

— Раскаленные сковородки, футбольные поля... Росс, ты путаешься в метафорах. Признай, старина, ты никогда не был вдохновенным оратором и поборником дисциплины. Генерал Патон — да, но не ты.

Мондейл сверлил его взглядом.

— По требованию чифа Келси я собираю специальную группу для этого расследования. Как ты помнишь, несколько лет тому назад такую же создавали для поимки Душителя из Хиллсайда. Все назначения идут через меня, и я назначаю тебя координатором.

Будешь сидеть в участке и координировать некоторые вопросы расследования.

— Я — не кабинетный коп.

— Теперь станешь им.

— В кабинете у меня сразу начинается приступ клаустрофобии. Если ты заставишь меня работать в кабинете, дело закончится нервным расстройством. Лечение обойдется управлению полиции слишком дорого.

— Не дури мне голову, — вновь предупредил Мондейл.

— Я боюсь, что из ящиков стола полезут какие-то чудовища, а эти стаканчики для карандашей... они напоминают мне реактивную ракетную установку, которая в любой момент может дать по мне залп всеми этими карандашами. Поэтому, думаю, завтра утром я займусь общественной организацией «Свобода теперь» и, возможно...

— Ими займутся Уэкслерш и Мануэль, — перебил его Мондейл. — Они же поговорят с заведующей кафедрой психологии ЛАКУ. А ты будешь сидеть за столом, Холдейн, за своим столом, и делать то, что тебе говорят.

Дэн не стал сообщать, что уже побывал в ЛАКУ и побеседовал с Ирматрудой Гелькеншеттль. Он не собирался делиться с Мондейлом какой-либо информацией.

— Уэкслерш — не детектив, — указал он. — Черт, да ему нужно покрасить свою пиписку в ярко-желтый цвет, чтобы найти ее, если возникает желание отлить. А Мануэль пьет.

— Черта с два! — рявкнул Мондейл.

— И на службе бывает чаще пьяным, чем трезвым.

¹ Куотербек — разыгрывающий, на котором держится вся игра футбольной (речь об американском футболе) команды.

— Он — превосходный детектив, — настаивал Мондейл.

— Для тебя определение «превосходный» — синоним определения «послушный». Тебе нравится Мануэль, потому что он смотрит тебе в рот и лижет твою задницу. Ты — потрясающий карьерист, Росс, но паршивый коп и еще худший лидер. Для твоего же блага, как, впрочем, и для блага других, я проигнорирую твой приказ, привязывающий меня к столу, и продолжу расследовать это дело так, как считаю нужным.

— Ну наконец-то, наглец ты этакий! Наконец-то! Считай, что тебя здесь больше нет. Я позвоню твоему боссу. Я позвоню Темплтону, и он вернет своего подчиненного к себе, в Центральный участок, где тебе самое место!

Капитан развернулся и направился к двери, чтобы услышать:

— Если ты заставишь Темплтона снять меня с расследования, мне придется рассказать ему и всем остальным о Синди Лейки.

Мондейл остановился, не дотянувшись рукой до дверной ручки, тяжело задышал, но к Дэну не повернулся.

Поэтому Дэн продолжил, обращаясь к спине Мондейла:

— Мне придется рассказать им, что Синди Лейки, бедная восьмилетняя малышка, была бы сейчас жива, выросла бы в молодую женщину, возможно, вышла бы замуж и сама родила дочку. А не случилось этого из-за тебя.

* * *

Лаура осталась рядом с Мелани, положив руку на плечо девочки, готовая схватить ее и бежать из кухни, возникни такая необходимость.

Эрл Бентон наклонился к радиоприемнику, похоже, зачарованный чудесным образом вращающимся диском и красной индикаторной полоской выбора частоты, бегающей взад-вперед по светло-зеленому дисплею.

Внезапно красная полоска остановилась, только на мгновение, которого хватило для того, чтобы диджей ясно и отчетливо произнес:

— ...что-то...

Двинулась дальше, остановилась на другой частоте, опять на чуть-чуть, чтобы они слышали одно произнесенное диктором слово:

— ...идет...

Снова двинулась, остановилась, выхватив слово из песни:

— ...что-то...

Тут же перескочила на новую станцию, ворвавшись в рекламное объявление:

— ...идет...

И двинулась в обратный путь.

И Лаура внезапно осознала, что эти паузы не случайны.

«Нам передали послание», — подумала она.

«Что-то идет».

Послание от кого? Откуда?

Эрл посмотрел на нее. Изумление, написанное на его лице, показывало, что он задает себе те же вопросы.

Ей хотелось бежать из кухни, из дома, бежать куда глаза глядят. Она не могла сдвинуться с места. Все суставы словно залили бетоном. Мышцы не желали сокращаться.

Красная полоска снова остановилась на секунду. Может, на долю секунды. На этот раз Лаура узнала песню, из которой выдернули слово. «Битлз». «...Что-то...»

Новая станция: «...идет...»

Воздух стал ледяным, но Лаура дрожала не только от холода.

«Что-то... идет...»

Два слова. Не просто послание. Предупреждение об опасности.

* * *

Мондейл так и не открыл дверь, ведущую из подсобки-кабинета Джозефа Скальдоне в торговый зал магазина «Пентаграмма». Вновь повернулся к Дэну, злость и негодование на его лице сменило более сильное чувство. Теперь оно пылало ненавистью.

Впервые за тринадцать лет Дэн упомянул Синди Лейки. Этот секрет они делили между собой, он главным образом и определял характер их взаимоотношений. И теперь, озвучив эти имя и фамилию, Дэн порадовался возможности увидеть, как поведет себя Мондейл, осознав, что, возможно, придется держать ответ за давний проступок.

— Я не убивал Синди Лейки, черт побери!

— Но ты позволил ее убить, хотя мог бы предотвратить это убийство.

— Я — не господь бог, — с горечью ответил Мондейл.

— Ты — коп. У тебя есть обязанности.

— Ты самодовольный говнюк.

— Ты дал клятву защищать простых граждан.

— Да? Правда? Между прочим, простые граждане никогда не плачут над мертвым копом, — говорил Мондейл тихо, несмотря на распиравшую его ярость, дабы их разговор не долетел до ушей тех, кто находился за дверью.

— Также твой долг — не бросать напарника в беде, прикрывать ему спину.

— Ну ты прямо-таки бойскаут. — Голос Мондейла сочился презрением. — Один за всех и все за одного! Чушь! Когда пахнет жареным, каждый сам за себя, и ты это знаешь!

Дэн уже жалел о том, что упомянул Синди Лейки. Радостное возбуждение, на мгновение охватившее его, ушло. И настроение только ухудшилось. Он почувствовал смертельную усталость. После стольких лет молчания он решил указать Мондейлу на его ответственность перед обществом, но получилось, что мог бы и не открывать рта. Мог бы не открывать рта, потому что Мондейл не относился к тем людям, которые способны признать собственную слабость или ошибку. Ранее ему всегда удавалось перекладывать вину за свои ошибки на других. У него был безупречный послужной список и, скорее всего, остался бы безупречным не только в глазах других, но и в его собственных. Потому что даже перед собой он не признавался в слабости или ошибке. Росс Мондейл не ведал чувства вины, ни в чем не упрекал себя. И сейчас, стоя перед Дэном, не считал себя ответственным за то, что случилось с Синди Лейки, не испытывал угрызений совести. Его захватило только одно чувство: иррациональная ярость, мишенью которой был бывший напарник.

— Если кто и несет ответственность за смерть девочки, так это ее мать.

Дэну не хотелось продолжать эту битву. Он устал, как столетний старик, протанцевавший весь вечер на своем юбилее.

— Распни на кресте эту чертову мать, а не меня.

Дэн молчал.

— Все произошло только потому, что ее мать встречалась с Феликсом Данбаром.

В глазах Дэна появилось презрение.

— Ты говоришь мне, что Френ Лейки следовало бы знать о психическом состоянии Данбара?

— Черт, ну, конечно!

— Между прочим, по всем параметрам он был славным парнем.

— Вышиб ее гребаные мозги, не так ли?

— Владелец фирмы. Хорошо одевался. Без криминального прошлого. Постоянно бывал в церкви. С какой стороны ни посмотри, добропорядочный гражданин, находка для любой женщины.

— Добропорядочные граждане не вышибают другим людям мозги. Френ Лейки встречалась с неудачником. Подонком, законченным психом. Из того, что я узнал позднее,

она встречалась со множеством мужчин, и едва ли не все они были неудачниками. Она подвергла жизнь своей дочери опасности — не я.

Дэн наблюдал за Мондейлом, как мог бы наблюдать за необычайно отвратительным насекомым, ползущим по обеденному столу.

— Ты говоришь мне, что ей следовало бы видеть будущее? Следовало бы знать, что у ее бойфренда окончательно съедет крыша, когда она скажет ему, что порывает с ним? Ей следовало бы знать, что он придет к ней в дом с пистолетом и попытается убить ее саму и ее дочь по более чем прозаичной причине — ее отказе пойти с ним в кино? Если бы она могла так хорошо видеть будущее, Росс, то оставила бы без работы всех тех, кто зарабатывает на жизнь гаданием на картах, по ладони или хрустальному шару. Она стала бы знаменитостью.

— Она подвергла жизнь дочери опасности, — стоял на своем Мондейл.

Дэн наклонился вперед, над столом, понизил голос:

— Если бы она могла видеть будущее, то знала бы: вызов копов в тот вечер пользы не принесет. Она знала бы, что одним из патрульных, приехавших на вызов, будешь ты, знала бы, что ты трусишь и...

— Я не трусил, — Мондейл шагнул к столу, но, как от угрозы, пользы от этого шага не было никакой.

* * *

«Что-то... идет...»

Эрл не отрывал глаз от радиоприемника.

Лаура посмотрела на дверь, ведущую во внутренний дворик, и на лужайку во дворе. Заперта. Окна тоже. Жалюзи опущены. Если бы что-то пришло, то куда и откуда? И что могло прийти, господи, что могло прийти?

Радиоприемник произнес еще одно слово: «...берегитесь...»

Теперь Лаура смотрела на открытую дверь в столовую. То, что могло прийти, должно быть, уже находилось в доме. Может, это «что-то» уже в гостиной и сейчас придет через столовую...

Красная полоска вновь остановилась, из динамиков загредел голос диджея. Он всего лишь болтал ни о чем, заполняя короткую паузу между двумя песнями, но Лауре его монолог показался зловещим: «Остерегайтесь, мои рок-н-рольные друзья, остерегайтесь тех, кто бродит в ночи, но знайте, вас всегда защитит кузен Френки, то есть я, поэтому лучше не меняйте частоту, на которую настроены ваши радиоприемники, а вот если поменяете, то вам придется поостеречься, придется, а не то попадете в лапы каких-нибудь старых гоблинов, которые живут под кроватью и не боятся никого, за исключением кузена Френки. Вам придется поостеречься!»

Эрл положил руку на радиоприемник, и Лаура даже удивилась, когда в пластике не раскрылась пасть и острые зубы не впились в руку детектива.

— Холодный, — констатировал он, когда красная полоска двинулась к другой станции.

Лаура потрясла Мелани за плечо:

— Сладенькая, вставай. Девочка не шевельнулась.

Красная полоска остановилась, чтобы выхватить из выпуска новостей одно слово: «...убийство...»

* * *

Дэну очень хотелось, чтобы какая-нибудь фея взмахом волшебной палочки перенесла его из кабинета этого мерзкого магазинчика в «Деликатесы от Сола», где он мог бы заказать себе большой «Сэндвич Рубена» и выпить несколько бутылок темного пива «Бек». Если бы не получилось с «Деликатесами от Сола», он согласился бы и на «Джека-в-коробке». А если бы

не попал к «Джеку», с радостью оказался бы дома, даже помыл бы грязные тарелки, которые скопились в раковине. Он был готов на что угодно, только не на продолжение стычки с Мондейлом, совершенно бессмысленной, лишь отнимающей время и силы.

Но дать задний ход он уже не мог. Так что предстояло вновь вытащить из глубин памяти убийство Лейки, посмотреть, не зажила ли рана. Но ведь смотреть-то и не стоило, потому что оба и так прекрасно знали: не зажила и никогда не заживет.

— После того как Данбар подстрелил меня на лужайке перед домом Лейки...

— Полагаю, это тоже моя вина, — перебил его Мондейл.

— Нет. Не следовало мне бросаться к нему. Я не думал, что он начнет стрелять, и я ошибся. Но, после того как он подстрелил меня, Росс, он на мгновение остолбенел, потрясенный тем, что сделал, и в этот момент был уязвим.

— Чушь. Уязвим, как танк «Шерман». Он был маньяком, свихнувшимся психом, и держал в руке большущий пистолет...

— Тридцать второго калибра, — поправил его Дэн. — Есть пистолеты и большего калибра. Каждый коп знает, что в любой момент на него могут наставить пистолет большего калибра. И в тот момент он был уязвим достаточно долго, чтобы ты смог его взять.

— Знаешь, что я в тебе всегда ненавидел, Холдейн?

— Но ты убежал, — продолжил Дэн, оставив вопрос без ответа.

— Я всегда ненавидел твою непоколебимую уверенность в собственной правоте.

— Если бы Данбар захотел, он бы всадил в меня вторую пулю. Никто не смог бы остановить его после того, как ты убежал за дом.

— Как будто ты никогда не совершал ошибок в своей чертовой жизни.

Теперь они оба перешли на шепот.

— Но вместо этого он оставил меня лежать на траве...

— Как будто ты никогда не боялся.

— ...следующим выстрелом вышиб замок входной двери...

— Хочешь изображать героя. Ты и Оди Мерфи¹. Ты и Иисус Христос.

— ...прошел в дом, избил Френ Лейки...

— Я тебя ненавижу.

— ...и заставил девочку наблюдать...

— Меня от тебя тошнит.

— ...как он убивает единственного в мире человека, которого она любила, — закончил Дэн.

Он не знал жалости, потому что понимал: нельзя останавливаться, не выговорившись. Он жалел, что начался этот разговор, ему не хотелось ворошить прошлое, но теперь, начав, он не мог не довести дело до конца. Потому что хотел освободиться от этого нескончаемого кошмара. Потому что не привык останавливаться на полпути. Потому что, если бы он остановился, недосказанная часть застряла бы в горле, как комок блевотины, и он бы задохнулся. Потому что — и вот она, правда, — чувство вины за смерть Синди Лейки до сих пор тяжелым грузом лежало у него на душе, и, возможно, это объяснение с Россом Мондейлом помогло бы ему избавиться от тяжелой ноши.

* * *

Радиоприемник прибавил громкости, и каждое слово взрывалось, словно артиллерийский снаряд:

— ...кровь...

— ...идет...

— ...бежать...

¹ Мерфи, Оди (1924—1971) — герой Второй мировой войны, удостоенный самого большого числа военных наград — 30.

Боясь того, что может случиться, стремясь заставить Мелани подняться со стула, Лаура воскликнула: «Сладенькая, вставай! Пошли!»

Из радио послышалось: «...прятаться...»

И: «...оно...» И: «...идет...» Громкость увеличилась.

— ...оно...

Достигло максимума, разрывая барабанные перепонки: «...на свободе...»

Эрл взялся за диск регулятора громкости.

— ...оно...

И тут же отдернул руку, словно его ударило электрическим током. Потрясенный, посмотрел на Лауру. Вытер пальцы о рубашку. Похоже, электрическим током его не ударило, но он коснулся чего-то мерзкого, отвратительного.

Радиоприемник выплюнул: «...смерть...»

Ненависть Мондейла была темным и огромным болотом, в котором он мог укрыться, когда из глубин памяти появлялась неприглядная правда о смерти Синди Лейки. И если правда эта не хотела его отпускать, он отступал все дальше в черную ненависть и прятался от нее среди змей, водяных тварей и грязи своей психики.

Он продолжал смотреть на Дэна, угрожающе нависнув над столом, но ненависть его не таила в себе опасности. Он не собирался пускать в ход кулаки. Не собирался растрачивать свою ненависть наносимыми по Дэну ударами. Нет, ненависть следовало только накапливать, потому что она помогала ему прятаться от ответственности. Она являла собой ширму между ним и правдой, и чем плотнее была ширма, тем больше его это устраивало.

Вот так работала у Мондейла голова. Дэн прекрасно его знал, читал его мысли, словно открытую книгу.

Но, хотя Росс и пытался спрятаться от правды, он также боялся нанести ответный удар. И на то были веские причины. Правда состояла в том, что Феликс Данбар подстрелил Дэна. Правда состояла в том, что, войдя в дом, Феликс Данбар избил Френ Лейки, а потом трижды выстрелил в Синди Лейки, а Росс Мондейл пребывал в это время бог знает где. Правда состояла в том, что раненый и истекающий кровью Дэн нашел на траве свой револьвер, вполз в дом Лейки и убил Феликса Данбара. Прежде чем тот успел прострелить голову и Френ Лейки. И все это время Росс Мондейл то ли блевал в кустах, то ли терял контроль над мочевым пузырем, а может, не шевелясь, лежал на лужайке за домом, изображая клумбу или бревно. Он вернулся, когда все закончилось, мокрый от пота, бледный, как полотно, трясаясь, смердя кислым запахом трусости.

И теперь, сидя за столом Джозефа Скальдоне, Дэн поставил вопрос ребром:

— Если ты попытаешься убрать меня из этого расследования или связать мне руки, я буду рассказывать историю о перестрелке в доме Лейки всем, кто захочет ее выслушать, и это станет концом твоей блестящей карьеры.

С апломбом, который мог бы разозлить, не будь столь предсказуемым, Мондейл ответил:

— Если бы ты собирался рассказать, то сделал бы это давным-давно.

— Возможно, это греющая душу мысль, но неправильная. Я прикрыл тебя, потому что ты был моим напарником, и я полагал, что каждый имеет право один раз смалодушничать. Но с годами я все более сожалел о том, что повел себя таким образом, и теперь, если ты дашь мне повод, я с радостью восстановлю истину.

— Это случилось очень давно, — буркнул Мондейл.

— Ты думаешь, никто не обратит внимание на нарушение служебного долга только потому, что с тех пор прошло тринадцать лет?

— Никто тебе не поверит. Они подумают, что все это выдумки. Я далеко продвинулся по службе, у меня появились друзья.

— Да. Только такие друзья продадут мать родную, если при этом им что-то перепадет.

— Ты всегда был одиночкой. И что бы ты ни думал о них, у меня есть люди, мне

помогут.

— Помогут надеть петлю на шею.

— Власть придает людям верности, Холдейн, даже если они ею не отличались. Никто не поверит тебе, Холдейн. Все знают, какой ты болтун. Никто не поверит.

— Тед Гирви мне поверит, — ответил Дэн, и, если бы он произнес эту фразу чуть тише, его бы не услышали.

Тед Гирви, на десять лет старше их, ветеран-патрульный, был напарником Мондейла на первом году его службы, когда тот проходил испытательный срок. Он засвидетельствовал несколько ошибок Мондейла, разумеется, не таких серьезных, какая имела место быть у дома Лейки, уже позже, когда напарником Мондейла стал Дэн. Просто ошибки, вызванные неправильной оценкой ситуации. Недостаточно развитым чувством ответственности. Гирви показалось, что Росс еще и трусоват, но он прикрыл его, как потом это сделал Дэн. Гирви, на три четверти ирландец, крупный, добродушный мужчина, пусть и большой любитель побурчать, симпатизировал новичкам. Он не выставил Мондейлу высших баллов за его успехи в испытательный срок: добродушие и симпатия не влияли на чувство ответственности. Но не выставил и низших, по доброте сердца.

Через несколько месяцев после перестрелки рядом с домом и в самом доме Лейки, когда Дэн уже начал работать с новым напарником, Тед Гирви нашел его и осторожно намекнул, что, похоже, допустил ошибку, не высказав начальству своего истинного мнения о Мондейле. В итоге они обменялись информацией и поняли, что повели себя неправильно, прикрыв Мондейла. У них не осталось сомнений, что трусость Мондейл проявил не случайно, что он трусоват по натуре. Но к тому времени с правдой они опоздали. В глазах полицейского начальства проступки Гирви и Дэна, а они нарушили служебные обязанности, не доложив о недостойном поведении Мондейла, по тяжести ненамного уступали прегрешениям Мондейла. А потому при расследовании они оказались бы в одной лодке с Мондейлом. Им не хотелось ради него наносить серьезный урон своей карьере. В наихудшем варианте их тоже могли попросить из полиции.

А кроме того, Мондейла к тому времени перевели в отдел контактов с общественностью, на улицах он больше не работал. Гирви и Дэн решили, что налаживать контакты с общественностью у Мондейла получится, он больше не вернется к оперативной работе и не окажется в ситуации, когда от его решения будет зависеть чья-то жизнь. И сделали вывод, что наилучший вариант — оставить все, как есть.

Никто из них и представить себе не мог, что со временем Мондейл станет одним из реальных претендентов на должность начальника полицейского управления. Возможно, они все-таки написали бы рапорты, если б могли предвидеть такое развитие событий. А теперь им оставалось только сожалеть, что они не вывели Мондейла на чистую воду.

Мондейл, и это проявилось на его лице, понятия не имел о том, что Гирви и Дэн знают друг друга. И осознание того, что они могли поделиться друг с другом очень уж неприятной для него информацией, потрясло Мондейла.

* * *

Радиоприемник гремел: —ОНО!

— ИДЕТ!

— ПРЯЧЬТЕСЬ!

— ИДЕТ!

Отдельные слова, вырывающиеся из «Сони», звучали необычайно громко, такую громкость не могли обеспечить технические характеристики динамиков радиоприемника. Слова гремели. От них тряслись стены. Динамикам давно следовало развалиться или сгореть от таких выбросов звука, но они продолжали работать. Радиоприемник ходил ходуном.

— НА СВОБОДЕ!

— ИДЕТ!

Каждое слово врезалось в Лауру, лишало очередной частички самоконтроля. Волна паники и страха поднималась все выше, грозя накрыть ее с головой.

Лампы на кухне пульсировали, тускнели, тогда как зеленый дисплей радиоприемника прибавлял в яркости, как будто «Сони» приобрел не только разум, но и у него проснулся жуткий электрический голод, вот он и высасывал из проводов весь электрический ток. Но такого просто не могло быть: сколько бы киловатт ни потреблял радиоприемник, дисплей освещала лампочка малого накала, которая не могла обеспечить такую яркость. Однако обеспечивала. И по мере того как тускнели лампы под потолком, ослепляющие изумрудные лучи пробивались через плексигласовую панель, освещая лицо Эрла Бенсона, отражаясь от хромированных частей плиты и холодильника, расходились по сумраку кухни: создавалось впечатление, будто ее вдруг перенесли под воду.

— ...РАЗДИРАЮЩЕЕ...

— ...НА ЧАСТИ...

Воздух леденил тело.

— ...РАЗРЫВАЮЩЕЕ...

— ...НА ЧАСТИ...

Лаура не понимала этот фрагмент послания, знала лишь, что речь идет о физическом насилии.

«Сони» вибрировал все сильнее. Наконец запрыгал на столике.

— РАЗРУБАЮЩЕЕ... НАДВОЕ...

* * *

— Если я выступлю публично, — продолжил Дэн, — Тед Гирви, возможно, захочет последовать моему примеру. Может, еще кто видел тебя не на белом коне, Росс. Может, они тоже выступят, как и мы. Может, у них тоже есть совесть.

И, судя по выражению лица Мондейла, люди, которые могли загубить его карьеру, были. В его голосе не слышалось самодовольства, когда он ответил:

— Один коп никогда не доносит на другого, черт побери!

— Ерунда. Если один из нас убийца, мы его не покрываем.

— Я — не убийца, — возразил Мондейл.

— Если один из нас вор, мы его не покрываем.

— Я никогда не украл ни цента.

— И если один из нас трус и хочет стать начальником всего полицейского управления, мы должны перестать покрывать его до того, как он займет кабинет, в который рвется, и начнет бросаться жизнями других людей. Так частенько поступают трусы, когда получают власть и более не должны принимать участие в бою.

— Ты же знаешь наш кодекс. Мы против таких!

— Что ты такое говоришь, Росс? Минуту тому назад ты утверждал, что каждый выпутывается сам.

Но Мондейл уже отделил свое поведение у дома Лейки от кодекса чести полицейского, став вдруг его ревностным приверженцем. А потому повторил:

— Мы против таких, черт побери! Дэн кивнул:

— Все так, но, говоря «мы», я не имею в виду и тебя. Ты и я просто не можем принадлежать к одной и той же группе людей.

— Ты уничтожишь свою карьеру.

— Возможно.

— Точно. Управление внутренней безопасности захочет знать, почему ты так долго скрывал так называемое нарушение служебных обязанностей.

— Неправильно истолкованная верность одного человека в форме другому человеку в

форме.

— Этого будет недостаточно.

— А мы посмотрим.

— Они оторвут тебе яйца.

— Кого они прищучат, так это тебя. Моя моральная безответственность — пассивное действие, пассивный грех. Меня могут на какое-то время отстранить от выполнения служебных обязанностей, объявить взыскание. Но из полиции за это не выгоняют.

— Может, и нет. Но очередного повышения по службе тебе не видать.

Дэн пожал плечами:

— И что? Желания подниматься выше по служебной лестнице у меня нет. Я — не карьерист, Росс, в отличие от тебя.

— Но... если ты пойдешь на такое, тебе больше никто не будет доверять.

— Будут, можешь не сомневаться.

— Нет, нет. Не будут, после того как ты заложил другого копа.

— Если бы это был другой коп, не ты, я бы с тобой согласился.

Мондейл вскипел:

— У меня есть друзья!

— Да, тебя любят наверху, и понятно почему. Там ты всегда говоришь то, что они хотят слышать. Ты знаешь, как манипулировать ими. Но любой коп-патрульный знает, что ты — говнюк.

— Глупости! У меня друзья везде. От тебя все отвернутся, ты будешь в изоляции, изгоем.

— Даже если ты говоришь правду, хотя это не так, что с того? Я все равно одиночка, помнишь? Ты сам это сказал. Ты сказал, что я — одиночка. И ты думаешь, я буду нервничать, став изгоем?

И впервые ненависть на лице Мондейла в немалой степени сменилась тревогой.

— Вот видишь? — Дэн широко улыбнулся. — У тебя нет выбора. Ты должен позволить мне проводить это расследование так, как я считаю нужным, не вмешиваясь, пока я не обращусь к тебе с какой-либо просьбой. А встанешь у меня на пути, я тебя уничтожу, и да поможет мне в этом бог. Пусть при этом и у меня возникнут проблемы.

* * *

Лампы под потолком потускнели еще больше. А зеленый дисплей обрел такую яркость, что у Лауры заболели глаза.

— ...ОСТАНОВИТЕ... ПОМОГИТЕ... БЕГИТЕ... ПРЯЧЬТЕСЬ... ПОМОГИТЕ...

Плексигласовая панель дисплея внезапно треснула посередине.

Радиоприемник так вибрировал, что начал двигаться по столу.

Лаура вспомнила кошмарный образ, несколько минут тому назад возникший перед ее мысленным взором: лапы краба, вылезающие из пластикового корпуса.

Дверца холодильника вновь открылась сама по себе.

И тут же, со скрежетом петель, одновременно распахнулись дверцы всех буфетов, столиков, полок. Одна ударила Эрла по ногам, и от неожиданности он едва не упал.

Радиоприемник перестал выкрикивать отдельные слова, вырванные из передач различных станций. Теперь из динамиков доносился невероятно громкий, просто оглушающий треск атмосферных помех.

* * *

Росс Мондейл сидел на деревянном ящике, закрыв лицо руками, словно плакал.

Дэну Холдейну оставалось только удивляться. Он-то полагал, что Мондейл просто не способен на слезы.

Капитан не издавал никаких звуков, не всхлипывал, не рыдал, а когда оторвал руки от лица, Дэн увидел, что глаза у него сухие. Мондейл не плакал, а думал, отчаянно пытался найти выход из тупика, в который его загнали.

И на лице его теперь появилось новое выражение: одну маску он сменил на другую. Страх и тревога полностью исчезли. Даже ярость спряталась, оставшись на виду разве что в глазах капитана. Теперь на лице господствовало дружелюбие.

— Хорошо, Дэн. Хорошо. В свое время мы были друзьями, может, станем ими вновь.

«Мы никогда не были друзьями», — подумал Дэн. Но ничего не сказал. Ему хотелось посмотреть, как Мондейл сможет сыграть эту новую для себя роль.

— По крайней мере мы можем начать, попытавшись работать вместе, и я готов этому помочь, признав, что ты — чертовски хороший детектив. Мало того, что ты не упускаешь никаких деталей, так у тебя еще удивительная интуиция. Мне не следовало и пытаться направлять тебя. Не мешают же охотничьей собаке бежать по зову ее носа. Хорошо. В этом расследовании ты сам себе хозяин. Иди куда хочешь, смотри что хочешь, когда хочешь. Только изредка ставь меня в известность о том, что тебе удалось раскопать. Я буду тебе очень признателен. Может, нам обоим стоит чем-то поступиться, в чем-то пойти навстречу друг другу, и тогда ты поймем, что не только сможем работать вместе, но и снова станем друзьями.

Дэн решил, что злость и неприкрытая ярость Мондейла нравятся ему больше, чем это слащавое дружелюбие. Ярость капитана отражала его сущность. Мед в голосе не успокоил Дэна, говоря точнее, от него по коже побежали мурашки.

— Но могу я задать тебе один вопрос? — Мондейл, по-прежнему сидя на ящике, наклонился вперед.

— Какой?

— Почему *это* расследование? Почему тебе так хочется и дальше им заниматься?

— Я просто хочу делать свою работу.

— Мне кажется, здесь что-то большее.

Дэн промолчал.

— Дело в той женщине?

— Нет.

— Она очень симпатичная.

— Дело не в той женщине, — ответил Дэн, хотя красота Лауры Маккэффри произвела на него должное впечатление. Но в действительности она лишь в малой степени повлияла на его решимость и дальше вести расследование, хотя он не собирался говорить об этом Мондейлу.

— Тогда в девочке?

— Возможно.

— Ты всегда прилагал особые усилия в расследовании тех дел, где ребенку причиняли вред или угрожали.

— Не всегда.

— Нет, всегда, — покачал головой Мондейл. — Причина в случившемся с твоими братом и сестрой?

* * *

Радиоприемник вибрировал все сильнее. Прыгал по поверхности столика с такой силой, что едва не разбивал пластиковое покрытие, а потом взлетел в воздух. Повис, трепыхаясь, на конце провода, совсем как наполненный гелием воздушный шар, привязанный за нитку.

Лаура уже перестала чему-либо удивляться. Просто наблюдала, парализованная

благоговейным трепетом. Она больше не боялась, холод и невероятность того, что происходило у нее перед глазами, превратили ее тело в статую.

Треск электронных помех становился все более пронзительным, напоминая записанный на магнитофонную пленку вой падающей бомбы.

Лаура посмотрела на Мелани и увидела, что девочка наконец-то начинает выходить из ступора. Она еще не открыла глаза, наоборот, плотнее сжала веки, но подняла маленькие ручки к ушам и открыла рот.

Змейки дыма вырвались из чудесным образом подвешенного в воздухе радиоприемника. Он взорвался.

Лаура закрыла глаза и опустила голову в самый момент взрыва. Осколки пластика пролетели над ней, угодили в руки, голову, кисти, правда, не нанеся особого вреда.

Несколько больших кусков, соединенных с проводом, с грохотом упали на пол: невидимые руки больше не поддерживали радиоприемник. Штепсель выскочил из розетки, провод пополз по столу, тоже упал на пол рядом с обломками «Сони» и застыл.

Когда раздался взрыв, Мелани наконец-то отреагировала на происходящее на кухне. Соскочила со стула еще до того, как перестали падать летящие обломки, на руках и коленях добралась до угла у двери во внутренний дворик. Усевшись там, закрыла голову руками и разрыдалась.

В тишине, которой сменился вой радиоприемника, очень уж напоминающий крики баньши, рыдания эти проникали особенно глубоко. Каждое достигало сердца Лауры, толкая ее в пучину отчаяния и ужаса.

* * *

Когда Дэн не отреагировал, Мондейл повторил вопрос. Вроде бы интересовался из чистого любопытства, но определенно преследовал какие-то свои, только ему ведомые цели.

— Ты всегда прилагаешь особые усилия в расследовании тех дел, где ребенку причинен вред, из-за случившегося с твоими братом и сестрой?

— Возможно. — Теперь Дэн сожалел о том, что рассказал Мондейлу о семейной трагедии. Но тогда они были молодыми копами, ездили на одной патрульной машине, и во время долгих ночных смен частенько говорили о своей жизни. Он многое поведал Мондейлу, слишком многое, прежде чем понял, что Мондейл ему не друг и никогда им не станет. — Возможно, это одна из причин, по которой я не хочу отказываться от этого расследования. Не хочу отказываться и из-за Синди Лейки. Неужели ты не видишь, Росс? Это еще один случай, когда женщина и ребенок в опасности, когда матери и дочери угрожает маньяк. Как он угрожал Френ и Синди Лейки. Так что, возможно, это мой шанс искупить грех. Шанс реабилитироваться за мою неудачу в попытке спасти Синди Лейки, шанс снять с себя хоть малую часть груза той вины.

Мондейл в изумлении уставился на него.

— Ты чувствуешь себя виноватым за смерть Синди Лейки?

Дэн кивнул:

— Мне следовало пристрелить Данбара в тот самый момент, когда он повернулся ко мне с пистолетом в руке. Не следовало ждать, не следовало давать ему шанс бросить пистолет. Если бы я сразу пристрелил его, он бы не вошел в дом.

Мондейл заулыбался:

— Но, послушай, ты же помнишь, какая тогда была ситуация. Еще хуже, чем сейчас. Большое жюри рассматривало не менее полудюжины обвинений в чрезмерной жестокости, выдвинутых против копов. И каждый говняный политический активист считал своим долгом подать в суд на все управление полиции. Хуже, чем сейчас. Даже когда не было сомнений в том, что коп стрелял, защищая свою жизнь, они требовали его голову. У всех тогда были права... за исключением копов. Копам предлагалось только стоять и получать пулю в грудь.

Репортеры, политики, борцы за гражданские права, все воспринимали нас как жаждущих крови фашистов. Черт, ты же не можешь этого не помнить!

— Я помню, — ответил Дэн. — Именно поэтому и не пристрелил Данбара, когда мог. Я же видел, что он очень возбужден, опасен. Интуитивно я знал: этим вечером он обязательно кого-нибудь убьет, но постоянно помнил о том, какое на нас оказывают давление, какие обвинения выдвигают против копов, нажимающих на спусковой крючок, и понимал: если я его пристрелю, мне придется держать за это ответ. А учитывая сложившуюся обстановку, меня никто бы не стал слушать. Мною бы пожертвовали. Я опасался потерять работу, опасался, что меня выгонят из полиции. Опасался загубить свою карьеру. Вот я и ждал, пока он вытащит пистолет, пока нацелит его на меня. И дал ему лишнюю секунду, потому что никак не мог решить, положиться ли на интуицию или на разум, а в результате он получил шанс убить Синди Лейки.

Мондейл покачал головой:

— Но твоей вины в этом нет. Винить нужно этих чертовых реформаторов, которые никак не желали понять, с чем мы каждодневно сталкиваемся, не знали, что творится на улицах. Винить нужно их. Не тебя. Не меня.

Дэн зыркнул на него:

— Не смей ставить нас на одну доску. Не смей. Ты *сбежал*, Росс. Я напортачил, потому что думал о своей заднице, о своей пенсии, в конце концов, тогда как следовало думать только об одном: как наилучшим образом выполнить порученную мне работу. Вот почему я продолжаю винить себя. Но не смей говорить, что вина у нас, что моя, что твоя, одинаковая. Не одинаковая. Это чушь собачья, и ты это знаешь.

Мондейл пытался изобразить на лице сочувствие и понимание, но ему со все большим трудом удавалось сдерживать ярость.

— А может, ты этого *не знаешь*, — продолжил Дэн. — И вот это, пожалуй, еще хуже. Может, ты не просто прикрываешь свою задницу. Может, ты действительно думаешь, что всегда виноват кто-то другой, но не ты.

Не отвечая, Мондейл поднялся с ящика и направился к двери.

— Твоя совесть действительно чиста, Росс? — спросил его спину Дэн. — Да поможет тебе бог, я чувствую, ты в этом не сомневаешься.

Мондейл обернулся:

— В этом расследовании ты делаешь все, что хочешь, но не попадайся мне на пути.

— Ты ни разу не мучился бессонницей из-за Синди Лейки, так?

— Я сказал, не попадайся мне на пути.

— С радостью.

— Я больше не хочу слушать твои слюнявые речи.

— Будем надеяться, что не услышишь.

Мондейл, не отвечая, открыл дверь.

— С какой ты планеты, Росс?

Мондейл переступил порог.

— Готов спорить, на его родной планете есть только один цвет, — сообщил Дэн пустой комнате. — Коричневый. В том мире все должно быть коричневым. Вот почему он носит только коричневое. Такая одежда напоминает ему о доме.

Шутка получилась так себе. Может, поэтому он и не смог заставить себя улыбнуться. Может, поэтому.

* * *

На кухне все застыло.

Ни единый звук не нарушал тишину.

Воздух снова согрелся.

— Все закончилось, — констатировал Эрл.

К Лауре вернулась способность двигаться. Панель радиоприемника хрустнула под ее ногой, когда она пересекла кухню и опустилась на колени рядом с Мелани.

Нежными словами, поглаживанием и похлопыванием она успокоила дочь. Вытерла слезы с лица ребенка.

Эрл начал уборку, подбирая с пола куски «Сони», что-то бормоча себе под нос, недоумевая, еще не придя в себя от изумления.

Лаура тем временем села на пол, усадила девочку себе на колени, обняла ее, принялась покачивать, безмерно радуясь тому, что ребенок по-прежнему с ней. Ей очень хотелось вычеркнуть из памяти события нескольких последних минут. Она бы многое отдала, чтобы сказать, что ничего такого не было и в помине. Но она была слишком хорошим психиатром, чтобы позволить себе даже подумать о том, что произошедшее на кухне — игра ее воображения, фокусы разума. Это было паранормальное явление. Сверхъестественный феномен не объяснялся тем, что органы чувств дали сбой. Они работали, как часы, четко и аккуратно фиксировали только то, что происходило у нее на глазах, хотя такого просто не могло быть. Она не смешивала некую последовательность реальных событий с событиями, которые происходили только в больном воображении, как случалось с шизофрениками. Да и Эрл видел, слышал, ощущал то же самое, что и она. Речь не могла идти о разделенной галлюцинации, массовом обмане. Случившееся пахло безумием, отдавало невозможным... но случилось. В радиоприемник... что-то вселилось. Некоторые куски «Сони» еще дымились. Воздух пропитался запахом горелого.

Мелани застонала. Дернулась.

— Успокойся, сладенькая, успокойся.

Девочка посмотрела на мать, и Лауру потряс визуальный контакт. Мелани не смотрела сквозь нее. Она опять вернулась в реальность из своего темного мира, и Лаура молила бога, чтобы на этот раз девочка вернулась навсегда, хотя надеяться на это не приходилось.

— Я... хочу, — прошептала Мелани.

— Что, сладенькая? Что ты хочешь?

Глаза девочки не отрывались от глаз Лауры.

— Мне... нужно.

— Все, что угодно, Мелани. Все, что хочешь. Только скажи. Только скажи мамике, что тебе нужно.

— *ОНО* доберется до них всех. — Голос Мелани осип от ужаса.

Эрл оторвался от дымящихся обломков радио, повернулся к матери и дочери.

— Что? — спросила Лаура. — Что доберется до них, сладенькая?

— А потом *оно*... доберется... до меня.

— Нет, — быстро ответила Лаура. — Ничто не доберется до тебя. Я позабочусь о тебе. Я...

— *ОНО*... идет... изнутри.

— Изнутри чего?

— ...изнутри...

— Что это, сладенькая? Чего ты боишься? Что это?

— ...*ОНО*... придет... и съест меня...

— ... съест меня... всю. — И девочка задрожала всем телом.

— Нет, Мелани. Не волнуйся об этом... — Она замолчала, увидев, что глаза девочки изменились. Нет, она еще не ушла в себя, но уже и не смотрела в глаза Лауре.

Ребенок вздохнул, дыхание стало другим. А потом Мелани вновь оказалась в том странном месте, где пряталась с того момента, как ее нашли бредущей по улице в чем мать родила.

— Док, вы можете это как-то объяснить? — спросил Эрл.

— Нет. Потому что я ни черта не понимаю.

— Я тоже.

Чуть раньше, готовя обед, она уже с оптимизмом смотрела на будущее Мелани. Девочка медленно, но верно возвращалась к нормальному состоянию. Но теперь маятник резко качнулся в другую сторону, и Лаура снова не находила себе места от тревоги и страха.

В этом городе были люди, которые хотели похитить Мелани для того, чтобы и дальше проводить с ней эксперименты. Лаура не знала, какие они ставили перед собой цели и почему выбрали Мелани, но в том, что они где-то рядом, сомнений у нее не было. И ФБР, похоже, придерживалось того же мнения. А еще были люди, которые хотели убить Мелани. Тело Неда Ринка, найденное на автостоянке больницы, неопровержимо доказывало, что жизнь Мелани в опасности. Но этим список недругов Мелани, которых она не знала в лицо, не исчерпывался. Появился новый враг. О нем шла речь в предупреждении, которое они получили с помощью радиоприемника.

Но кто или что контролировало радиоприемник? И как? Кто или что послало предупреждение? И почему?

А самое главное, кто был этим новым врагом?

«Оно», — сказала радио, то есть получалось, что новый враг — не человек, возможно, нечто, более опасное. «Оно» на свободе, предупреждал радиоприемник. «Оно» идет. Они должны бежать, предупреждал радиоприемник. Они должны прятаться. От этого «оно».

— Мамик? Мама?

— Я здесь, сладенькая. С тобой.

— *М-ма-а-а-м-м-и-и-и-к!*

— Я здесь, рядышком. Все хорошо. Я рядышком.

— Я... я... я... боюсь.

Мелани обращалась не к Лауре, не к Эрлу. Она не слышала слов Лауры. Она говорила сама с собой тоном, который свидетельствовал о крайнем одиночестве, голосом потерявшегося, брошенного ребенка.

— Так боюсь. Боюсь.

Часть 3 ДИЧЬ Среда. 20.00 — Четверг. 6.00

22

По-прежнему сидя за столом Джозефа Скальдоне в подсобке-кабинете магазина на бульваре Вентуры, Дэн Холдейн просматривал дискеты, которые достал из ящичка, стоявшего рядом с компьютером. Он прочитал надписи на наклейках и понял, что большинство из дискет не представляет для него никакого интереса. Но вот одну дискету, озаглавленную «СПИСОК ПОЧТОВЫХ АДРЕСОВ ПОКУПАТЕЛЕЙ», определенно стоило просмотреть.

Он вставил дискету в дисковод, включил компьютер, как только высветилось меню, щелкнул мышкой по соответствующим иконкам, вызвав на экран папку со списком покупателей. Она содержала двадцать шесть документов, по одному на каждую букву алфавита¹.

Открыв документ «М», он нашел Дилана Маккэффри и его адрес в Студио-Сити.

В документе «Х» нашел Вилли Хоффрица.

В файле «К» — Эрнста Эндрю Купера, бизнесмена-миллионера, тело которого обнаружили в доме в Студио-Сити вместе с телами Маккэффри и Хоффрица.

Дэн вызвал на экран документ «Р». И, конечно же, наткнулся на Неда Ринка.

Он нашел ниточку, которая повязала все четыре жертвы: интерес к оккультизму и, более

¹ Именно столько букв, 26, в английском алфавите.

того, покупки в странном маленьком магазинчике безвременно покинувшего этот мир Джозефа Скальдоне.

Он раскрыл файл «А», нашел адрес в Оджаи и телефонный номер Альберта Ахландера, автора нескольких томов по оккультизму, которые кто-то хотел вынести из дома Неда Ринка. Теперь эти книги лежали в багажнике полицейского седана без знаков отличия, которым пользовался Дэн.

Кто еще?

Подумав, он открыл документ «С» и поискал Реджину Саванну. Ту самую молодую женщину, которая находилась под полным контролем Хоффрица и из-за избиения которой ему пришлось уйти с кафедры психологии ЛАКУ. Она не значилась среди покупателей Скальдоне.

Документ «Г». На всякий случай. Но Ирматруды Гелькеншеттль в списке он не нашел.

Собственно, и не рассчитывал найти. Даже устыдился того, что решился на такую проверку. Но детектив, расследующий убийство, никому не мог доверять.

Вызвав на экран файл «О», Дэн поискал Мэри Кэтрин О'Хара, секретаря общественной организации «Свобода теперь», в которой Купер и Хоффриц занимали должности соответственно президента и казначея.

Вероятно, Мэри О'Хара не разделяла увлеченности своих коллег оккультной литературой в частности и оккультизмом вообще.

Дэн не мог вспомнить, какие еще фамилии следовало бы посмотреть, но решил, что ему может попасться что-нибудь интересное, если он прочитает весь список. Поэтому отдал компьютеру команду его распечатать.

Лазерный принтер через несколько секунд выдал первую страницу. Дэн схватил ее с подноса и просмотрел, пока машина продолжала работать. Двадцать фамилий с адресами, две колонки по десять в каждой. Ни одной знакомой.

Он взял вторую страницу и в нижней части второй колонки увидел имя и фамилию, которые не просто были ему знакомы — поразили. Палмер Бут.

Владелец «Лос-Анджелес джорнэл», наследник огромного состояния, но также один из самых удачливых бизнесменов Америки, Палмер Бут многократно приумножил доставшиеся ему капиталы. Он не только владел средствами массовой информации, в сфере его интересов находились недвижимость, банковское дело, производство фильмов, транспортные перевозки, высокие технологии, теле— и радиовещание, сельское хозяйство, выращивание породистых лошадей и, возможно, все остальное, что могло приносить прибыль. Он также играл активную роль в политике, добрых два десятка благотворительных фондов по праву считали его своим благодетелем, и все знали его как прагматика до мозга костей.

И что теперь? Как стопроцентный прагматизм мог сосуществовать в одном человеке с верой в оккультизм? Почему многоопытный бизнесмен, прекрасно разбирающийся в неписаных правилах, методах и законах капитализма, является покупателем такого занюханного магазинчика, как «Пентаграмма»?

Любопытно.

Разумеется, Дэн никоим образом не мог утверждать, что Палмер Бут имел какие-то общие дела с такими людьми, как Маккэффри, Хоффриц, Ринк. Появление его фамилии в списке Скальдоне не связывало Бута с делом Маккэффри. Далеко не все люди, которые что-то покупали в «Пентаграмме», участвовали в этом заговоре.

Тем не менее Дэн взял записную книжку Скальдоне, которая и вызвала столкновение с Мондейлом, открыл на букве Б, чтобы посмотреть, является ли Бут одним из многих покупателей. В записной книжке бизнесмен не значился. Сие указывало на то, что он всего лишь покупал в магазине какие-то книги и товары, связанные с оккультизмом.

Дэн сунул руку во внутренний карман пиджака, достал записную книжку Дилана Маккэффри. Не нашел Бута и там.

Тупик.

Впрочем, он так и предполагал.

Прежде чем убрать книжку Маккэффри, раскрыл ее на букве А. Интересовал его Альберт Ахландер. Конечно же, нашел, вместе с адресом в Оджаи и телефонным номером.

Вновь заглянул в телефонную книжку Скальдоне. Ага, Альберт Ахландер, все те же адрес в Оджаи и телефонный номер. Писатель был не просто одним из покупателей магазина «Пентаграмма», а являлся составной частью проекта, каким бы он ни был, в котором участвовали Маккэффри и Хоффриц.

Веселенькая подобралась компания. Дэн задался вопросом, а чем они занимались, когда собирались вместе? Сравнивали любимые сорта говна летучих мышей? Украшали наиболее вкусные блюда змеиными глазами? Обсуждали планы всеобщей «промывки мозгов» и установления контроля над всем миром?

Пытали маленьких девочек?

Принтер отпечатал пятнадцатую и последнюю страницу задолго до того, как Дэн успел просмотреть первые четырнадцать. Он собрал их, скрепил степлером, сложил пополам и убрал в карман. В списке покупателей значились почти триста фамилий, и он хотел просмотреть их позже, дома, в одиночестве, за бутылкой пива, когда его бы ничто не отвлекало.

Он заметил пустую коробку из-под бумаги и сложил в нее записные книжки Дилана Маккэффри и Скальдоне. А также несколько других предметов. Вынес коробку из подсобки-кабинета, пересек магазин, где сотрудники службы коронера упаковывали в мешок изуродованное донельзя тело Скальдоне, и вышел на улицу.

Толпа зевак уменьшилась, возможно, потому, что ночь выдалась холодной. Несколько репортеров все еще болтались около оккультного магазина, ссутулившись, сунув руки в карманы, дрожа от холода. Ледяной ветер дул вдоль бульвара Вентуры, высасывая из города и его обитателей остатки тепла. Тяжелый, влажный воздух придавливал к земле. Чувствовалось, что ночью снова пойдет дождь.

Нолан Суейз, самый молодой из полицейских, охранявших магазин «Пентаграмма», взял коробку, когда Дэн протянул ее ему.

— Нолан, я хочу, чтобы ты отвез все это в участок Ист-Вэлью и отдал в канцелярию. Среди прочего здесь две записные книжки. Я хочу, чтобы содержимое обеих переписали и завтра утром каждый из детективов специальной группы, которая занимается этим расследованием, получил свой экземпляр.

— Будет сделано, — ответил Суейз.

— Здесь еще дискета. Я хочу, чтобы все файлы распечатали и также раздали детективам. Это ежедневник.

— Копии всем?

— Ты быстро учишься.

Суейз кивнул:

— Со временем я собираюсь стать начальником полиции.

— Попутного тебе ветра.

— Хочу, чтобы мама мной гордилась.

— Если такова твоя цель, возможно, лучше остаться патрульным. Здесь еще пачка накладных...

— Вы хотите, чтобы всю информацию перенесли на более удобный для работы формат?

— Точно, — кивнул Дэн.

— И копии для всех.

— Может, ты станешь даже мэром.

— У меня уже есть слоган моей предвыборной кампании: «Давайте изменим наш город к лучшему».

— Почему нет? В последние тридцать лет точно такой же слоган срабатывал для каждого кандидата.

— Это...

— Чековая книжка.

— Вы хотите, чтобы всю информацию с корешков переписали и копии раздали всем детективам? Может, я смогу стать даже губернатором.

— Нет, тебе не понравится эта работа.

— Почему нет?

— Придется жить в Сакраменто¹.

— А ведь вы правы. Я предпочитаю цивилизацию.

* * *

С обедом они припозднились, потому что пришлось прибираться на кухне. Воду для спагетти вылили: в ней плавали кусочки радиоприемника. Лаура вымыла кастрюлю, вновь наполнила водой, поставила на плиту.

К тому времени, когда они сели за стол, есть ей уже совершенно расхотелось. Она думала о радиоприемнике, в который вселился странный, демонический дух, и эти воспоминания напрочь отшибали аппетит. Воздух наполняли ароматы чеснока, томатного соуса, «пармезана». Но сквозь них пробивались запахи сторевавшего пластика и горячего металла, которые словно доказывали присутствие злого духа, какое-то время обитавшего в радиоприемнике.

Эрл Бентон съел больше, чем она, но ненамного. И говорил мало. Смотрел в основном на свою тарелку, сосредоточенно жевал, лишь изредка переводил взгляд на тот столик, где стоял радиоприемник. Присущая ему уверенность в себе уже не проглядывала. В глазах застыло отсутствующее выражение.

Мелани тоже смотрела куда-то далеко-далеко, но съела больше, чем Лаура и Бентон. Иногда жевала медленно и рассеянно, но, случалось, вдруг начинала набивать рот и торопливо, не разжевывая, все проглатывала, будто испытывала волчий голод.

Когда Лаура кормила дочь, то и дело вытирая соус с подбородка ребенка, она не могла не подумать о собственном детстве. Ее мать, Беатрис, была религиозной фанатичкой, которая не разрешала дочери петь, танцевать и читать книги, за исключением Библии и некоторых религиозных трактатов. Она вела жизнь отшельницы и приложила немало усилий для того, чтобы Лаура оставалась застенчивой, шарахающейся от всех, боящейся окружающего мира девушкой. И Беатрис, несомненно, только порадовалась бы, если бы Лаура стала такой, как нынешняя Мелани. Она бы истолковала кататонию как отвержение греховного мира плоти, как тесную связь с богом. Беатрис не просто не сумела бы помочь Лауре вернуться в реальный мир. Она бы не захотела это делать.

«Но я могу тебе помочь, сладенькая, — думала Лаура, вытирая очередной красный потек с подбородка дочери. — Я могу и хочу помочь тебе найти обратный путь в наш мир, Мелани. Только протяни мне руку, только позволь помочь».

Голова Мелани упала. Она закрыла глаза.

Лаура намотала на вилку очередную порцию спагетти, поднесла к губам девочки, но ребенок не отреагировал, возможно, даже заснул.

— Давай, Мелани, открывай ротик. Тебе нужно немножко поправиться, сладенькая.

Что-то громко щелкнуло.

Эрл Бентон оторвал глаза от тарелки.

— Что это?

Но, прежде чем Лаура успела ответить, дверь во внутренний дворик с силой распахнулась. Цепочку с хрустом вырвало из дверного косяка.

А щелкнул открывающийся взрезной замок. И открылся он сам по себе.

Эрл вскочил, стул повалился на пол. Из внутреннего дворика за домом, из темноты и ветра, что-то вошло в дом.

¹ Сакраменто — административный центр штата Калифорния. Небольшой городок, не идущий ни в какое сравнение с калифорнийскими мегаполисами вроде Лос-Анджелеса, Сан-Франциско, Сан-Диего.

* * *

В 21.15, поговорив с владельцем соседнего с «Пентаграммой» магазинчика и ничего не узнав, Дэн заглянул в «Макдоналдс» за обедом. Купил два чизбургера, большую порцию картофеля-фри, диет-колу и поел в седане, одновременно пытаясь найти Реджину Саванну с помощью установленного в автомобиле портативного компьютера.

Дисплей располагался на приборном щитке, под удобным углом, так что Дэну не приходилось нагибаться, чтобы прочесть появляющуюся на нем информацию. Клавиатуру аккуратно вмонтировали в консоль между сиденьями. За последние два года такими компьютерами оснастили все патрульные машины УПЛА и половину полицейских седанов, которые со стороны ничем не отличались от автомобилей частных владельцев. Портативные компьютеры по закрытой частоте были связаны с подземным, хорошо защищенным командно-коммуникационным центром полиции, а уж через него получали доступ к различным базам данных как государственных учреждений, так и частных компаний.

Откусив кусок чизбургера, Дэн завел двигатель, включил компьютер, ввел личный код доступа, вошел в базу данных телефонной компании, запросил номер Реджины Саванны по любому адресу в Большом Лос-Анджелесе.

Через несколько секунд на экране появились зеленые слова:

НЕ ЧИСЛИТСЯ: САВАННА, РЕДЖИНА

Он потребовал вывести на экран не включенные в справочник номера, отведенные Р. или Реджине Саванне, но и тут получил негативный ответ.

Бросил в рот несколько ломтиков картофеля.

Экран светился, терпеливо ожидая команды.

Он связался с департаментом транспортных средств и отдал команду на поиск водительского удостоверения, выданного Реджине Саванне. Такого удостоверения в Калифорнии не выдавали. Снова тупик.

Обдумывая новый запрос и наблюдая за проносящимися по улице автомобилями, он доел первый чизбургер. Вновь связался с ДТС и попросил отыскать водительские удостоверения, выданные всем Реджинам, второе имя которых было Саванна. Может, она вышла замуж, а девичью фамилию оставила, как второе имя.

На этот раз удача улыбнулась ему. На экране высветилось:

РЕДЖИНА САВАННА ХОФФРИЦ

Дэн вытаращился на экран, не веря своим глазам. Хоффриц?

Мардж Генкельшеттль ничего ему об этом не говорила. Неужели эта девушка вышла замуж за человека, который избил ее до такой степени, что она попала на больничную койку?

Нет. Согласно имеющейся у него информации, Хоффриц не был женат. Дэн еще не побывал в доме Хоффрица, но он прочитал его досье, и в нем ничего не говорилось ни о жене, ни о семье. И сейчас другие детективы разыскивали ближайшую родственницу убитого. Сестру, которая жила то ли в Детройте, то ли в Чикаго, чтобы она занялась похоронами.

Мардж Гелькеншеттль сказала бы ему о том, что Реджина и Хоффриц поженились. Но, с другой стороны, она могла этого и не знать.

Согласно файлу ДТС, Реджина Саванна Хоффриц была женского пола, с черными волосами и карими глазами. Ростом в пять футов шесть дюймов, весом в сто двадцать четыре фунта. Родилась она 3 июля 1971 года. Мардж говорила о девушке примерно такого возраста. Имелся и адрес, на Голливудских холмах, и Дэн переписал его в свой блокнот.

Вильгельм Хоффриц жил в Уэствуде. Если он женился на Реджине Саванне, почему они держали два дома?

Развелись? Вполне возможно.

Однако, даже если дело и закончилось разводом, сам факт женитьбы следовало

рассматривать как странность. Какая это для нее была жизнь, с садистом, который промыл ей мозги и добился полного контроля над ней, который так сильно избил ее, что она оказалась в больнице? Если Хоффриц так жестоко обошелся с ней, когда она была его студенткой и он подвергал опасности свою карьеру, не хотелось даже думать о том, что он стал с ней вытворять, когда она стала его женой и они оставались вдвоем под крышей собственного дома?

От одной этой мысли по коже Дэна побежали мурашки.

* * *

Эрл Бентон держал пистолет в руке, но то, что вошло на кухню из темноты, он не смог бы остановить даже целой обоймой патронов тридцать восьмого калибра. Когда дверь полностью распахнулась, ударившись о стену, на кухню ворвался холодный воздушный смерч, свистом, ревом, воем напоминающий дикого зверя. Но если тело зверя было из воздуха, то шкура — из цветов, потому что кухня внезапно наполнилась цветами, желтыми, красными, белыми розами, самых разнообразных оттенков, многими десятками роз, что росли за домом, некоторые со стеблями, какие-то — без, одни сорванные, другие выдернутые из земли с корнем. Ветер-зверь отряхнулся. И цветочная шкура, словно волосинки, отбросила порванные листья, яркие лепестки, изломанные стебли, комья влажной земли, прилипшие к корням. Календарь сорвался со стены и, пролетев полкухни на бумажных крыльях, рухнул на пол. Занавески поднялись к потолку, окна пытались сорваться со шпингалетов и присоединиться к этому демоническому танцу неживого. Земля полетела в Эрла, роза ударила в лицо, шип ткнулся в шею, когда цветок отлетал от него. Он поднял левую руку, чтобы защититься. Увидел, как Лаура Маккэффри прикрывает своим телом дочь, и почувствовал себя совершенно беспомощным перед такой вот аморфной угрозой.

Дверь захлопнулась так же внезапно, как распахнулась. Но колонна цветов продолжала вращаться, как будто поддерживающий ее ветер не был частью того ветра, что ревел снаружи, в ночи, и существовал сам по себе. Невозможно, конечно. Безумие. И при этом реальность. Вихрь выл, шипел, плевался листьями, цветками, оторванными стеблями, стряхивал с корней новые комья земли. В своей многодырной шкуре из вращающейся растительности ветер-зверь оставался у самой двери, хотя его дыхание ощущалось в каждом углу кухни, словно наблюдал за людьми, решал, что делать дальше... а потом исчез. Ветер не стихал, его отрезало, как ножом. Оставшиеся цветы, которые еще не успели разлететься, с мягким шелестом свалились на плитки пола. И воцарилась тишина.

* * *

В полицейском седане, стоявшем у «Макдоналдса», Дэн оборвал связь с компьютером ДТС и вновь связался с базой данных телефонной компании. Тут же получил адрес и телефонный номер Реджины Хоффриц. Они совпали с адресом и номером, полученными в ДТС.

Дэн посмотрел на часы. 9.32. Он работал с портативным компьютером чуть больше десяти минут. В старые времена, до появления компьютеров, на сбор этой информации у него ушло бы как минимум два часа. Он выключил экран, и в кабину заползла более глубокая темнота.

Доедая второй чизбургер и запивая его колой, Дэн думал о быстро изменяющемся мире, в котором жил. Новом мире, научно-фантастическом обществе, которое развивалось с невероятной скоростью. Жизнь в такое время радовала и пугала одновременно. Человечество обрело способность достичь звезд, сделать гигантский прыжок из этого мира и распространиться по всей Вселенной, но обрело также и способность уничтожить себя до

начала экспансии в космос. Новые технологии, скажем, компьютер, освобождали мужчин и женщин от утомительного труда, экономили массу времени. И однако... И однако сэкономленное время не использовалось для досуга или медитации, раздумий. Вместо этого каждая технологическая волна только ускоряла ход жизни, прибавлялось дел, приходилось принимать все больше решений, появлялась возможность обрести новые навыки, и люди хватались за эту возможность, в результате чего свободного времени просто не оставалось. Каждый последующий год пробегал быстрее предыдущего, словно господь бог потерял контроль над потоком времени. Впрочем, для многих людей сама идея бога соотносилась исключительно с далеким прошлым, когда вселенную заставляли каждодневно расставаться со своими тайнами. Наука, технология, перемены — этим богам поклонялись сейчас, новой Троице. И пусть не такие жестокие и суровые, как некоторые из прежних богов, они, в своем крайнем безразличии, не могли утешить больных, одиноких, заблудших.

Как мог магазин, подобный «Пентаграмме», процветать в век компьютеров, удивительных лекарств, космических кораблей? Кто мог в поисках ответов поворачиваться к оккультизму, когда физики, биохимики и генетики чуть ли не ежедневно выдавали на-гора больше ответов, чем все гадальные доски и призраки дали с незапамятных времен? Почему люди науки, ученые, такие, как Дилан Маккэффри и Вильгельм Хоффриц, вели какие-то дела с торговцем дерьмом летучей мыши и прочей хренью?

Да потому, что не верили, что это хрень. Какие-то аспекты оккультизма, какие-то паранормальные феномены, должно быть, интересовали Маккэффри и Хоффрица, и они полагали, что эти феномены можно использовать в их исследованиях. Каким-то образом они хотели соединить науку и магию. Но как? И почему?

Когда Дэн допил диет-колу, ему вдруг вспомнился обрывок стихотворения:

Мы прыгаем в тьму,
Руки зла нас там ждут,
И дьявол с наукой
Бок о бок идут.

Он не мог сказать, где услышал его или прочитал, но склонялся к мысли, что это часть какой-то рок-н-рольной песни, оставшаяся в памяти от тех дней, когда он регулярно слушал рок. Попытался все-таки вспомнить, подумал, что это, должно быть, песня протеста об атомной войне и уничтожении, но больше память ему ничего не выдала.

«И дьявол с наукой бок о бок идут».

Наивный, упрощенный образ. Песня, должно быть, пропагандировала философию Новых луддитов, которые стремились обратить ход развития вспять, вернуться в палатки и пещеры. Дэн не симпатизировал этой точке зрения. Он знал, что в палатках холодно и сыро. Но по какой-то причине фраза «И дьявол с наукой бок о бок идут» произвела сильное впечатление, внутри у него все похолодело.

Внезапно у него пропало желание посетить Реджину Саванну Хоффриц. День и без того выдался длинным. Пора домой. Болела голова, там, где ее ударили, да и на теле хватало синяков. Ныли суставы, горели, слезились, чесались глаза. Хотелось выпить пару бутылок пива... а потом поспать десять часов.

Но работа по-прежнему стояла на первом месте.

* * *

Лаура в ужасе оглядывалась, не веря своим глазам.

Земля, цветы, листья, мусор покрывали кухонный стол, тарелки с недоеденным обедом. Измочаленные розы валялись на полу, на столиках у стен. Красные и желтые бутоны торчали из раковины. Одна белая роза зацепилась за ручку холодильника, зеленые листочки и

лепестки налипли на занавески, стены, дверцы столиков, буфетов, полок. Груда грязи, зелени, разноцветных бутонов лежала на том месте, где умер воздушный вихрь.

— Уходим отсюда. — Эрл все еще сжимал в руке пистолет.

— Но тут такой беспорядок, — запротестовала Лаура.

— Позже. — Он подошел к Мелани, поднял то ли спящую, то ли ушедшую в себя малышку со стула.

— Но я должна все убрать... — Лаура, похоже, не очень-то понимала, что происходит.

— Уходим, уходим. — В голосе Эрла слышалось нетерпение. От здорового цвета кожи деревенского парня не осталось и следа. Лицо побледнело, приобрело восковой оттенок. — В гостиную.

Она не двигалась с места, оглядывая замусоренную кухню.

— Уходим, — в который уже раз повторил Эрл, — пока в эту дверь не войдет что-нибудь похуже.

23

Реджина Саванна Хоффриц жила на одной из наименее дорогих улиц Голливудских холмов. Ее дом являл собой пример эклектико-анархической архитектуры, редко встречающейся в Калифорнии, но именно на такие дома обычно указывали шовинистически настроенные ньюйоркцы, когда хотели подчеркнуть отсутствие вкуса у обитателей Западного побережья.

Судя по использованию кирпичной кладки и выставленным напоказ балкам, дом строили в стиле английских Тюдоров, но резные карнизы характеризовали уже викторианский стиль, а ставни — американский колониальный. А вот большие бронзовые каретные фонари, установленные по обе стороны парадной двери и у гаража, Дэн уже не смог отнести к какому-то конкретному периоду. На съезде с улицы гостя встречали две оштукатуренные колонны. Их венчали железные кованые фонари, так непохожие на бронзовые.

На подъездной дорожке стоял черный «Порше». В ярком и резком свете фонарей плавными изгибами длинного корпуса автомобиль напоминал какого-то жука.

Дэн нажал на кнопку звонка, достал полицейское удостоверение, подождал, сутулясь под холодным ветром. Позвонил снова.

Дверь открылась, но на чуть-чуть, сдерживаемая цепочкой.

Половина очаровательного личика уставилась на него: роскошные черные волосы, фарфоровая кожа, один большой и ясный карий глаз, половина точеного носа с аккуратненькой ноздрей, половина полных, чувственных губ.

— Да? — спросила женщина.

Голос мягкий, с придыханием. И хотя такой голос могла даровать ей природа, тем не менее он звучал фальшиво, картинно.

— Реджина Хоффриц? — спросил Дэн.

— Да.

— Лейтенант Холдейн. Полиция. Я бы хотел поговорить с вами. О вашем муже.

Она сощурилась, разглядывая удостоверение.

— Каком муже?

Он уловил новые нотки в ее голосе: уступчивость и слабость. Похоже, требовалась только команда, и она сделала бы все, что у нее попросили бы.

И он не думал, что это как-то связано с его принадлежностью к полиции. Он подозревал, что такой она была всегда и со всеми. Вернее, стала такой после того, как Вилли Хоффриц изменил ее психику.

— Вашем муже. Вильгельме Хоффрице.

— Ох. Одну минуту.

Она закрыла дверь, и последняя оставалась закрытой десять секунд, двадцать,

полминуты, дольше. Дэн уже собрался позвонить вновь, когда услышал, как изнутри снимают цепочку.

Дверь распахнулась. Реджина отступила назад, и Дэн прошел мимо трех чемоданов, стоявших по одну сторону двери. В гостиной сел в кресло, а она устроилась на диване. Скромность что манеры, что позы тем не менее оказывала очень сильное эротическое воздействие.

Но при всей красоте Реджины чувствовалось, что с ней что-то не так. Слишком уж подчеркивала она свою женственность. Идеально уложенные волосы, безупречный макияж создавали ощущение, что она приготовилась к съемке рекламного ролика компании «Ревлон». Кремовый, до пола, шелковый халат плотно облегал талию с тем, чтобы подчеркнуть высоту груди, плоскость живота, пышность бедер. Кружева украшали лацканы, манжеты, подол халата. На нежной шее у нее было золотое плетеное ожерелье в форме ошейника. Такие ожерелья, плотно облегающие шею, были в моде многие годы тому назад. В наши дни большинство женщин такие украшения не носили, но среди садомазохистских пар на них по-прежнему был спрос, потому что они рассматривались как символ сексуальной подчиненности. И хотя Дэн видел Реджину только минуты, он знал, что она носит золотой собачий ошейник, дабы показать свою мазохистскую сущность, ибо раздавленность и покорность ее души наглядно читались и в том, как смиренно она двигалась (словно ожидая, причем с радостью, удара, пощечины, даже пинка), и в том, что избегала встретиться с Дэном взглядом.

Теперь же она ждала вопросов.

Какое-то время он молчал, прислушиваясь к дому. Цепочку Реджина сняла не сразу, вот он и заподозрил, что в доме она не одна. Должно быть, с кем-то проконсультировалась и, получив разрешение, впустила детектива в дом. Но царящая в доме тишина вроде бы говорила о том, что в других комнатах никого нет.

Полдюжины фотографий стояли на кофейном столике, все Вилли Хоффрица. По крайней мере, именно он смотрел на Дэна с трех, повернутых к нему. Все то же ничем не запоминающееся лицо, все те же широко посаженные глаза, те же пухлые щеки и толстый нос, которые он уже видел на водительском удостоверении, найденном в бумажнике одного из мужчин, убитых в Студио-Сити прошлой ночью.

— Я уверен, вы знаете, что ваш муж мертв, — наконец нарушил затянувшееся молчание Дэн.

— Вы про Вилли?

— Да, про Вилли.

— Я знаю.

— Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов.

— Не уверена, что смогу помочь вам, — говорила она мягко, кротко, не отрывая взгляда от своих рук.

— Когда вы в последний раз видели Вилли?

— Более года тому назад.

— Вы развелись?

— Ну...

— Стали жить раздельно?

— Да, но... не в том смысле, что вы имеете в виду.

Ему очень хотелось, чтобы она посмотрела на него.

— Тогда скажите, что имеете в виду вы.

Она нервно поерзала на диване.

— Мы никогда не... регистрировали наш брак.

— Не регистрировали? Но у вас же его фамилия?

Она кивнула, продолжая разглядывать свои руки.

— Да, он позволил мне изменить мою.

— Вы пошли в суд, изменили фамилию на Хоффриц. Когда? Почему?

— Два года тому назад. Потому что... потому что... вы не поймете.

— А вы попробуйте мне объяснить.

Реджина ответила не сразу, и Дэн, ожидая, пока она заговорит, оглядел комнату. На каминной доске над белым кирпичным камином увидел еще одну галерею фотографий Вилли Хоффрица: восемь штук.

И хотя в доме было тепло, у Дэна, когда он смотрел на аккуратно расставленные, в серебряных рамках, фотографии убитого психолога, создалось ощущение, что он перенесся в январскую ночь в Скалистых горах.

— Я хотела показать Вилли, что полностью принадлежу ему, полностью и навсегда.

— Он не возражал против того, чтобы вы взяли его фамилию? Не говорил, что благодаря этому вы сможете подать на него в суд, потребовать алименты?

— Нет, нет, я бы никогда такого не сделала. Он знал, что тут ему опасаться нечего. О, нет. Невозможно.

— Если он хотел, чтобы вы носили его фамилию, почему не женился на вас?

— Он не хотел жениться. — В голосе слышались разочарование и сожаление.

И хотя Реджина сидела, опустив голову, Дэн увидел, как грусть, словно внезапно возросшая сила тяжести, потянула лицо вниз.

Однако любопытство свое Дэн еще не утолил.

— Он не собирался жениться на вас, но хотел, чтобы вы носили его фамилию. Чтобы показать, что вы... принадлежите ему.

— Да.

— Взять его фамилию... все равно что поставить на себя клеймо?

— О, да, — сипло прошептала она, и при воспоминании об этом странном акте покорности на ее лице расцвела улыбка истинного наслаждения. — Да. Все равно что поставить на себя клеймо.

— Похоже, он был чудный парень, — сказал Дэн, но она не уловила иронии в его голосе, поэтому Дэн решил ее встряхнуть, вывести из образа побитой собачонки. — Господи, да он же был законченным самовлюбленным эгоистом!

Она вскинула голову, наконец-то встретилась с ним взглядом.

— О, нет! — Она нахмурилась. Говорила без злобы или нетерпения, с теплотой, всеми силами стараясь исправить, как ей представлялось, неправильное восприятие характера покойного. — Нет. Только не Вилли. Такого, как Вилли, больше не будет. Удивительный человек. Я бы сделала для него все, что угодно. Все. Уникальный человек. Вы его не знали, а не то не сказали бы о нем дурного слова. Не смогли бы. Не смогли бы, если б знали Вилли.

— Однако есть люди, которые его знали, и они отзывались о нем далеко не лестно. Я уверен, вы в курсе.

Она вновь уставилась на свои руки.

— Все они завистливые, ревнивые, злобные подонки. — Голос остался прежним, мягким, сладким, невероятно женственным, словно ей запретили марать свою женственность резкостью тона или каким-либо иным проявлением злости.

— Его вышибли из ЛАКУ.

Она промолчала.

— Из-за того, что он сделал с вами.

Реджина продолжала молчать, избегая встретиться с Дэном взглядом, но опять заерзала на диване. Халат открылся, обнажив идеальной формы бедро. Синяк, размером с монету в полдоллара, темнел на кремовой коже. Два синяка поменьше виднелись у колена.

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне о Вилли.

— Не буду.

— Боюсь, вы должны.

Она покачала головой.

— Что он делал с Диланом Маккэффри в Студио-Сити?

— Против Вилли я не скажу ни слова. И мне все равно, что вы со мной сделаете.

Посадите меня в тюрьму, если хотите. Мне наплевать. — Она говорила спокойно, но чувствовалось, что решение окончательное и обжалованию не подлежит. — Слишком много сказано о Вилли плохого людьми, которые недостойны лизать ему ботинки.

— Реджина, посмотрите на меня, — попросил Дэн. Реджина поднесла руку ко рту, принялась мягко жевать большой палец.

— Реджина? Посмотрите на меня, Реджина.

Нервно продолжая то ли жевать, то ли сосать большой палец, она подняла голову, но не встретила с ним взглядом. Смотрела поверх его плеча, ему за спину.

— Реджина, он же вас бил.

Молчание.

— Это из-за него вы попали в больницу.

— Я его любила, — проговорила она, не вынимая палец изо рта.

— Он опробовал на вас изощренную технику «промывки мозгов», Реджина. Каким-то образом забрался в ваш разум и изменил вас, извратил вашу психику, и все это не характеризует его как милого и удивительного человека.

Слезы потекли у нее по щекам, лицо перекошило от горя.

— Я так любила его.

Когда Реджина поднесла руку ко рту, рукав соскользнул вниз. Дэн увидел маленький синяк у сгиба локтя, а на запястье вроде бы следы от веревок.

Она сказала ему, что не видела Вилли Хоффрица год, но кто-то играл с ней в ту же садомазохистскую игру, причем совсем недавно.

Дэн скользнул взглядом по фотографиям мертвого психолога, стоящим на кофейном столике. Воздух внезапно стал густым, маслянистым, грязным. И именно желание плотненько свежего воздуха едва не заставило его подняться и броситься к двери. Но он остался на месте.

— Как вы могли любить человека, который причинял вам боль?

— Он освободил меня.

— Нет, поработил вас.

— Он освободил меня, позволил стать такой...

— Какой?

— Какой я хотела быть.

— И какой вы хотели быть?

— Какая я сейчас.

— И какая вы?

— Готовая сделать все, чего от меня хотят.

Слезы более не текли.

Улыбка изогнула кончики рта, когда она обдумывала свою последнюю фразу.

— Готовая сделать все, чего от меня хотят, — повторила она, и по ее телу пробежала дрожь, словно сама мысль о том, что она — рабыня, доставляла ей сладострастное удовольствие.

С нарастающими раздражением и злостью Дэн спросил:

— Вы говорите мне, что родились только для того, чтобы выполнять все желания Хоффрица, родились только для того, чтобы стать такой, какой он вас сделал?

— Я готова делать все, чего от меня хотят, — повторила Реджина, теперь уже глядя Дэну в глаза.

Он бы предпочел, чтобы она смотрела ему за спину, потому что увидел, или вообразил, что увидел, муку, презрение к себе и отчаяние такой глубины, что у него защемило сердце. Ему открылась душа в лохмотьях. Потрепанная, затасканная, вымазанная в грязи душа. В этом зрелом, исключительно чувственном теле, под маской покорной женщины-ребенка скрывалась другая Реджина, лучшая Реджина, пойманная в ловушку, похороненная заживо, обложенная психологическими блоками, выставленными Хоффрицем, но неспособная выскользнуть из-за них, даже не представляющая себе, что у нее есть возможность

выскользнуть. В эти короткие мгновения возникшего между ними контакта Дэн увидел настоящую женщину, женщину, которая существовала до того, как появился Хоффриц и превратил ее в куклу, послушную марионетку, готовую терпеть любые унижения и истязания, видящую в этом радость жизни. И эта женщина хотела, чтобы к ней поднесли спичку, которая воспламенила бы ее и сожгла.

В ужасе он не мог отвести глаза.

Так что первой посмотрела в пол она.

Он испытал безмерное облегчение. И тошноту. Губы пересохли. Язык прилип к нёбу.

— Вы знаете, какими исследованиями занимался Вилли после того, как его вышибли из ЛАКУ?

— Нет.

— Над каким проектом он работал вместе с Диланом Маккэффри?

— Не знаю.

— Вы видели серую комнату в доме в Студио-Сити?

— Нет.

— Вы знаете человека, которого зовут Эрнст Эндрю Купер?

— Нет.

— Вы знаете Джозефа Скальдоне?

— Я бы хотела, чтобы вы ушли.

— Неда Ринка?

— Нет. Никого не знаю.

— Что эти люди делали с Мелани Маккэффри? Что они от нее хотели?

— Не знаю.

— Кто финансировал их исследования?

— Не знаю.

В том, что она лжет, Дэн не сомневался.

Помимо Уверенности в собственных силах, самоуважения и независимости, она также лишилась способности хитрить и изворачиваться.

Теперь, когда Дэн видел Реджину и понял, сколь чудовищно изменили ее психику, он полностью потерял уважение к Хоффрицу как к человеку, но зато его даже больше, чем прежде, пугала способность Хоффрица манипулировать людьми, его дьявольская жестокость, его черный гений, и детектив, как никогда раньше, отдавал себе отчет в том, что это расследование необходимо закончить в максимально короткие сроки. Если Хоффриц так давно смог полностью трансформировать Реджину, оставалось только гадать, что ему удалось сделать на пару с Диланом Маккэффри, учитывая, что для этого у них было больше времени и финансовых ресурсов. Дэн физически ощущал, что отведенный ему срок быстро подходит к концу. Хоффриц запустил какую-то ужасную машину уничтожения, и скоро она подомнет под себя и раздавит гораздо больше людей, если не удастся понять, что это за машина, определить ее местонахождение и остановить ее. Реджина ему лгала, и он не мог ей такого позволить. Ему требовалось получить некоторые ответы, и быстро, пока еще оставалась возможность помочь Мелани.

24

Они ретировались из заваленной изломанными цветами и землей кухни, но Лаура не чувствовала себя в большей безопасности. Одно странное событие следовало за другим после того, как во второй половине дня они вернулись домой. Сначала Мелани проснулась, крича в ужасе, принялась бить и царапать себя, словно превратилась в религиозную фанатичку, изгоняющую дьявола из своей плоти. Потом ожил радиоприемник, и, наконец, в дверь ворвался смерч. Если бы кто-нибудь сказал Лауре, что в доме поселились призраки, она бы не стала возражать.

Вероятно, и Эрл не чувствовал себя в гостинной в большей безопасности. Он остановил

Лауру, когда та пыталась заговорить. Отвел ее и Мелани в кабинет, нашел блокнот и ручку в ящике стола, быстро что-то написал.

Удивленная его загадочным поведением, Лаура подошла к нему и прочитала послание. *«Мы уходим из дома».*

Лаура согласилась с таким решением. Она живо помнила предупреждение, переданное радиоприемником: «Оно идет». Наполненный цветами смерч стал еще одним предупреждением. Оно шло. Оно хотело Мелани. И Оно знало, где они находятся.

Эрл продолжил писать: «Соберите вещи, свои и Мелани».

Очевидно, он исходил из того, что в доме установлены подслушивающие устройства.

И полагал, что не сможет увезти Лауру и Мелани, если те, кто слушает, узнают об их планах покинуть дом. Лаура нашла это предположение логичным. Люди, которые финансировали исследования Дилана и Хоффрица, наверняка хотели знать, где находится Мелани в любой момент, чтобы, воспользовавшись первым предоставившимся шансом, убить ее или похитить. И ФБР хотело держать Мелани под постоянным контролем, чтобы иметь возможность схватить тех, кто нацелился на Мелани. Если только в первую очередь само ФБР и не хотело захватить Мелани.

У Лауры вновь возникло ощущение, что из реальной жизни она перенеслась в кошмарный сон.

Может, не весь мир ополчился на них, но создавалось именно такое впечатление. Хуже того, до них стремились добраться не только люди, но и какая-то нежить.

Прячьтесь. Именно этим они и собирались заняться. Но уехать следовало так, чтобы никто не сел им на хвост и не смог найти.

Лаура схватила карандаш и написала: «Куда мы поедем?»

— Позже, — ответил он. — Сейчас нам нужно торопиться.

Оно шло.

В спальне он помог Лауре собрать два чемодана, один с вещами Мелани, второй — с ее.

Оно шло. Фактически Лаура понятия не имела, что это за Оно, собственно, чувствовала себя довольно-таки глупо, поверив в существование этого Оно, но от этих вроде бы логичных рассуждений страх ее ни на йоту не уменьшался.

Собрав чемоданы и одевшись к выходу, Лаура принялась звать Перца. Но кот не реагировал на ее зов, а быстрый осмотр дома не позволил обнаружить его. Перец спрятался, и спрятался так, чтобы его не нашли. Подобным же образом в сложившихся обстоятельствах поступил бы каждый уважающий себя кот.

Через прачечную они прошли в гараж. Не стали выключать свет в комнатах, чтобы не выдавать своих намерений. Эрл положил чемоданы в багажник синей «Хонды» Лауры.

Ей и в голову не пришло спрашивать, почему они едут на ее автомобиле, а не на его. Эрл припарковался на улице и, если бы агенты ФБР, которые сидели в фургоне, увидели ее и Мелани, идущих к автомобилю Эрла, то сразу бы поняли, куда они идут и почему. Возможно, попытались бы помешать им.

Конечно, их торопливый отъезд мог быть и ошибкой. Не следовало исключать вероятность того, что агенты ФБР дежурили у дома, чтобы помочь им при неблагоприятном развитии событий. Но, с другой стороны, они могли быть не союзниками, а врагами. Так или иначе, в сложившейся ситуации полностью она могла доверять только Эрлу Бентону.

Он усадил Мелани за заднее сиденье, закрепил ремень безопасности.

Лаура обернулась с переднего сиденья, и внешность дочери ее поразила. В закрытом гараже, при свете лампочки под крышей салона, изможденное лицо девочки чуть округлилось. Рассеянный молочно-белый свет смягчил глубокие складки и заостренные черты лица. Впервые Лаура поняла, какой красавицей станет ее маленькая дочка, когда немного наберет вес. Со временем несколько лишних фунтов и спокойствие души могли изменить девочку разительным образом. В мгновение ока Лаура смогла разглядеть заложенный в девочке потенциал, увидела знакомое в чужом, красоту, еще скрытую под серой вуалью. Время, словно кисть художника, будет наносить новые впечатления и эмоции

на еще не забывшуюся агонию, и когда слой краски дней, недель, месяцев, лет станет достаточно плотным, он скроет под собой ужас, который выпал на ее долю, когда она была с отцом. Мелани более не будет угловатым, исхудалым, странным существом со смертельно бледной кожей и глазами загнанного зверька; станет очень и очень красивой. И, как только Лаура это поняла, надежда ее вспыхнула с новой силой.

Более того, мягкий свет и ласкающие тени позволили ей увидеть в дочери немалую часть себя, что произвело на нее огромное впечатление. Разумом она знала, что Мелани похожа на нее, очевидность сходства генов ясно читалась на лице ребенка, несмотря на маску страданий, но только теперь Лаура признала это сходство на каком-то глубоком эмоциональном уровне. Увидев себя в дочери, она еще сильнее осознала, что страдания Мелани — ее страдания и она не узнает счастья, пока не будет счастлива Мелани. И если осознание красоты девочки разожгло надежду, то мысли о том, что пришлось вынести Мелани, укрепили желание Лауры выяснить правду и победить врагов, даже если воевать пришлось бы со всем миром.

Эрл сел за руль. Посмотрел на Лауру.

— Следующие несколько минут будут безумными, — предупредил он.

— К безумию я уже привыкла. — Она пристегнула ремень безопасности.

— Я проходил специальный курс вождения, задача которого — научиться уходить от похитителей и террористов, поэтому в любой момент будьте уверены: я знаю, что делаю.

— Не думаю, что ваши действия хоть чем-то меня удивят, — пожала плечами Лаура. — Во всяком случае, после того, как смерч прошелся по моей кухне. А потом, мне всегда хотелось прокатиться на машине с Джеймсом Бондом.

Эрл ей улыбнулся:

— Вы — отважная женщина.

Когда он завел двигатель, она взяла пульт дистанционного управления воротами гаража, который лежал на консоли между сиденьями.

— Пора, — скомандовал он.

Лаура нажала кнопку на пульте дистанционного управления, и ворота начали подниматься. Прежде чем они успели подняться полностью, Эрл включил заднюю передачу и быстро выкатился из гаража. Крыша «Хонды» разминулась с нижней планкой ворот на какой-то дюйм.

Так что удар о ворота, которого ожидала Лаура, не произошел. Задом, не снижая скорости, «Хонда» докатилась до выезда на улицу. Там Эрл резко крутанул руль вправо, и автомобиль развернулся передним бампером к подножию длинного холма.

Агенты ФБР, которые сидели в фургоне, внешне не отличающемся от фургонов телефонной компании, еще не отреагировали на их действия. Эрл вдавил в пол педаль тормоза, тут же передвинул ручку коробки скоростей на движение вперед и нажал на газ. Взвизгнули шины, автомобиль на мгновение вроде бы прилип к асфальту, а потом они помчались вниз по длинной и темной улице.

Проскочив два квартала, Эрл глянул в зеркало заднего обзора:

— Они едут следом.

Лаура обернулась и увидела через заднее стекло, что фургон отчаливает от тротуара.

Эрл притормозил, крутанул руль вправо, и «Хонда» то ли повернула, то ли ее потащило юзом в боковую улицу. На следующем перекрестке он повернул налево, в конце квартала направо, вычерчивая извилистый маршрут по жилому району. Вскоре они оставили Шерман-Оукс позади, выбрались из долины, поднялись на гребень, а потом скатились в каньон Бенедикта по дороге, петляющей на лесистом склоне, держа путь к Беверли-Хиллз и Лос-Анджелесу.

— Мы от них ушли, — радостно сообщил Эрл. Лаура облегчения не испытывала. Не было у нее уверенности, что от другого своего врага, нечеловеческого, неведомого Оно, им удастся удрать так же легко, как от агентов ФБР.

Дэн пристально смотрел на Реджи ну, стараясь найти способ заставить ее рассказать все, что она знала. Он не сомневался, что с ее покорностью ему удастся добиться желаемого. Оставалось только понять, как и чем на нее надавить.

Реджина более не покусывала большой палец, только посасывала его. И поза у нее была на редкость провоцирующей: невинность, ждущая, чтобы над ней надругались. Он не сомневался, что и этому ее научил Хоффриц. Может, запрограммировал? Но не вызывало сомнений, что сосание пальца ее успокаивало; внутренние муки были столь велики, что она искала утешения в самых простых, прямо-таки детских ритуалах.

Только начав сосать палец, она более не изображала леди, не сидела с прямой спиной. Сгорбилась, сдвинулась в угол дивана. Халат у шеи распахнулся, открыв глубокую ложбинку между алебастровых грудей.

Дэн уже представлял себе, как заставить ее говорить, но уж очень не хотелось ему это делать.

Она вытащила большой палец изо рта только для того, чтобы сказать:

— Я не смогу вам помочь. Действительно не смогу. Почему бы вам не уйти прямо сейчас? Пожалуйста!

Он не ответил. Поднялся с кресла, обошел кофейный столик, остановился над ней, хмурясь, посмотрел на нее сверху вниз.

Она по-прежнему сидела, склонив голову.

— Посмотрите на меня! — чуть ли не прорычал он. Она посмотрела.

— Вы сейчас уйдете? — В голосе слышалась мольба. Ей очень хотелось, чтобы ее оставили в покое. — Пожалуйста! Вы сейчас уйдете?

— Вам придется ответить на мои вопросы, Реджина. — Он продолжал хмуриться. — Если вы не ответите мне, если солжете...

— Вы меня ударите? — спросила она.

Он видел перед собой уже не женщину, а больное, лишенное жизненных ориентиров, несчастное существо. Но не испуганное. Грядущие удары не пугали ее, не приводили в ужас. Наоборот. Она хотела, чтобы ее ударили, потому что боль доставляла ей наслаждение.

Дэн продолжил, с трудом подавляя отвращение:

— Я вас не ударю, не прикоснусь к вам. Но вы расскажете мне все, что я хочу знать, поскольку только ради этого вы и существоуете на этой земле.

В ее глазах блеснуло любопытство.

— Вы всегда делаете то, что от вас хотят, так? Никому ни в чем не можете отказать. Именно этого я и жду от вас, Реджина. Я хочу, чтобы вы ответили на мои вопросы, и вы на них ответите, потому что это единственное, на что вы пригодны, — отвечать на вопросы.

Она выжидающе смотрела на него.

— Вы встречались с Эрнстом Эндрю Купером?

— Нет.

— Вы лжете.

— Неужели?

Подавляя сочувствие и сострадание, Дэн добавил льда в голос и поднял над головой кулак, хотя и не собирался пускать его в дело.

— Вы знаете Купера?

Она не ответила, но ее глаза восхищенно уставились на большой кулак.

И тут его осенило, он изобразил злость, которой не чувствовал.

— Отвечай мне, сука!

Она дернулась от грубого обращения, но не потому, что испугалась. Дернулась от радости, предчувствия боли. Грубое слово оказалось тем ключом, которое открыло ларчик.

— Пожалуйста, — она не сводила глаз с кулака.

— Возможно.

— Тебе же хочется.
— Возможно... если ты скажешь все, что я хочу знать. Купер?!
— Они не называли мне фамилий. Я знала какого-то Эрни, но не знаю, Купер он или нет.

Дэн описал мертвого миллионера.

— Да, — она переводила взгляд с кулака на глаза Дэна и обратно. — Это он.

— Тебя познакомил с ним Вилли?

— Да.

— Джозеф Скальдоне?

— Вилли... познакомил меня с парнем, которого звали Джо, но его фамилии я не знаю.

Дэн описал Джозефа Скальдоне. Она кивнула:

— Да, это он.

— Нед Ринк?

— Не думаю, что встречала его.

— Невысокий, коренастый, довольно-таки уродливый мужчина.

Она начала качать головой, когда он еще говорил.

— Нет, никогда его не встречала.

— Ты видела серую комнату?

— Да. Иногда она мне снится. Я сижу на том стуле, и они делают это со мной. Шок. Электричество.

— Когда ты это видела? Комнату? Стул?

— Несколько лет тому назад, когда они красили стены. Устанавливали оборудование, готовили...

— Что они там делали с Мелани Маккэффри?

— Не знаю.

— Не лги мне, черт бы тебя побрал! Ты такая, какой тебя хотят видеть, ты делаешь все, чего от тебя хотят, всегда то, чего от тебя хотят, так что прекрати врать и отвечай мне!

— Нет, правда, я не знаю, — кротко ответила она. — Вилли никогда мне не говорил. Это был секрет. Важный секрет, который должен был изменить мир. Это все, что мне известно. Он не посвящал меня в свои дела. Его жизнь со мной не пересекалась с его работой с этими людьми.

Дэн по-прежнему стоял над ней, а она по-прежнему сидела в углу, и, несмотря на театральность своих угроз, ему эта роль претила.

— Какое отношение имел оккультизм к их экспериментам?

— Понятия не имею.

— Вилли верил в сверхъестественное?

— Нет.

— Почему ты так говоришь?

— Ну... потому что Дилан Маккэффри верил во все, призраков, вызов духов и даже гоблинов... а Вилли его высмеивал, ругал за доверчивость.

— Тогда почему он с ним работал?

— Вилли считал Дилана гением.

— Несмотря на его суеверия?

— Да.

— Кто их финансировал, Реджина?

— Не знаю.

Она чуть шевельнулась, с тем чтобы халат раскрылся больше, едва ли не полностью обнажив одну полную грудь.

— Говори, — в голосе Дэна звучало нетерпение. — Кто оплачивал их счета? Кто, Реджина?

— Клянусь, я не знаю.

Он сел на диван рядом с ней. Взял за подбородок, повернул лицом к себе, не мягко, без

нежности, в продолжение угрозы, которую поначалу символизировал вскинутый кулак.

И хотя угроза вновь ничего не значила, Реджина на нее отреагировала. Именно этого она и хотела: чтобы ее унижали, чтобы ею командовали, заставляли подчиняться.

— Кто? — повторил он.

— Не знаю. Действительно не знаю. Я бы сказала, если бы знала. Я бы сказала все, о чем бы ты ни попросил.

На этот раз он ей поверил. Но подбородок не отпустил.

— Я знаю, что Мелани Маккэффри подвергалась в серой комнате психическому и физическому насилию. Но я хочу знать... Господи, я не хочу этого знать, но должен... было ли еще и сексуальное насилие?

Хотя Дэн держал Реджину за подбородок, голос ее звучал сдавленно:

— Откуда я могла это знать?

— Ты бы знала, — настаивал он. — Так или иначе почувствовала бы, пусть Хоффриц рассказывал тебе о происходящем в Студио-Сити не так уж и много. Он мог не говорить, какие ставил цели, экспериментируя с девочкой, но похвастал бы, если б установил над ней полный контроль. Я в этом уверен. Мы с ним не встречались, но я знаю его достаточно хорошо, чтобы в этом не сомневаться.

— Я не верю, что там было что-то сексуальное.

Дэн с силой сжал ее подбородок, и она поморщилась, но он увидел (с отвращением), что ей это понравилось, поэтому ослабил хватку, но руку не убрал.

— Ты уверена?

— Почти наверняка. Ему бы хотелось... овладеть ею. Но, думаю, ты прав. Если б он это сделал, то сказал бы мне. Если бы она стала...

— Но он даже не намекал на это?

— Нет.

У Дэна отлегло от сердца. Он даже улыбнулся. По крайней мере, ребенка не подвергали сексуальному насилию. Потом он вспомнил, что пришлось вынести девочке, и улыбка исчезла.

Он отпустил подбородок Реджины, но остался рядом с ней на диване. И в тех местах, где его пальцы соприкасались с нежной кожей, выступили красные пятна.

— Реджина, ты говорила, что не видела Вилли больше года. Почему?

Она опустила глаза, склонила голову, плечи поникли еще больше, она вжалась в угол дивана.

— Почему? — повторил Дэн.

— Вилли... устал от меня.

От этой слепой любви к Хоффрицу Дэну стало дурно.

— Он больше не хотел меня. — Таким тоном говорили бы о безвременной смерти от рака. Нежелание Вилли обладать ею было, безусловно, самым страшным, что могло случиться. — Я делала все, что он хотел, но... я его больше не интересовала...

— Он просто прогнал тебя?

— Я ни разу не видела его после того, как он... велел мне уйти. Но мы изредка разговаривали по телефону. Должны были разговаривать.

— Должны были разговаривать по телефону? О чем?

— О других, кого он посылал ко мне. — Голос Реджины сошел на шепот.

— Каких других?

— Своих друзей. Других... мужчинах.

— Он посылал к тебе мужчин? — Да.

— Для секса?

— Для секса. Для того, что они хотели. Я делала все, что они хотели. Ради Вилли.

Да, мысленный образ Вильгельма Хоффрица, который нарисовал себе Дэн, становился все более отвратительным. Этот человек был вампиром.

Он не только полностью поработил Реджину, используя ее для удовлетворения

собственных сексуальных потребностей, но и потом, когда она ему надоела, продолжал контролировать ее и подкладывал под других. Вероятно, сам факт, что ее продолжали использовать, доставлял ему наслаждение, говорил о том, что его хватка не слабеет. Он определенно страдал психическим заболеванием. Хуже того, просто повредился умом.

Реджина подняла голову. С надеждой спросила:

— Хочешь, я расскажу о том, что они заставляли меня делать?

Дэн вытаращился на нее, от отвращения потеряв дар речи.

— Я с радостью расскажу тебе об этом, — заверила она его. — Тебе будет интересно. Я ничего не имела против и теперь готова рассказать, что я делала.

— Нет, — сипло ответил он.

— Тебе будет интересно.

— Нет.

Она хихикнула:

— Может, у тебя появятся какие-то идеи.

— Заткнись! — Он едва не отвесил ей оплеуху. Она склонила голову, как собака, на которую прикрикнул сердитый хозяин.

— Я знаю только их имена. Одного звали Эрни, и ты сказал мне, что его фамилия Купер. Второго Джо.

— Скальдоне. Кто еще?

— Говард, Шелби... Эдди.

— Какой Эдди?

— Говорю тебе, фамилий я не знаю.

— Как часто они приходили?

— Большинство из них... раз или два в неделю.

— Они все еще приходят сюда?

— Да, конечно. Я им нужна. Был лишь один парень, который пришел только раз и больше не вернулся.

— Как его звали?

— Альберт.

— Альберт Ахландер?

— Я не знаю.

— Как он выглядел?

— Высокий, худой, с... костистым лицом. Не знаю, как его описать. Пожалуй, он выглядел как ястреб... с ястребиными... острыми чертами лица.

Дэн еще не смотрел на фотографию автора тех книг, что лежали в багажнике его автомобиля, но намеревался это сделать, уйдя от Реджины.

— Альберт, Говард, Шелби, Эдди... кто-нибудь еще?

— Как я и говорила, Эрни и Джо. Но они мертвы, не так ли?

— Более чем.

— Есть еще один мужчина. Он приходит постоянно, но я даже не знаю его имени.

— И как он выглядит?

— Ростом в шесть футов, представительный. Прекрасные седые волосы. Отличная, дорогая одежда. Не красавчик, ты понимаешь, но элегантный. Так хорошо держится, так хорошо говорит. Он... культурный. Мне он нравится. Он причиняет боль... так красиво.

Дэн глубоко вдохнул.

— Если ты не знаешь имени, как же ты его называешь?

Она улыбнулась.

— Только так, как он хочет. — На ее лице появилось озорное выражение, она подмигнула Дэну.

— Папочка.

— Что?

— Я зову его Папочка. Всегда. Притворяюсь, что он мой папочка, а он притворяется,

что я — его доченька, я сижу у него на коленях, и мы говорим о школе, и я...

— Достаточно, — оборвал ее Дэн, чувствуя, что попал в уголок ада, где знание местных обычаев означало, что ты должен по ним жить. Он предпочитал не знать.

Ему хотелось смести фотографии с кофейного столика, разбить стекла, которые их прикрывали, сбросить фотографии с каминной полки, зашвырнуть все в камин, поднести спичку. Но он понимал, что уничтожением этих изображений Хоффрица не поможет Реджине. Этот мерзкий тип умер, но в голове Реджины будет жить долгие годы, как злобный тролль в своей скрытой от всех глаз пещере.

Дэн вновь коснулся ее лица, но на этот раз коротко и нежно.

— Реджина, на что ты тратишь время, как проводишь дни, жизнь?

Она пожала плечами.

— Ходишь в кино, на танцы, обедаешь с подругами... или просто сидишь здесь, дожидаясь, что кому-то потребуешься?

— В основном остаюсь в доме, — ответила она. — Мне тут нравится. И Вилли хотел, чтобы я большую часть времени проводила здесь.

— А как ты зарабатываешь на жизнь?

— Я делаю то, что они хотят.

— Господи, да у тебя же диплом по психологии!

Она промолчала.

— Зачем ты защищала диплом в ЛАКУ, если не собиралась работать по специальности?

— Вилли хотел, чтобы я защитила диплом. Это было забавно, знаешь ли. Они вышвырнули его вон, эти подонки из университета, но меня так легко вышвырнуть не смогли. Я осталась там, чтобы напоминать им о Вилли. Ему это нравилось. Он полагал, что это отменная шутка.

— Ты могла бы заниматься важной работой, интересной работой.

— Я делаю то, для чего создана.

— Нет. Отнюдь. Ты делаешь то, для чего создана по словам Хоффрица. А это совсем другое.

— Вилли знал, — ответила она. — Вилли знал все.

— Вилли был мерзкой тварью.

— Нет. — Ее глаза вновь наполнились слезами.

— Значит, они приходят сюда и используют тебя, причиняют тебе боль. — Дэн схватил ее за руку, оттянул рукав халата, открывая синяк, который заметил ранее, и следы от веревок на запястье. — Причиняют тебе боль, не так ли?

— Да, так или иначе, одни больше, чем другие. Некоторые делают это так нежно.

— Почему ты на это идешь?

— Мне нравится.

Воздух вдруг сгустился. Стал тяжелым, влажным, пропитался грязью, которую он не мог видеть, которая оседала не на коже, а на душе. Дэн не хотел дышать этим воздухом. Этот воздух вызывал моральное разложение.

— Кто платит за аренду дома? — спросил он.

— Никакой аренды нет.

— Кому принадлежит дом?

— Компании.

— Какой компании?

— Что я могу для тебя сделать?

— Какой компании?

— Позволь мне что-нибудь сделать для тебя.

— Какой компании? — настаивал он.

— «Джон Уилкс энтерпрайзес».

— Кто такой Джон Уилкс?

— Не знаю.

- К тебе никогда не приходил мужчина по имени Джон?
 - Нет.
 - Как ты узнала о «Джон Уилкс энтэрпрайзес»?
 - Каждый месяц я получаю от них чек. На приличную сумму.
- Дэн поднялся.

На лице Реджины отразилось разочарование. Взгляд Дэна упал на чемоданы, которые он заметил, как только вошел в квартиру.

- Уезжаешь?
- На несколько дней.
- Куда?
- В Лас-Вегас.
- Решила сбежать, Реджина?
- От чего мне бежать?
- Людей убивают из-за того, что происходило в серой комнате.
- Но я не знаю, что происходило в серой комнате, и мне на это наплевать. Так что я в безопасности.

Глядя на нее, Дэн вдруг осознал, что у Реджины Саванны Хоффриц была своя серая комната. И она носила ее с собой повсюду, потому что именно в серой комнате сидела взаперти настоящая Реджина.

- Тебе нужна помощь, Реджина.
- Мне нужно делать то, что ты хочешь.
- Нет. Тебе нужна...
- Я в порядке.
- Тебе нужен психотерапевт.
- Я свободна. Вилли научил меня, как быть свободной.
- Свободной от чего?
- От ответственности. Страх. Надежды. Свободной от всего.
- Вилли не освободил тебя. Он тебя поработил.
- Ты не понимаешь.
- Он был садистом.
- В этом нет ничего плохого.
- Он влез в твой разум, изменил твою психику. Мы говорим не о каком-то заштатном профессоре психологии, Реджина. Этот псих был звездой первой величины. Он работал на Пентагон, исследуя коррекцию поведения, разрабатывая новые методы «промывки мозгов». Подавляющие самоуважение наркотики, Реджина. Воздействие на подсознательном уровне. Вилли играл ту же роль при Большом брате, что Мерлин при короле Артуре. Только Вилли практиковал магию зла, Реджина. Он трансформировал тебя в... в... в мазохистку исключительно ради развлечения.

— Именно так он меня освободил. — Говорила она на полном серьезе. — Видишь ли, когда ты больше не боишься боли, когда ты научился любить боль, ты больше ничего не боишься. Вот почему я свободна.

Дэн хотел как следует потрянуть ее, но понимал, что проку от этого не будет. Совсем наоборот. Она бы только попросила потрянуть ее сильнее.

Ему хотелось бы привести ее к судье, который бы отнесся к ней с пониманием и направил на принудительное лечение. Чтобы она получила необходимую психотерапевтическую помощь. Но он не был ее родственником, практически ее не знал, а потому ни один судья не пошел бы ему навстречу. Закон такого не допускал. Так что, похоже, он ничем не мог ей помочь.

- Знаешь, что я тебе скажу? Думаю, Вилли, возможно, не умер, — вдруг заявила она.
- Умер, будь уверена.
- Может, и нет.
- Я видел тело. Мы опознали его по карте дантиста и по отпечаткам пальцев.

— Возможно, — не стала спорить она. — Но... я чувствую, что он жив. Иногда я ощущаю его присутствие... прямо здесь. Это так странно. Я не могу этого объяснить. Вот почему я не рыдаю, как могла бы рыдать. Потому что не убеждена в его смерти. Уж не знаю как, но он по-прежнему... здесь.

Ее видение себя, причины, побуждающие жить дальше, настолько зависели от Вилли Хоффрица, от необходимости получать похвалу и одобрение, хотя бы от возможности слышать его голос по телефону, что она просто не могла принять его смерть. Дэн подозревал, что не смог бы убедить ее в смерти Вильгельма Хоффрица, даже если бы привел в морг, показал изуродованное до неузнаваемости тело, положил перед ней заключение coronera. Хоффриц проник в ее разум, разбил психику на мелкие осколки, а потом сложил, как ему того хотелось, превратившись в клей, который связывал их воедино. Если бы Реджина приняла его смерть, клей перестал бы выполнять положенную ему функцию, ее психика превратилась бы в грудю осколков, ввергнув Реджину в безумие. Так что у нее оставалась одна надежда: верить, что Вилли жив.

— Да, он здесь, — повторила она. — Я чувствую. Как-то, где-то, но здесь.

Понимая, что он ничем не может ей помочь, кляня себя за собственное бессилие, Дэн направился к двери.

За его спиной Реджина вскочила с дивана.

— Подожди. Пожалуйста.

Он обернулся.

— Ты мог бы... взять меня.

— Нет, Реджина.

— Сделать что-нибудь со мной.

— Нет.

— Я буду твоим зверьком.

Он еще на шаг приблизился к двери.

— Твоим маленьким зверьком.

Он едва подавил желание броситься бежать.

Она схватила его за руку, когда он открывал дверь. Запах ее духов будоражил. Вторую руку она положила ему на плечо.

— Ты мне нравишься.

— Где твои родители, Реджина?

— Ты меня возбуждаешь.

— Твой отец и мать? Где они живут?

Она поднесла тонкие пальчики к его губам. Теплые пальчики.

Прошлась по линии рта. Он оттолкнул ее руку.

— Ты действительно, действительно мне нравишься.

— Может, твои родители смогут помочь тебе порвать с этим.

— Ты мне нравишься.

— Реджина...

— Причины мне боль. Причины мне очень сильную боль!

Он оттолкнул ее, как сострадательный здоровый человек может оттолкнуть прокаженного: решительно, с отвращением, со страхом заразиться, но и с пониманием деликатности ее положения.

— Когда из-за Вилли я попала в больницу, он приходил ко мне каждый день. Устроил для меня отдельную палату и, приходя, всегда закрывал дверь, чтобы мы могли побыть вдвоем. Когда мы оставались наедине, он целовал мои синяки. Каждый день он приходил и целовал мои синяки. Ты даже представить себе не можешь, лейтенант, какое наслаждение доставляли его губы, прикасавшиеся к моим синякам. Один поцелуй — и каждый синяк трансформировался. Вместо боли приносил удовольствие. Как если бы... как если бы на месте каждого синяка появлялся клитор, и когда он целовал меня, я кончала и кончала, снова и снова.

Дэн пулей вылетел из дома Реджины, с грохотом захлопнув за собой дверь.

26

Холодный ветер тащил по улицам обрывки бумаги и прочий мусор, в воздухе вновь пахло дождем, когда Эрл Бентон привел Лауру и Мелани в квартиру на первом этаже трехэтажного жилого комплекса в Уэствуде, к югу от бульвара Уилшир. Состояла квартира из гостиной, маленькой столовой, кухни, спальни и ванной. Большие окна выходили во двор, в это время ночи освещенный синими и зелеными фонариками, спрятанными в листве.

Квартира эта принадлежала агентству «Калифорния паладин» и использовалась, как «Дом безопасности». Агентство иногда нанимали, чтобы вызволить подростков или учащихся колледжей из сект религиозных фанатиков, куда те попадали по наивности и неопытности. Сразу после освобождения их привозили сюда, и здесь с ними несколько дней работали опытные психологи, нейтрализуя блоки и установки сектантов, после чего подростков возвращали родителям. «Дом безопасности» использовался и для проживания жен, которым угрожали живущие отдельно мужья, а в нескольких случаях тут проводились многодневные встречи высших чиновников корпораций для выработки стратегических планов. Здесь они могли не беспокоиться, что их кто-нибудь подслушает и принятые решения станут известны конкурентам. «Калифорния паладин» однажды поселила здесь священника-баптиста, после того как молодежная банда из южной части Лос-Анджелеса «заказала» его за свидетельские показания против одного из своих членов. Рок-звезда отсиживался здесь, чтобы избежать получения повестки в суд по гражданскому иску, который мог обойтись ему в очень большую сумму. Известной актрисе потребовалось такое вот убежище, чтобы восстановиться после сделанной в глубокой тайне онкологической операции. Если бы о ней стало известно, актриса осталась бы без многих ролей в грядущих фильмах: продюсеры не любят заключать договора со звездами, которые могут заболеть, а то и умереть в разгаре съемочного периода.

Вот и Мелани с Лаурой эти спокойные, скромные комнаты могли сослужить неплохую службу, хотя бы на одну ночь. Лаура надеялась, что здесь они будут в безопасности от той странной силы, что преследовала их, что силе этой не удастся найти эту квартиру, как не нашли ее молодые бандиты и судебные исполнители.

Эрл включил воздушный кондиционер, пошел на кухню, чтобы сварить кофе.

Лаура попыталась заинтересовать Мелани горячим шоколадом, но девочка отказалась. Двигаясь, как лунатик, она прошла к самому большому креслу в гостиной, забралась на него, подсунула ноги под себя и уставилась на свои руки. Вытягивала их перед собой, сгибала, массировала. Переплетала пальцы, рассоединяла, переплетала вновь. И при этом с таким живым любопытством смотрела на них, словно не понимала, что это ее руки, и думала, что видит двух маленьких зверьков, играющих у нее на коленях.

Кофе разогнал холод, вызванный короткой прогулкой от автомобильной стоянки до квартиры, но ничего не мог поделать с другим холодом, причиной которого стала их неожиданная и нежеланная встреча с неведомым.

Пока Эрл звонил в агентство, чтобы доложить о переезде из дома в Шерман-Оукс, Лаура стояла у окна в гостиной, держа кофейную кружку обеими руками, вдыхая ароматный пар. Смотрела на озера теней и островки зеленого и синего света, когда первые капли дождя забарабанили по стеклу и листьям.

Где-то в ночи что-то преследовало Мелани, что-то, находящееся за пределами человеческого понимания, неуязвимое существо, оставлявшее свои жертвы в таком виде, будто они побывали в машине для прессовки мусора, которую выключили лишь после того, как их основательно обжало. Учеба в университете, подготовка докторской диссертации дали Лауре знания, с помощью которых она со временем, возможно, могла вывести Мелани из квазиаутичного состояния, но ни университет, ни сама жизнь не подготовили ее к встрече с Неведомым, с этим Оно. Демон ли это, дух, физическая сила? Всего этого не существовало.

Правильно? Не существовало. И однако... что-то Дилан и Хоффриц выпустили на свободу? И почему?

Дилан верил в сверхъестественное. Периодически он увлекался тем или иным направлением оккультизма и тогда становился более нервным, буквально с пеной у рта доказывая свою правоту. В эти периоды он очень напоминал Лауре ее мать, потому что его негибкая вера (и постоянные разговоры об этом) в оккультизм, по сути, ничем не отличалась от религиозного фанатизма и суеверий, которые так ужасали ее в Беатрис. Эта увлеченность оккультизмом стала одной из причин, заставивших Лауру подать на развод: она не хотела в своей жизни напоминаний о страхе, которым было пропитано ее детство.

Теперь же она попыталась вспомнить, что именно увлекало Дилана, какие области оккультизма вызывали его особый интерес. Стремилась вспомнить что-то такое, что могло хоть как-то объяснить происходящее с ними, но ничего важного не вспоминалось, прежде всего потому, что она отказывалась его слушать, когда он начинал говорить о таких вещах. Она полагала, что все это — горячечные фантазии... а может, и безумие.

В противовес иррациональности и доверчивости матери, Лаура строила жизнь исключительно на логике и здравомыслии, доверяя только тому, что могла видеть, слышать, щупать, обонять, чувствовать. Она не верила, что треснувшее зеркало означает семь лет несчастий, не бросала соль через плечо. Если предоставлялся выбор, она всегда проходила под лестницей, а не обходила ее, прежде всего чтобы доказать, что в ней нет ничего от матери. Она не верила в дьявола и демонов, не верила, что в человека может вселиться злая душа, которую потом можно изгнать. В глубине Души она чувствовала, что бог есть, но не ходила в Церковь и не ассоциировала себя с одной из религий.

Она не читала истории про призраков, не смотрела фильмы про вампиров и вервольфов. Не признавала мистицизм и ясновидение.

И хотя логика и здравомыслие составляли фундамент, на котором строилась жизнь, она понимала, что глина жизни должна замешиваться на ожидании чуда, уважении к непознанному, непредвзятости в суждениях. Иначе хрупкая глина высохнет, треснет и рассыплется. Мать полагалась исключительно на религию и суеверия, что являлось свидетельством ее психического нездоровья. Но, возможно, не следовало бросаться в другую крайность. На поверку выходило, что вселенная гораздо более сложная, чем ей представлялось раньше.

Что-то затаилось в ночи.

Что-то такое, чего она не понимала.

И это что-то, это Оно, хотело добраться до Мелани.

Но даже теперь, когда Лаура стояла у окна, смотрела в дождливую ночь, осознав, что в ней могут таиться загадочные и даже сверхъестественные существа, она пыталась найти более рациональное объяснение, отыскать злодеев из плоти и крови. Она слышала, как Эрл разговаривает с кем-то из сотрудников агентства, и внезапно поняла, что только «Калифорния паладин» знает, где сейчас находится она и ее дочь. На мгновение подумала, что допустила ужасную ошибку, поступила глупо, позволив увезти себя из-под надзора ФБР, оборвать все контакты с друзьями, соседями, полицией. На Мелани нацелилось не только невидимое Оно, но и реальные люди, вроде наемного убийцы, которого нашли на автостоянке у больницы. А если у этих людей есть контакты с «Калифорния паладин»? Если Эрл — палач?

Хватит!

Она глубоко вдохнула. Еще раз.

Она же на грани истерики. И ради Мелани, если уж не ради себя, обязана успокоиться и не распускаться.

Дэн выскочил из дома Реджины, захлопнул за собой дверь, но не направился к своему автомобилю. Подождал, прижавшись ухом к двери, и его подозрительность оправдалась: он

услышал мужской голос. Во время их разговора в доме находился еще один мужчина.

И теперь этот мужчина был вне себя от ярости. Он орал, а Реджина называла его Эдди и отвечала на его крики кротким голоском. Раздался безошибочный звук крепкой оплеухи, за которым последовал ее вскрик, в котором слышалось чуть-чуть боли, чуть-чуть страха, но в основном наслаждение и возбуждение.

На улице дул ветер, ветви со скрипом терлись друг о друга, поэтому Дэн слышал далеко не все, что говорилось в доме. Но он понял, почему Эдди злился на Реджину: она рассказала слишком много. Реджина пыталась объяснить, что не могла не рассказать Дэну все, что знала. Дэн не спрашивал ответов, он их требовал, а главное, требовал со знанием дела. Она же — существо покорное, смысл, цель и радость ее жизни—в повиновении, ее удел — делать то, что ей говорят. Эдди и его друзья, сказала она, любили ее такой, хотели, чтобы она была такая, и она не могла с ними быть одной, а с остальными — другой. «Разве ты не понимаешь, Эдди? Разве ты не понимаешь?» Он, скорее всего, понимал, но ее объяснения не могли утихомирить распирающую его ярость. Он отвесил ей еще несколько затрещин, которые, судя по крикам, только еще сильнее возбудили ее.

Дэн двинулся вдоль фасада, к ближайшему от двери окну. Он хотел взглянуть на Эдди.

Сквозь зазор между портьерами увидел часть гостиной и мужчину лет сорока пяти. Рыжеволосого, усатого, в черных слаксах, белой рубашке, серой шерстяной жилетке, галстук-бабочке, с лицом постаревшего, избалованного ребенка. В его внешности было что-то женственное, но движениями он, наоборот, напоминал петуха, ходил, выпятив грудь, расправив плечи. И тем не менее выглядел слабаком, напоминая школьного учителя английского языка, которому с трудом удастся держать класс под контролем. Он определенно не относился к тем мужчинам, которые в общении с женщинами при первом удобном случае давали волю рукам. Скорее всего, он не посмел бы ударить и Реджину, не будь она такой, какой создал ее Хоффриц. Потому что другая женщина могла дать сдачи.

Больше всего Эдди расстроился из-за того, что Реджина рассказала Дэну о «Джон Уилкс энтерпрайзес», компании, владевшей домом, в котором она жила, и каждый месяц присылавшей ей чек на приличную сумму. Реджина стояла перед ним на коленях, опустив голову, как вассал перед феодальным правителем, он же высился над ней, переминался с ноги на ногу, нервно жестикулировал, отчитывая ее за длинный язык.

«Джон Уилкс энтерпрайзес».

Дэн знал, что получил еще один ключ от еще одного замка в этой загадке со многими дверями.

Он отвернулся от окна и зашагал к оставленному на улице автомобилю. Открыл багажник, достал из картонной коробки одну из семи книг Альберта Ахландера, которые этим вечером, только чуть раньше, вынес из дома Неда Ринка. Реджина говорила, что мужчина, которого звали Альберт, побывал у нее лишь однажды и в отличие от других, приходивших снова и снова, больше не появлялся. Реджина сказала, что в острых чертах его лица проглядывало что-то ястребиное. И теперь, в призрачном свете уличных фонарей и лампочки под крышкой багажника, Дэн изучал фотографию автора, красующуюся на суперобложке. Лицо Ахландера было длинным, узким, с выпирающими бровями, скулами, челюстью. И глаза, в сочетании с большим крючковатым носом, смотрелись холодными и хищными. Действительно, что-то в нем было от ястреба или другой птицы-охотника.

Следовательно, к Реджине приходил именно Ахландер, но только один раз, не подгоняемый извращенными сексуальными потребностями, как остальные, возможно, из любопытства, чтобы посмотреть, действительно ли существует женщина, которую Хоффриц полностью и бесповоротно превратил в рабыню. Возможно, Ахландер хотел лично убедиться в гениальности Хоффрица, прежде чем присоединиться к нему и Дилану Маккэффри в том странном проекте, что они реализовывали при участии Мелани.

Но, какой бы ни была причина, Дэн хотел с ним поговорить. Он добавил Ахландера к списку тех, кого собирался допросить. Список этот уже включал Мэри О'Хара, жену Эрнста Эндрю Купера, жену Джозефа Скальдоне (если у того была жена), высшее руководство и/или

владельцев «Джон Уилкс энтерпрайзес», представительного седовласого извращенца, который регулярно приходил к Реджине и которого она знала как «Папочку», и других мужчин, пользовавшихся ее услугами: Эдди, Шелби и Говарда.

Он положил книгу в коробку, захлопнул багажник, сел за руль в тот самый момент, когда первые капли дождя упали на мостовую. Список клиентов Скальдоне лежал у него в кармане, и он не сомневался, что найдет фамилии Эдди, Шелби и Говарда среди этих трехсот покупателей магазина «Пентаграмма». Свет от уличных фонарей шел слабый, Дэн устал, в глаза словно насыпали песку, а ему еще хотелось поговорить с Лаурой Маккэффри до того, как будет совсем уж поздно. Поэтому он оставил список в кармане, завел двигатель и уехал с Голливудских холмов.

В 22.44, когда он добрался до дома Лауры в Шерман-Оукс, лил холодный дождь. Хотя в нескольких комнатах горел свет, на звонок в дверь никто не откликнулся. Он позвонил еще раз, постучал, но ничего не изменилось.

Где Эрл Бентон? Предполагалось, что он пробудет с Лаурой до полуночи, а потом его сменил бы другой сотрудник «Калифорния паладин».

Дэн подумал об изуродованных до неузнаваемости трупах в доме в Студио-Сити, найденных прошлой ночью, подумал об убитом киллере, Неде Ринке, и с нарастающей тревогой отступил от двери, по лужайке побежал к ближайшему окну. Не увидел ничего необычного, ни трупов, ни крови. С гулко бьющимся сердцем торопливо обошел дом.

Нашел, что кухонная дверь не заперта. Входя, отметил, что дверная коробка повреждена, а цепочка вырвана из нее «с мясом». А уж потом увидел, в каком состоянии кухня: вырванные и измочаленные цветы, увядшие и измятые листья, комья влажной земли.

Никакой крови.

На столе три тарелки с недоеденными спагетти, припорошенными землей, лепестками, листьями.

Один перевернутый стул.

Корни, торчащие из раковины.

Никакой крови. Слава богу. Никакой крови. Пока.

Он вытащил револьвер.

С предчувствием дурного, опасаясь, что еще натолкнется на изувеченные трупы, он вышел из кухни, осторожно переходя из комнаты в комнату. Никого не нашел, кроме перепуганного кота, который, увидев его, тут же дал деру.

Проверив гараж, Дэн обнаружил, что синей «Хонды» Лауры нет. Но не мог понять, что из этого следует.

Однако, не найдя трупов, он испытал безмерное облегчение, словно мгновенно перенесся с океанского дна, где на него давили миллионы тонн воды, на сушу, где плечам приходилось выдерживать только вес воздуха. Столь велики были облегчение и сопровождающая его радость, что Дэну пришлось признать, что его чувства к женщине и ее попавшему в беду ребенку отличаются от чувств, которые он испытывал в отношении других жертв преступников, с которыми сталкивался за четырнадцать лет работы в полиции. Он не мог объяснить свою необычную вовлеченность в это расследование смутными параллелями между Лаурой и Мелани Маккэффри и Френ и Синди Лейки. Не тянуло его к Лауре Маккэффри только потому, что спасением ее и Мелани он мог искупить свою неудачу в спасении жизни Синди Лейки. Конечно, это обстоятельство тоже играло свою роль, но куда сильнее Лаура привлекала его к себе как женщина. Ничего подобного ранее с ним не случалось, и восхитила она его не столько красотой, хотя без этого не обошлось, и не столько умом, пусть ум всегда играл для него важную роль и он не разделял увлеченность мужчин пустоголовыми блондинками и легкомысленными брюнетками, как невероятной силой воли и решимостью, проявленными перед лицом опасности.

«Но, даже если она и Мелани выйдут из этой передряги живыми, — думал Дэн, — надежда, что у нас что-то сложится, очень мала. Она, в конце концов, доктор психологии. Я — коп. Она более образована. Зарабатывает гораздо больше. Забудь о ней, Холдейн. Она тебе

не пара».

Тем не менее, не найдя в доме трупов, он испытал огромное облегчение, сердце его переполняла радость, которую он точно бы не испытывал, если бы от смерти удалось спастись не этим конкретным матери и дочери, а кому-то еще.

Когда он вернулся на кухню, чтобы присмотреться к учиненному там погрому, выяснилось, что в доме он уже не один. Майкл Симс, агент ФБР, с которым он разговаривал несколько часов тому назад в «Пентаграмме», стоял у стола, засунув руки в карманы дождевика, и изучал заваливший помещение цветочный мусор. Под седеющими волосами, над старческими плечами, на его слишком уж молодом лице читались тревога и недоумение.

— Куда они уехали? — спросил Дэн.

— Я надеялся услышать это от вас, — ответил Симс.

— По моему совету она наняла телохранителей...

— «Калифорния паладин».

— Да, совершенно верно. Но, насколько мне известно, они не собирались рекомендовать ей уйти в подполье или что-то в этом роде. Их задача заключалась только в том, чтобы быть рядом.

— Один и был. Некий Эрл Бентон...

— Да, я его знаю.

— А примерно час тому назад, вместе с Лаурой Маккэффри и девочкой, он выскочил отсюда, как черт из табакерки. Мы вели наблюдение за домом. Фургон стоял на другой стороне улицы.

— Да?

— Наши парни попытались последовать за Бентоном, но тот ехал слишком быстро. — Симс нахмурился. — Собственно, создалось ощущение, что он пытался удрать и от нас. Не знаете, почему у него возникло такое желание?

— Есть у меня одна догадка. Конечно, она не имеет никакого отношения к истинным причинам. Но, возможно, он вам не доверяет.

— Мы здесь, чтобы охранять ребенка.

— Вы уверены, что государство не хотело бы какое-то время подержать девочку у себя, чтобы попытаться разобраться, а чем все-таки занимались Маккэффри и Хоффриц в серой комнате?

— Есть такое намерение, — признал Симс. — Но решение еще не принято. Но это Америка, вы знаете...

— Да, слышал.

— ...и мы не стали бы похищать ее.

— А как бы вы это назвали... «позаимствовали» бы ее?

— Мы бы постарались получить разрешение матери на проверки, которые хотели бы провести.

Дэн вздохнул, доверяя слова Симса у него не вызвали.

— Вы, надеюсь, не говорили Бентону, что он должен сбросить нас «с хвоста»?

— А с чего мне такое говорить? Я — сотрудник органов охраны правопорядка, такой же, как вы.

— Вы так ведете все расследования, чуть ли не круглыми сутками?

— Не все.

— Большинство?

На это Дэн мог ответить честно.

— Да, по большинству расследований мне приходится перерабатывать. Одно цепляется за другое, и обычно нет возможности поставить точку в пять часов вечера. Но так работают едва ли не все детективы. Вы должны это знать.

— Но вы, как я слышал, работаете больше остальных.

Дэн пожал плечами.

— Говорят, хватка у вас будто у бульдога, вы любите свою работу, и если уж за что-то

уцепились, то доведете дело до конца.

— Возможно. Пожалуй, я действительно работаю много. Но при расследовании убийства след может остывать очень быстро. Обычно, если не найти ниточки, которая ведет к убийце в первые три-четыре дня, преступление остается нераскрытым.

— Но в это расследование вы вкладываете куда больше сил, чем вкладывает усредненный детектив отдела расследования убийств, даже больше, чем обычно вкладываете вы сами. Не так ли, лейтенант?

— Возможно.

— Вы знаете, что вкладываете.

— Аф, аф.

— Что?

— Во мне говорит бульдог.

— И с чего такая бульдожья хватка в *этом* расследовании?

— Полагаю, так уж сложилось.

— Это не ответ.

— Я просто съел слишком много «Пурины»¹, запасся энергией, которая потребовала выхода.

Симс покачал головой:

— Все потому, что в этой игре у вас особая ставка.

— Правда?

— А вы скажете, что нет?

— Не понимаю, о чем вы, — ответил Дэн, хотя перед его мысленным взором возникло очаровательное лицо Лауры Маккэффри.

Симс бросил на него подозрительный взгляд, прежде чем продолжить.

— Послушайте, Холдейн, если кто-то финансировал Маккэффри и Хоффрица, потому что их проект имел военное применение, тогда эти... назовем их финансистами... эти финансисты могут потратить много денег для того, чтобы вновь заполучить девочку в свои руки. Но деньги, которые они тратят, грязные, очень грязные. И тот, кто их возьмет, может подцепить серьезную инфекцию. Понимаете, о чем я?

Поначалу Дэну казалось, что Симс в курсе его романтической увлеченности. Теперь стало ясно, что агента мучают куда более темные подозрения.

«Господи, — подумал Дэн, — неужели он задается вопросом, проданся ли я русским или кому-то еще?»

— Слушайте, Симс, вы определенно идете не по тому следу!

— Они могут предложить очень крупную сумму, чтобы добраться до девочки, а полицейский детектив, пусть в этом городе ему платят неплохо, не сможет разбогатеть на свое жалованье.

— Меня тошнит от вашего намека.

— А я сожалею, что вы четко и ясно не говорите, что намек не по адресу.

— Нет. Я никому и никогда не продавался. Нет, нет и нет. Теперь я выразился достаточно ясно?

Симс не ответил, сменив тему:

— Когда группа слежения потеряла Бенсона, она вернулась назад, чтобы посмотреть, кто может появиться у дома. А уж потом они решили осмотреть дом, нашли дверь на кухню, как нашли ее вы, увидели этот странный погром.

— Да, как-то все это необычно. Что вы можете сказать на предмет погрома?

— Цветы из сада во дворе.

— Но как попали они на кухню? Кто принес их в дом?

— Мы не можем этого понять.

— И почему цепочка вырвана «с мясом»?

— Похоже, что кто-то вломился в дом, — ответил Симс.

¹ «Пурина» — корм для собак.

— Правда? Да, агенты ФБР ничего не упускают из виду.

— Я не понимаю вашего отношения.

— Как и все остальные.

— Вашего нежелания сотрудничать.

— Я просто очень плохой мальчик. — Дэн направился к телефонному аппарату, а когда Симс пожелал узнать зачем, ответил: — Позвоню в «Паладин». Если Эрл решил, что здесь Лауре и Мелани угрожает опасность, он мог спешно, как вы и сказали, перевезти их в другое место, но, добравшись туда, он обязательно перезвонил в контору, чтобы сказать, где находится.

Ночной дежурный «Калифорния паладин» Лонни Бимер достаточно хорошо знал Дэна и его голос, чтобы сразу ответить на поставленный вопрос.

— Да, лейтенант, он отвез их в «Дом безопасности».

Лонни, похоже, полагал, что адрес Дэну известен, но ошибался. Эрл не раз упоминал «Дом безопасности», рассказывая о различных дамах и господах, с которыми ему приходилось иметь дело, но если и называл адрес, то Дэн его позабыл. И он не мог спросить адрес у Лонни, не насторожив Симса, который и так ловил каждое слово. Он понял, что ночному дежурному придется звонить еще раз, после того, как ему удастся ускользнуть от агента ФБР.

— Но они, скорее всего, там не задержатся, — добавил Лонни.

— Это еще почему?

— Разве ты не слышал? Миссис Маккэффри и ребенку больше не нужна наша защита, хотя она решила не отказываться полностью от наших услуг. Хочет, чтобы мы вели внешнее наблюдение, а непосредственную защиту будете осуществлять вы. Ее и дочь будет охранять полиция.

— Ты серьезно?

— Да. Круглосуточная охрана. Сейчас Эрл в Уэствуде, в «Доме безопасности», ждет приезда двух ваших людей, чтобы передать им мать и дочь Маккэффри. Они будут там с минуты на минуту.

— Кто?

— Э... сейчас вспомню... приставить к ним охрану приказал капитан Мондейл, и Эрлу велели передать наших клиентов детективам Уэкслершу и Мануэлью.

Что-то здесь было не так. Совсем не так. В участке было слишком мало людей, чтобы обеспечивать круглосуточную охрану даже в таком важном расследовании. И Росс никогда не позвонил бы в «Паладин» сам, поручил бы этот звонок кому-то из подчиненных. А кроме того, охрану несли полицейские в форме, не детективы в штатском, которых не хватало даже больше, чем патрульных.

И почему Уэкслерш и Мануэлью?

— Так что тебе лучше оставаться в Шерман-Оукс, — добавил Лонни, — потому что, думаю, ваши люди привезут Маккэффри туда.

Дэну хотелось узнать побольше, но он не мог задавать вопросы в присутствии Симса.

— Все равно спасибо, Лонни. Но это не дело, что ты не знаешь, где ваш сотрудник и что случилось с вашими клиентами.

— Что? Но я же только что сказал...

— Я всегда думал, что «Паладин» лучше всех остальных, но, если вы не будете держать под контролем местонахождение ваших сотрудников и клиентов, особенно клиентов, жизнь которых находится в опасности...

— Да что на тебя нашло, Холдейн?

— Конечно, конечно, они, скорее всего, в безопасности, — последняя часть монолога Дэна предназначалась для ушей Симса. — Я знаю, что Эрл — классный специалист, и уверен, он уберет их от беды, но вам лучше затянуть гайки, потому что, если что-то случится с клиентом, агентству это будет стоить лицензии.

Лонни начал что-то говорить, но Дэн уже положил трубку.

Он понимал, что ему нужно безотлагательно убраться отсюда, найти телефон-автомат и снова позвонить Лонни, чтобы выяснить все подробности. Однако ему не хотелось показывать, что он спешит, потому что в этом случае Симс мог увязаться за ним. А если бы Симс подумал, что Дэн знает, где находятся Лаура и Мелани, отвертеться бы от него не удалось.

Агент ФБР в упор смотрел на него.

— В «Паладине» ничего не знают, — доложил Дэн результат телефонного разговора.

— Так он вам и сказал?

— Да.

— Что еще он вам сказал?

Ему хотелось довериться Симсу и Бюро. Ему требовалась поддержка столь мощной организации. Он, в конце концов, стал копом по зову сердца, верил в правоохранительные структуры. И в любой другой ситуации автоматически, без малейшего колебания посчитал бы Симса своим союзником.

Но не сейчас. На этот раз ставки были столь высоки, что обычные правила становились неприменимы.

— Ничего он мне не сказал. А с чего такой вопрос?

— Почему вы вдруг испугались.

— Только не я.

— Вас даже прошиб пот.

Дэн почувствовал пот на собственном лице, холодный, собирающийся в капли. Но быстро нашелся:

— Это от удара по лбу. Вроде бы все ничего, я о нем забываю, а потом внезапно приходит боль, да такая сильная, что я потею.

— А шляпы? — спросил Симс.

— Что?

— В «Пентаграмме» вы сказали мне, что травмировали лоб, когда примеряли шляпы.

— Правда? Ну, вы понимаете, я просто сострил.

— Ясно... а что произошло в действительности?

— Ну, обычно я не очень много думаю и уж точно не так напряженно. Не привык к этому. Тупой коп-здоровяк, знаете ли. Но сегодня мне пришлось так крепко задуматься, что моя голова разогрелась донельзя, обожгла кожу на лбу, вот она и лопнула.

— Я уверен, что вы постоянно напряженно думаете, Холдейн. Каждую минуту.

— Вы мне льстите.

— И вот о чем я настоятельно рекомендую вам подумать: вы — городской коп, тогда как я — федеральный агент.

— Я с должным благоговением отношусь к вашему статусу и выглядывающему из-за ваших плеч призраку Дж. Эдгара Гувера.

— И хотя я не намерен вмешиваться в вашу работу по любому поводу, у меня есть способы заставить вас пожалеть о том, что вы рассердили меня.

— Я бы никогда на такое не пошел, сэр. Клянусь.

Симс молча смотрел на него.

— Тогда я, пожалуй, пойду.

— Куда?

— Думаю, домой. Очень уж длинным выдался день. Вы правы, я слишком много работаю. И голова чертовски болит. Придется выпить несколько таблеток аспирина и сделать ледяной компресс.

— И вас вдруг перестала волновать судьба дочери и матери Маккэффри?

— Нет, конечно, я очень о них тревожусь, — ответил Дэн, — но в данный момент ничего не могу для них сделать. То есть этот погром выглядит странно, но и не означает, что им грозит непосредственная опасность. Думаю, за Эрлом Бентоном они как за каменной стеной. Он хороший парень. А кроме того, мистер Симс, у детектива отдела расследования

убийств довольно-таки толстая кожа. Он не может ассоциировать себя с жертвами. Понимаете? Если бы мы это делали, то сидели бы в психушке. Так?

Симс, не мигая, смотрел на него.

Дэн зевнул.

— Пора выпить пива и в койку. — И направился к двери, чувствуя, что его видят насквозь. Обманывать он так и не научился.

Симс заговорил, когда он переступал через порог.

— Если мать и дочь Маккэффри в опасности, лейтенант, и если вы действительно хотите им помочь, вам бы лучше сотрудничать со мной.

— Ну, как я и сказал, не думаю, что в эту самую минуту им грозит опасность, — ответил Дэн, отдавая себе отчет в том, что по лицу течет пот, сердце стучит, словно отбойный молоток, а желудок скрутило.

— Черт, ну почему вы такой упрямец? Почему не хотите сотрудничать, лейтенант?

Дэн встретился с ним взглядом.

— Помните, вы только что обвинили меня в том, что я продался и собираюсь кому-то передать мать и дочь Маккэффри?

— Подозрительность — часть моей работы, — ответил Симс.

— И моей тоже.

— Вы хотите сказать... вы подозреваете, что мои действия могут идти вразрез с интересами девочки?

— Мистер Симс, вы уж извините, но ваше круглое, без единой морщинки лицо херувима не означает, что сердцем вы — ангел.

Он покинул дом, сел в автомобиль и уехал. Они даже не попытались следить за ним, поскольку поняли, что проку от этого не будет.

* * *

Первый телефон-автомат, который увидел Дэн, оказался одним из артефактов, медленное, но верное исчезновение которых свидетельствовало об упадке современной цивилизации: большая стеклянная будка стояла на углу участка, который занимала заправочная станция «Арко».

К тому времени, когда он увидел будку и припарковался рядом, его уже била дрожь. Он еще не паниковал, но был близок к этому, чего раньше с ним никогда не случалось. Обычно его отличали хладнокровие, собранность. Чем хуже становилась ситуация, тем хладнокровнее и собраннее становился он. Но не на этот раз. Возможно, потому, что он не мог выбросить из головы Синди Лейки, не мог забыть ее пробитое пулями тельце. А может, из-за убийства его брата и сестры, о которых он слишком много думал последние двадцать четыре часа. А может, из-за тяги к Лауре Маккэффри, которая все нарастала и нарастала, хотя он не желал себе в этом признаться. Но, видимо, чувствовал, что ее потеря будет иметь для него катастрофические последствия. Как бы то ни было, он терял контроль над собой, и поднимающаяся волна паники грозила накрыть его с головой.

Уэкслерш.

Мануэлью.

Почему он вдруг так их испугался? Разумеется, он на дух не выносил обоих. Они изначально были продажными копами, и, возможно, по этой причине Росс Мондейл перетащил их в Ист-Вэлью, под свое крылышко. Он хотел иметь в своем распоряжении людей, которые делали бы то, что им говорят, не задавая никаких вопросов, в верности которых он бы мог не сомневаться. И Дэн прекрасно знал, что они выполнят любой приказ Мондейла, и в рамках закона, и далеко выходящий за эти рамки. А присяга, долг перед обществом — этих понятий для них не существовало. Но они все-таки были копами, плохими копами, ленивыми копами, но не наемными убийцами вроде Неда Ринка. То есть не

представляли угрозы для Лауры и Мелани.

И однако...

Что-то тут было не так. Об этом говорила интуиция. Он не мог объяснить, чем вызван его внезапный страх, не мог назвать конкретных причин, но за долгие годы работы привык доверять своей интуиции, и теперь страх нарастал с каждой минутой.

В будке он торопливо отыскал в карманах несколько монет, скормил их автомату, начал набирать номер «Калифорния паладин».

От его дыхания стеклянные стены будки запотевали изнутри, от дождя становились матовыми снаружи. Свет фонарей заправочной станции отражался от пленки воды, образовавшейся на стекле. Все вокруг расплывалось.

Эти сияние и блеск в сочетании с завыванием ветра и шумом дождя создавали ощущение, что он находится в некой капсуле вне потока времени и пространства. А потому, нажимая кнопки с цифрами, он вдруг подумал о том, что дверь будки закрылась за ним навсегда, ему не удастся вырваться наружу и больше он не увидит и не услышит ни одного человеческого существа, не прикоснется к нему. Так и останется вечным пленником телефонной будки-тюрьмы, неспешно дрейфующей в Сумеречной зоне, не сможет предупредить или помочь Лауре и Мелани, не сможет сообщить Эрлу о грозящей опасности, не сможет даже спасти себя. Иногда ему снился кошмарный сон, в котором он лежал, беспомощный, парализованный, тогда как ужасное существо у него на глазах убивало людей, которых он любил. Но впервые такой кошмар возник наяву.

Он набрал номер. И после нескольких электронных щелчков в трубке раздался гудок.

Но даже гудок поначалу не смог разогнать страх. Дэн испугался, что на гудки эти никто не ответит, потому что не существовало телефонных линий между Реальностью и Сумеречной зоной. Однако после третьего гудка он услышал голос Лонни Бимер: «Калифорния паладин».

Дэн облегченно выдохнул.

— Лонни, это опять Дэн Холдейн.

— Ты пришел в себя?

— Тогда я говорил... для ушей человека, который ловил каждое мое слово.

— Когда ты оборвал связь, я сообразил, в чем дело.

— Слушай, как только мы закончим разговор, немедленно позвони Эрлу и скажи, что эта полицейская охрана дурно пахнет.

— Что ты такое говоришь?

— Скажи ему, что парни, которые позвонят в дверь, могут быть совсем и не копами, так что впускать их в дом нельзя.

— Ты несешь чушь. Конечно же, они будут копами.

— Лонни, что-то здесь не так. Я не знаю точно, что и почему...

— Но я знаю, что говорил с Россом Мондейлом. То есть я узнал его голос, но все равно перезвонил по номеру телефона, который установлен в его кабинете. Дважды проверил, с кем говорю, прежде чем сказал, где находится Эрл с матерью и дочерью Маккэффри.

— Ладно. — В голосе Дэна слышалось нетерпение. — Даже если действительно приедут Уэкслерш и Мануэль, скажи Эрлу, что это дурно пахнет. Скажи ему, что он будет по уши в дерьме, если впустит их в дом.

— Послушай, Дэн, я не могу предложить ему устроить перестрелку с двумя копами.

— Не нужно ему стрелять. Просто скажи, чтобы он не пускал их в дом. Скажи ему, что я уже еду. Ему нужно продержаться до моего приезда. А теперь давай адрес этого «Дома безопасности».

— В действительности это квартира. — Лонни продиктовал Дэну адрес в Уэствуде, к югу от бульвара Уилшир.

— Эй, ты действительно думаешь, что они в опасности?

— Позвони Эрлу! — крикнул Дэн.

Швырнул трубку, распахнул запотевшую дверь, метнулся к автомобилю.

— Арестован? — Эрл уставился на Уэкслерша, потом перевел взгляд на Мануэлю.

Эрл выглядел таким же изумленным и недоумевающим, как и Лаура. Она сидела на диване вместе с Мелани. Детективы велели ей сесть туда с дочерью, как только вошли. Она чувствовала себя чудовищно уязвимой и не могла понять почему, если они — полицейские, которые приехали, чтобы охранять ее. Она видела их удостоверения, и Эрл, судя по всему, ранее сталкивался с ними по работе (хотя и не очень хорошо знал обоих). Поэтому не могло быть никаких сомнений в том, что они — те, за кого себя выдают. Однако темные бутоны сомнения и страха начали расцветать, и она чувствовала: что-то здесь не так. Совсем не так.

Не понравились ей полицейские и внешне. Мануэлю — со злобными глазами и самодовольной ухмылкой. И с движениями словно у мачо, который только и ждет, чтобы кто-то оспорил его превосходство и он мог пустить в ход кулаки, дубинку, револьвер. А уж от бледного лица Уэкслерша и его плоских серых глаз по коже просто бежали мурашки.

— Что происходит? — спросила она. — Мистер Бентон работает на меня. Я наняла его агентство. — И тут же в голове мелькнула безумная мысль, которую она незамедлительно озвучила: — Господи, вы же не думаете, что он держит нас здесь против нашей воли, не так ли?

Проигнорировав ее, детектив Мануэлю обратился к Эрлу Бентону:

— У тебя есть оружие?

— Конечно, и разрешение на его ношение, — ответил Эрл.

— Дай мне его.

— Разрешение?

— Оружие.

— Вам нужно мое оружие?

— Давай.

Уэкслерш вытащил револьвер.

— И будь осторожен, передавая его.

Удивленный тоном и подозрительностью Уэкслерша, Эрл спросил:

— Вы что, считаете меня опасным?

— Просто будь осторожен, — холодно ответил Уэкслерш.

Передавая пистолет Мануэлю, Эрл задал еще вопрос:

— С чего мне нацеливать оружие на копа?

Когда Мануэлю засовывал пистолет за пояс брюк, зазвонил телефон.

Лаура начала подниматься, но Мануэлю остановил ее:

— Пусть звонит.

— Но...

— Пусть звонит! — резко повторил Мануэлю. Телефон зазвонил снова.

Лицо Эрла потемнело от тревоги, и Лаура видела, что с каждой секундой тревога эта только усиливается.

Телефон звонил, звонил, звонил, и звон этот, казалось, зачаровал всех.

— Эй, послушайте, — подал голос Эрл, — здесь какая-то серьезная ошибка.

Телефон звонил...

* * *

Дэн закрепил на крыше седана съемную мигалку. Хотя автомобиль внешне ничем не отличался от любой другой легковушки, его оборудовали сиреной, и Дэн включил ее вместе с мигалкой, дабы обеспечить беспрепятственный проезд. И действительно, автомобили послушно раздавались в обе стороны. С учетом погодных условий, он мчался, не заботясь ни

о собственной безопасности, ни о безопасности тех, кто мог попасться ему на пути. Мчался с одной только целью: как можно быстрее достичь Уэствуда.

Если бы кто-то подкупил Мондейла с тем, чтобы добраться до Мелани, а такой вариант не исключался, капитану не составило бы труда убедить Уэкслерша и Мануэлью оказать необходимое содействие. Они могли приехать в «Дом безопасности», войти в него, показав свои полицейские удостоверения, и забрать Мелани. При этом убили бы Эрла и Лауру, чтобы не оставлять свидетелей, и чем больше Дэн думал об этом, тем сильнее крепла его убежденность в том, что эта парочка не остановится перед убийством, если они будут знать, что оно окупится. И при этом они ничем особо не рисковали, поскольку всегда могли заявить, что по прибытии нашли трупы, а девочки уже не было.

Он добрался до того места, где улица уходила под автостраду, и увидел, что дальше путь закрыт, потому что мостовая залита высоким слоем воды. Один автомобиль уже застрял на глубине, вода доходила чуть ли не до стекол, еще несколько остановились у зоны затопления. Только что прибыл грузовик из департамента благоустройства. Рабочие в светоотражающих оранжевых жилетах устанавливали насос и ограждения, чтобы направить транспорт в объезд, но больше минуты Дэн простоял в пробке, несмотря на воющую сирену и включенную мигалку на крыше седана.

И ему оставалось только сидеть за рулем, в ярости, ругаясь, заблокированному легковушкой впереди и грузовиком сзади, под монотонный перестук капель дождя, падающих на крышу, капот, багажник.

* * *

Десять раз прозвонил телефон, и от каждого звонка напряженность в комнате нарастала.

Эрл уже знал, что-то не так, но пока не мог понять, что именно. Прежде он встречался с Уэкслершем и Мануэлью, слышал о них всякие истории и знал, что они — не лучшие из детективов, получающих жалованье из городского бюджета. То есть они могли допускать ошибки. А тут точно была какая-то ошибка. Лонни Бимер сказал, что они приедут, чтобы обеспечить охрану Лауры и Мелани, но ничего не говорил об ордере на его арест, да и ордера никакого не могло быть, потому что он не сделал ничего противозаконного. Из того, что Эрл слышал об Уэкслерше и Мануэлью, вытекало, что они могли все перепутать, приехать сюда без четкого понимания, что от них требовалось, решить, что их задача — не только охранять Маккэффри, но и арестовать его.

Но почему они не ответили на телефонный звонок? Звонили-то, возможно, им. Тут он уж вообще перестал что-нибудь понимать.

Телефон перестал звонить. На какое-то мгновение в комнате повисла абсолютная, словно в вакууме, тишина. А потом Эрл вновь услышал, как дождь барабанит по стеклу и листе во дворе.

— Надень на него наручники, — сказал Уэкслерш своему напарнику.

— В чем дело? — вскинулся Эрл. — Вы не сказали мне, за что я арестован.

— Мы зачитаем тебе обвинение по прибытии в участок, — ответил Уэкслерш, а Мануэлью уже доставал гибкие пластиковые одноразовые наручники.

Они определенно нервничали, похоже, торопились закончить какое-то дело. И почему же они так спешили?

* * *

Дэн резко свернул с бульвара Уилшир на Уэствудский бульвар, держа курс на юг. Проехал через лужу глубиной с добрый фут, выплеснув в обе стороны волны: его автомобиль

на мгновение отрастил два фосфоресцирующих крыла.

Сквозь залитое водой ветровое стекло он вглядывался в мокрую мостовую, на которой тени перемежались светлыми пятнами от уличных фонарей и отражениями неоновых вывесок. Налитые кровью глаза горели, голова просто раскалывалась, сердце ныло в предчувствии неудачи. Он чувствовал, что безнадежно опаздывает.

* * *

С наручниками в руках Мануэлью подошел к Эрлу.

— Повернись и заложи руки за спину.

Эрл замялся. Посмотрел на Лауру и Мелани. Посмотрел на Уэкслерша со «смит-и-вессон полис спешл» в руке. Да, эти парни были копами, но у Эрла вдруг пропала уверенность в том, что он должен выполнять их приказы, он сожалел, что отдал им оружие, и уж точно не хотел, чтобы на него надели наручники.

— Ты собрался сопротивляться аресту? — спросил Мануэлью.

— Ты что, не понимаешь, что сопротивление аресту закончится для тебя потерей лицензии частного детектива? — добавил Уэкслерш.

С неохотой Эрл повернулся, заложил руки за спину.

— Вы не собираетесь зачитать мне мои права?

— Для этого будет время в машине, — Мануэлью надел наручники на Эрла, крепко затянул их.

— Возьмите пальто, — сказал Уэкслерш Лауре и Мелани.

— А как насчет моего пальто? — спросил Эрл. — Вам следовало разрешить мне одеться, а уж потом надевать на меня наручники.

— Ты обойдешься и без пальто, — ответил Уэкслерш.

— На улице дождь.

— Не растаешь.

Снова зазвонил телефон.

Как и прежде, детективы звонки проигнорировали.

Сирена вырубилась.

Дэн снова и снова нажимал ногой на кнопку включения, но увы. Так что теперь, чтобы пробиваться сквозь транспортный поток, ему приходилось непрерывно давить на клаксон. К счастью, мигалка продолжала работать.

Он нутром чуял, что опаздывает. Снова. Как с Синди Лейки. Приедет слишком поздно. Он перестраивался из ряда в ряд, совершал опасные для соседних автомобилей маневры, жал и жал на клаксон, но в нем росла уверенность, что все они уже мертвы, что он потерял друга, невинного ребенка, которого надеялся защитить, и женщину, которая поразила его в самое сердце. Все мертвы.

* * *

Лаура взяла дождевик Мелани, одела ее. Времени эта процедура заняла немало, потому что девочка совершенно ей не помогала.

— Она что... умственно отсталая или как? — спросил Мануэлью.

Теперь Лаура не только удивилась, но и разозлилась:

— Я не могу поверить, что вы такое сказали.

— Ну, она ведь не совсем нормальная, — гнул свое Мануэлью.

— Не совсем, значит? — Голос Лауры сочился презрением. — Господи! Она — маленькая больная девочка. Как вам не стыдно.

Пока Лаура одевала Мелани, Эрлу вновь приказали сесть на диван. Он устроился на

самом краешке. С наручниками на заведенных за спину руках.

Застегнув пуговицы дождевика девочки, Лаура взяла свой.

— Не надо, — остановил ее Уэкслерш. — Сядьте на диван рядом с Бентоном.

— Но...

— Сядьте! — Уэкслерш указал револьвером на диван.

Лаура ничего не смогла прочитать в его серых ледяных глазах. А может, просто не хотела читать очевидное.

Посмотрела на детектива Мануэлью. Тот ухмылялся.

Повернувшись к Эрлу, Лаура увидела, что он в полном замешательстве.

— Сядьте, — повторил Уэкслерш, уже не крича, почти шепотом, однако более чем убедительно.

У Лауры скрутило желудок. К горлу подкатила тошнота.

Когда Лаура села, Уэкслерш подошел к Мелани. Взял за руку, отвел подальше от дивана. Теперь девочка стояла между детективами.

— Нет! — воскликнула Лаура, но детективы пропустили ее вскрик мимо ушей.

— Пора? — спросил Мануэлью, посмотрев на Уэкслерша.

— Пора, — кивнул Уэкслерш.

Мануэлью сунул руку под пиджак, достал пистолет. Не тот, что взял у Эрла. И не табельное оружие, поскольку она знала, что детективы обычно пользуются револьверами. Именно револьвер и держал в руке Уэкслерш. Увидев у Мануэлью новый пистолет, она вдруг поняла, что к нему чего-то не хватает. И тут же Мануэлью достал из кармана пиджака металлическую трубку и начал навинчивать ее на ствол пистолета. Глушитель.

— Что это вы задумали? — спросил Эрл.

Ни Уэкслерш, ни Мануэлью ему не ответили.

— Господи Иисусе! — воскликнул Эрл, до которого наконец-то дошло, что происходит.

— Никаких криков, — предупредил Уэкслерш. — Никаких криков.

Эрл поднялся, попытаясь освободиться от наручников, но куда там.

Уэкслерш подскочил к нему, ударил револьвером, сначала по плечу, потом по лицу, боковиной.

Эрл повалился на диван.

Мануэлью начал наворачивать глушитель, но тот пошел косо, потому что детектив не совместил резьбу глушителя с резьбой на стволе пистолета. Ему пришлось скрутить глушитель и предпринять вторую попытку.

Все еще возвышаясь над Эрлом, Уэкслерш бросил короткий взгляд на напарника.

— Нельзя ли побыстрее?

— Я стараюсь, стараюсь, — ответил Мануэлью, воюя с упрямой резьбой.

— Вы совсем спятили, если решили нас убить, — разбитые губы Эрла кровоточили.

Лаура не удивилась, когда слышала, какая их ждет судьба. Ей вдруг стало совершенно ясно, что она знала об этом, подсознательно, с того самого момента, как детективы вошли в комнату, и осознание того, что их ждет, усилилось, когда Мануэлью затянул наручники на руках Эрла. Последние сомнения отпали, когда Уэкслерш отвел от нее Мелани, но ей все равно не хотелось признавать очевидное.

Мануэлью вновь скрутил глушитель.

— Это просто кусок дерьма.

— Все у тебя получится, если начнешь правильно, совместив резьбу, — сказал Уэкслерш.

Лаура поняла, что они не хотят использовать собственное оружие из опасения, что следы приведут к ним. Им хотелось воспользоваться пистолетом с глушителем, раз уж была такая возможность, чтобы выстрелы не разбудили соседей и кто-то из них, подойдя к окну, не увидел бы, как эти негодяи уводят Мелани.

Мелани. Она стояла рядом с Мануэлью, что-то бормоча себе под нос. С закрытыми глазами, наклонив голову, издавала какие-то нечленораздельные звуки. Она знала, что

должно произойти в ближайшие минуты? Знала, что ее мать ждет смерть? Или эти звуки означали что-то еще, имели отношение исключительно к ее личному, внутреннему миру?

— Вы же копы, черт побери! — прорычал Эрл, брызжа кровью. В голосе уже преобладало не удивление, а ярость.

— Сиди и молчи, — бросил ему Уэкслерш. Взгляд Лауры остановился на тяжелой стеклянной пепельнице на кофейном столике. Если бы она схватила ее, бросила в Уэкслерша, попала в голову, тот мог бы потерять сознание или просто выронить револьвер. А если бы он выронил револьвер, она смогла бы подхватить его до того, как отреагировал бы Мануэль. Но прежде следовало отвлечь внимание Уэкслерша. И пока она лихорадочно искала возможности это сделать, Эрл, вероятно, решил, что они ничего не потеряют, если начнут сопротивляться. И в нужный момент отвлек внимание обоих детективов. Мануэль продолжал бороться с непослушным глушителем, когда Эрл вскинул глаза на Уэкслерша.

— Что бы вы ни делали, как бы громко ни кричали, вы не посмеете использовать свое оружие или мое, — и с громким криком, чтобы подбодрить себя, вскочил и кинулся на Уэкслерша, используя голову, как таран.

От удара в живот Уэкслерша отбросило на два шага. Но детектив не упал. Более того, успел ударить Эрла рукояткой по затылку, и тот распластался на полу. Оборвалась и короткая атака, и крик.

Воспользовавшись суматохой, Лаура успела схватить пепельницу в тот самый момент, когда Уэкслерш ударил Эрла. Но Мануэль уловил ее движение и крикнул: «Эй!» — когда она метнула пепельницу в Уэкслерша. Но и короткого предупреждения хватило, чтобы детектив наклонился, и пепельница пролетела мимо. Ударилась о стену, упала на пол.

Уэкслерш наставил табельный револьвер на Лауру. Она и представить себе не могла, какое огромное под мушкой отверстие.

— А теперь слушай, сука, если не будешь сидеть смирно и с закрытой пастью, то умрешь не так легко, как могла бы.

Мелани продолжала то ли всхлипывать, то ли мяукать. Она стояла, наклонив голову, с закрытыми глазами, но теперь отвисла и нижняя челюсть, открылся рот, из которого вылетали эти жалкие звуки.

Эрл, отталкиваясь ногами, уже дополз до дивана, перевернулся, привалился к нему спиной. Из раны на голове лилась кровь.

— Да? И что же вы такого можете сделать? Смерть, она и есть смерть.

Уэкслерш усмехнулся. В сочетании с бескровными губами и бледным, как полотно, лицом улыбка его наводила ужас.

— Мы можем залепить тебе рот и подвергнуть пыткам. А потом начнем пытаться ее.

Содрогнувшись, Лаура отвела взгляд от этих серых глаз.

В комнате вдруг похолодало.

— Красивая телка, — заметил Мануэль.

— Да, мы можем ее трахнуть, — кивнул Уэкслерш.

— А заодно трахнем и девчонку, — добавил Мануэль.

— Точно. — Уэкслерш продолжал улыбаться. — Все так. Заодно можем трахнуть и девчонку.

— Пусть даже она умственно отсталая. — И Мануэль вновь принялся ругать пистолет и глушитель, которые никак не хотели становиться единым целым.

— Поэтому, если не будете сидеть тихо, мы залепим вам рты и трахнем девчонку у вас на глазах, — подвел итог Уэкслерш, — а потом все равно убьем вас.

С трудом подавляя тошноту, Лаура плюхнулась на диван. Угроза подействовала. Молчал и Эрл.

— Хорошо, — Уэкслерш одной рукой помассировал живот в том месте, куда пришелся удар головой Эрла. — Так-то гораздо лучше.

Звуки, издаваемые Мелани, стали громче, начали складываться в слова: «...открывается... дверь... открывается... нет...» Дыхание девочки участилось.

— Заткнись, малышка, — Уэкслерш легонько стукнул ее ладонью по щеке.

Звуки стали тише, но полностью не смолкли.

Лауре хотелось подойти к девочке, обнять, но, ради собственного блага, ради блага Мелани, ей приходилось оставаться на диване.

В комнате стало холодно и становилось все холоднее.

Лаура вспомнила, как вдруг понизилась температура воздуха на кухне перед тем, как ожило радио. И перед тем, как смерч распахнул дверь и ворвался на кухню из темноты...

— Неужели в этом чертовом доме нет отопления? — спросил Уэкслерш.

— Готово! — Мануэлью наконец-то навертел глушитель на ствол.

Холоднее...

Как только напарник закончил подготовку оружия, Уэкслерш убрал револьвер в кобуру, схватил Мелани за руку и повел ее к двери.

Холоднее...

Лаура вся напряглась. Что-то должно произойти. Что-то странное.

Мануэлью шагнул к Эрлу, который смотрел на него скорее с презрением, чем с ужасом.

Температура резко упала, а за спиной Уэкслерша и Мелани с треском распахнулась дверь.

Но ничего сверхъестественного в квартиру не ворвалось. Только Дэн Холдейн. Он буквально перелетел через порог, мгновенно оценил ситуацию, вдавил ствол револьвера в спину Уэкслерша, прежде чем тот начал поворачиваться к двери лицом.

Мануэлью, естественно, развернулся на шум, и Холдейн крикнул:

— Бросай оружие, подонок, бросай оружие, а не то разнесу тебе голову!

Мануэлью замялся. Не потому, конечно, что беспокоился за жизнь напарника. Просто прикинул, что его первая пуля попадет в Уэкслерша, а второй раз, до того, как Холдейн разнесет ему голову, он выстрелить не успеет. Взглянул на Мелани, оценивая свои шансы схватить девочку и использовать ее как живой щит. Но тут Дэн вновь крикнул: «Бросай оружие!» — и Мануэлью признал, что игра закончена. Разжал пальцы, и пистолет с глушителем упал на пол.

— У него пистолет Эрла, — предупредила Лаура.

— И табельный револьвер, — добавил Эрл. Крепко держа Уэкслерша за шиворот, вдавливая ствол ему в спину, Дэн сказал:

— А теперь, Мануэлью, избавляйся от остального оружия. Медленно и осторожно. И никаких фортелей.

Мануэлью положил на пол сначала пистолет Эрла, потом собственный револьвер. По приказу Дэна попятился к дальней стене, где и остановился.

Лаура подняла с пола оба пистолета и револьвер, а Дэн тем временем обезоружил Уэкслерша.

— Почему здесь так холодно? — спросил он.

Но он еще произносил эти слова, а воздух уже начал быстро прогреваться.

«Что-то почти произошло, — подумала Лаура. — Что-то похожее на случившееся в нашем доме чуть раньше».

Но она не думала, что они получили бы еще одно предупреждение. Не на этот раз. Все было бы гораздо хуже. Лаура не сомневалась в том, что до появления таинственного Оно оставались считанные секунды.

Дэн как-то странно смотрел на нее, словно знал, что у нее есть нужный ему ответ.

Но она не произнесла ни слова. Не знала, как сформулировать этот ответ и поймет ли он смысл сказанного ею. Знала она только одно: если бы Оно пришло, бойня получилась бы покруче той, что планировали два продажных детектива. Если бы Оно пришло, не превратились бы они все в обезображенные тела, вроде тех, что обнаружили в Студио-Сити?

В медицинском центре ЛАКУ Эрла сразу же отвели в операционную, где хирурги занялись раной на голове и губами.

Лаура и Мелани остались ждать в приемной, примыкающей к хирургическому отделению, тогда как Дэн направился к ближайшему телефону-автомату. Позвонил в полицейский участок Ист-Вэлью, попросил соединить его с Мондейлом.

— Сегодня работаешь допоздна, Росс?

— Холдейн?

— Раньше за тобой такого трудолюбия не замечалось.

— Чего ты хочешь, Холдейн?

— Мир во всем мире меня бы полностью устроил.

— Слушай, мне сейчас не до твоих...

— Ладно, ладно, согласен и на успешное завершение этого расследования.

— Холдейн, я, между прочим, занят, а твоя болтовня...

— Конечно, конечно, только учти, что с этого момента дел у тебя только прибавится, потому что придется придумывать алиби...

— О чем ты говоришь?

— Об Уэкслерше и Мануэльо.

Мондейл молчал.

— Почему ты послал их в Уэствуд, Росс?

— Полагаю, ты этого не знаешь, но я решил охранять Маккэффри силами полиции.

— Несмотря на нехватку людей?

— Знаешь, учитывая убийство Скальдоне этой ночью и крайнюю степень насилия этих преступлений, мне показалось уместным...

— Хватит чесать языком. Сукин ты сын.

— Что?

— Я знаю, что они намеревались убить Эрла и Лауру...

— Что ты несешь...

— ...и увезти Мелани...

— Ты пьян, Холдейн?

— ...а потом вернуться и доложить, что к их прибытию Эрла и Лауру уже убили.

— И как я должен понимать твое заявление?

— Твое недоумение звучит очень даже искренне.

— Это очень серьезное обвинение, Холдейн.

— Здорово ты владеешь голосом, Росс.

— Мы говорим о наших коллегах. Они...

— Кому ты нас продал, Росс?

— Холдейн, советую тебе...

— И что ты получил, продав нас? Вот в чем главный вопрос. Послушай, послушай, помолчи секунду, дай мне выстроить версию, хорошо? Ты не стал бы продавать нас за деньги. Ты не стал бы рисковать карьерой ради денег. Разве что тебе пообещали бы пару миллионов, но за такую работу столько не дают. Двадцать пять тысяч максимум. А скорее, пятнадцать. Это больше похоже на правду. И я могу поверить, что Уэкслерш и Мануэльо сделали бы это за такие деньги, может, и за меньшие, но уверен, что без твоего разрешения, без гарантий твоей защиты убивать Лауру и Эрла они бы не стали. То есть они получали деньги, а ты — что-то еще. И что это могло быть, Росс? Ты продал нас за власть, за действительно серьезное повышение по службе, за обещанный тебе пост начальника полиции. А может, и кресло мэра. Тот, кто тебя купил, контролирует политические процессы. Я попал в десятку, Росс? Ты продал Лауру и Мелани Маккэффри в обмен на такого рода гарантии?

Мондейл молчал.

— Продал, Росс?

— Такое ощущение, что ты не просто напился, Дэн, но еще и заторчал. Обходишься

травкой или уже сел на иглу?

— Продал, Росс?

— Где ты, Холдейн?

Вопрос Дэн проигнорировал.

— Мануэль и Уэкслерш сейчас находятся в той самой квартире в Уэствуде, связанные, с кляпом во рту, один на полу, второй в ванной. Я бы спустил их обоих в канализацию, если бы они могли пролезть в сливное отверстие.

— У тебя и впрямь наркотический бред.

— Остынь, Росс. Из «Паладина» уже послали туда двух парней, чтобы они посидели с твоими мальчиками, а я позвонил одному репортеру из «Таймс», а другому из «Джорнэл». Позвонил в полицейский участок, не твой, а местный, представился, объяснил, что предпринималась попытка убийства, и они уже выслали патрульные машины. Так что будет тот еще цирк.

Мондейл заговорил после долгой паузы:

— Миссис Маккэффри собирается дать показания, обвинив Уэкслерша и Мануэль в покушении на убийство?

— Начинаешь волноваться, Росс?

— Они — мои детективы. Я несу за них ответственность. Если они сделали то, о чем ты говоришь, я хочу, чтобы их должным образом обвинили в содеянном и приговорили к заслуженному наказанию. Гнилые яблоки в корзине к добру не приводят. Я не верю в защиту чести мундира. От этого один только вред.

— Что с тобой, Росс? Ты думаешь, я записываю наш разговор? Ты думаешь, кто-то нас прослушивает? Так вот, никто не прослушивает, магнитофона нет, так что прекращай этот фарс.

— Я не понимаю твоего отношения, Дэн.

— Никто не понимает.

— Не знаю, с чего ты решил, что я замешан в этой истории. — Актером он был отвратительным. Неискренность выпирала, словно пришепетывание или заикание. — И ты не ответил на мой вопрос. Миссис Маккэффри собирается дать показания, обвинив Уэкслерша и Мануэль в покушении на убийство, или не собирается?

— Не сегодня. Я увез оттуда Лауру и Мелани, и какое-то время они побудут со мной, спрятанные в надежном месте. Я знаю, ты разочарован. Они бы стали легкой добычей для снайпера, если бы остались на виду, не так ли? Но я никому не скажу, где они. Я не допущу их встречи с копами любого участка, не позволю им дать показания или прийти на опознание Уэкслерша и Мануэль. Я больше никому не доверяю.

— Странные ты ведешь речи, Дэн.

— Да уж, такой вот я недоверчивый.

— Послушай, ты не можешь брать на себя персональную ответственность за жизнь Маккэффри.

— Однако беру.

— Если им нужна охрана, мы должны обеспечить ее силами нашего участка. Об этом я и думал, посылая Уэкслерша и Мануэль. Одному тебе не справиться. Господи, эти люди — не твои близкие родственники, ты же знаешь. Ты не можешь вести себя так, будто у тебя есть законное право на обеспечение их безопасности.

— Если они захотят, чтобы я их охранял, я с этим справлюсь. Они — не мои родственники, ты прав, но тем не менее... У меня есть в этом личный интерес.

— О чем ты говоришь?

— Ты сам сказал об этом, в «Пентаграмме». Для меня это не обычное расследование. Вот почему я так вцепился в него. Я увлекся Лаурой. Я жалею девочку. Мне они ближе, чем другие жертвы преступников, так что поймай это в виду, Росс.

— Это более чем достаточная причина для того, чтобы отстранить тебя от расследования. Ты более не можешь объективно оценивать ситуацию.

— Пошел на хер.

— Этим и объясняется твоя враждебность, истеричность, все эти паранойяльные версии заговоров.

— Это не паранойя. Заговор есть, и ты это знаешь.

— Я все понял. Ты обезумел.

— Я просто предупреждаю тебя, Росс, дай задний ход. Только для этого я тебе и звоню. Ради трех слов: дай задний ход. — Мондейл молчал. — Эта женщина и этот ребенок мне очень дороги.

Мондейл тяжело дышал в трубку, но никаких обещаний не давал.

— Клянусь богом, я уничтожу любого, кто попытается причинить им вред. *Любого.*

Молчание.

— Тебе, возможно, удастся убедить Уэкслерша и Мануэлю держать язык за зубами. Я не удивлюсь, если ты найдешь способ снять с них все обвинения и закрыть дело. Но, если ты будешь и дальше преследовать Маккэффри, я порву тебе глотку. Клянусь в этом, Росс.

Наконец Мондейл заговорил, но о другом, словно и не слышал предупреждения Дэна:

— Если ты не разрешишь миссис Маккэффри дать показания, тогда Уэкслерша и Мануэлю не арестуют.

— Арестуют. Показания сможет дать Эрл Бентон. Уэкслерш избил его пистолетом. Эрл в больнице, его сейчас штопают.

— В какой больнице?

— Росс, надо быть серьезнее.

И наконец в раздражении Росс показал свои истинные чувства. Дамбу еще не прорвало, но в ней появилась нитевидная трещина.

— Мерзавец. Меня от тебя тошнит. От тебя и твоих угроз. Тошнит от того, что ты висишь надо мной, как чертов меч.

— Это хорошо. Выговорись, Росс. Излей душу.

Но Мондейл снова замолчал.

— Короче, если Эрла выпишут из больницы, он сразу поедет на квартиру, чтобы поговорить с копами, которые приехали по моему вызову, дать им показания и проследить, чтобы Уэкслерша и Мануэлю арестовали по обвинениям в нападении, нанесении телесных повреждений и покушении на убийство.

Мондейл уже взял себя в руки. И больше не собирался терять контроль над собой.

— Если врачи задержат его на ночь, — продолжил Дэн, — тогда копы из местного участка приедут в больницу, чтобы взять у него показания. В любом случае Уэкслершу и Мануэлю не выскользнуть... если только ты не убедишь своих дружков снять их с крючка. И я думаю, тебе придется это сделать, чтобы Уэкслерш и Мануэлю не наговорили лишнего.

Нет ответа. Только тяжелое дыхание.

— Когда ты все уладишь, Росс, тебе, возможно, удастся убедить чифа Келси, что ни ты, ни Уэкслерш и Мануэлю не имели отношения к попытке выкрасть девочку и убить ее мать, но пресса все равно будет что-то подозревать, и репортеры не оставят тебя в покое. Они будут следить за тобой до конца твоей карьеры, ожидая твоего неверного шага.

Молчание.

— Ты слышишь, что я говорю, Росс?

Молчание.

— При наилучшем раскладе тебе удастся сохранить за собой капитанские нашивки, но из списка претендентов на должность начальника полицейского управления, составленного мэром, ты точно вылетишь. И уже никогда в этот список не попадешь. Видишь ли, Росс, это всего лишь предупреждение. Потому, собственно, я тебе и звоню. Так что слушай внимательно. Лови каждое слово. Если будешь и дальше охотиться за Маккэффри, считай, что будущего у тебя нет. Я об этом позабочусь. Я лично тебе это гарантирую. Ты уже одной ногой в пропасти, но, если не оставишь их в покое, не удержишься и в капитанах. Я столкну тебя вниз. Независимо от того, кто тебя на это подвигнул, независимо от его богатства и

могущества, он не сможет спасти твой зад, если ты вновь попытаешься приблизиться к Маккэффри.

Он даже не сможет спасти твою жизнь, потому что я тебя пришибу. Картина ясна?

Молчание. И тяжелое дыхание, переполненное яростью.

— Мне хватает забот с ФБР, мне хватает забот с теми, кто финансировал Дилана Маккэффри и Вилли Хоффрица, потому что кто-то действительно очень хочет заполучить девочку, но будь я проклят, если мне еще придется тратить время, силы, энергию на тебя, Росс. Этой ночью ты уйдешь из группы, созданной для ведения этого расследования, и передашь свои полномочия кому-то еще до того момента, как с Уэкслерша и Мануэлю будут сняты все подозрения. Понятно? Это не предложение, Росс, это приказ!

— Ты говнюк.

— Какой уж есть. И вот что, если сейчас ты не скажешь то, что я хочу услышать, Росс, я кладу трубку. А после того, как я положу трубку, ты уже не сможешь передумать.

Молчание.

— Хорошо... прощай, Росс.

— Подожди.

— Извини, очень спешу.

— Хорошо, хорошо. Я согласен.

— На что?

— На то, что ты говорил.

— А конкретнее?

— Я выхожу из этого расследования.

— Мудрое решение.

— Я даже уйду на неделю на больничный.

— А-а-а, неважно себя чувствуешь?

— Я выйду из расследования, я буду обходить Маккэффри за милую руку, но взамен кое-что попрошу.

— Что?

— Я не хочу, чтобы Бентон, ты или Маккэффри давали показания относительно Уэкслерша и Мануэлю.

— Черта с два.

— Я серьезно.

— Чушь. Мы сможем держать тебя в узде только в том случае, если над этими подонками будет висеть обвинение в покушении на убийство.

— Ладно. Пусть Бентон даст показания, но через пару дней, когда ты почувствуешь, что Маккэффри в полной безопасности, изменит свои показания.

— Но он будет выглядеть полным идиотом.

— Нет, нет. Он сможет сказать, что кто-то избил его, причем один из ударов пришелся по голове, он плохо соображал, что к чему, и ошибочно обвинил в содеянном Уэкслерша и Мануэлю. А теперь мозги у него прочистились, и он может сказать, что произошло в действительности. Да, какой-то бандит избил его, но Уэкслерш и Мануэлю на самом деле спасли ему жизнь.

— Ты не в том положении, чтобы чего-то от меня требовать.

— Черт побери, если ты не оставишь мне шанса на спасение, тогда мне нет смысла играть в твою игру.

— Возможно. Но, если уж мы торгуемся, я попрошу у тебя кое-что еще. Мне нужна фамилия человека, который вышел на тебя, Росс.

— Нет.

— Кому нужна девочка, Росс? Скажи мне, и мы договоримся.

— Нет.

— Кто убедил тебя послать Уэкслерша и Мануэлю на квартиру в Уэствуде?

— Если я тебе это скажу, тогда мне действительно конец. Я — труп. Мне проще уйти,

огрызаясь, схватившись с тобой, чем донести на этого человека. Потому что в этом случае я стану таким же, как те люди в Студио-Сити, а может, и хуже. Я даю тебе Маккэффри, а ты мне, через несколько дней, Уэкслерша и Мануэлю. Вот о чем мы можем договариваться.

— Как, по-твоему, именно он финансировал эксперименты в серой комнате?

— Думаю, что да.

— Он из государственного ведомства?

— Возможно.

— Этого недостаточно.

— Я просто не знаю. У этого человека очень тесные контакты с государством, но, возможно, эти исследования он финансировал из собственных средств.

— Он богат?

— Я не назову тебе его фамилию, я не буду вдаваться в подробности, которые помогут тебе выйти на него. Черт, я не хочу подписывать собственный смертный приговор.

Дэн на мгновение задумался.

— Слушай, а он говорил, какой результат они хотели получить в серой комнате?

— Нет.

— Этот парень, тот, кто вышел на тебя, тот, кто финансировал эти безумные исследования... убивал он, Росс?

Молчание.

— Он, Росс? Говори. Не бойся. Ты уже сказал слишком много. Я не настаиваю на фамилии, но ответ на этот вопрос должен получить. Он несет ответственность за убийство Скальдоне и той троицы в Студио-Сити?

— Нет, нет. Как раз наоборот. Он боится стать следующей жертвой.

— Так кого же он боится?

— Я не думаю, что это кто-то.

— Не понял.

— Это безумие... но, если послушать этих людей... они так напуганы, словно по их следу идет Дракула. Из того, что я понял, они боятся не человека. Это что-то неживое. И это неживое убивает всех, кто связан с серой комнатой. Я знаю, может показаться, что я несу чушь, но я все понял именно так. А теперь, черт побери, договорились мы или нет? Я выхожу из расследования, отдаю тебе мать и дочь Маккэффри, а ты отдаешь мне Уэкслерша и Мануэлю. Согласен?

Дэн сделал вид, что задумался.

— Хорошо, — наконец ответил он.

— Мы договорились?

— Да.

Мондейл нервно рассмеялся. В смехе этом слышались неприятные нотки.

— Ты понимаешь, что это означает, Холдейн?

— И что это означает?

— Ты заключаешь сделку, снимаешь обвинения с людей, которых подозреваешь в покушении на убийство... что ж, ты становишься таким же замазанным, как и любой другой.

— Не таким замазанным, как ты. Я мог бы плавать в канализационной канаве месяц и жрать то, что проплывает мимо, и я все равно не стану таким грязным, как ты, Росс.

Он повесил трубку. Одну угрозу удалось нейтрализовать. Никто больше не будет использовать полицейские удостоверения, чтобы подобраться к Мелани. Врагов оставалось предостаточно, но от одной их разновидности он отделался.

И главное состояло в том, что он ничего не отдал в обмен за уход Мондейла, даже не выпачкал рук, потому что Дэн не собирался выполнять свою часть сделки. Не собирался просить Эрла отказываться от обвинений, выдвинутых против Уэкслерша и Мануэлю. Собственно, после завершения расследования, когда преступники будут найдены, а Лаура и Мелани смогут появиться на публике, Дэн собирался просить их дать показания против этих двух детективов, да и сам не остался бы в стороне, рассказал бы под присягой все, что

увидел. Для Уэкслерша и Мануэлю служба в полиции завершилась... как, судя по всему, и для Росса Мондейла.

30

В двадцать пять минут первого ночи Эрлу Бентону разрешили покинуть больницу.

Вид телохранителя поразил Лауру, пусть на его лице не осталось ни пятнышка крови. На одной стороне головы врачи сбрили волосы на участке величиной с ладонь и наложили на рваную рану семь швов. Теперь это место закрывала повязка. Губы раздулись, стали лиловыми. Рот искривился. Один глаз почти заплыл. Выглядел Эрл так, будто поцеловался с грузовиком.

Его появление подействовало и на Мелани. Глаза девочки очистились от тумана. Она словно вышла из транса, чтобы более пристально рассмотреть его, так рыба поднимается к поверхности озера, чтобы изучить загадочное существо, стоящее на берегу.

— А-х-х-х, — грустно выдохнула она.

Одной рукой прикоснулась к разбитому лицу, взгляд медленно заскользил с синяка на подбородке к распухшим, лиловым губам, «фонарю» под глазом, повязке на голове. Разглядывая Эрла, она озабоченно жевала свою нижнюю губу. Ее глаза наполнились слезами. Она попыталась заговорить, но ни звука не сорвалось с губ.

— Что такое, Мелани? — спросил Эрл.

Лаура наклонилась к дочери, обняла одной рукой.

— Что ты хочешь сказать ему, сладенькая? Попробуй выговаривать по одному слову. Медленно. У тебя получится. Обязательно получится.

Дэн, лечащий врач Эрла, молодая медсестра-латинос внимательно наблюдали за ней, ожидая продолжения.

Взгляд ребенка, затуманенный слезами, продолжал перемещаться по лицу Эрла, от одной боевой раны к другой, и наконец она произнесла:

— Ради м-меня.

— Да, — кивнула Лаура. — Совершенно верно, крошка. Эрл сражался ради тебя. Рисковал жизнью ради тебя.

— Ради меня, — с благоговением повторила Мелани, словно потрясенная новизной и необычностью самой идеи: кто-то может ее любить и защищать.

Радуюсь бреши, образовавшейся в броне аутизма Мелани, надеясь расширить ее или даже полностью разбить броню, Лаура добавила:

— Мы все сражаемся ради тебя, сладенькая. Хотим помочь. Мы поможем тебе, если ты нам позволишь.

— Ради меня, — вновь повторила Мелани, но больше ничего не сказала, хотя Лаура и Эрл не оставляли попыток разговорить ее. Слезы высохли, она убрала руку с лица Эрла, взгляд ее вновь обратился внутрь. Она устало опустила голову.

Лаура испытывала разочарование, но не отчаяние. Ребенок определенно хотел вернуться из того темного, личного мира, в котором находился, и если у малышки было сильное желание выздороветь, так, вероятно, и будет, рано или поздно.

Хирург предложил оставить Эрла до утра, для наблюдения, но, несмотря на то что ему крепко досталось, Эрл отказался. Ему хотелось как можно быстрее вернуться в «Дом безопасности» и дать показания полиции, забить еще несколько гвоздей в двойной гроб для Уэкслерша и Мануэлю.

В больницу они все приехали на автомобиле Дэна, но теперь Дэн не хотел возвращаться в «Дом безопасности». Не хотел, чтобы Лаура и Мелани оказались в непосредственной близости от других копов, поэтому для Эрла они вызвали такси.

— Не ждите меня, — предложил Эрл. — Вам лучше уехать отсюда.

— Может, лучше и подождать, — ответил Дэн, — потому что нам нужно кое-что обсудить.

Как-то так вышло, что они сгрудились вокруг Мелани, защищая ее со всех сторон. Стояли они в вестибюле медицинского центра и сквозь стеклянные, залитые дождем стены могли видеть то место, куда должно было подъехать такси. Половина флуоресцентных ламп не горела, их выключали после того, как центр закрывался для посещения больных, вторая заливала вестибюль неприятным мертвеннобледным светом. Пахло дезинфицирующим раствором с запахом роз. Кроме них четверых, в вестибюле не было ни души.

— Ты хочешь, чтобы из «Паладина» прислали кого-нибудь мне на замену? — спросил Эрл.

— Нет, — ответил Дэн.

— Я так и подумал.

— «Паладин» — чертовски хорошее охранное агентство, — продолжил Дэн, — и у меня нет основания сомневаться в их порядочности, но нет и причин...

— В этом конкретном расследовании у тебя нет причин доверять кому-либо в «Паладине» больше, чем ты доверяешь полиции, — закончил его мысль Эрл.

— Кроме вас, — вставила Лаура. — Мы знаем, что можем доверять вам, Эрл. Без вас мы с Мелани погибли бы.

— Не нужно представлять меня героем, — покачал головой Эрл. — Я повел себя глупо. Открыл дверь Мануэлю.

— Но вы же не могли знать...

— Но я открыл дверь. — И выражение лица, несмотря на полученные травмы, ясно говорило, что он корит себя за эту ошибку.

Лаура видела, почему Дэн и Эрл были друзьями. Оба любили свою работу, обоих отличало обостренное чувство долга, оба очень критично относились к достигнутым результатам. Такие люди уже редко встречаются в мире, где все более широкое распространение получали цинизм, эгоизм, потакание собственным желаниям.

— Я найду мотель, сниму номер и останусь там с Лаурой и Мелани до утра, — поделился с Эрлом своими ближайшими планами Дэн. — Подумал о том, чтобы отвезти их к себе домой, но кто-то еще может угадать такое мое решение.

— А завтра? — спросил Эрл.

— Я бы хотел повидаться с несколькими людьми.

— Могу я помочь?

— Если найдешь в себе силы утром подняться с постели.

— Найду, — заверил его Эрл.

— В Бербанке живет некая Мэри Кэтрин О'Хара. Она — секретарь организации «Свобода теперь». — Он дал Эрлу адрес и объяснил, что ему хотелось бы узнать от этой дамы. — Мне также нужны сведения о компании «Джон Уилкс энтерпрайзес». Кто ею руководит, кто основные акционеры.

— Это калифорнийская компания? — спросил Эрл.

— Скорее всего. Мне нужно знать, когда подавался пакет документов на регистрацию, кем и каким бизнесом намеревалась заниматься компания.

— А каким боком этот «Джон Уилкс» связан с происходящим? — спросил Эрл. Этот же вопрос возник у Лауры.

— На объяснения уйдет время, — ответил Дэн. — Я расскажу об этом завтра. Давай встретимся за ленчем, скажем, в час дня, и попытаемся разобраться с собранной информацией.

— Да, к тому времени я узнаю все, что тебе нужно, — кивнул Эрл и предложил встретиться в кафетерии в Ван-Нейс, потому что в этом заведении он никогда не видел сотрудников «Паладина».

— Копы туда вроде бы тоже не заглядывают, — ответил Дэн. — Звучит неплохо.

— А вот и ваше такси. — Лаура указала на подъехавший автомобиль, свет фар которого ярко отразился от дождевых капель, висевших на поручнях входных дверей.

Эрл посмотрел сверху вниз на Мелани.

— Ну что, принцесса, сможешь улыбнуться на прощанье?
Девочка подняла голову, но Лаура видела, что глаза у нее устремлены в далекое далеко.
— Предупреждаю тебя, — продолжил Эрл, — я буду рядом и не оставлю тебя в покое, пока не получу от тебя улыбки.
Но Мелани лишь смотрела сквозь него. Эрл повернул голову к Лауре.
— А вы держитесь. Хорошо? Все образуется.
Лаура кивнула:
— И спасибо...
— Никаких благодарностей. Я открыл им дверь. И должен загладить свою вину. И пока не заглажу, благодарить меня не за что. — Он шагнул к дверям, открыл одну, повернулся к Дэну: — Между прочим, а что случилось с тобой?
— В смысле?
— С твоим лбом.
— Со лбом, говоришь? — Дэн коротко глянул на Лауру, и та поняла, что удар по лбу связан с расследованием, но говорить об этом он не хочет, чтобы она не почувствовала себя виноватой. — Одна старушка... она ударила меня палкой.
— Да?
— Я помогал ей перейти улицу.
— Тогда чего же она тебя ударила?
— Она не хотела переходить эту улицу, — ответил Дэн.
Эрл улыбнулся, вместо улыбки получилась жуткая гримаса, переступил порог, пробежал сквозь дождь, исчез в такси.
Лаура застегнула дождевик Мелани. Ведя девочку между собой, они поспешили к полицейскому седану без знаков отличия.
Холодный воздух.
Холодный дождь.
Темнота, пропитанная злом.
Темнота, в которой затаилось Оно.

* * *

В номере мотеля стояли две двуспальные кровати, застланные пурпурно-зелеными покрывалами, которые никак не гармонировали с веселенькими оранжево-синими занавесками и яркими желто-коричневыми обоями. Но таким, режущим глаз цветам отдавали предпочтение примерно в каждом четвертом отеле и мотеле страны, от Аляски до Флориды. У Дэна даже создалось впечатление, что какой-то некомпетентный специалист по интерьерам постоянно колесит из одного конца Америки в другой и лихорадочно оклеивает обоями стены, застилает кровати, обивает мебель, вешает занавески.

Матрацы на кроватях были слишком мягкими, мебель — обшарпанной, но к чистоте претензий не было. А кроме того, в номере стояла кофеварка и лежали пакетики с кофе. Дэн сварил кофе, пока Лаура укладывала Мелани в постель.

Хотя девочка весь день вела себя как лунатик и почти не растрачивала энергию, время было позднее, поэтому она заснула еще до того, как мать подоткнула ей одеяло.

Небольшой стол с двумя стульями стоял у единственного в комнате окна, туда Дэн и направился с двумя стаканами кофе. Он и Лаура сидели в тени, маленькая лампочка горела лишь у двери. В зазор между частично раздвинутыми занавесками они видели лишь залитую дождем стоянку, где синеватый свет фонарей поблескивал на мокрых стеклах и хrome автомобиля и на черном асфальте.

С нарастающим изумлением и тревогой Дэн слушал историю, рассказывать которую Лаура начала еще в автомобиле: о левитирующем радиоприемнике, который вроде бы передавал предупреждение, и воздушном смерче с цветами, который ворвался в дверь кухни.

И чувствовалось, что ей самой с трудом верится в эти сверхъестественные события, хотя она все видела собственными глазами.

— И что вы думаете по этому поводу? — спросил он, когда Лаура закончила.

— Я надеялась, что вы сможете мне все объяснить. Он рассказал ей о Джозефе Скальдоне, убитом в комнате с запертыми изнутри окнами и дверьми.

— Учитывая невозможность этого убийства, в сочетании с тем, что вы мне рассказали, полагаю, мы должны признать существование чего-то, какой-то силы, энергии, которую не может объяснить накопленный человечеством опыт. Но что это такое, черт побери?

— Ну, я думала об этом весь вечер и пришла вот к какому выводу... то, что вселилось в радиоприемник и принесло цветы на кухню, отличается от того, что убивает людей. Теперь-то я понимаю, сила, которая проявила себя у меня на кухне, нам не угрожала. Я бы сказала так: она предупреждала, что нечто, убившее Дилана, Хоффрица и других, со временем доберется и до Мелани.

— То есть у нас есть хорошие духи и плохие духи, — уточнил Дэн.

— Полагаю, такая трактовка уместна.

— Хорошие духи и плохие духи, — повторил он.

— Только я не верю в духов, — вздохнула она.

— Я тоже. Но каким-то образом в ходе своих экспериментов в серой комнате ваш муж и Хоффриц, похоже, сначала обнаружили, а потом освободили некие оккультные существа, и некоторые из них убивают, а другие предупреждают нас об этих убийцах. И пока я не разберусь, что же это такое... мне кажется, что определенные «духи» очень даже им подходят.

Они помолчали. Допили кофе.

Дождь усилился, превратился в ливень, который с ревом обрушивался на землю.

В глубине комнаты Мелани что-то пробормотала во сне, шевельнулась под одеялом, потом снова успокоилась.

— Духи, — вырвалось у Лауры. — Призраки. Это какое-то... безумие.

— Сумасшествие.

— Просто дурдом.

Он включил тусклую лампочку над столиком у окна. Из кармана пиджака достал распечатку списка покупателей магазина «Пентаграмма». Развернул листы и положил их перед Лаурой.

— Нет ли в списке знакомых вам имен, помимо вашего мужа, Хоффрица, Эрнста Купера и Неда Ринка?

Она просматривала листы десять минут и в итоге обнаружила еще четыре знакомые ей фамилии.

— Вот этот. Эдвин Коликников. Профессор психологии в Южно-Калифорнийском университете. Он — постоянный получатель грантов Пентагона, помогал Дилану завязать необходимые контакты в Министерстве обороны. Коликников — специалист в поведенческой психологии, особенно в психологии поведения детей.

Дэн предположил, что Коликников — тот самый Эдди, что находился в доме Реджины на Голливудских холмах, а теперь улетел с ней в Лас-Вегас.

— Говард Рензевеер, — продолжила Лаура. — Представляет какой-то фонд, располагающий огромными средствами. Я не могу точно сказать, какой именно, но я знаю, что он субсидировал какие-то исследования Хоффрица и несколько раз говорил с Диланом о выделении гранта на его исследования. Я с ним практически незнакома, но у меня сложилось впечатление, что он — крайне неприятный человек, наглый и высокомерный.

Дэн не сомневался, что Рензевеер — тот самый упомянутый Реджиной Говард.

— Этого я тоже знаю, — Лаура указала еще на одну фамилию. — Шелдон Толбек. Друзья зовут его Шелби. Это звезда первой величины, психиатр и невропатолог, который проводил различные исследования по различным формам диссоциативного поведения.

— Это еще что такое?

— Диссоциативное поведение? Психологический уход от реальности, кататония, аутизм... такие вот состояния.

— Как сейчас у Мелани?

— Да.

— У меня есть веские причины не сомневаться в том, что эти три человека вместе с вашим мужем и Хоффрицем участвовали в исследованиях, которые проводились в серой комнате.

Лаура нахмурилась:

— Я могу поверить, что этим занимались Коликников и Рензевеер, но не Толбек. У него безупречная репутация. — Она вернулась к первому листу. — Чуть не пропустила. Вот еще один. Альберт Ахландер. Он — писатель, автор странных...

— Знаю. В багажнике моего автомобиля стоит коробка с его книгами.

— Он и Дилан активно переписывались.

— На какой предмет?

— Различные аспекты оккультизма. Точно я не знаю.

Больше никаких знакомых фамилий в списке она не нашла, но идентифицировала всех членов тайной исследовательской группы, за исключением высокого, представительного, седовласого мужчины, известного Реджине как Папочка. И Дилан предположил, что Папочка — не просто еще один извращенец, не просто еще один участник исследований, которые проводились в серой комнате, но ключевая фигура, на которой все и держалось.

— Я думаю, что все эти люди: Коликников, Рензевеер, Толбек и Ахландер должны умереть. Скоро. Что-то методично убивает всех, кто был связан с экспериментами в серой комнате. Это «что-то», за неимением лучшего термина, мы называем «дух». Это «что-то» они освободили, но не смогли взять под контроль. Если я прав, этим четверым осталось не так уж много времени.

— Тогда мы должны предупредить их...

— Предупредить их? Нынешнее состояние Мелани на их совести.

— Однако пусть мне и хочется их наказания...

— Мне кажется, они уже знают о том, что «дух» идет по их следу. Этой ночью Эдди Коликников покинул город. И другие, думаю, тоже собираются уехать. Если еще не уехали.

Лаура заговорила после паузы:

— И то, что охотится за ними... после того, как доберется до них... следующей целью будет Мелани.

— Если верить посланию, которое передали через ваш радиоприемник.

— Мы можем ему верить, — мрачно заявила она. Мелани вновь что-то забормотала, и бормотание быстро перешло в стоны страха. Когда девочка сбросила с себя одеяло, Лаура поднялась, шагнула к кровати... но внезапно остановилась, озабоченно огляделась.

— Что-то не так? — спросил Дэн.

— Воздух, — ответила она.

Он это почувствовал еще до того, как Лаура ответила на его вопрос.

Воздух становился холоднее.

31

Самолет из Лос-Анджелеса приземлился в Лас-Вегасе перед самой полночью, и Эдди с Реджиной сразу поехали в «Хижину в пустыне», где заранее забронировали номер. К часу ночи они уже зарегистрировались и распаковали вещи.

До этого она дважды побывала в Лас-Вегасе с Эдди. Всякий раз они регистрировались под ее фамилией, поэтому она не могла узнать его фамилию ни на регистрационной стойке, ни от коридорных.

Знала она только одно: Лас-Вегас сильно заводил Эдди. Возможно, сказывались яркий свет и всеобщее возбуждение. Возможно, вид, запах и звук денег. Какой бы ни была причина,

его сексуальный аппетит в Лас-Вегасе проявлялся куда сильнее, чем в Лос-Анджелесе. Каждый вечер, когда они шли обедать и на шоу, она надевала платье с низким вырезом, которое он сам ей выбрал, чтобы выставить напоказ ее прелести, но остальное время она проводила в номере, чтобы обслужить его, когда он возвращался из зала, где играл главным образом в блэкджек¹. Появляясь в номере два или три раза в день, сверкая глазами, напряженный, но не нервный, он использовал ее для того, чтобы стравить избыточную энергию. Иногда останавливался на пороге, привалившись спиной к двери, расстегивал «молнию» ширинки, приказывал ей подойти к нему, встать на колени, а после того как кончал, уходил, не сказав ни слова. Иногда он хотел трахнуть ее в душе, на полу, в кровати, но в необычных позах, которые раньше его не интересовали. В Вегасе он получал гораздо большее удовлетворение от секса, трахал ее яростно и относился к ней с большей жестокостью, столь ей приятной, чем в Лос-Анджелесе.

Вот почему, когда они вошли в их номер, она рассчитывала, что он тут же набросится на нее, но этим вечером секс, похоже, совершенно его не интересовал. Он очень нервничал, когда пришел к ней домой несколько часов тому назад, немного расслабился после того, как их самолет вылетел из международного аэропорта Лос-Анджелеса, но расслабление длилось недолго. И теперь он просто... паниковал.

Она знала, что он убегает от кого-то, от кого-то или от чего-то, убивающего остальных. Но глубина и сила его страха поразили Реджину. Он всегда казался таким хладнокровным, отстраненным, высокомерным. Она и представить себе не могла, что он подвержен таким эмоциям, как радость и страх. Если Эдди боялся, следовательно, угроза ужасна. Но для нее это не имело ровно никакого значения. Она не боялась. Даже если бы кто-то узнал, что Эдди решил укрыться в Вегасе, и не поленился приехать сюда, чтобы добраться до Эдди, даже если бы ей грозила опасность из-за того, что она с ним рядом, она не боялась. Потому что освободилась от страха. Ее освободил Вилли.

Но Эдди от страха не освободили, поэтому он и боялся, боялся до такой степени, что не мог ни трахаться, ни спать. Он хотел спуститься в казино, немного поиграть, но — а вот это Реджина восприняла как самое необычное — хотел, чтобы она составила ему компанию. Чтобы не находиться одному среди незнакомцев, даже в таком людном месте, как казино.

То есть, пусть и не напрямую, просил ее о моральной и эмоциональной поддержке, чего никогда ранее ни ему, ни всем остальным от нее не требовалось, да и не могла она оказать им такую поддержку, не могла с той поры, как Вилли изменил ее. И действительно, эмоциональная связь с Эдди возникала у нее, лишь когда он использовал ее, кричал и бил. А проявляемая им слабость вызывала у нее исключительно отвращение.

Тем не менее в четверть второго ночи она вместе с ним спустилась в казино. Он хотел, чтобы она сопровождала его, а она всегда делала то, чего от нее хотели.

В казино хватало людей, но основной наплыв ожидался через полчаса, после окончания полуночного шоу. Но и теперь сотни людей сидели перед мигающими, вспыхивающими, поблескивающими игровыми автоматами, за столами для блэкджека, стояли у столов, где играли в кости, в смокингах и вечерних платьях, в брюках и джинсах, ковбои, фермеры, горожане, бабушки и молодые проститутки, японцы, прибывшие charterным рейсом из Токио, и секретарши из Сан-Диего, богатые и не очень, проигрывающие и выигрывающие, проигрывающие преобладали. Дама весом в добрые триста фунтов в ярко-желтом кафтане и тюрбане такого же цвета играла в блэкджек, ставя по тысяче долларов, а рядом с ней нефтяник из Хьюстона ставил лишь по пятьдесят. Охранники в униформе поражали своими габаритами, однако говорили мягко и вели себя крайне вежливо. Крупье были в черных слаксах, белых рубашках и черных галстуках, а за столом, где играли в баккара, даже во фраках. Питбоссы² и их помощники ходили по залу в сшитых по фигуре черных костюмах, окидывая происходящее цепкими, пронизательными, подозрительными взглядами. В таком

¹ Блэкджек — карточная игра, то же, что «21» или «очко».

² Питбосс — менеджер игрового зала казино, отвечающий за группу столов, на которых ведется игра определенного вида.

месте ни одно телодвижение, даже самое невинное, не могло остаться без внимания.

Держась рядом с Эдди — а тот бродил по залу от столика к столику, не принимая участия ни в одной из игр, — Реджина реагировала на вегасскую суету в непривычной для себя манере. Пульс у нее участился, в кровь выплеснулся адреналин, кожу вдруг начало покалывать. Должно что-то случиться, поняла она. Не знала, что именно, но чувствовала, должно. Может, она выиграет кучу денег. Может, именно такие ощущения испытывали люди перед тем, как им улыбалась удача. Ранее она никогда не чувствовала, что ей улыбнется удача. Ранее удача никогда ей не улыбалась. Может, не улыбнется и в эту ночь, но она чувствовала: что-то должно произойти. Что-то значительное. И скоро.

* * *

Воздух в комнате мотеля становился все холоднее.

Мелани вроде бы спала, но металась под одеялом. Ахнула, застонала, сказала: «Эта... дверь... эта дверь...»

Дэн подошел к двери, проверил замок, потому что девочка вроде бы чувствовала: что-то могло заглянуть к ним на огонек.

— ... держите ее закрытой!

Дверь была заперта.

Температура воздуха опустилась еще ниже.

Мягко, но настойчиво: «Не... не... не дайте выйти!»

Войти, мысленно поправила дочь Лаура. Она боится того, что может войти.

Мелани металась под одеялом, опять ахнула, содрогнулась всем телом, но по-прежнему спала.

Подавленная ощущением крайней беспомощности, Лаура оглядела маленькую комнатку, гадая, какой из предметов, как радиоприемник на кухне, может ожить.

Дэн Холдейн вытащил револьвер.

Лаура повернулась, ожидая, что окно разлетится на мелкие осколки, дверь разнесет в щепки, в стулья или в телевизор вселится злобная душа.

Дэн оставался у двери, словно предчувствуя, что беда придет с этой стороны.

Но потом, так же резко, как началось, все и закончилось. Воздух быстро согрелся. Мелани прекратила метаться, перестала говорить. Недвижно лежала на кровати, дышала очень уж медленно и глубоко.

— Что случилось? — спросил Дэн.

— Не знаю, — ответила Лаура. Температура вернулась к первоначальной.

— Все кончено? — спросил Дэн.

— Не знаю.

Мелани лежала бледная, как смерть.

* * *

Поскольку платье Реджина надела с открытыми плечами, изменение температуры воздуха она почувствовала раньше Эдди. Они стояли у стола, где бросали кости, и Эдди как раз раздумывал, а не сделать ли ему ставку. С обеих боковин стола толпился народ, в казино было не просто тепло, а жарко. Реджина даже пожалела, что у нее нет веера. А потом внезапно температура воздуха резко упала. Реджина задрожала, по коже побежали мурашки. На мгновение она подумала, что кто-то перемудрил с системой кондиционирования и чересчур понизил температуру подаваемого в зал воздуха, но потом сообразила, что температура упала слишком уж резко и кондиционерам такое не под силу.

Еще две женщины заметили, что стало холоднее, потом Эдди, и на него осознание

случившегося произвело жуткое впечатление. Он отвернулся от стола, где бросали кости, обхватил себя руками, задрожал всем телом, лицо перекосило от ужаса. Кровь отлила от головы, кожа стала бледнее алебаstra, глаза остекленели. Он посмотрел направо, налево, стал пробиваться сквозь толпу, расталкивая людей локтями, держа курс на широкий проход между столиками, все дальше уходя от Реджины.

— Эдди? — позвала она вслед. Он не удосужился ответить.

— Эдди!

Холодный воздух просто кусал кожу, во всяком случае, около столов, где бросали кости, и люди уже обсуждали столь неожиданное, резкое и значительное понижение температуры.

Реджина сквозь толпу поспешила за Эдди. Он уже добрался до главного прохода, где людей практически не было, остановился, поднял руки, начал поворачиваться вокруг оси, словно ожидал нападения, но не знал, с какой стороны на него набросятся. Но никто набрасываться на него не собирался, и Реджина решила, что у Эдди помутился рассудок. Тут же она заметила, что один из охранников обратил внимание на странное поведение Эдди и тоже направляется к нему.

Она вновь позвала Эдди, но тот, даже если и услышал ее, ответить бы не смог, потому что в этот самый момент его ударило, да так сильно, что он отлетел в сторону. Врезался в двух человек, которые проходили мимо него, упал на колени.

Но кто ударил его?

В тот момент он находился на островке открытого пространства в окружении людского моря. На расстоянии шести или восьми футов никого не было. Но его ударили. Волосы растрепались, лицо залила кровь.

Господи, как много крови.

Он начал кричать.

Крик этот прорвался сквозь громкий шумовой фон казино: вопли радости и неудачи, бормотание крупье и игроков, разговоры, смех, перестук рулеточных шариков, удары костей друг о друга, шелест карт, мелодичный звон и вой сирен игровых автоматов, грохочущую музыку квартета, который играл в баре. И все это то ли стихло, то ли резко убавило в громкости, когда Эдди начал кричать. Его крики рвали душу, пробирали до мозга костей. Одних только этих криков хватило, чтобы люди повернули на них головы, но теперь невидимые усилители (а может, звук усиливался морозным воздухом) разносили их по всему залу, удваивая и утраивая громкость. Словно некое невидимое и чудовищное существо насмеялось над ним, повторяя его крики, но уже на другом уровне громкости. Прекратились все разговоры, замерла игра, даже квартет перестал играть. Только Эдди дико кричал от боли и ужаса, да продолжали позвякивать игровые автоматы.

Люди пятились подальше от Эдди, пустое пространство вокруг него увеличивалось.

И Реджина остановилась, когда присмотрелась к нему. Из правого, наполовину оторванного, уха лилась кровь. Кровоточила половина разбитого лица. С головы вырвало несколько клоков волос. Его словно ударили огромной дубиной, но сознания он не потерял. Выплюнул кровь и выбитые зубы, начал подниматься с колен, но его ударило вновь так сильно, что крик оборвался. Его подняло с пола и бросило в толпу зевак, которая стояла у одного из игровых столов. Люди кинулись врассыпную, и короткие мгновения относительной тишины сменились уже их воплями и криками. Даже охранник, ранее направлявшийся к Эдди, остановился в замешательстве и страхе.

Эдди лежал на полу, напоминая кровавую грудку тряпья, но внезапно вскочил, хотя и не по своей воле. Его поставили на ноги, как марионетку, движения которой контролировал невидимый и загадочный кукольник.

Он сделал несколько неуверенных шагов от стола, на котором бросали кости, споткнулся, повернулся, прыгнул, развернулся, его бросало из стороны в сторону под чудовищными ударами невидимых кулаков или дубинок, но кукольник держал на ногах свою окровавленную марионетку, не позволяя ей лечь на пол.

Реджина отступила в сторону, когда Эдди пронесло мимо. Он действительно не

контролировал себя. Руки болтались из стороны в сторону, правый глаз вытек, левый моргал и вертелся в поисках того, кто его избивал. Он врезался в стулья, стоявшие у стола для игры в блэкджек, один перевернул, а крупье, который до того смотрел на него во все глаза, в испуге нырнул под стол.

Питбосс уже кричал в телефон, требуя от службы безопасности прислать новых охранников, когда Эдди схватился за стол для блэкджека, совсем как утопающий хватается в море за край спасательного плота, с тем чтобы не позволить невидимому существу или силе тащить его дальше. Но враг силой значительно превосходил его, так что Эдди просто оторвало от пола. Он поднялся над столом для блэкджека, молотя ногами, и завис в воздухе, вызвал в толпе рев недоумения, изумления, ужаса. А потом Эдди бросило на поверхность стола, и во все стороны полетели карты, полупустые стаканы, фишки казино, оставленные игроками, которые вовремя успели выбежать из-за стола. Вновь его приподняло и опять бросило на стол, на этот раз с такой силой, что стол под ним рухнул. В том, что Эдди перебило позвоночник, и не в одном месте, сомнений быть не могло.

Но на этом его мучения не закончились. Снова что-то невидимое поставило его на ноги и потащило по проходу, мимо столов, к рядам сверкающих всеми цветами радуги игровых автоматов. Одежда его превратилась в пропитанные кровью лохмотья, кровь текла с него ручьем, пачкая ковер. Он уже потерял сознание, возможно, и умер, мешок растерзанной плоти и сломанных костей, но какая-то сверхъестественная сила заставляла его двигаться.

И вот тут в толпе ужас пересилил любопытство. Люди побежали. К входным дверям, к театральному залу, в кафетерий, к лестнице на второй этаж. Куда угодно, лишь бы подальше от этого кровавого месива, в которое за считанные секунды превратился живой человек.

И только Реджина, словно зачарованная, последовала за Эдди в его последнем походе к игровым автоматам. Она держалась в пятнадцати футах позади и боковым зрением увидела, что охранники следуют за ней.

— Женщина, остановитесь, — приказал ей один. — Станьте, где стоите!

Она посмотрела на них. Три здоровяка в одинаковой униформе. Все с оружием на изготовку. Бледные и ничего не понимающие.

— Уйдите с дороги, — сказал второй, а первый уже наставил на нее револьвер.

Она вдруг поняла, что они, возможно, видят в ней причину случившегося с Эдди. Но что они подумали? Что она обладает сверхъестественными способностями и охвачена жаждой убивать?

Она остановилась, как ей и приказали, но вновь повернулась к Эдди. От игровых автоматов его теперь отделяли десять футов.

Двадцать хромированных одноруких бандитов, которые располагались непосредственно перед ним, волшебным образом активировались. Одновременно завертелись двадцать комплектов цилиндров. В окошках замелькали вишни, колокольчики, другие символы. Двигались они так быстро, что слились в цветные полосы. Цилиндры вращались несколько секунд, а потом все двадцать комплектов разом остановились, и в каждом окошке каждой машины появился лимон.

Эдди рванулся вперед с наклоненной головой, вернее, что-то понесло его вперед, наклонило голову, и на полном ходу врезался в сверкающий игровой автомат. С такой силой, что череп треснул, как брошенный на землю арбуз. Эдди рухнул. Но что-то мгновенно его подняло, оттащило назад и вновь бросило на автомат. Он опять упал. Его подняло. Оттащило назад. Бросило на автомат. На этот раз с такой силой, что разбилась плексигласовая панель.

Мертвец упал на пол.

Остался там, недвижим.

И воздух оставался холодным.

Реджина обхватила себя руками.

Почувствовала, как что-то разглядывает ее.

Потом воздух начал согреваться, и Реджина поняла, что неведомого существа или силы

в казино больше нет.

Она посмотрела на Эдди. Узнать его более не представлялось возможным. В глубине души Реджина нашла крошечную толику жалости, но в основном думала о том, какой сладкой была эта смерть, какую невообразимо острую, всепоглощающую, мучительную боль испытал Эдди. И как же она ему завидовала.

* * *

После того как Мелани спокойно пролежала несколько минут, Лаура решила, что худшее уже позади и Дэн может спокойно убирать револьвер в кобуру. Но, как только они вернулись к маленькому столику у окна, девочка вновь начала вертеться и стонать. В комнате похолодало. С гулко бьющимся сердцем Лаура вернулась к кровати.

Лицо Мелани исказилось, но не от боли, а, похоже, от ужаса. В этот момент она не напоминала ребенка. Она выглядела... не как старуха, нет... но как маленькая женщина, умудренная опытом, обладающая знаниями, которые накапливаются многие и многие годы, знаниями, которые вызывают тревогу и душевную боль, знаниями о темной стороне человеческой природы, которые лучше бы и не знать.

Оно шло, и до его появления оставалось совсем ничего. Интуитивно Лаура почувствовала приближающуюся к ним зловещую силу. Тоненькие волосики на руках, волосы на затылке встали дыбом. *Оно*.

Лаура в панике огляделась. Никаких демонических существ. Никаких рожденных в аду бестий.

«Покажись, черт бы тебя побрал, — со злостью подумала она. — Чем бы ты ни было, откуда бы ни пришло, дай нам себя увидеть, чтобы мы могли тебя ударить и пристрелить».

Но *Оно* не улавливалось пятью органами чувств, и единственным свидетельством его приближения являлось понижение температуры воздуха.

И на этот раз температура падала очень быстро, до минусовых значений, чего раньше не случалось. Дыхание паром вырывалось изо рта, оконные стекла и зеркало покрыл конденсат, который на глазах замерзал, превращаясь в лед. Но тридцать или сорок секунд спустя воздух стал нагреваться. Ребенок перестал стонать, невидимый враг ушел, вновь не причинив девочке вреда.

Глаза Мелани разом открылись, но смотрела она по-прежнему в свой мир.

— Оно их достанет, — пробормотала она.

Дэн Холдейн наклонился над ней. Положил руку на маленькое плечико.

— Что это за оно, Мелани?

— *Оно*. Оно их достанет, — повторила девочка, обращаясь скорее не к нему, а к себе.

— И что же это за чертовщина? — спросил Дэн.

— Оно их достанет. — По телу девочки пробежала дрожь.

— Успокойся, сладенькая, — обратилась к дочери Лаура.

— А потом оно достанет меня.

— Нет, — возразила Лаура. — Мы позаботимся о тебе, Мелли. Клянусь.

— Оно идет... изнутри... и съест меня... съест меня всю...

— Нет, — повторила Лаура. — Нет.

— Изнутри? — спросил Дэн. — Как это, изнутри?

— Съест меня всю, — голос девочки переполняла печаль.

— И откуда оно идет? — спросил Дэн. Девочка тяжело вздохнула, и вздох этот выражал не страх, а скорее смирение с судьбой.

— Было здесь что-то несколько мгновений тому назад, Мелани? — спросил Дэн. — То, чего ты боишься, было в этой комнате?

— Оно хочет меня, — сказала девочка.

— Если оно хочет тебя, то почему не взяло, когда находилось здесь?

Девочка его не слышала. Едва слышно произнесла:

— Дверь...

— Что за дверь?

— Дверь в декабрь.

— Что это значит, Мелани?

— Дверь...

Девочка закрыла глаза. Дыхание изменилось. Она соскользнула в сон.

Лаура через кровать посмотрела на Дэна.

— Сначала Оно хочет добраться до других людей, участвовавших в экспериментах в серой комнате.

— До Эдди Коликникова, Говарда Рензевеера, Шелдона Толбека, Альберта Ахландера, может, до кого-то еще, до людей, неизвестных нам.

— Да. А после того, как все они умрут, Оно... Оно придет за Мелани. Это она говорила сегодня вечером в нашем доме, после того как в радиоприемник... что-то вселилось.

— Но откуда она это знает?

Лаура пожала плечами.

Они посмотрели на спящую девочку. Паузу прервал Дэн:

— Мы должны пробиться через этот... через транс, в котором она находится, чтобы она смогла сказать то, что нам необходимо знать.

— Я сегодня предпринимала такую попытку. Ввела ее в гипнотическое состояние. Но без особых успехов.

— Вы можете это повторить?

Лаура кивнула:

— Утром, когда она немного отдохнет.

— У нас не так много времени.

— Ей *нужно* отдохнуть.

— Хорошо, — с неохотой согласился Дэн.

Она знала, о чем он думает: «Раз уж ждем до утра, будем надеяться, что не опоздаем».

32

Лаура спала с Мелани на кровати у стены, тогда как Дэн — на той, что стояла ближе к двери, которая могла стать источником проблем. Лег он в рубашке, брюках, носках и туфлях, с тем, чтобы при необходимости не терять времени на одевание. Лампу над дверью они выключать не стали. После событий прошедшего дня темноте более не доверяли. Дэн прислушивался к их глубокому и ровному дыханию.

Сам он спать не мог. Думал об изувеченном до неузнавания теле Джозефа Скальдоне, о трупах в доме в Студио-Сити, о Реджине Саванне Хоффриц, физически и умственно живой, но с умерщвленной душой. И, как всегда, когда он слишком долго думал об убийстве в мириаде форм и удивлялся способности человека убивать и убивать вновь, мысли его плавно перетекли к убитым брату и сестре.

Он никогда их не видел. Во всяком случае, живыми. Они уже умерли к тому времени, когда ему назвали их имена и он начал их искать. Что же касается его, то он не родился ни «Дэном», ни «Холдейном». Пит и Эльза Холдейн усыновили его, когда ему не исполнилось и месяца. Его настоящие родители, Лоретта и Френк Детвайлер, приехали в Калифорнию из Оклахомы в поисках богатства, но так и не смогли его нажить. Более того, когда Лоретта носила под сердцем их третьего ребенка, Френк погиб в автокатастрофе. А Лоретта, беременность которой проходила с серьезными осложнениями, умерла через два дня после того, как родила Дэна. Она успела назвать его Джеймсом. Джеймсом Детвайлером. Но, поскольку родственников не было, никто не взял опеку над тремя детьми Детвайлеров, поэтому их разделили и отдали в чужие семьи.

Питер и Эльза Холдейн никогда не скрывали того факта, что они не являются

настоящими родителями Дэна. Он любил их и с гордостью носил фамилию приемных родителей, потому что люди они были хорошие и дали ему все, что могли, но при этом его всегда интересовали его настоящие родители, и он хотел выяснить о них как можно больше.

Согласно правилам, принятым в государственных агентствах, определявших детей в другие семьи, Эльзе и Питу ничего не сказали о настоящих родителях младенца, за исключением того, что они умерли. Но и этого хватило, чтобы Дэн всегда хотел узнать, кто же его настоящие родители, поскольку они не бросили его, не отказались от него по собственной воле. Так уж распорядилась судьба.

К тому времени, когда пришла пора поступать в колледж, Дэн уже начал бороться с бюрократией, ведающей усыновлением и удочерением, чтобы достать копии касающихся его документов. На это ушло немало времени, пришлось и потратиться, но в результате Дэн узнал свое настоящее имя, а также имена и фамилии своих биологических родителей. К своему изумлению, он выяснил, что у него есть брат и сестра. Когда он родился, брату Дельмару было четыре года, а сестре Кэрри — шесть.

С архива агентства по усыновлению, частично уничтоженного пожаром и оказавшегося не таким полным, как надеялся Дэн, он начал еще более активные поиски своих оставшихся ближайших родственников. Пита и Эльзу Холдейн он полагал своими отцом и матерью, их братьев и сестер считал своими дядюшками и тетушками, думал об их родителях как о своих бабушках и дедушках, чувствовал себя частью большой и дружной семьи. Тем не менее... в душе его существовала какая-то пустота, ощущение, что у него нет корней, что его несет по земле, как перекасти-поле, и он точно знал, что так будет, пока ему не удастся найти и обнять своих настоящих родственников. А потом он тысячу раз жалел о том, что начал их искать.

Первым ему удалось найти Дельмара. В могиле. Конечно же, на надгробном камне не упоминался ни Дельмар, ни Детвайлер. Его брата похоронили как Руди Кессмана. Так называли Дельмара его приемные родители.

Четырехлетнего Дельмара усыновила молодая пара, Перри и Джанетт Кессман, которые проживали в городе Фуллертон, штат Калифорния. Но агентство по усыновлению отнеслось к своим обязанностям спустя рукава, не провело должной проверки и не установило склонности мистера Кессмана к новым, опасным, а иногда и противозаконным увлечениям. Перри Кессман водил грузовики, что, разумеется, являлось совершенно законным занятием. Он также обожал ездить на мотоцикле, что тоже не запрещал закон, хотя потенциально езда на мотоцикле представляла собой серьезную опасность. По бумагам он был католиком, но его влекли новые культы, которые то и дело возникали в Калифорнии. К примеру, долгое время он посещал собрания людей, которые поклонялись НЛЮ. Но кто мог осуждать человека, который искал бога, даже если искал он его не там, где следовало. Но Кессман к тому же курил марихуану, что в те времена считалось более серьезным правонарушением, чем нынче, пусть и сейчас марихуана находится под запретом. А спустя какое-то время перешел на гашиш, «колеса», сильные наркотики. И однажды ночью, в наркотическом бреду, а может, принося кровавую жертву какому-нибудь новому богу, Перри Кессман убил жену и приемного сына, а потом покончил с собой.

Руди-Дельмар Кессман-Детвайлер погиб в семь лет. Кессманом он прожил даже меньше, чем Детвайлером.

И теперь, лежа на кровати в номере мотеля, под светом тусклой лампочки, который не разгонял темноту, а лишь драпировал знакомые предметы в загадочные тени, Дэну даже не требовалось закрывать глаза, чтобы увидеть кладбище, где он в конце концов нашел своего брата. Надгробные камни не отличались друг от друга, все лежали на земле, чуть выступая из травы, чтобы не портить контуры склонов холма. Каждый являл собой прямоугольный кусок гранита, по центру которого крепилась полированная медная табличка с именем и фамилией усопшего, датами рождения и смерти, а также со строкой-другой из Писания или от родственников. В случае Дельмара не было ни строки Писания, ни теплых слов родственников, скорбящих о безвременной кончине, только имя, фамилия и две даты, холодная и безликая надпись. Дэн мог вспомнить тот достаточно теплый октябрьский день,

легкий ветерок, тени деревьев, лежащих на сочно-зеленую траву. Но в основном он вспоминал свои чувства, охватившие его, когда он упал на колени и положил руку на медную табличку, отмечавшую место упокоения брата, с которым ему так и не удалось встретиться: острое, рвущее душу, перехватившее дыхание ощущение потери.

И даже сейчас, по прошествии многих лет, хотя он смирился с тем, что брата ему никогда не встретить, Дэн вдруг почувствовал, что у него пересохло во рту. Горло сжало. Грудь тоже. Он мог бы заплакать, как плакал другими ночами, когда к нему возвращалось это воспоминание. Он так ослабел, что слезы легко могли брызнуть из глаз. Но Мелани что-то забормотала и во сне вскрикнула от испуга, и этот вскрик мгновенно заставил Дэна подняться с кровати.

Девочка металась под одеялом, но не столь яростно, как чуть раньше. В ужасе стонала, но так тихо, что не будила мать. Вроде бы Мелани боролась с тем, кто нападал на нее, но у нее не доставало сил для сопротивления.

Дэну оставалось только гадать, какой монстр выслеживал ее в кошмарном сне.

А потом в комнате резко похолодало, и он понял, что монстр этот, возможно, выслеживает ее не во сне, а в реальности.

Он вернулся к своей кровати, взял со столика револьвер.

Температура воздуха стала арктической. И продолжала понижаться.

* * *

Двое мужчин сидели за столом у большого панорамного окна, играли в карты, пили шотландское виски и молоко, прикидываясь двумя парнями, которые отлично проводят время в компании друг друга.

Ветер завывал под карнизами бревенчатого коттеджа.

Снаружи царила морозная ночь, в феврале в горах по-другому и быть не могло, нового снегопада не ожидалось, по искрящемуся звездами небу плыла огромная луна, заливая перламутровым светом припорошенные снегом сосны и ели и укрытый белым одеялом луг на склоне горы.

Они находились далеко от шумных улиц и ярких огней Большого Апельсина¹.

Шелдон Толбек удрал из Лос-Анджелеса вместе с Говардом Рензевеером в отчаянной надежде, что расстояние гарантирует безопасность. Они никому не говорили, куда отправились, в столь же отчаянной надежде, что убийственный психогейст² не сможет последовать за ними в место, о котором не знает.

Во второй половине прошлого дня они на автомобиле уехали из Лос-Анджелеса, сначала на север, потом на северо-восток, все дальше и дальше углубляясь в горы, держа курс на небольшой бревенчатый коттедж неподалеку от Маммота³. Коттедж принадлежал брату Говарда, но он сам никогда там не был, так что в коттедже их не ждали.

«Оно нас все равно найдет, — с тоской думал Толбек. — Так или иначе унюхает нас».

Он не озвучил эту мысль, потому что не хотел злить Говарда Рензевеера. Говард, в сорок лет по-прежнему очень моложавый, не сомневался, что будет жить вечно. Он бегал трусцой, по минимуму ел жир и белый сахар, каждый день медитировал по полчаса. Говард всегда ожидал, что получит от жизни самое лучшее, и жизнь обычно ни в чем ему не отказывала. И Говард с оптимизмом оценивал их шансы. Говард абсолютно не сомневался (или говорил, что не сомневается) в том, что существо, которого они боялись, не могло путешествовать так далеко и найти их, если они позаботятся о том, чтобы замести следы. Однако Толбек, конечно же, заметил, что Говард бросал нервный взгляд на окно всякий раз,

1 Большой Апельсин — название Лос-Анджелеса, по аналогии с Большим Яблоком (Нью-Йорк).

2 Психогейст — по аналогии с полтергейстом. Оккультный термин, объяснение которого будет приведено ниже.

3 М а м м о т — горнолыжный курорт.

когда карнизы возмущенно скрипели под очередным порывом ветра, и иногда подпрыгивал от громкого треска горящих в камине поленьев. Да и потом, уже того, что они бодрствовали глубокой ночью, хватало, чтобы счесть оптимизм Говарда ложью.

Толбек наливал в свой стакан виски и молока, а Говард Рензевеер тасовал карты, когда в комнате похолодало. Они разом повернулись к камину. Огонь горел, как и прежде, а лопасти вентилятора тихонько шуршали, гоня в комнату теплый воздух. Не открылись ни дверь, ни окно. И вот тут им стало ясно, что холод, который они почувствовали, — не случайный порыв ветерка, потому что температура воздуха быстро снижалась.

Оно пришло. Сказочный, злобный враг. Только что его здесь не было, а через мгновение Оно уже обреталось рядом, демонический и смертоносный сгусток психической энергии.

Толбек поднялся.

Говард Рензевеер вскочил так резко, что перевернул стакан с виски и молоком, потом стул, выронил колоду карт. Комната температурой уже не отличалась от морозильника, хотя в камине все так же горел огонь.

Большой круглый ковер, который лежал на полу между двумя обитыми зеленой тканью диванами, вдруг поднялся в воздух на высоту шести футов. Там и завис параллельно полу. Потом начал вращаться, будто гигантская виниловая пластинка, поставленная на невидимый проигрыватель.

С мыслями о бегстве, которые казались глупыми и безнадежными, Толбек попятился к двери черного хода.

Рензевеер стоял у стола, зачарованный видом вращающегося ковра, не в силах сдвинуться с места.

Ковер упал на пол. Зато один из диванов полетел через комнату, сбил маленький столик с лампой, сломал две ножки, врезался в стойку для журналов, после чего глянцевого издания посыпались на пол, словно птицы, неспособные взлететь.

Толбек целенаправленно пересекал гостиную в направлении кухни. Он уже практически добрался до двери. И у него появилась-таки надежда, что ему удастся спастись. Не решаясь повернуться спиной к невидимому врагу, который находился в гостиной, он завел руку за спину, пытаясь нащупать пальцами ручку двери.

Вокруг Рензевеера закружились брошенные им карты, обретая собственную жизнь, совсем как щетки в фильме «Ученик чародея»¹. Они вились вокруг него, словно листья, подхваченные дьявольским ветром, сталкивались друг с другом в этом завораживающем танце, издавая звуки, которые Толбеку уже доводилось слышать, если в его присутствии кто-то затачивал ножи. И едва мысль эта пришла ему в голову, как он увидел, что у Рензевеера кровоточат руки, которыми он пытался отбиться от этих покрытых пластиком прямоугольников, а также лицо, голова, шея. Конечно же, карты не могли быть достаточно твердыми и жесткими, чтобы нанести хоть малейшую царапину, и, однако, они резали, кромсали, а Рензевеер вопил от боли.

Заведенная за спину рука Толбека наконец-то нашла ручку двери. Она не поддалась под его пальцами. Заперта. Он мог повернуться, найти стопор, в мгновение ока выбежать из коттеджа, но не смог оторвать взгляд от происходящего в гостиной. Страх одновременно впрыснул в кровь адреналин и парализовал его. Ему хотелось бежать куда глаза глядят, и при этом разум и ноги онемели.

Карты упали на пол, ковер тоже. Руки Говарда выглядели так, будто на них натянули алые перчатки.

Карты еще падали на пол, когда каминную решетку сорвало с кронштейнов. Горящее полено вылетело из камина, пересекло комнату и ударило в Рензевеера, потрясенного до такой степени, что он даже не попытался отбить деревянный снаряд. Полено уже наполовину сгорело, и в полете за ним тянулся огненный хвост. Когда оно ударило Рензевеера в живот, обгоревшая часть окуталась черным дымом и осыпалась на туфли Рензевеера. А несгоревшая сердцевина, словно дротик, проникла в брюшину, разрывая кровеносные сосуды, внутренние

¹ «Ученик чародея» — фильм вышел на экраны в 1989 г.

органы, неся с собой жар огня.

Этого жуткого зрелища вполне хватило для того, чтобы излечить паралич страха, заставивший Толбека терять у двери долгие, драгоценные секунды. Он нашел стопор, повернул, распахнул дверь, выскочил в ночь, ветер, темноту, побежал, спасая свою жизнь.

Температура воздуха поднялась так же быстро, как и упала. В номере мотеля вновь стало тепло.

Дэну Холдейну оставалось только гадать, что случилось... или *почти* случилось. Что означает изменение температуры воздуха? Опять что-то оккультное появлялось в номере на несколько секунд? Если так, если Оно появилось, почему не напало на Мелани? И что заставило его покинуть номер?

Мелани, похоже, почувствовала, что угрозы больше нет, потому что затихла под одеялом.

Стоя у кровати, глядя на исхудавшую девочку, Дэн, похоже, впервые понял, что она вырастет в такую же красавицу, как и ее мать. Мысль эта заставила его повернуться к Лауре, которая лежала рядом с дочерью и так крепко спала, что не почувствовала ни метаний Мелани под одеялом, ни арктического холода, на полсекунды, или около того, воцарившегося в их номере. Во сне ее лицо напоминало ему лица мадонн, которые он видел на картинах в музеях. В бледно-янтарном свете тусклой лампочки разметавшиеся по подушке густые, шелковистые каштановые волосы Лауры отливали красным золотом осеннего заката, и Дэну захотелось коснуться этих волос, почувствовать, как скользят они между пальцами.

Он вернулся к своей кровати.

Лег на спину, уставившись в потолок.

Подумал о Синди Лейки. Погибшей от руки обезумевшего бойфренда ее матери.

Подумал о своем брате, Дельмаре. Погибшем от руки приемного отца, галлюцинирующего наркомана.

Разумеется, подумал о своей сестре. По-другому у него не бывало. В любую ночь, если он не мог уснуть, на память приходили Дельмар, Кэрри, Синди Лейки.

Со временем, с помощью архива агентства, которое после смерти Лоретты Детвайлер занималось устройством детей в другие семьи, Дэн нашел сестру, с которой его разлучили, когда ему был месяц, а ей — шесть лет. Как и Дельмар, она уже умерла к тому времени, когда Дэн вышел на ее след.

Шестилетняя Кэрри тяжело переживала распад семьи. Эти трагические события нанесли ей тяжелую психологическую и эмоциональную травму, поэтому у нее возникли поведенческие проблемы, из-за которых она никак не могла прижиться у приемных родителей. Так она и дрейфовала из приюта в семью и обратно, с крепнущим ощущением, что она нигде и никому не нужна. Поведение ее становилось все хуже, она начала убегать из приемных семей, и с каждым побегом властям все с большим трудом удавалось найти ее и привести назад. К семнадцати годам она уже прекрасно знала, как прятаться от тех, кто ее ищет, и с тех пор оставалась на свободе, сама себе хозяйка. На всех фотографиях, которые удалось найти Дэну, выглядела она красавицей, но вот в школе успевала не очень, рабочей специальности не имела, а потому, как и многие другие симпатичные девушки из неблагополучных семей, способом заработка она выбрала проституцию... или, вернее, проституция выбрала ее, поскольку выбора-то у нее особо и не было.

К тому времени, когда оборвалась ее короткая, несчастная жизнь, Кэрри исполнилось двадцать восемь лет и она была высокооплачиваемой девушкой по вызову. Один из ее клиентов захотел чего-то особо извращенного. Она отказалась, возникший спор закончился для Кэрри трагически. Ее убили за пять недель до того, как Дэн нашел ее, а ко времени его приезда она пролежала в могиле всего лишь месяц. С братом он разминуслся на долгих двенадцать лет, тогда как от встречи с сестрой его отделил какой-то жалкий месяц.

Он говорил себе, что она была бы ему совершенно чужим человеком. У них нашлось бы слишком мало общего, а возможно, и ничего. Она могла бы и не обрадоваться встрече с ним, все-таки он — коп, а она — девушка по вызову. И он мог бы сожалеть, увидев женщину,

которой стала его сестра. И почти наверняка, учитывая сложившиеся обстоятельства, их воссоединение и последующие отношения принесли бы с собой гораздо больше душевной боли, чем радости. Ему тогда было лишь двадцать два года, он только-только начал службу в полиции, когда нашел могилу сестры, и в двадцать два эмоционально он был еще очень уязвим, плакал, узнав о потере. Черт, даже теперь, прослужив в полиции много лет, навидавшись людей, которых убивали выстрелом в упор, резали, забивали насмерть, душили, закалившись работой, которую выполнял, он все равно иногда оплакивал брата и сестру, когда глубокой бессонной ночью вспоминал прошлое.

Частично в смерти Кэрри он винил себя. Чувствовал, что мог искать ее более активно и тогда успел бы найти живой. Но при этом знал, что вины на нем нет. Если бы он и нашел ее раньше, его слова или действия не заставили бы ее изменить образ жизни, она осталась бы той же девушкой по вызову, и он бы не смог предотвратить ее встречу с клиентом-убийцей. Он не заслуживал вины, которая глодала его. Вина эта была еще одним признаком свойственного ему комплекса Атласа: ему казалось, что он держит на плечах весь мир. Он понимал себя, даже мог смеяться над собой, иногда говорил (учитывая способность чувствовать за собой вину), что ему следовало бы родиться евреем. Но смех над собой ни в малейшей степени не умалял его чувство ответственности.

В общем, если сон никак не шел, мыслями он часто возвращался к Дельмару, Кэрри и Синди Лейки. Лежа в темноте, размышлял о человеческой способности убивать, о собственном бессилии спасти живых и рано или поздно начинал думать о том, что, по существу, убил мать, потому что она умерла от осложнений, возникших при его родах. Безумие. Но сам предмет размышлений сводил его с ума. Факт смерти. Факт убийства. Факт, что в каждом мужчине и женщине скрыт жаждущий насилия дикарь. Он так и не смог сжиться с этими непреложными фактами и полагал, что никогда не сможет. Продолжал верить, что жизнь драгоценна, а человечество благородно... или, во всяком случае, создавалось с тем, чтобы быть благородным. От Дельмара к Кэрри, от Кэрри к Синди Лейки: обычная ночная последовательность воспоминаний. Когда он заходил так далеко, то частенько находил себя на краю пропасти иррационального, согнувшимся под грузом вины и отчаяния, а потому иногда, не часто, но иногда, вставал с кровати, зажигал лампу и пил, пока не отключался.

Дельмар, Кэрри, Синди Лейки.

Если ему не удастся спасти дочь и мать Маккэффри, их имена пополнят череду нежеланных воспоминаний: Дельмар, Кэрри, Синди Лейки... Мелани и Лаура.

И тогда он, наверное, не сможет жить с самим собой. Дэн понимал, что он — всего лишь коп, всего лишь человек, ничем не отличающийся от других, не Атлас, не рыцарь в сверкающей броне, но глубоко внутри какая-то его часть хотела, чтобы он был рыцарем, и лишь благодаря этой части (мечтатель, наивный чудак) он, собственно, и жил. Без нее он бы, пожалуй, не протянул и дня. Вот почему он защищал Мелани и Лауру, словно членов своей семьи. Они стали ему дороги, и, позволив им умереть, он тоже умер бы, во всяком случае, эмоционально и психологически.

Дельмар, Кэрри, Синди Лейки... На этом последовательность пока еще обрывалась, и наконец он провалился в сон под ровное дыхание Лауры и Мелани, напоминавшее далекий морской прибой.

* * *

Шелдон Толбек бежал в ночь по заснеженному лугу, хотя местами глубина снега достигала колен. Склон горы серебрили сильный мороз и лунный свет. Он бежал прочь от коттеджа, выдыхая клубы пара и поднимая облака снега, которые в фантасмагорическом сиянии луны приобретали формы каких-то страшилищ.

Из коттеджа неслись крики Рензевеера, чистый прозрачный воздух уносил их далеко,

прежде чем они эхом отражались от склонов гор и возвращались назад, создавая впечатление, что кричит множество людей. Эта жуткая какофония вызывала даже мысль о том, что где-то неподалеку открылись врата ада и крики эти издают грешники, поджаривающиеся на адском огне. Они нагнали такого страха на Толбека, что он мчался так, будто его преследовал дьявол.

Он был в теплых сапогах, но без пальто, поэтому поначалу холодный ветер вызывал болезненные ощущения. Но, поскольку Толбек продолжал этот безумный забег к дальнему концу луга, ветер превратился в тысячи иголок, впрыскивающих в тело мощное анестезирующее средство. В пятидесяти или шестидесяти ярдах от коттеджа его лицо и руки наполовину потеряли чувствительность. Ветер продувал фланелевую рубашку и джинсы, так что в сотне ярдов от коттеджа все его тело словно оказалось под воздействием новокаина. Он знал, что потеря чувствительности продлится лишь несколько минут, потому что вызвана шоком. А потом вернется боль, и холод, как краб, заползет в кости, добираясь до мозга своими ледяными клешнями.

Не зная, куда бежит, ведомый не разумом, а ужасом, он перебрался через высокий сугроб, наметенный в конце луга, и очутился в лесу. Над ним возвышались массивные ели и сосны. Фосфоресцирующий свет луны достигал земли лишь сквозь редкие прогалины между кронами этих гигантских и растущих близко друг от друга деревьев. Там же, где свету луны удавалось пробиться сквозь кроны, он напоминал лучи прожекторов, и рядом с этими светящимися колоннами все казалось эфемерным, неземным. А чуть дальше лес прятался в густой темноте, оттенки которой варьировались от чернильно-черного до синего, лилового, угольно-серого.

Толбек, выставив руки, спешил увеличить расстояние между собой и коттеджем. Уходил и уходил в лес. Ногой угодил в канаву, упал лицом вниз, поднялся. Глаза его приспособлялись к темноте, но не так быстро, как хотелось бы. Он видел перед собой лишь небольшую полоску земли, дальше все скрывала темнота, но продолжал идти быстрым шагом, иногда даже переходил на бег. Несколько минут тому назад крики Рензевеера прекратились, а это означало, что теперь дичью стал он. Толбек споткнулся, упал, больно стукнувшись коленями о землю. Поднялся. Двинулся дальше. Продрался сквозь схваченные морозом кусты, которые трещали, не желали пропускать его, царапались. Но он с ними справился. Наткнулся на низкую ветвь сосны, которая ободрала его голову. Кровь, которая потекла по лицу, просто обжигала холодную кожу. Он продолжил путь.

Увидел, что находится в широком, неглубоком овраге, дно которого покрывали камни, сушняк, груды замерзшей грязи, принесенные последним дождем осени, уступающей место зиме. Какие-то участки покрывал лед, где-то лежал снег, там, где деревья чуть расступались, он мог долететь до земли, не оставшись на кронах, но в целом продвигаться по оврагу было легче, чем по лесу. Толбек прошел по нему несколько сот ярдов, забираясь все выше и выше, пока овраг не сузился и не уперся в крутой склон неподалеку от гребня.

Толбек преодолел склон, там, где деревья росли реже и хватало места кустам, за которые он и цеплялся. Руки так замерзли, что он не чувствовал порезов и ссадин, появившихся при подъеме.

Наконец на гребне усталость и физическое истощение взяли верх над паникой. Толбек рухнул на землю, не в силах сделать хотя бы шаг.

На гребне деревья росли не так густо, ветер снова нашел его, землю покрывал снег, залитый лунным светом. Через несколько мгновений, чуть отдышавшись, Толбек заполз за гранитный выступ, который защищал и от ветра, и от света. Сел, переводя взгляд с уходящего вниз склона ущелья на овраг, по которому добрался до гребня.

Он слышал только посвист ветра в кронах хвойных деревьев. Разумеется, это не могло свидетельствовать о том, что психогейст не преследовал его. Он мог находиться внизу, меж деревьев, неторопливо и беззвучно приближаясь к нему.

Ничто не шевелилось, лишь ветер иногда поднимал на гребне фонтанчики снега. Но, вглядываясь в темноту, Толбек понимал, что выискивать там врага бессмысленно, глупо, потому что, даже если бы психогейст приближался, увидеть его не было никакой

возможности. В нем не было ничего материального,

Оно представляло собой сгусток чистой энергии. Не было материальным субъектом, но обладало невероятной силой. Никакой формы, одна только сила. Никакого тела, только сознание и воля... и маниакальная жажда мести и крови.

Он не мог обнаружить психогейст на расстоянии.

И если бы психогейст нашел его, с ним не смог бы справиться ни он, ни кто бы то ни было.

Однако он никогда не был фаталистом и не собирался становиться им теперь, не мог принять как должное безнадёжность ситуации, в которой оказался. Обняв себя руками, дрожа всем телом, прижимаясь спиной к защищающему его от ветра гранитному выступу, Толбек всматривался в лежащий внизу лес, напрягал слух, но слышал лишь те звуки, причиной которых мог быть только ветер, и говорил себе снова и снова, что Оно не сможет прийти сюда, не найдет его, не разорвет на части.

Неподвижность приводила к тому, что тело выделяло меньше тепла, и уже через несколько минут холод начал вгрызаться в него. Его трясло, зубы стучали, и он вдруг осознал, что не может сжать пальцы в кулак. Кожа стала не только холодной, но и сухой, губы трескались, кровоточили. От жалости к себе Толбек заплакал, и слезы собирались на усах и бороде, где и замерзали.

Как же ему теперь хотелось, чтобы он никогда не повстречал Дилана Маккэффри и Вилли Хоффрица. Ведь тогда он бы не увидел ни серой комнаты, ни девочки, которую научили находить дверь в декабрь.

Кто бы мог представить себе, что эти эксперименты выйдут из-под контроля и Оно сможет вырваться на свободу?

Внизу что-то двигалось.

От неожиданности Толбек набрал полную грудь холодного воздуха, который обжег горло и легкие.

Что-то трещало, ударялось, ломалось.

Олень, решил он. В этих местах хватало оленей.

Но это был не олень.

Он продолжал прятаться за гранитным выступом, надеясь, что там его не найти, хотя и знал, что лишь обманывает себя.

Что-то застучало внизу. Странный звук нарастал, приближаясь. А потом что-то маленькое и твердое ударило Толбека в грудь, отскочило, упало на замерзшую землю.

Посмотрев вниз, в лунном свете он увидел, что это голыш.

Снизу злобное Оно бросило в него голышом.

Вокруг все стихло.

Оно играло с ним.

Опять внизу что-то застучало. Его ударило второй раз, не сильно, но сильнее, чем первым голышом.

Он увидел, как второй голыш, белый, размером побольше, тоже упал на землю. Теперь он понял, что за стук доносился до его ушей. Голыши поднимались по склону прыжками, ударяясь и отскакивая от камней побольше.

Психогейст обладал завидной точностью.

Толбеку хотелось убежать. Но сил уже не было.

В отчаянии он посмотрел направо, налево. Даже если бы силы и появились, бежать было некуда.

Он вскинул глаза к небу. На него смотрели холодные и яркие звезды. Никогда небо не выглядело таким враждебным.

Он понял, что молится. Молится богу. Он не молился уже двадцать лет.

Внезапно стук многократно усилился, армия голышей поднималась по склону, десятки, может, сотни маленьких камешков. Стук набирал силу, казалось, что град барабанит по бетонным плитам. Туча камней поднялась над гребнем, поблескивая в бледном свете луны, и

понеслась на Толбека, обрушилась на голову, лицо, руки, тело. Ни один из голышей не летел со скоростью пули или даже в два раза медленнее. Нет, скорость всех была невелика, но каждый удар все равно вызывал боль.

На этом гребне, на этом склоне закон всемирного тяготения более не действовал, во всяком случае, для маленьких камешков. Они поднимались вверх, сотни и сотни, и обрушивались на него. Он подтянул колени к груди, уткнулся в них лицом, закрыл голову руками. Старался вжаться в гранитный выступ, но голыши все равно находили его.

Время от времени в него ударял камень, размером значительно превосходящий голыш. И всякий раз он вскрикивал от боли, потому что по силе удар такого камня превосходил удар кулаком.

Тело покрыли кровоподтеки и синяки. Он подумал, что один из камней сломал ему левое запястье.

Музыка, что гремела на склоне, мерный перестук барабанных палочек, изменилась: в нее вплелись тяжелые, грохочущие удары. Теперь, помимо голышей, к гребню поднимались не только камни, но, похоже, и валуны. Что-то, чего он не мог увидеть, собиралось забить его до смерти камнями, и он более не молился — кричал. И однако даже сквозь крики он слышал ужасающий грохот валунов, которые катились вверх по склону к гребню.

Создавалось ощущение, что поверхностный слой склона целиком оторвался от земной коры, но, вместо того чтобы сползти вниз, нарушая все законы природы, двинулся в обратном направлении. Под ногами Толбека твердый гранит ходил ходуном. При ударе о землю каждого поднимающегося по склону валуна выделялась энергия, равная взрыву гранаты.

Он кричал во всю мощь легких, но не мог слышать себя за чудовищным грохотом поднимающейся к гребню лавины. Валуны взлетали над гребнем и падали вокруг него. Некоторые с такой силой, что разлетались вдребезги. Осколки впивались в него, рвали кожу и плоть, но ни один валун в него не попал, не раздавил в лепешку, как он того ожидал. Два, три, полдюжины, десяток валунов навалило рядом с гранитным выступом, а его, Толбека, поранило только осколками.

А потом все стихло.

Толбек ждал, затаив дыхание.

Но тут холод напомнил о себе. И ветер.

Пустив в ход руки, Толбек убедился, что оказался в каменном гробу. Одна из стен — гранитный выступ, три другие и крыша — валуны. Слишком тяжелые, чтобы он мог их раскидать. В стенах хватало щелей, в некоторые даже проникал лунный свет, во все — ветер, но ни в одну Толбек не мог просунуть даже руку, не говоря уже о том, чтобы пролезть через нее, выбраться на свободу.

И пусть в воздухе недостатка не было, Толбек понял, что похоронен заживо.

На мгновение его охватил ужас, а потом он подумал о том, что случилось с Маккэффри, Хоффрицем и некоторыми другими, и такая смерть показалась ему почти милосердной. Холод опять начал донимать его, ледяными зубами впиваясь в кожу, мышцы, кости. Но это должно было пройти, и быстро. Несколько минут, и тело онемееет, и на этот раз онемение будет только нарастать. Кровь уже начала отступать от поверхности тела, от замерзающей кожи, в отчаянной попытке сохранить жизненно важные внутренние органы. Уменьшилось и поступление крови в мозг до минимума, поддерживающего его жизнедеятельность, и Толбека потянуло в сон. Он понимал, что от этого сна ему уже не проснуться. Но умереть во сне — не так уж и плохо. По сравнению с тем, как погибли Эрни Купер и остальные.

Толбек расслабился, смирившись с неизбежным. Он боялся смерти, но теперь не возражал против того, чтобы встретиться с ней лицом к лицу, потому что знал: боли не будет.

Если не считать посвиста ветра, в ночи царил тишина.

С большим трудом Толбек свернулся калачиком в своей могиле и закрыл глаза.

Что-то ухватило его за нос, дернуло, вывернуло с такой силой, что из глаз брызнули слезы.

Он отмахнулся правой рукой, ударив воздух.

Что-то оторвало ему ухо. Что-то невидимое.

— Нет! — взмолился он.

Что-то сильно ударило в правый глаз, боль пронзила голову, и он понял, что его ослепили, пока только на один глаз.

Психогейст проник сквозь щели и составил ему компанию в каменной, продуваемой ветром могиле.

Толбеку стало ясно, что смерть его не будет легкой.

Ночью Лаура проснулась и не сразу поняла, где находится. Янтарный свет тусклой лампы создавал странные и угрожающие тени. Она увидела, что рядом стоит вторая кровать. На ней, полностью одетый, спал Дэн Холдейн.

Мотель. Они спрятались, укрылись в номере мотеля.

Все еще с затуманенным от сна рассудком, с закрывающимися глазами, она повернула голову, посмотрела на Мелани и поняла, что девочка разбудила ее. Температура воздуха в комнате резко понижалась, а Мелани ворочалась под одеялом, слабо постанывала, что-то бормотала в страхе.

И в комнате... что-то находилось, что-то совсем не человеческое, иное, невидимое, но явное. Его присутствие Лаура ощущала куда более отчетливо, чем когда оно дважды врывалось на кухню в ее доме или ранее появлялось в этой самой комнате. Она только-только проснулась, а потому главенствующую роль еще продолжало играть подсознание, которое куда более открыто для восприятия самых фантастических концепций, чем сознание, такое же консервативное и во всем сомневающееся, как небезызвестный Фома. Теперь же, пусть Лаура и понятия не имела, что это такое, она почувствовала, как это «что-то» двинулось через комнату и зависло над Мелани.

И внезапно Лаура осознала: ее дочь прямо сейчас забьют до смерти у нее на глазах. В панике она начала подниматься, дрожа всем телом, при каждом выдохе мельчайшие капельки воды мгновенно превращались в кристаллики льда. Но она еще не успела откинуть одеяло, как воздух согрелся, а дочь успокоилась. Лаура замерла, не отрывая глаз от девочки, потом оглядела комнату, но опасность, если она и была, исчезла.

Она более не чувствовала присутствия в номере мотеля чего-то враждебного.

И куда оно ушло?

Зачем приходило и почему ушло по прошествии нескольких секунд?

Лаура, укрывшись одеялом, легла набок, лицом к Мелани. Девочка ужасно осунулась, маленькая, хрупкая.

«Я ее потеряю, — с тоской подумала Лаура. — Оно рано или поздно доберется до нее. Оно собирается ее убить, как до этого убило остальных, и я ничего не смогу сделать, чтобы остановить Оно, потому что не понимаю, откуда это Неведомое приходит, почему хочет погубить мою девочку, что собой представляет».

Какое-то время она лежала, укутанная не столько одеялом, сколько отчаянием. Однако сдаваться она не привыкла, тем более вот так сразу, и постепенно убедила себя, что миром и всем, в нем происходящим, правят причинно-следственные связи, а потому, каким бы загадочным ни казалось то или иное явление, понять его можно лишь с помощью интеллекта и логики.

Она решила, что утром вновь погрузит Мелани в гипнотическое состояние, и на этот раз надавит на дочь чуть сильнее, чем в первый раз. Существовала, конечно, опасность, что Мелани может «сломаться», если заставлять ее вспоминать травмирующие события, но приходилось идти на риск, потому что речь шла о спасении жизни ребенка.

Что это за дверь в декабрь? Что находится по другую ее сторону? И что за чудовище приходило через эту дверь?

Лаура снова и снова задавалась этими вопросами, пока они не превратились в бесконечно повторяющиеся строки колыбельной, которая и увлекла ее в темноту.

Когда наступил рассвет, Лаура крепко спала и видела сон. Она стояла перед огромной

железной дверью, над которой висели часы, отсчитывающие последние перед полуночью секунды. Как только все три стрелки (секундная, минутная, часовая) совместились бы в одну, направленную вверх вертикальную полоску, дверь открылась бы и на нее бросилось бы что-то ужасное, жаждающее крови. Она не могла найти что-нибудь тяжелое, чтобы подпереть дверь, помешать ей открыться, не могла отойти от двери, ей оставалось только ждать, и тут она услышала, как чьи-то острые когти скребут пол с другой стороны двери. От одного этого звука внутри все похолодело. А время истекало.

Часть 4 ОНО *Четверг 8. 30-17. 00*

33

Лаура сидела за маленьким столиком у окна, за которым провела часть ночи с Дэном. Только теперь напротив нее сидела Мелани. Лаура уже загипнотизировала дочь и увела ее в прошлое. И в данный момент, во всех смыслах, кроме физического, девочка вновь находилась в доме в Студио-Сити.

Дождь перестал, но этот зимний день выдался облачным и мрачным. Ночной туман так и остался висеть над городом. Поэтому улица, которая лежала за автомобильной стоянкой, едва просматривалась сквозь серую мглу.

Лаура искоса глянула на Холдейна, который устроился на краешке одной из кроватей.

Он кивнул. Лаура вновь повернулась к Мелани.

— Где ты, сладенькая? Девочка содрогнулась.

— В подземной темнице, — тихо ответила она.

— Так ты называешь серую комнату?

— В подземной темнице.

— Оглядишься.

С закрытыми глазами, в трансе, Мелани медленно повернула голову сначала налево, потом направо, словно изучала другое место, в котором, по ее убеждению, находилась.

— Что ты видишь? — спросила Лаура.

— Стул.

— С электрическими проводами и электродами?

— Да.

— Они заставляли тебя садиться на этот стул?

Девочка содрогнулась.

— Успокойся. Расслабься. Никто больше не причинит тебе вреда, Мелани.

Девочка успокоилась.

Пока этот сеанс гипноза проходил гораздо успешнее, чем первый, который Лаура провела днем раньше. Мелани отвечала на конкретные вопросы, практически без задержки. Впервые после их воссоединения в больнице Лаура точно знала, что девочка ее слушает, реагирует на нее, и радовалась достигнутому прогрессу.

— Они заставляли тебя садиться на этот стул? — повторила Лаура.

Не открывая глаз, девочка сжала пальцы в кулачки, прикусила губу.

— Мелани?

— Я их ненавижу.

— Они заставляли тебя садиться на этот стул?

— Я их ненавижу!

— Они заставляли тебя садиться на этот стул?

Слезы выступили из-под сжатых век, пусть девочка и старалась их сдержать.

— Д-да... заставляли меня... сидеть... больно... так больно...

— И они подсоединяли тебя к вот этой установке контроля за деятельностью мозга.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы учить меня, — прошептала девочка.

— Учить чему?

Мелани дернулась и заплакала.

— Больно! Жалится!

— Ты сейчас не на том стуле, Мелани! Ты всего лишь стоишь рядом с ним. Через тебя не будут пропускать электроток. Он не будет жалиться. Сейчас с тобой все в порядке. Ты меня слышишь?

От муки на лице девочки не осталось и следа.

Лаура жалела дочь, но понимала, что должна продолжать сеанс, какими бы болезненными ни были эти воспоминания для Мелани, потому что только из этих воспоминаний они могли извлечь ответы, объяснения, узнать правду.

— Когда они сажали тебя на стул, когда они... причиняли тебе боль, чему они старались научить тебя, Мелани? Чему ты должна была научиться?

— Контролю.

— ... Контролю над чем?

— Моими мыслями.

— И о чем тебе следовало думать?

— О пустоте.

— Как это?

— Ни о чем.

— Они хотели, чтобы ты очистила свой рассудок от мыслей. Так?

— И они не хотели, чтобы я чувствовала.

— Чувствовала что?

— Что угодно.

Лаура посмотрела на Дэна. Тот хмурился и, похоже, тоже ничего не понимал.

Лаура вновь повернулась к дочери.

— Что еще ты видишь в серой комнате?

— Резервуар.

— Они заставляли тебя забираться в резервуар?

— Голой.

В одном этом слове, «голой», слышались не только стыд и страх, но и полная беспомощность и уязвимость. У Лауры защемило сердце. Она готова была закончить сеанс, обойти стол, обнять дочь, крепко прижать ее к себе. Но, если они хотели спасти Мелани, им требовалось узнать, что вынесла девочка и почему. И пока узнать что-либо они могли лишь с помощью гипноза.

— Сладенькая, я хочу, чтобы ты поднялась по серым ступеням и влезла в резервуар.

Девочка захныкала, отчаянно замотала головой, но не открыла глаза и не вырвалась из транса, в который ввела ее мать.

— Поднимись по ступенькам, Мелани.

— Нет.

— Поднимись по ступенькам.

— Пожалуйста...

Ребенок побледнел. Капельки пота выступили на лбу Мелани, черные мешки под глазами стали больше и темнее. Лауре пришлось пересиливать себя, заставляя дочь вновь пережить пытку.

Но другого пути не было.

— Поднимись по ступенькам, Мелани.

Душевная боль перекосила лицо девочки. Лаура услышала, как на кровати заерзал Дэн, но не посмотрела на него, не отрывала глаз от дочери.

— Открой крышку люка резервуара, Мелани.

— Я... боюсь.

— Не бойся. На этот раз ты не будешь там одна. Я буду с тобой. И не позволю случиться ничему плохому.

— Я боюсь, — повторила Мелани.

Эти два слова прозвучали как обвинение. Ты не смогла защитить меня раньше, мама, так почему я должна поверить, что сможешь защитить теперь?

— Открой крышку люка, Мелани.

— Это там, — у девочки дрожал голос.

— Что там?

— Выход.

— Выход из чего?

— Выход из всего.

— Я не понимаю.

— Выход... из меня.

— Что это означает?

— Выход из меня, — повторила девочка очень печально.

Лаура решила, что она еще слишком мало знает, чтобы правильно интерпретировать ответы девочки.

И если станет и дальше задавать вопросы, то ответы будут только еще больше сбивать ее с толку.

Поэтому она решила, что прежде всего нужно отправить Мелани в резервуар и выяснить, что там происходило.

— Крышка перед тобой, сладенькая.

Девочка молчала.

— Ты ее видишь?

— Да, — с неохотой ответила Мелани.

— Открой люк, Мелани. Хватит топтаться на месте. Открой люк прямо сейчас.

С протестом и отвращением, отразившимися на детском личике, девочка подняла руки и взялась за крышку люка, которая для нее, в гипнотическом состоянии, была совершенно реальной, тогда как ни Лаура, ни Дэн крышку эту, естественно, не видели. Потянула на себя, а когда люк открылся, Мелани обхватила себя руками и задрожала, словно стояла на холодном ветру.

— Я... она... я ее открыла.

— Это дверь, Мелани?

— Это крышка люка. В резервуар.

— Но это также дверь в декабрь?

— Нет.

— А что такое дверь в декабрь?

— Выход.

— Выход из чего?

— Выход... выход из... резервуара.

Ничего не понимая, Лаура глубоко вдохнула.

— Забудь об этом. Сейчас я хочу, чтобы ты просто вошла в резервуар.

Мелани опять заплакала.

— Входи, сладенькая.

— Я... я б-боюсь.

— Не нужно бояться.

— Я могу...

— Что?

— Если я войду... я могу...

— Можешь что?

— Кое-что сделать, — мрачно ответила девочка.
— Что ты можешь сделать?
— Что-то...
— Скажи мне.
— Что-то ужасное, — едва слышно выдохнула Мелани.
Не зная, правильно ли она поняла дочь, Лаура переспросила:
— Ты думаешь, что-то ужасное может случиться с тобой?
— Нет, — еще тише.
— Ну, тогда...
— Да.
— Что же?
— Нет... да...
— Сладенькая?

Молчание.

На лице ребенка теперь отражался не только страх. Появилось новое чувство, возможно, отчаяние.

— Хорошо, — продолжила Лаура. — Не бойся. Успокойся. Расслабься. Я здесь, рядом с тобой. Ты должна войти в резервуар. Ты должна в него войти, но с тобой все будет в порядке.

Напряжение покинуло Мелани. Она обмякла, сидя на стуле. Но лицо оставалось мрачным. Хуже, чем мрачным. Глаза вдруг глубоко западали. Создавалось ощущение, что они уходили все глубже и глубже, так что скоро глазницы могли остаться пустыми. Лицо побледнело до такой степени, что буквально превратилось в маску из алебаstra, губы стали такими же бескровными, как кожа. Тело ее приобрело какую-то особенную хрупкость, словно место плоти, крови и костей заняли тончайшая бумага и легчайший порошок. Казалось, она могла разлететься на мельчайшие частички, стоило кому-то громко заговорить или махнуть в ее сторону рукой.

— Может, хватит для одного дня? — подал голос Холдейн.

— Нет, — возразила Лаура. — Мы должны это сделать. Это самый быстрый способ выяснить, что же, черт побери, происходит. Я могу провести ее по воспоминаниям независимо от того, насколько они плохие. Я такое уже делала. У меня хорошо получается.

Но когда Лаура посмотрела через столик на свою тающую на глазах дочь, у нее засосало под ложечкой, и ей пришлось бороться с подкатившей к горлу тошнотой. Ей показалось, что Мелани умерла. Она сидела, обмякнув, с закрытыми глазами, не шевелясь, лицом напоминая холодный труп. Черты лица застыли в последней, болезненной гримасе смерти.

Могли эти воспоминания оказаться столь ужасными, что убили бы Мелани, если бы она попыталась вытащить их на свет божий?

Нет, конечно же, нет. Лаура не слышала, чтобы гипнотерапия грозила опасностью психике пациента.

И однако... Мелани вернули в серую комнату, заставили говорить о стуле, на котором ее мучили электрошоком, заставили забраться в камеру отсечения внешних воздействий... да, все это просто выпило из девочки жизненные силы. Если воспоминания могли вампирить, то эти точно вампирили, высасывая из Мелани саму жизнь.

— Мелани?
— М-м-м-м-м-м?
— Где ты сейчас?
— Плаваю.
— В резервуаре?
— Плаваю.
— Что ты чувствуешь?
— Воду. Но...
— Но что?

— Но эти ощущения тоже уходят...

— Что еще ты чувствуешь?

— Ничего.

— Что видишь?

— Темноту.

— Что слышишь?

— Мое... сердце... бьется, бьется... Но... это... тоже уходит...

— Чего они от тебя хотят?

Молчание.

— Мелани?

Нет ответа.

— Мелани, не уходи от меня. Оставайся со мной.

Девочка шевельнулась, вздохнула, пусть и неглубоко, и создалось впечатление, что она вернулась с далекого, темного берега реки, которая несла свои черные воды между этим миром и последующим.

— М-м-м-м-м.

— Ты со мной?

— Да, — ответила девочка, но так тихо, словно это было всего лишь тенью мысли.

— Ты в резервуаре. Все в нем как обычно... за исключением того, что на этот раз с тобой я: спасательный круг, рука, за которую можно ухватиться. Ты понимаешь? А теперь... плавай. Ничего не чувствуя, ничего не видя, ничего не слыша... но почему ты здесь?

— Чтобы научиться...

— Чему?

— ... отпускать.

— Что?

— Все.

— Я не понимаю, сладенькая.

— Отпускать. Все. Себя.

— Они хотят, чтобы ты научилась отпускать себя. Что это значит?

— Соскальзывать.

— Откуда...

— Уходить... уходить... уходить...

Лаура разочарованно вздохнула и попыталась зайти с другой стороны.

— О чем ты думаешь?

В голосе девочки добавилось испуга.

— О двери...

— Двери в декабрь?

— Да.

— Что такое дверь в декабрь?

— Не дай ей открыться! Держи ее *закрытой!* — воскликнула девочка.

— Она закрыта, сладенькая.

— Нет, нет, нет. Она собирается открыться. Как я это ненавижу! О, пожалуйста, пожалуйста, помоги мне, Иисус, мамик, помоги мне, папик, помоги мне, не делайте этого, пожалуйста, она не должна открыться, я это ненавижу, я ненавижу, когда она открывается!

Мелани уже кричала, мышцы шеи напряглись, сосуды на висках вздулись. Но, несмотря на возбуждение, на лице не добавилось ни кровинки. Наоборот, Мелани побледнела еще больше.

Девочку ужасало то, что находится за дверью, и ужас этот передался Лауре. Она почувствовала, как холодок ползет по спине от шеи к пояснице.

С нарастающим восхищением Дэн наблюдал, как Лаура успокоила испуганную девочку. Сеанс гипноза нелегко дался и ему. Нервы превратились в туго натянутые, грозящие лопнуть струны.

— Все хорошо. Все в порядке, — говорила Лаура Мелани. — А теперь... расскажи мне о двери в декабрь.

Девочке отвечать не хотелось.

— Что это такое, Мелани? Объясни мне. Давай, сладенькая.

— Она как... — девочка понизила голос, —... окно во вчера.

— Я не понимаю. Объясни.

— Это как... ступени... которые уходят в сторону... не вверх, не вниз...

Лаура посмотрела на Дэна.

Тот пожал плечами.

— Расскажи подробнее, — попросила Лаура. Голос девочки то становился громче, то затихал чуть ли не до шепота.

— Это как... кошка... голодная кошка, которая съедает себя. Она голодает. Но еды для нее нет. Поэтому... она начинает есть свой хвост... поднимается выше и выше... выше и быстрее... пока от хвоста ничего не остается. Тогда... тогда кошка съедает свои задние лапы, потом середину тела. Продолжает есть и есть, пожирает себя... пока не сжирает последний кусочек... не сжирает собственные зубы... и тогда просто... исчезает. Ты видела, как эта кошка исчезает? Как может она исчезнуть? Как можно съесть зубы, съесть себя? Разве не останется хотя бы один зуб? Но не остается. Ни одного зуба.

Пребывая в таком же недоумении, как Дэн, Лаура спросила:

— Они хотели, чтобы ты думала об этом, находясь в резервуаре?

— В некоторые дни — да. В другие говорили мне, чтобы я думала об окне во вчера, ни о чем, кроме окна во вчера, часами, часами и часами... сосредотачиваясь на окне... видя его... веря в него... Но лучше всего получалось с дверью.

— В декабрь.

— Да.

— Расскажи мне об этом, сладенькая.

— Лето... июль...

— Продолжай.

— Жарища, духота. Мне так жарко... Тебе не жарко?

— Очень жарко, — согласилась Лаура.

— Я готова отдать все... за глоток холодного воздуха. Поэтому я открываю дверь дома... а за дверью холодный зимний день. Падает снег. На крыше крыльца сосульки. Я отступаю назад и смотрю в окна по обе стороны двери... и через них вижу, что на самом деле на дворе июль... и я знаю, что это июль... тепло... везде в июле... кроме как за этой дверью... по другую сторону этой единственной двери... это дверь в декабрь. А потом...

— Что потом? — вырвалось у Лауры.

— Я переступаю порог...

— Тыходишь в дверь? — уточнила Лаура. Глаза Мелани открылись, она вскочила со стула и, к изумлению Дэна, начала изо всех сил молотить себя кулаками. Ее маленькие кулачки ударяли в грудь, бока, бедра, она кричала:

— Нет, нет, нет, нет!

Дэн уже вскочил с кровати, подбежал к девочке, схватил за руки, но она вырвалась с легкостью, изумившей его. Она просто не могла быть такой сильной.

— Ненавижу! — крикнула Мелани, с силой ударив себя по лицу.

Дэн предпринял вторую попытку схватить ее руки. Не получилось.

Она вцепилась в свои волосы и попыталась их вырвать.

— Мелани, сладенькая, прекрати!

Дэн ухватил девочку за запястья, крепко их сжал. На косточках, похоже, не осталось

плоти, он боялся, что причиняет ей боль. Но не мог и отпустить, потому что она тут же начала бы лупить себя.

— Ненавижу! — кричала Мелани, брызжа слюной. Лаура осторожно подошла к ним.

Мелани отпустила волосы, которые так яростно рвала, попыталась впиться ногтями в руки Дэна и вырваться.

Но он держал ее крепко и сумел прижать руки к бокам. Она извивалась, пиналась и кричала:

— Ненавижу, ненавижу, *ненавижу*!

Лаура сжала ладонями щеки девочки, зафиксировала голову, стараясь привлечь к себе внимание дочери.

— Сладенькая, что с тобой? Что ты так сильно ненавидишь?

— Ненавижу!

— Что ты так сильно ненавидишь?

— Проходить через дверь.

— Ты ненавидишь проходить через дверь?

— И *их*.

— Кто они?

— Я их ненавижу, я их ненавижу!

— Кого?

— Они заставляют меня... думать о двери, и они заставляют меня *верить* в дверь, и они заставляют меня... *проходить через* дверь, и я их ненавижу!

— Ты ненавидишь своего папочку?

— Да!

— Потому что он заставляет тебя проходить через дверь в декабрь?

— Я это ненавижу! — заверещала девочка в ярости и отчаянии.

— Мелани. Что происходит, когда ты проходишь через дверь в декабрь?

В гипнотическом трансе девочка могла слышать только два голоса: свой и матери. Поэтому Лаура повторила вопрос:

— Что происходит, когда ты проходишь через дверь в декабрь?

Девочку начало рвать. К счастью, позавтракать она не успела, поэтому обошлось без блевотины, но даже позывы на рвоту напугали Дэна. Он по-прежнему крепко держал девочку, и каждый спазм сотрясал ее тело. Казалось, еще немного, и желудок, оторвавшись, вывернется через пищевод.

И Лаура не отрывала рук от лица Мелани, только уже не сжимала их, а ласково поглаживала по щекам, тихим голосом успокаивая дочь.

Наконец Мелани перестала сопротивляться, обмякла, и Дэн отпустил ее в объятия матери.

Девочка прижалась к ее груди и жалобным голосом, рвущим Дэну сердце, прошептала:

— Я их ненавижу... их всех... папочку... остальных...

— Я знаю. — Лаура, успокаивая дочь, гладила ее по голове, плечам, спине.

— Они причиняли мне боль... такую сильную боль... я их ненавижу!

— Я знаю.

— Но... больше всего...

Лаура опустила на пол, усадила Мелани себе на колени.

— Больше всего? Кого ты ненавидишь больше всего, Мелани?

— Себя, — ответила девочка.

— Нет, нет.

— Да. Себя. Я ненавижу себя... я *ненавижу* себя.

— За что, сладенькая?

— За то... за то, что я делаю. — Девочка зарыдала.

— А что ты делаешь?

— Я прохожу... через дверь.

— И что происходит?

— Я... прохожу... через... дверь.

— А что ты делаешь по ту сторону двери, что ты там видишь, что находишь? — спросила Лаура.

Девочка молчала.

— Крошка?

Никакой реакции.

— Отвечай мне, Мелани.

Молчание.

Дэн наклонился, всмотрелся в лицо девочки. С тех пор как ее нашли на улице, голую, две ночи тому назад, ее глаза оставались затуманенными, смотрящими не в этот мир, но сейчас они стали еще более странными, чем обычно. Уже и глазами-то не были. Вглядываясь в них, Дэн видел два овальных окна, за которыми царила пустота, безбрежная пустота, сравнимая разве что с пустотой далекого космоса на окраине галактики.

Сидя на полу номера мотеля, обнимая дочь, Лаура беззвучно плакала. Губы ее дрожали. Она покачивала девочку, а слезы, выкатываясь из глаз, текли по щекам. И молчание, в котором она плакала, только подчеркивало глубину ее горя.

Потрясенный лицом Лауры, Дэн более всего хотел заключить ее в объятия и покачивать точно так же, как покачивала она дочь. Но решился лишь на то, чтобы положить руку ей на плечо.

Заговорил, когда слезы Лауры начали высыхать:

— По словам Мелани, она ненавидит себя за то, что сделала. Что, по-вашему, она под этим подразумевает? Что она могла сделать?

— Ничего, — ответила Лаура.

— Но она, очевидно, думает, что сделала.

— Это типичный синдром в таких случаях, практически во всех случаях, связанных с насилием по отношению к ребенку.

И хотя Лаура говорила тихо, Дэн уловил в ее голосе напряженность и страх. Она, несомненно, старалась удержать под контролем тревогу, которую вызывало у нее ухудшающееся состояние Мелани.

— Обычно все дело в стыде. Вы такого и представить себе не можете. Чувство стыда у них всепоглощающее, не только в случаях сексуальных домогательств. Очень часто ребенок, который подвергся насилию, не только стыдится того, что его подвергли насилию, он еще и чувствует за это вину, как будто несет ответственность за случившееся. Видите ли, эти дети сбиты с толку, потрясены тем, что с ними произошло. Они не знают, что должны чувствовать, понимают только одно: случившееся с ними — это нехорошо, а потом по какой-то извращенной логике начинают винить себя, а не взрослых, которые подвергали их насилию. Но, с другой стороны, они сжились с мыслью, что взрослые мудрее детей, больше знают, а потому всегда правы. Господи, вы бы удивились, узнав, как часто они не понимают, что являются жертвами, что им нечего стыдиться. Они полностью теряют чувство самоуважения. Они ненавидят себя, считая, что именно они несут ответственность за то, чего не сделали или не смогли предотвратить. А если они ненавидят себя, то уходят в свой внутренний мир... все глубже и глубже... и психотерапевту крайне сложно вернуть их назад.

Вот и Мелани, похоже, полностью ушла в себя. Покачивалась, как кукла, на руках матери.

— То есть, по-вашему, когда она говорит, что ненавидит себя за сделанное ею что-то ужасное, на самом деле она винит себя за то, что сделали с ней.

— Несомненно, — безапелляционно заявила Лаура. — Я уже вижу, что ее вина и ненависть к себе будут более глубокими, чем в большинстве случаев. В конце концов, к ней дурно относились, мучили ее шесть лет. И это было особое, психологическое насилие, куда более разрушительное, чем насилие физическое, которому в основном подвергаются дети.

Дэн понимал все, что говорила ему Лаура, и чувствовал, что все, сказанное ею, —

правда. Но минуту тому назад, когда он слушал Мелани, в голову ему пришла чудовищная мысль, и он никак не мог от нее избавиться. Версия эта, с совсем новым подозреваемым, сразу пустила глубокие корни. Хотя такой выбор подозреваемого противоречил всем законам логики. Такое просто казалось невозможным. Нелепым. И, однако...

Дэн подумал, что искать Оно больше нет нужды. Потому что теперь он знал, что это такое.

Ранее он таким себе Оно не представлял. И теперь получалось, что Оно гораздо хуже всех кошмарных чудовищ, которые рассматривались до этого.

Он смотрел на девочку с сочувствием, состраданием, трепетом и леденящим душу страхом.

* * *

После того как Лаура вывела Мелани из глубокого гипноза, состояние девочки не изменилось. Что в гипнотическом трансе, что без него, она практически полностью порвала связь с реальным миром. И они больше не могли получить от нее какую-либо информацию.

Лаура не находила себе места от тревоги. И Дэн ее очень хорошо понимал.

Они уложили Мелани на одну из кроватей, где она теперь и лежала, не шевелясь, разве что поднесла ко рту левую руку, чтобы пососать большой палец.

Лаура позвонила в больницу, где работала, чтобы убедиться, что ничего чрезвычайного за время ее отсутствия не произошло, позвонила секретарю в свой офис, чтобы узнать, все ли частные клиенты распределены по другим психиатрам. Потом, еще не приняв душ, сказала: «Я буду готова через полчаса или через сорок пять минут», — прошла в ванную и закрыла за собой дверь.

Изредка поглядывая на Мелани, Дэн сел за столик и принялся листать книги, написанные Альбертом Ахландером, которые днем раньше он добыл в доме Неда Ринка. Все семь книг имели непосредственное отношение к оккультизму: «Современные призраки», «Полтергейсты: двенадцать удивительных случаев», «Вуду сегодня», «Жизни мистиков», «Пророчества Нострадамуса», «Выход в астрал» и «Странные силы внутри нас». Одну книгу издали в «Патмане», еще одну — в «Харпер-и-Роу»¹, остальные пять — в «Джон Уилкс пресс». Последнее издательство, несомненно, контролировалось «Джон Уилкс энтерпрайзес», корпорацией, владеющей домом, в котором проживала Реджина Саванна Хоффриц.

Поначалу он подумал, что все эти книги в ярких суперобложках — чушь собачья и все, что в них написано, адресовано тем людям, которые прочитывают от корки до корки каждый номер журнала «Судьба» и верят всем историям, рассказанным на его страницах. Эти же люди присоединялись к клубам уфологов и верили, что бог — или астронавт, или синий человек, ростом в два фута, и глазами размером с блюдце. Но он напомнил себе и о другом: что-то нечеловеческое выслеживало людей, так или иначе связанных с экспериментами в серой комнате, и, вероятно, постоянные читатели «Судьбы» могли бы быстрее понять, что же это такое (пусть даже голова у них забита всякой чушью), чем часть человечества, к ней он относил и себя, которая с чувством превосходства и даже с пренебрежением смотрела на тех, кто принимал оккультизм за чистую монету. Теперь же, послушав ответы находящейся в гипнотическом трансе Мелани, он выдвинул тревожную версию, которая выглядела ничуть не менее фантастично, чем любая история со страниц «Судьбы». Как говорится, век живи — век учишь.

Он нашел адрес издательства на странице с копирайтом. Оно располагалось на Доугени-драйв в Беверли-Хиллз. Он переписал адрес в блокнот, чтобы потом сравнить его с адресом штаб-квартиры «Джон Уилкс энтерпрайзес», который этим утром должен был найти Эрл Бенсон.

¹ «Патман», «Харпер-и-Роу» — известные американские издательства.

Потом он просмотрел во всех томах комментарии и слова признательности в надежде найти знакомые фамилии, которые, возможно, привяжут Ахландера к команде Маккэффри — Хоффрица, а может, позволят идентифицировать еще неизвестных членов этой команды, но не нашел ничего интересного.

Он вновь перебрал все книги и выбрал одну, чтобы изучить ее более внимательно. Именно эта книга по первому взгляду могла подтвердить ужасную догадку, которая пришла к нему в голову, пока он наблюдал гипнотический допрос Мелани. Пока Лаура приняла душ, искупала Мелани и заявила, что готова покинуть мотель, он прочитал тридцать страниц, и на этих страницах нашел не одно подтверждение своих наихудших страхов.

Туман развеялся, покров таинственности спал. Еще чуть-чуть, и он точно мог сказать, что стояло за событиями последних двух дней: серой комнатой, чудовищно изуродованными телами, тем фактом, что мужчины в доме в Студио-Сити не смогли защитить себя, чудесным спасением Мелани из этого дома, смертью Джозефа Скальдоне в запертой комнате и всеми проявлениями полтергейста.

Это было безумием.

Тем не менее... не противоречило логике и здравому смыслу.

И насмерть перепугало его.

Он хотел поделиться своими мыслями с Лаурой, узнать ее мнение. Как психиатра. Но предположение его было слишком шокирующим, слишком ужасным, и он пришел к выводу, что лучше еще раз хорошенько все обдумать. Сначала он хотел убедиться, что в его логической цепочке нет проколов, а уж потом делиться с кем-либо своей версией. А если его подозрения подтвердятся, тогда Лауре понадобятся все запасы физических, эмоциональных и ментальных сил, чтобы не сломаться под ожидающим ее ударом.

Они покинули мотель и направились к автомобилю. Лаура села с Мелани на заднее сиденье, чтобы и дальше гладить и утешать ребенка: из-за компьютера места на переднем сиденье хватало только двоим.

Ранее Дэн намеревался на несколько минут заехать домой, чтобы переодеться. Его пиджак, рубашка и брюки сильно помялись, потому что спал он не раздеваясь. Да и о свежести одежды говорить не приходилось. Но теперь, чувствуя, что до раскрытия преступления остается совсем ничего, он более не тревожился о том, как выглядит. Ему не терпелось переговорить с Шелдоном Толбеком, Говардом Рензевеером и другими непосредственными участниками этого проекта. Он хотел поделиться с ними идеями, которые пришли ему в голову в последние час-полтора, и увидеть их реакцию.

Прежде чем выехать со стоянки мотеля, он повернулся и посмотрел на Мелани.

Она сидела, привалившись к матери.

С открытыми, но пустыми глазами.

«Я прав, детка? — мысленно спросил он. — Оно — именно такое, каким я его себе представляю?»

Он даже ожидал, что она вскинет на него глаза и ответит на невысказанные вслух вопросы, но она не встретила с ним взглядом, не ответила.

«Надеюсь, я ошибаюсь, — думал он. — Потому что, если Оно будет и дальше убивать этих людей, а покончив с ними, придет за тобой, где ты сможешь спрятаться, сладенькая? От него не спрячешься. Во всяком случае, в этом мире».

По его телу пробежала дрожь.

Он завел двигатель и выехал со стоянки мотеля.

Оставшийся с ночи туман еще висел над городом. Вновь зарядил дождь. И когда капли падали на ветровое стекло, холод, который они несли с собой, передавался через корпус автомобиля, одежду Дэна, его мышцы и кости, проникая в самую душу.

В то утро Дэну и Лауре не удалось узнать что-либо важное, хотя они и старались.

Начавшийся дождь задержал их, потому что автомобили просто ползли по улицам, но главная проблема заключалась в другом: крысы, которые могли ответить на некоторые вопросы, сбежали с корабля. Дэн не нашел ни Толбека, ни Рен-зевеера ни дома, ни на работе, потратил много времени на розыски в других местах, прежде чем понял, что оба покинули город в неизвестном направлении.

В час дня они встретились с Эрлом Бентоном в кафетерии в Ван-Нейсе, как и договаривались прошлым вечером. К счастью, рана головы, нанесенная Уэкслершем, не очень повлияла на работоспособность Эрла, и его утро оказалось более продуктивным, чем у Дэна с Лаурой. Все четверо расположились в кабинке в глубине ресторана, подальше от музыкального автомата, игравшего кантри. Сидели они у большого окна, по которому стекала серая пленка дождя, размывая окружающий мир. Приятно пахло картофелем-фри, жарящимися гамбургерами, фасолевым супом, беконом и, разумеется, кофе. Веселая, шустрая официантка взяла у них заказ, и, как только она отошла от столика, Эрл рассказал Дэну и Лауре все, что выяснил.

Утром он первым делом позвонил Мэри О'Хара, секретарю «Свободы теперь», и договорился о встрече в десять утра. Она жила в аккуратном маленьком бунгало в Бербанке, утопающем в зелени, такие строили в 1930-х годах, и в столь хорошем состоянии, что Эрл не удивился бы, увидев стоящий на подъездной дорожке «Паккард»¹.

— Миссис О'Хара за шестьдесят, — рассказывал Эрл, — и она сохранилась почти так же хорошо, как и ее дом. Она и сейчас очень милая женщина, а в молодости была потрясающей красавицей. Уже на пенсии, ранее занималась торговлей недвижимостью. Не богата, но на жизнь вполне хватает. Дом очень хорошо обставлен, несколько вещей — антиквариат в стиле арт-деко.

— Ей не хотелось говорить о «Свободе теперь»? — спросил Дэн.

— Наоборот, говорила с радостью. Видишь ли, информация об этой организации, которую ты почерпнул в полицейском файле, устарела. Она более не секретарь «Свободы теперь». Подала заявление об уходе несколько месяцев тому назад.

— Да?

— Она — убежденный либерал, участвует в работе десятка различных общественных организаций, и, когда Эрнст Купер пригласил ее в руководство либерального политического комитета, она с радостью согласилась. Проблема заключалась в том, что Куперу хотелось лишь использовать ее имя, с тем чтобы придать большую легитимность его ЛПК, он надеялся манипулировать ею.

Но манипулировать Мэри О'Хара столь же просто, как играть в футбол живым дикобразом и обойтись без травм.

Дэн удивился и обрадовался, услышав смех Лауры. В последние два дня она так редко смеялась, что он и забыл, какое удовольствие доставляет ему ее смех.

— Похоже, сильная женщина, — заметила Лаура.

— И умная, — кивнул Эрл. — Напомнила мне вас.

— Я? Сильная?

— Вы сильнее, чем о себе думаете, — заверил ее Дэн. Что он, что Эрл восхищались мужеством Лауры.

Над городом прокатился раскат грома. Усилился ветер, дождь так и хлестал по окну.

— Миссис О'Хара проработала в «Свободе теперь» почти год, но потом последовала примеру еще нескольких либералов, которые покинули эту организацию, придя к выводу, что «Свобода теперь» не занимается тем, ради чего создавалась. Организация получала много денег, но не поддерживала либерально настроенных кандидатов или программы. Собственно, практически все деньги уходили на субсидирование некоего вроде бы либерального исследовательского проекта, возглавляемого Диланом Маккэффри.

— Серая комната, — вставил Дэн. Эрл кивнул.

— А что в этом проекте было либерального? — спросила Лаура.

¹ «Паккард» — одна из популярных марок автомобиля довоенной Америки.

— Скорее всего, ничего, — ответил Эрл. — Ярлык либерализма — очень удобная ширма. К такому выводу в конце концов и пришла Мэри О'Хара.

— Ширма для чего?

— Этого она не знала.

Официантка вернулась с тремя чашками кофе и стаканом пепси.

— Ваш ленч будет готов через пару минут. — Она посмотрела на разбитые губы и повязку на голове Эрла, на синяк и ссадину на лбу Дэна. — Вы попали в автоаварию или как?

— Упали, поднимаясь по лестнице, — ответил Дэн.

— Поднимаясь? — переспросила официантка.

— Летели четыре этажа, — уточнил Эрл.

— Ага, вы шутите.

Они ей широко улыбнулись.

Она тоже улыбнулась и поспешила к соседнему столику принимать заказ.

Пока Лаура вынимала из упаковки соломинку, опускала ее в стакан, а потом уговаривала Мелани попить пепси, Дэн повернулся к Эрлу.

— Судя по тому, что ты рассказал, миссис О'Хара не из тех, кто просто уходит. Я бы предположил, что она написала письмо в Федеральную избирательную комиссию и добилась бы закрытия «Свободы теперь».

— Она написала, — ответил Эрл. — Два письма.

— И что?

— Ответа не получила.

Дэн нахмурился:

— Ты говоришь мне, что люди, которые стоят за «Свободой теперь», могут надавить на Федеральную избирательную комиссию?

— Скажем так: могут повлиять на ее решения.

— То есть мы имеем дело с секретным федеральным проектом. Значит, мы поступили правильно, выскользнув из-под колпака ФБР.

— У меня в этом полной уверенности нет.

— Но только государственное ведомство может остановить расследование, которое должна была начать комиссия, получив такие письма, и даже в таком случае у них возникли бы проблемы.

— Прояви терпение. — Эрл поднял чашку.

— Ты что-то знаешь.

— Я всегда что-то знаю. — Эрл улыбнулся, глотнул кофе.

Дэн увидел, что Мелани выпила немного пепси, пусть и не без трудностей. Лаура уже использовала одну салфетку, вытирая коричневую жидкость с подбородка девочки.

— Сначала позвольте объяснить, откуда «Свобода теперь» берет деньги, — продолжил Эрл. — Миссис О'Хара занимала пост секретаря, но, почувствовав неладное, она, не спрашивая разрешения Купера или Хоффрица, залезла в документацию казначея. Девяносто девять процентов средств, которые получал их ЛПК, поступали от трех других ЛПК: «Честность в политике», «Граждане за просвещенное государство» и «Группа „Двадцать второй век“». Более того, наведя справки, она выяснила, что Купер и Хоффриц входили в руководство всех этих групп, а финансировались они не взносами простых граждан, как можно было ожидать, а двумя некоммерческими организациями, двумя благотворительными фондами.

— Благотворительными фондами? Разве им разрешено заниматься политикой?

Эрл кивнул:

— Да, если они ведут себя осторожно, а в их уставе есть пункт о поддержке программ, направленных на «улучшение функционирования государственных структур».

— А где брали деньги эти фонды? — спросил Дэн.

— Любопытный ты, однако. Миссис О'Хара этим интересоваться не стала, а я позвонил из ее дома в «Паладин» и попросил это выяснить. Так вот, эти два фонда субсидировал

другой, более крупный благотворительный фонд.

— Господи, это какая-то китайская головоломка! — воскликнула Лаура.

— Насколько я понимаю, получается следующее. — Дэн взял инициативу на себя. — Этот большой благотворительный фонд субсидировал два фонда поменьше, которые, в свою очередь, субсидировали три либеральных политических комитета, «Честность в политике», «Граждане за просвещенное государство» и «Группа „Двадцать второй век“». А уже эти три организации „сливали“ деньги в „Свободу теперь“, где они тратились исключительно на проект Дилана Маккэффри в Студио-Сити.

— Ты все понял правильно, — кивнул Эрл. — Это тщательно продуманная система отмывания денег, благодаря которой источник финансирования отделен несколькими посредниками от получателя средств, на случай, что у Дилана Маккэффри возникли бы проблемы и власти бы выяснили, что он проводит жестокие эксперименты на собственном ребенке.

Веселая официантка принесла ленч, и пока она ставила на стол тарелки, они обсуждали погоду.

Когда же она ушла, сразу к еде никто не притронулся.

— Так какой же благотворительный фонд стоит в центре этой китайской головоломки? — спросил Дэн Эрла.

— Держись за шляпу, чтобы не слетела.

— На мне нет шляпы.

— Фонд Бута.

— Будь я проклят!

— Тот самый, что поддерживает сиротские приюты, организует праздники для детей из бедных семей, оказывает помощь старикам? — спросила Лаура.

— Тот самый, — подтвердил Эрл.

Дэн уже сунул руку в карман. Достал распечатку покупателей магазина «Пентаграмма». Открыл на букве Б и показал им: Палмер Бут, наследник состояния Бутов, глава нынешней империи Бутов, владелец «Лос-Анджелес джорнэл», один из наиболее влиятельных людей Лос-Анджелеса, человек, определяющий политику фонда Бута.

— Я увидел это вчера вечером, в кабинете Джозефа Скальдоне, который располагался в подсобке маленького магазинчика, торгующего всем, что связано с оккультизмом. Меня еще удивило, что такой сугубо прагматичный бизнесмен, как Бут, может интересоваться сверхъестественным. Разумеется, у любого можно найти слабое место. Все мы подчас увлекаемся какой-то глупостью. Но, учитывая репутацию Бута, его имидж высокоинтеллектуального человека... черт, да я и представить себе не мог, что увижу его фамилию в таком вот списке.

— Адвокаты дьявола встречаются в самых непредсказуемых местах, — философски заметил Эрл.

Из музыкального автомата полился голос Элтона Джона. Дэн всмотрелся в серую пелену дождя.

— Два дня тому назад я даже не верил в дьявола.

— Но теперь?

— Но теперь... — вздохнул Дэн.

Лаура начала резать чизбургер Мелани на кусочки, каждый из которых можно было подхватить вилкой и положить в рот. Девочка смотрела то ли на рисунки, которые создавала на окне стекающая по стеклу вода, то ли куда-то очень и очень далеко.

В другом конце ресторана кто-то уронил несколько тарелок, и за грохотом последовал взрыв смеха.

— Вы, конечно, помните о двух письмах, которые Мэри О'Хара написала в Федеральную избирательную комиссию? Так вот, в том, что реакции на них не последовало, большой загадки нет. Палмер Бут платит немалые деньги в избирательный фонд обеих партий, разумеется, всегда чуть больше выделяет той партии, которая в настоящий момент у

власти. И несколько лет тому назад, когда либеральные политические комитеты граждан только появились, Бут, вероятно, понял, что они будут очень даже полезны для финансирования таких исследований, как проект Дилана Маккэффри. Вот он и основал несколько, а руководить ими поставил своих людей.

Лаура наконец-то разрешила чизбургер.

— Послушайте, я мало знаю о Федеральной избирательной комиссии, но мне кажется, что ее члены не являются политическими назначенцами.

— Не являются, — согласился Эрл. — Напрямую. Но люди, которые управляют бюрократией, занимающейся выборным процессом, политические назначенцы. И если ты хочешь ввести кого-то в Федеральную комиссию, очень хочешь, а денег и решительности у тебя хоть отбавляй, такое возможно. Разумеется, ты не сможешь купить всю комиссию оптом, чтобы использовать ее решения исключительно в своих целях, потому что обе политические партии пристально следят за ее деятельностью. Но если цели у тебя скромные, скажем, не привлекать пристального внимания комиссии к деятельности двух-трех политических комитетов, учрежденных для ведения не только и даже не столько политической деятельности, никто на тебя внимания не обратит. А если ты — Палмер Бут, один из богатейших людей Америки, то и для работы в Федеральной избирательной комиссии ты предложишь не какую-то мелкую, никому не известную сошку, а достойных, с безупречной репутацией людей, проявивших себя в крупнейших благотворительных фондах страны. И все будут только рады, что эти образованные, заботящиеся о всеобщем благе люди соглашаются поработать на государство.

Дэн вздохнул:

— Значит, Палмер Бут, а не государство, финансировал исследования Маккэффри. Отсюда следует, что насчет ФБР мы можем не беспокоиться. Вряд ли Бюро хочет, чтобы Мелани вновь исчезла.

— Я бы не торопился с таким утверждением, — покачал головой Эрл. — Да, государство не выделяло Денег на оплату исследований, которые Маккэффри и Хоффриц проводили в серой комнате. Но теперь, когда они увидели это место и получили возможность заглянуть в бумаги Маккэффри, они могут прийти к выводу, что исследования эти имеют важное значение для национальной безопасности. То есть у них может возникнуть желание поработать с Мелани... вдали от лишних глаз.

— Только через мой труп, — отчеканила Лаура.

— То есть рассчитывать мы можем только на себя, — подытожил Дэн.

Эрл кивнул:

— А кроме того, Буту, вероятно, удалось выйти на Мондейла и использовать против нас полицию...

— Не всю полицию, — прервал его Дэн. — Только нескольких служащих в ней подонков.

— Однако кто скажет, что у него нет друзей и в ФБР? Мы, скорее всего, сможем вернуть Мелани, если ее отнимет у нас государство, но, если она попадет в руки Бута, мы ее больше не увидим.

Пару минут они сидели в молчании. Мужчины ели, Лаура пыталась кормить Мелани. В музыкальном автомате закончила петь Уитни Хьюстон, ей на смену пришел Брюс Спрингстин с песней о том, что все умирает, но кое-что возвращается, и, крошка, это факт.

В силу сложившихся обстоятельств, в песне Спрингстина слышалось что-то зловещее и тревожащее.

Дэн смотрел на дождь, прикидывая, как может им помочь новая информация о Буте.

Теперь они знали, что враг у них могучий, но не всемогущий, как этого опасались они. И такое изменение соотношения сил радовало. Поднимало моральный дух. Куда проще иметь дело с богачом-одиночкой, каким бы безумным и влиятельным он ни был, чем с государственной бюрократической машиной, которая будет нестись заданным курсом, пусть это и совершенно безумный курс. Враг оставался гигантом, но и гиганта можно свалить, если

иметь пращу и точно направить в цель должным образом заостренный камень.

Дэн уже понял, кто такой Папочка, седовласый и представительный извращенец, который регулярно посещал Реджину Саванну Хоффриц в доме на Голливудских холмах.

— А что ты узнал насчет «Джон Уилкс энтерпрайзес»? — спросил он Эрла. И тут же частично ответил на свой вопрос. — Никакого Джона Уилкса нет. Это чисто корпоративное имя, так? Джон Уилкс Бут. Человек, который убил Линкольна. То есть еще одна компания, принадлежащая Палмеру Буту, а назвал он ее «Джон Уилкс энтерпрайзес»... ну, не знаю, в шутку?

Эрл кивнул:

— Да, шутка для посвященных, можно сказать, но, наверное, уточнить это ты сможешь только у самого Бута. В «Паладине» поискали информацию по этой компании. Никаких темных секретов не обнаружилось. Бут — единственный акционер. Он использует «Джон Уилкс энтерпрайзес» для управления маленькими предприятиями, которые не вписываются в другие корпоративные или фондовые структуры. Одно или два из них даже не дают прибыли.

— «Джон Уилкс пресс», — вставил Дэн. Эрл вскинул брови:

— Да, это одно из них. Они издают книги по оккультизму, иногда заканчивают год в ноль, случается, теряют несколько баксов. «Джон Уилкс» также владеет маленьким кинотеатром в Уэствуде, тремя магазинчиками, которые торгуют шоколадом, одним кафе «Бургер Кинг» и еще всякой мелочовкой.

— Включая дом, в котором Бут держит свою любовницу, — вставила Лаура.

— Я не уверен, что он думает о ней как о любовнице. — В голосе Дэна слышалась неприязнь. — Скорее как о домашней зверушке... маленьком, милом зверьке, который может доставить удовольствие.

Они все съели.

Дождь бил в окна.

Глаза Мелани оставались пустыми.

— Что теперь? — спросила Лаура.

— Теперь я поеду к Палмеру Буту, — ответил Дэн. — Если он не сбежал, как остальные крысы.

35

Прежде чем расплатиться по счету и покинуть кафетерий, они решили, что Эрл поведет Лауру и Мелани в кино. Девочку нужно было спрятать на те несколько часов, которые требовались Дэну, чтобы найти и поговорить с Палмером Бутом, лично или по телефону, а сидеть в еще одном номере мотеля не хотелось. И ни у ФБР, ни у полиции, ни у множества «шестерок» Бута наверняка не возникло бы и мысли, что искать их следует в темном зале мультикомплекса в торговом центре. Опять же, в темноте кинозала они не могли случайно попасться на глаза тем, кто шел по их следу. Более того, Лаура предположила, что правильно подобранный фильм окажет терапевтическое влияние на Мелани: человеческие фигуры высотой в сорок футов, неестественно яркие цвета, сокрушающий барабанные перепонки грохот иногда, как ничто другое, привлекало внимание ребенка, страдающего аутизмом.

У входа в ресторан стояли автоматы, продающие газеты, и Дэн, несмотря на дождь, остановился перед одним, чтобы купить «Лос-Анджелес джорнэл» и посмотреть, где какие идут фильмы. Все взрослые не преминули отметить этот аспект сложившейся ситуации: газета, издаваемая Палмером Бутом, служила источником информации для поиска убежища от его приспешников. Они выбрали приключенческий фильм Стивена Спилберга и торговый центр в Уэствуде. В этом мультикомплексе показывали еще один фильм, подходящий для Мелани, поэтому после фильма Спилберга они при необходимости могли посмотреть и его, то есть провести в мультикомплексе всю вторую половину дня и даже ранний вечер. Согласно намеченному плану они собирались оставаться там, пока Дэн (то ли он найдет Бута, то ли откажется от поисков) не вернется и не сменит Эрла.

Когда Эрл, Лаура и Мелани подошли к автомобилю Эрла, Дэн на несколько минут присоединился к ним, занял переднее сиденье. С серого неба по-прежнему лил дождь.

— Я хочу, чтобы вы кое-что сделали для меня. — Дэн повернулся к Лауре, которая вместе с дочерью находилась на заднем сиденье. — Пожалуйста, в кинотеатре следите за Мелани еще более пристально, чем раньше. Что бы ни случилось, не давайте ей заснуть. Если она закроет глаза, тряхните ее, ущипните, сделайте все, что угодно, но убедитесь, что она не спит.

Лаура нахмурилась:

— Зачем?

Отвечать на ее вопрос Дэн не стал.

— А если она будет бодрствовать, но вам покажется, что она еще глубже уходит в кататоническое состояние, приложите все силы, чтобы вытащить ее оттуда. Говорите с ней, касайтесь ее, требуйте внимания. Задача это непростая, я знаю. Бедняжка уже отгородилась от реального мира, поэтому не так-то просто понять, что она уходит от него еще дальше, тем более в темном зале кинотеатра, но вы уж постарайтесь.

— Ты что-то знаешь, не так ли? — спросил Эрл.

— Возможно, — признал Дэн.

— Ты знаешь, что происходило в серой комнате.

— Я не *знаю*... но подозреваю.

— Что? — Лаура наклонилась вперед. Ей так хотелось понять, что случилось с девочкой, чтобы, отталкиваясь от этих знаний, попытаться вернуть ее в реальность, и она даже представить себе не могла, что знать в данном случае даже хуже, чем не знать, потому что знание может оказаться куда большим кошмаром, чем тайна. — Что вы подозреваете? Почему так важно не дать ей заснуть?

— На объяснения уйдет слишком много времени, — солгал он. Он знал наверняка, что происходило, а потому не хотел понапрасну тревожить Лауру. И у него не было сомнений, что она сильно огорчится, если он поделится с ней своими подозрениями. — Мне пора ехать, выяснить, в городе ли Бут. Главное, не дайте Мелани заснуть и еще глубже уйти в себя.

— Когда Мелани спит или в глубоко уходит в себя, она более уязвима, не так ли? — спросила Лаура. — В чем-то более уязвима. Может... может, Оно чувствует, когда она более уязвима, и именно тогда приходит за ней? Я хочу сказать, прошлой ночью, в мотеле, когда она спала, в комнате стало холоднее и что-то пришло, не так ли? А вчера вечером, в доме, когда в радиоприемник... что-то вселилось... и когда в дверь ворвался смерч с цветами, она сидела, закрыв глаза и... она не спала, но ушла в себя глубже, чем обычно. Вы помните, Эрл? Она сидела, закрыв глаза, не отдавая себе отчета в том, что происходило вокруг. И каким-то образом Оно узнаёт, когда Мелани начеку, а потому приходит, когда девочка наиболее уязвима. В этом все дело? Поэтому вы хотите, чтобы Мелани бодрствовала?

— Да, — кивнул Дэн. — В какой-то степени. А теперь мне действительно пора, Лаура. — Ему хотелось прикоснуться к ее лицу, поцеловать уголки рта, попрощаться более трогательно, нежно. Вместо всего этого он повернулся к Эрлу: — Береги их.

— Будь уверен, — ответил Эрл.

Дэн вышел из автомобиля, захлопнул дверцу, побежал через залитую водой стоянку к своему седану, который оставил по другую сторону здания. К тому времени, когда Дэн включил двигатель и дворники, Эрл уже выехал со стоянки и влился в поток медленно ползущих машин.

Дэн задался вопросом, а увидит ли он их вновь.

Дельмар, Кэрри, Синди Лейки...

Ненавистные, надолго засевшие в памяти, вторгающиеся в сны неудачи, которые вспоминались десятки тысяч раз.

Дельмар, Кэрри, Синди Лейки... Лаура, Мелани.

Нет.

На этот раз неудачи не будет.

Да, он был всего лишь городским копом, но его интересовали убийства и убийцы, он достаточно хорошо разбирался в аномальном поведении и психологии последних, чтобы довести до конца это странное расследование. Возможно, он был единственным, кто мог привести дело к успешному завершению. Он знал об убийствах больше, чем большинство людей, потому что думал о них больше, чем кто-либо из его знакомых, потому что убийства играли слишком важную роль в его как личной, так и профессиональной жизни. Размышления на сей предмет давно уже привели его к печальному выводу: способность убить заложена в каждом, и он не удивлялся, когда убийцами оказывались те, кто, казалось бы, не мог вызывать никаких подозрений. Поэтому не удивляли его и подозрения, которые появились ночью, а потом только крепили, хотя Лауру и Эрла подозрения эти, возможно, не просто удивили бы, а вызвали бы активное неприятие.

Дельмар, Кэрри, Синди Лейки...

Последовательность неудач на этом заканчивалась.

Он отъехал от ресторана и, хотя убеждал себя, что все будет хорошо, настроение у него было под стать серому, дождливому дню, сквозь который он и ехал на своем седане.

* * *

Фильм Спилберга вышел на экраны за несколько недель до Рождества, но и теперь, по прошествии трех месяцев, оставался достаточно популярным, чтобы на дневном сеансе в будний день зал наполнился наполовину. За пять минут до начала зрители перешептывались, смеялись, ерзали в креслах в предвкушении захватывающего действия.

Лаура, Мелани и Эрл сели в правой части зала, в нескольких креслах от центрального прохода. Мелани (Эрл и Лаура посадили ее между собой) смотрела на огромный пустой экран. Она не шевелилась, не говорила, руки лежали на коленях, но, судя по всему, не спала.

И хотя в темноте следить за дочерью было бы сложнее, Лаура с нетерпением ожидала момента, когда погаснет свет и начнется фильм, потому что при свете особенно остро чувствовала свою уязвимость, находясь в окружении стольких незнакомцев. Она понимала, глупо волноваться, что плохие люди смогут увидеть их здесь и навлечь неприятности. Агенты ФБР, продажные копы, Палмер Бут и его подручные, конечно, хотели бы их найти, но это как раз означало, что эти подонки заняты поисками, а не ходят в кино. Тут они были в безопасности. Если в этом мире для них существовало убежище от всех бед, то это был самый обычный кинотеатр.

Но, с другой стороны, еще раньше она пришла к выводу, что в этом мире опасность грозит им везде.

Решив, что с Палмером Бутом напор и внезапность должны принести наилучший результат, из кафетерия Дэн прямиком поехал в здание «Лос-Анджелес джорнэл» на бульваре Уилшир, расположенном в паре кварталов от того места, где район Беверли-Хиллз плавно переходил в Лос-Анджелес. Он не знал, находится ли Бут в городе, не говоря уже о своем кабинете в здании «Джорнэл», но лучшего места для начала поисков Бута назвать не мог.

Припарковался в подземном гараже, на лифте поднялся на восемнадцатый этаж, где находились кабинеты руководства коммуникационной империи «Джорнэл», включавшей в себя девятнадцать других газет, два журнала, три радиостанции и два телеканала. Из лифта он попал в роскошно отделанный холл с толстым, до щиколоток, ковром на полу и двумя картинами Ротко на стенах.

Потрясенный осознанием того, что эти два полотна в простых деревянных рамах стоят никак не меньше пяти миллионов долларов, Дэн не столь быстро, как ему хотелось бы, «натянул» на лицо маску наводящего ужас детектива отдела расследования убийств. Тем не менее он воспользовался своим удостоверением, чтобы миновать вооруженного охранника и добраться до очаровательной девушки, которая сидела за регистрационной стойкой.

По ее вызову к стойке прибыл молодой человек, то ли один из секретарей, то ли тренер

по карате, то ли телохранитель, а может, и первое, и второе, и третье в одном флаконе. Длинным коридором, тихим, как кладбище, он привел Дэна к другой, еще более роскошно отделанной приемной, за которой находилось главное святилище этого здания — кабинет Палмера Бута.

Молодой человек представил Дэна миссис Хадспет, миловидной, элегантной седовласой женщине в вязаном фиолетовом костюме, пастельной блузке и галстук-бабочке того же фиолетового цвета, секретарю мистера Бута, и отбыл. Высокая, стройная, утонченная, и, несомненно, гордящаяся своей утонченностью, миссис Хадспет точностью, эффективностью и нежеланием отвлекаться на пустяки напомнила Дэну Ирматруду Гелькеншеттль.

— Ох, лейтенант, — приветствовала она его, — мне очень жаль, но мистера Бута сейчас нет в этом здании. Вы разминутесь с ним буквально на несколько минут. Ему пришлось уехать на совещание. Сегодня он очень занят, как, впрочем, и во все остальные дни.

Дэн обеспокоился, услышав, что этот день Бута ничем не отличается от остальных. Если он выдвинул правильную версию, если правильно идентифицировал Оно, тогда Палмеру Буту следовало трястись от страха за свою жизнь, бежать куда глаза глядят, может, спрятаться в подzemелье хорошо укрепленного замка, предпочтительнее в Тибете или в Швейцарских Альпах, а то и в другом, не менее дальнем уголке мира. Если же Бут, как обычно, участвует в совещаниях и принимает деловые решения... из этого следует, что он не боится, а если он не боится, тогда версия Дэна относительно серой комнаты не соответствует действительности.

— Мне крайне важно поговорить с мистером Бутом, — гнул свое Дэн. — Дело очень срочное. Можно даже сказать, что это вопрос жизни и смерти.

— Да, разумеется, ему тоже не терпится поговорить с вами. Я уверена, он высказался достаточно ясно в своем письме.

Дэн моргнул.

— Каком письме?

— Но разве вы здесь не по этой причине? Вы не получили письмо, которое он оставил вам в вашем участке?

— В Ист-Вэлью?

— Да, и утром он первым делом позвонил вам, чтобы договориться о встрече. Но вас не оказалось на месте. Мы попытались найти вас дома, но тоже не получилось.

— Я не был сегодня в Ист-Вэлью и никаких писем не получал, — ответил Дэн. — Я приехал сюда, потому что мне нужно как можно скорее поговорить с мистером Бутом.

— Я точно знаю, что и он хочет того же. У меня есть распорядок его дня, где он будет и в какое время. Он попросил меня передать один экземпляр вам, на случай, если вы появитесь здесь. Попросил, чтобы вы встретились с ним там, где сочтете удобным для себя.

Что ж, вот это ему нравилось больше. Бут все-таки насмерть перепуган и надеется, что Дэн или окажется продажным копом, или послужит посредником между Бутом и тем дьяволом, который преследует людей, связанных с серой комнатой. Он не убежал и не спрятался в какой-либо дыре, потому что прекрасно понимал: ни удрать, ни спрятаться возможности нет.

И продолжал, как обычно, заниматься делами, потому что альтернатива — сидеть, тупо уставившись в стену, и ждать прихода Неведомого, его решительно не устраивала.

Миссис Хадспет взяла со стола кожаную папку, открыла ее, достала верхний лист бумаги, распорядок босса на этот день. Просмотрела его, вскинула глаза на Дэна.

— Боюсь, вы не сможете поймать его там, где он сейчас, потом какое-то время он будет в пути, разумеется, в лимузине, и получается, что раньше шестнадцати часов вы с ним не встретитесь.

— Но сейчас только без четверти три. Вы уверены, что раньше не получится?

— Посмотрите сами, — она протянула ему лист. Правда была на ее стороне. Если бы он попытался гоняться за Бутом по городу, то только упускал бы его: дел у издателя хватало. Но

в четыре часа пополудни его ждали дома.

— Где он живет?

Миссис Хадспет продиктовала адрес, который Дэн записал в блокнот. Жил Бут в Бел-Эре.

Убрав блокнот и подняв голову, он увидел, что миссис Хадспет пристально наблюдает за ним. В ее глазах читалось жадное любопытство. Конечно же, она понимала, происходит что-то экстраординарное, но Бут на этот раз не ввел ее в курс дела, и она едва сдерживалась, чтобы не засыпать Дэна вопросами. Тревога ела ее поедом, и скрыть это она не могла. А тревожиться до такой степени она могла только в одном случае: если знала наверняка, что и Бут крайне встревожен, то есть он не сумел утаить от нее свое состояние. Для такого многоопытного и не раз попадавшего в передраги бизнесмена, как Бут, неспособность скрыть свои эмоции говорила о том, что до паники ему оставался только один шаг.

Молодой секретарь, или телохранитель, вернулся, чтобы проводить Дэна к лифтам.

В холле по-прежнему маячил охранник.

Очаровательная девушка что-то торопливо печатала на клавиатуре компьютера. И перестук клавиш напомнил Дэну звяканье кубиков льда в стакане с виски.

* * *

Фильм начался десять минут тому назад, к немалому облегчению Лауры, потому что теперь они ничем не отличались от других зрителей, расположившихся в креслах с высокими спинками.

Выражение лица Мелани не изменилось, с таким же она смотрела и на пустой экран. Отраженный от экрана свет падал на лицо Мелани. Иногда окрашивал в те цвета, что господствовали на экране, но по большей части только добавлял бледности ее коже.

«По крайней мере, она бодрствует», — думала Лаура.

А потом задумалась над тем, что знал Холдейн. Он ей сказал далеко не все. В этом она не сомневалась.

Эрл Бентон, сидевший по другую сторону Мелани, сунул руку под пиджак, убедился, что пистолет в плечевой кобуре, и он при необходимости может легко вытащить оружие. Лаура обратила внимание, что он дважды проверил наличие пистолета до начала фильма. И точно знала, что через несколько минут рука Эрла вновь скользнет под пиджак. Это была нервная привычка, и ее проявление у человека, которому нервные привычки ранее не были свойственны, наглядно свидетельствовала о том, как он волнуется.

Разумеется, если Оно придет в кинотеатр, если решит, что пора наброситься на Мелани, никакой пистолет помочь не сможет, как бы быстро Эрл ни выхватил его из кобуры.

Имея в своем распоряжении час с четвертью, остающиеся до встречи с Бут в Бел-Эре, Дэн Холдейн решил заскочить в полицейский участок в Уэстуде, где прошлой ночью Уэкслершу и Мануэлю предъявили несколько обвинений, в том числе и в покушении на убийство. Обоих детективов задержали на основании свидетельских показаний Эрла Бентона, и Дэн хотел добавить к ним и свои показания, чтобы повесить еще один замок на дверь их камеры. Он создал у Росса Мондейла впечатление, что не будет ни в чем обвинять Уэкслерша и Мануэлю, и пообещал, что через пару дней, когда дочь и мать Маккэффри будут в безопасности, Бентон откажется от своих показаний, но солгал. Даже если бы ему все-таки не удалось спасти Лауру и Мелани, он смог бы сказать, что его усилия не пропали даром, если бы Уэкслерш и Мануэлю оказались за решеткой, а карьера Мондейла рухнула.

Дело вел местный детектив Герман Дорфт, который очень обрадовался, увидев Дэна. Но еще больше, чем показания Дэна, Дорфту хотелось заполучить показания Лауры Маккэффри. И он поскущел, услышав, что в обозримом будущем связаться с ней нет никакой возможности. Отвел Дэна в комнату для допросов, где стоял обшарпанный стол, но с новеньким компьютером, и пять стульев. Предложил прислать стенографистку или принести

магнитофон.

— Я знаю, как работает эта штукавина, — Дэн указал на компьютер. — Так что, если не возражаешь, все напишу сам.

Герман оставил Дэна наедине с компьютером, под ярким светом флуоресцентных ламп, с барабанной дробью дождя по крыше и затхлым, горьким запахом сигаретного дыма, который за долгие годы осел желтоватой пленкой на когда-то белых стенах.

Двадцать минут спустя, когда он только-только распечатал свои показания и намеревался отправиться на поиски полицейского нотариуса, чтобы в его присутствии поставить свою подпись, открылась дверь, и в комнату для допросов вошел Майкл Симс, агент ФБР.

— Привет, — поздоровался он. Дэн вновь отметил хронологическое несоответствие лица тридцатилетнего мужчины и сутулости плеч и затрудненности движений, свойственных глубокому старику. — Я искал вас, Холдейн.

— Хороший денек для охоты на уток, не так ли? — Дэн поднялся из-за стола.

— Где миссис Маккэффри и Мелани? — спросил Симс.

— Трудно поверить, что несколько лет тому назад всех тревожила засуха. Теперь зимы становятся все дождливее.

— Двух детективов прошлой ночью обвинили в покушении на убийство, нарушении прав граждан и еще во многом другом, так что у Бюро теперь есть достаточно оснований для того, чтобы заняться этим делом.

— Лично я уже строю ковчег. — Дэн подхватил отпечатанные показания и направился к двери.

Симс остался у него на пути.

— И мы им занялись. Теперь мы — не сторонние наблюдатели. Расследование этих убийств передается на федеральный уровень.

— Рад за вас.

— И вы, разумеется, обязаны сотрудничать с нами.

— Предложение интересное.

— Где сейчас миссис Маккэффри и Мелани?

— Наверное, в кино.

— Черт побери, Холдейн...

— В такой отвратительный день они точно не поедут ни на пляж, ни в Диснейленд, ни даже на пикник в Гриффит-Парк, так почему им не быть в кино?

— Я начинаю думать, что вы — отменный говнюк, Холдейн.

— Приятно слышать, что вы таки начинаете думать.

— Капитан Мондейл предупреждал меня насчет вас.

— Ой, не принимайте его слова всерьез, агент Симс. Росс — известный шутник.

— Вы мешаете...

— Нет, мешаете вы, — перебил его Дэн. — Стоите у меня на пути, — и с этими словами протолкнулся мимо Симса к двери.

Агент ФБР последовал за ним через коридор в отдел расследования убийств к столу нотариуса.

— Холдейн, вы не сможете защитить их в одиночку. Если вы будете продолжать в том же духе, их похитят или убьют, а вина ляжет на вас.

Подписав показания перед нотариусом, Дэн ответил:

— Возможно. *Возможно*, их и убьют. А вот если я передам их вам, их убьют *точно*.

Симс вытаращился на него.

— Вы намекаете, что я... что ФБР... что *государство* убьет маленькую девочку? Потому что она участвовала в русском или китайском исследовательском проекте? Или потому, что она участвовала в одном из наших проектов, слишком много знает и теперь мы хотим заткнуть ей рот до того, как вся эта история будет предана гласности? Вот о чем вы думаете?

— Такая мысль приходила мне в голову.

Брызжа слюной, кипя от ярости или отлично имитируя ярость, Симс последовал за Дэнном к другому столику, за которым детектив Герман Дорфт пил кофе и просматривал альбом с фотографиями преступников.

— Вы рехнулись, Холдейн, или что? — выплюнул он.

— Или что.

— Мы же представляем государство. Государство *Соединенных Штатов Америки*.

— Рад за вас.

— Это не Китай, где каждую ночь государство стучится в пару сотен дверей и пара сотен людей исчезает.

— А как много людей исчезает здесь? Десяток за ночь? Да, это несомненный прогресс.

— Тут не Иран, не Никарагуа, не Ливия. Мы — не киллеры. Наша задача — защищать людей.

— Эту душещипательную речь надобно произносить под бравурную музыку. Почему я ее не слышу?

— Мы — не убийцы, — твердил свое Симс. Протянув Дорфту нотариально заверенные показания, Дэн повернулся к Симсу.

— Очень хорошо, государство, государственные институты, не убивают людей, разве что налогами и бумажной работой. Но государство состоит из людей, индивидуумов, и ваше Бюро состоит из индивидуумов, и не говорите мне, что некоторые из этих индивидуумов не способны убить мать и дочь Маккэффри за деньги, за возможность подняться по служебной лестнице и по тысяче других причин. Не говорите мне, что сотрудники вашего Бюро — сплошь здравомыслящие и богобоязненные люди, и даже мысль об убийстве никогда не приходила им в голову, потому что я помню перестрелку в Вако, штат Техас, и случившееся с семьей Уивер в Айдахо, и многие другие случаи, когда Бюро применяло силовые методы, выходя за рамки своих полномочий, агент Симс.

Дорфт смотрел на них во все глаза, а Симс, покачив головой, успел только сказать: «Агенты ФБР...»

— Преданные делу профессионалы, — закончил за него Дэн. — Но даже лучшие из них способны на убийство, агент Симс. На убийство способны даже те из нас, кто выглядит божьим одуванчиком... самые невинные, самые нежные. Поверьте мне, я знаю. Я все знаю об убийствах, об убийцах вокруг нас, об убийцах внутри нас. Больше, чем я хочу знать. Матери убивают собственных детей. Мужья напиваются и убивают жен, иной раз им и не надо для этого напиваться, достаточно несварения желудка, а бывает, что они обходятся и без несварения. Обычные секретарши убивают своих бойфрендов, которые решились трахнуть кого-то еще. Прошлым летом здесь, в Лос-Анджелесе, в один из самых жарких июльских дней, один коммивояжер убил своего соседа, с которым у него возник спор из-за газонокосилки. У нас у всех что-то не в порядке с головой, Симс. Намерения наши хорошие, мы желаем друг другу добра, и мы стараемся, видит бог, стараемся, но в нас есть какая-то червоточина, и с этой червоточиной мы должны бороться постоянно, каждую минуту, иначе она распространится и поглотит нас, и мы боремся, но иногда проигрываем. Мы убиваем из ревности, жадности, зависти, гордости... мести. Политические идеалисты продолжают свое кровавое дело и превращают в ад жизнь тех самых людей, о благе которых они, по их словам, так пекутся. Даже в самом лучшем государстве, если оно достаточно большое, полным-полно идеалистов. Которые, дай им волю, тут же пооткрывали бы концентрационные лагеря в полной уверенности, что правота на их стороне. Религиозные фанатики убивают друг друга во имя бога. Домохозяйки, священники, бизнесмены, сантехники, пацифисты, поэты, врачи, адвокаты, бабушки и подростки... во всех заложена способность убивать, при условии, что есть удобный момент, соответствующее настроение и мотивация. В такой ситуации меньше всего можно доверять тем, кто говорит тебе, что они, мужчины и женщины, мирные люди, тем, кто говорит тебе, что они далеки от насилия и ни для кого не представляют угрозы. По одной простой причине: они или лгут и выжидают, чтобы воспользоваться твоей потерей

бдительности... или слишком наивны и ничего о себе не знают. В настоящий момент, как вам хорошо известно, двум людям, которые мне небезразличны, двум людям, которые мне дороже, чем кто бы то ни был на этом свете, грозит смертельная опасность, и заботу о них я могу доверить только себе, и никому больше. Уж извините. По-другому не будет. Забудьте о чем-то еще. И любому, кто попытается помешать мне охранять мать и дочь Маккэффри, я дам такого пинка, что его жопа очутится между лопаток. Как минимум. А если кто-то попытается причинить им вред, попытается прикоснуться к ним пальцем... будьте уверены, я убью этого сукина сына. Нисколько в этом не сомневаюсь, Симс, потому что у меня нет никаких иллюзий относительно собственной способности убивать.

Трясаясь от злости, он развернулся и направился к двери, которая вела на автомобильную стоянку. Увидел, что в комнате стоит мертвая тишина, а все взгляды обращены к нему. Понял, что говорил не только зло и агрессивно, но и во весь голос. Он чувствовал, что лицо у него горит и блестит от пота. Люди расступались, давая ему пройти.

Дэн уже добрался до двери и взялся за ручку, когда Симс, похоже, пришел в себя от эмоционального взрыва и последовал за ним.

— Подождите, Холдейн, ради бога, нельзя же так вести расследование. Я не позволю вам оставаться в роли Одинокого рейнджера. Придите в себя! За два дня убито восемь человек, и дело это становится слишком большим, чтобы...

Дэн остановился, не открыв дверь, резко повернулся к Симсу, оборвал его:

— *Восемь?* Так вы сказали — *восемь?* Дилан Маккэффри, Вилли Хоффриц, Купер, Ринк, Скальдоне. Пять. Не восемь. Только пять. Что произошло со вчерашнего вечера? — спросил Дэн. — Кого убили после Скальдоне?

— Вы не знаете?

— Кого еще?

— Эдвина Коликникова.

— Но он же уехал. В Лас-Вегас.

Симс побагровел от ярости.

— Вы знали насчет Коликникова? Вы знали, что он помогал Хоффрицу в этом проекте с серой комнатой?

— Да.

— Мы не узнали об этом, пока его не убили, черт побери! Вы утаивали информацию, важную для полицейского расследования, Холдейн, и вам за это не поздоровится, пусть вы и коп!

— Что случилось с Коликниковым?

Симс рассказал о кровавой публичной казни в казино Лас-Вегаса.

— Все равно что полтергейст, — заключил он. — Правда, такого полтергейста еще не было. Неизвестная, невидимая, огромная сила ворвалась в казино и забила Коликникова насмерть на глазах сотен свидетелей! Теперь не остается сомнений в том, что исследования Хоффрица и Дилана Маккэффри напрямую затрагивают национальную безопасность, и мы должны знать, чем они занимались.

— У вас есть все бумаги, записи, дневники из дома в Студио-Сити...

— Они у нас были, — теперь его перебил Симс. — Но то, что добралось до казино и убило Коликникова, добралось и до всех документов, связанных с этим делом, и сожгло все бумаги Маккэффри...

— Что? — изумленно переспросил Дэн. — И когда это произошло?

— Прошлой ночью. Спонтанное гребаное возгорание.

Очевидно, Симс едва сдерживал себя, потому что в ином случае федеральный агент не мог выкрикнуть ругательное слово в публичном месте. Такое поведение портит имидж, а для федералов имидж всегда имел не меньшую важность, чем результаты работы.

— Вы сказали, восемь, — напомнил Дэн. — Восемь трупов. Кто еще? Кроме Коликникова?

— Этим утром Говард Рензевеер найден в своем горном коттедже, неподалеку от

Маммота. Полагаю, насчет Рензевеера вам тоже все известно.

— Нет, — солгал Дэн, опасаясь, что правда еще сильнее разъярит агента ФБР и тот прикажет его арестовать. — Гарольд Рензевеер?

— *Говард*, — в голосе Симса слышалась издевка. Чувствовалось, что он как минимум наполовину убежден в том, что Дэн прекрасно знает имя Рензевеера. — Еще один сообщник Вилли Хоффрица и Дилана Маккэффри. Вероятно, прятался там. Люди, которые жили в соседнем коттедже, ночью слышали крики, позвонили шерифу. Рензевеера отделали до неузнаваемости. И с ним был еще один человек. Шелдон Толбек.

— Толбек? Это кто? — Инстинкт самосохранения подсказывал Дэну, что лучше всего демонстрировать свое полное неведение.

— Еще один психолог, который работал вместе с Хоффрицем и Маккэффри. Есть признаки того, что Толбек находился в коттедже, когда это существо... эта сила, как ни назови, ворвалась в коттедж и начала превращать Рензевеера в отбивную котлету. Толбек убежал в лес. Его пока не нашли. Возможно, никогда не найдут, и, если он не... в общем, мы можем надеяться, что при лучшем для него раскладе он всего лишь замерз.

Это было плохо. Ужасно. Хуже всего.

Дэн знал, что время на исходе, но он и представить себе не мог, что оно мчится галопом, изливается, как вода, прорвавшая дамбу. Он-то думал, что остались еще как минимум пять участников проекта «Серая комната», которых должно уничтожить Оно, прежде чем обратить свое внимание на Мелани. Полагал, что на эти экзекуции уйдет еще день, а то и два, и он успеет найти подтверждение своим подозрениям задолго до того, как все участники проекта будут уничтожены, и сумеет остановить бойню и спасти Мелани. Он даже думал, что, возможно, сможет спасти одного или двух этих аморальных людей, хотя спасения они, разумеется, не заслуживали. Но внезапно его шансы спасти кого-либо сильно уменьшились: число покойников возросло до восьми. И, насколько он знал, участников проекта осталось двое: Альберт Ахландер, писатель, и Палмер Бут. И после того, как их не станет, Оно повернется к Мелани, набросится на нее с особой яростью. Разорвет на куски. Размозжит голову. Будет молотить, пока в теле не останется ни одного проблеска жизни. Только Бут и Ахландер стояли между девочкой и смертью. И даже в этот самый момент финансист или писатель, а то и оба, уже могли находиться в безжалостных руках невидимого, но страшного врага.

Дэн отвернулся от Симса, рывком открыл дверь, выбежал на автостоянку, где холодный дождь, пронизывающий ветер и сгущающийся туман трудолюбиво сводили на нет устоявшийся образ Южной Калифорнии. По лужам помчался к своему седану, не обращая внимания на воду, которая попадала в туфли.

Симс что-то кричал ему вслед, но Дэн не остановился, чтобы ответить. Мокрый, дрожащий, сел за руль, оглянулся, увидел стоящего в дверном проеме Симса. С такого расстояния казалось, что за несколько последних минут лицо агента заметно состарилось. Теперь оно более-менее соответствовало седым волосам.

Выезжая со стоянки на улицу, Дэн удивлялся тому, что Симс позволил ему уехать. Теперь, когда стало ясно, сколь велики ставки, речь, пожалуй, действительно шла о национальной безопасности. После того как погибли восемь человек, а ФБР официально вмешалось в расследование, если бы Симс арестовал его, решение агента ФБР наверняка сочли бы оправданным. Отпустив его, он пренебрег своими обязанностями.

Свобода как нельзя больше устраивала Дэна, потому что ему требовалось как можно скорее переговорить с Бутом. Если раньше жизнь Мелани висела на нитке, то теперь нитка превратилась в волосок, и время, как острая пила, не зная отдыха, перерезало его.

Дельмар, Кэрри, Синди Лейки...

Нет.

Не на этот раз.

Он спасет эту женщину, этого ребенка. На этот раз не потерпит неудачу.

Он пересек Уэствуд, добрался до бульвара Уилшир, свернул налево, к Уэствудскому

бульвару, который вывел бы его к бульвару Сансет и началу Бел-Эра. Он понимал, что доберется до дома Бута раньше назначенного срока, но, возможно, и Бут мог подъехать раньше.

Дэн проехал еще три квартала, прежде чем его осенило: Майкл Симс, скорее всего, распорядился поставить «маячок» на его автомобиль, пока он находился в полицейском участке, печатал свои показания. Вот почему Симс не стал ни задерживать, ни арестовывать его за отказ сотрудничать с федеральным агентом. Симс понял, что проще всего ему удастся добраться до Лауры и Мелани Маккэффри, идя по следу Дэна.

Впереди зажегся красный свет. Дэн надавил на педаль тормоза и посмотрел на зеркало заднего обзора. Автомобили шли плотным потоком. Для того чтобы обнаружить «хвост», требовалось немало усилий и времени, которого катастрофически не хватало. А кроме того, у тех, кто ехал за ним, не было необходимости находиться в зоне прямой видимости. Если на его седане стоит «маячок», они получали информацию о его местоположении, находясь в нескольких кварталах, наблюдая его передвижения на экране компьютера с высвеченной на нем картой города.

Дэн понимал, что должен выскочить из-под «колпака».

Пока он не собирался ехать к Маккэффри, но ему не хотелось, чтобы они узнали о его встрече с Бутом. Сидящие на хвосте агенты ФБР могли помешать Буту говорить откровенно. А если уж Бут и решится выложить все карты на стол, Дэн не хотел, чтобы кто-нибудь слышал откровения издателя, потому что, если Мелани каким-то чудом выживет, эта информация может быть использована против нее. И тогда у нее не будет ни единого шанса пробить сковывающую ее броню аутизма, никакой надежды вернуться к нормальной жизни.

Уже и так от этой надежды осталась лишь крохотная искорка. И задача Дэна заключалась в том, чтобы сохранить ее и постараться раздуть в пламя.

Красный свет сменился зеленым.

Он замаялся, не зная, куда ехать, что сделать, чтобы оторваться от преследователей.

Дельмар, Кэрри, Синди Лейки...

Он посмотрел на часы.

Сердце стучало, как паровой молот.

Тиканье часов, грохочущие удары сердца, перестук дождя по крыше, все слилось в единый звук метронома, отсчитывающего последние секунды перед взрывом всего мира.

36

Глаза Мелани следили за происходящим на экране. Она не издала ни звука, не шевельнулась, но глаза двигались, и Лаура полагала сие хорошим признаком. За последние два дня Лаура считанные разы становилась свидетельницей того, что девочка смотрит на что-то в этом мире. Почти час движение глаз указывало на то, что Мелани достаточно продолжительный промежуток времени, а такое произошло впервые, реагирует на внешние события. И не имело значения, следила ли Мелани за сюжетом, или ее просто зачаровали меняющиеся яркие образы. Главное состояло в том, что музыка, цвет и режиссерское мастерство Спилберга, захватывающие дух сцены и совершенно необычные ракурсы сделали то, чего не получалось раньше, — начали вытягивать Мелани из психологической ссылки, куда она сама себя загнала.

Лаура знала, что чудесного исцеления не будет, что после просмотра аутизм не пропадет, как по мановению волшебной палочки. Но это был первый шаг, пусть и маленький.

К тому же интерес Мелани к фильму облегчал поставленную перед Лаурой задачу: постоянно контролировать дочь и не дать ей уснуть. Девочка не выказывала признаков сонливости или погружения во внутренний мир.

Дэн кружил по Уэствуду, поворачивая с улицы на улицу. Всякий раз, останавливаясь на знак «Стоп» или на красный свет, ставил ручку переключения скоростей на «Парковку», выходил из автомобиля и торопливо осматривал маленькую часть днища в поисках миниатюрного передатчика, который, он уже в этом не сомневался, по приказу Симса закрепили на его седане. Он мог бы подъехать к тротуару и методично, от бампера до бампера, осмотреть автомобиль, но тогда едущие следом агенты ФБР догнали бы его и поняли, чем он занимается. А осознав, что он заподозрил наличие «маячка» и ищет его, они бы не дали ему возможности ускользнуть от них. Скорее всего, арестовали бы и доставили к Майклу Симсу. Поэтому на первом знаке «Стоп» он пошарил под левой частью переднего бампера и под левым передним крылом в надежде обнаружить электронный прибор с намагниченным корпусом, размером не превышающий пачку сигарет. Остановившись в следующий раз, осмотрел нишу над задним левым колесом. Еще две остановки ушли на то, чтобы разобраться с двумя правыми колесами и правой частью переднего бампера. Он знал, что другие водители таращатся на него, но, поскольку он все время менял направление движения, ни один из них не останавливался рядом более двух раз, а потому его поведение могло показаться им странным, эксцентричным, но никак не подозрительным.

И наконец, остановившись на перекрестке в жилых кварталах, чуть южнее бульвара Сансет, рядом, так уж вышло, других машин не было, он обнаружил то, что искал, под задним бампером. Оторвал «маячок», забросил в кусты, растущие у ближайшего дома, сел за руль, захлопнул дверцу и умчался, резко вдавив в пол педаль газа. Несколько следующих кварталов то и дело смотрел в стекло заднего обзора, опасаясь, что преследователи увидели, как он выбрасывал «маячок», и перешли на визуальное наблюдение. Но нет, от агентов ФБР ему удалось уйти.

Штанины до колен и туфли промокли насквозь, галлон холодной воды вылился за воротник, пока он обшаривал различные наружные части автомобиля. По телу волнами пробегала дрожь. Зубы стучали.

Он включил обогреватель на полную мощность. Но город покупал дешевые автомобили, поэтому оборудование если и работало, то работало плохо. Так что вентилятор гнал в салон лишь чуть теплый и влажный воздух, с легким привкусом сероводорода, словно у автомобиля было несварение желудка, так что Дэн не перестал дрожать, пока не добрался до Бел-Эра и не нашел поместье Бута на одной из самых тихих улиц.

За высокими массивными соснами и дубами возвышалась кирпичная стена цвета запекшейся крови, высотой в семь или восемь футов, прикрытая сверху навесом из черной шиферной плитки, из которой торчали черные металлические пики. Стена была такой длинной, что, казалось, она огораживает колледж, больницу, музей, но никак не частное поместье. Но в конце концов Дэн подъехал к тому месту, где стена плавно загибалась внутрь. Точно такая же, с таким же загибом стена тянулась и дальше, а загибы на пару образовывали подъездную площадку у утопленных относительно улицы на двадцать футов металлических ворот с двумя кирпичными башенками по флангам. Кованые, мощные ворота при всей своей красоте могли выдержать взрыв не одной бомбы.

На мгновение Дэн подумал, что ему придется выходить из машины и искать кнопку вызова, но тут же заметил, что в одну из башенок искусно встроена сторожевая будка. Охранник, в галошах и сером дождевике с капюшоном, вышел из-за кирпичной стенки, которая маскировала вход в будку. Только теперь Дэн разглядел круглое окошко, через которое охранник и увидел седан.

Мужчина подошел к водительской дверце, спросил, чем может помочь, взглянул на удостоверение Дэна и сообщил, что его ждут.

— Я открою ворота, лейтенант. Вы поезжайте по главной дороге и остановитесь на кругу перед особняком.

Дэн поднял стекло, пока охранник возвращался в будку, а потом колоссальные ворота

распахнулись с удивительной для такой махины легкостью. И Дэн миновал их с ощущением, что за ними находится не тот мир, в котором он жил. А другой, лучший, и ворота на самом деле магический портал между мирами, через который можно попасть и в еще более странные и удивительные миры.

Поместье Бута занимало восемь или десять акров и наверняка было одним из самых больших в Бел-Эре. Дорога чуть поднималась, а потом плавно повернула налево, проложенная по ухоженному парку. В доме, стоявшем по другую сторону круга, в который вливалась дорога, мог бы жить и господь бог, если бы располагал соответственными финансовыми возможностями. Внешне он напоминал старинные дворянские особняки, знакомые по фильмам, действие которых разворачивалось в Англии, скажем, «Ребекка» или «Возвращение в Брайдсхед», с кирпичными стенами, гранитными угловыми камнями и перемычками окон, трехэтажный, с выложенной черной шиферной плиткой крышей, окнами мансарды, уходящими под углом флигелями. Дюжина ступеней вела к старинным дверям из красного дерева, на которые пошли как минимум один толстый ствол и два размером поменьше.

Дэн припарковался у фонтана, занимавшего середину круга. Сейчас он не работал, но выглядел точь-в-точь как фонтан из какого-то старого фильма с Кэри Грантом и Одри Хепберн о европейской романтике и интригах.

Дэн поднялся по ступеням, и одна из дверей открылась, прежде чем он начал искать кнопку звонка. Вероятно, охранник позвонил и предупредил о его приезде.

Оглядев просторный и роскошный холл, Дэн прикинул, что на таком пространстве смог бы жить со всеми удобствами, и не один, а с женой, если бы в конце концов женился, и двумя детьми.

Дворецкий Бута отказался от традиционного наряда киношных дворецких в пользу серого костюма, белой рубашки и черного галстука, пусть и говорил с английским акцентом. Взял мокрый плащ Дэна и постарался не обращать внимания на мокрую и мятую одежду.

— Мистер Бут ждет вас в библиотеке, — сообщил дворецкий.

Дэн взглянул на часы. 15.55. Из-за задержки, связанной с поиском «маячка», поставленного на его автомобиль, он не смог приехать раньше назначенного срока. И вновь буквально физически почувствовал, как утекает отпущенное ему время.

Дворецкий вел его по огромным комнатам, красиво и элегантно обставленным, по персидским и китайским коврам. Выложенные деревом наборные потолки, должно быть, вывезли из классических европейских поместий. Стены были украшены полотнами чуть ли не всех классиков импрессионизма, причем не возникало и мысли о том, что хоть одна из этих картин — копия или репродукция.

Стоимость предметов старины, красота интерьеров производили должное впечатление, но с каждой остающейся позади и поражающей царским убранством комнатой нарастала и тревога Дэна. Он чувствовал, что какие-то мощные и зловещие силы пока еще дремлют за этими стенами и под полами, но могут очень даже быстро проснуться. Создавалось впечатление, будто колоссальная машина, способная сеять зло, урчит где-то рядом на холостом ходу, и перевести ее в рабочий режим — сущий пустяк. Несмотря на отменный вкус и безграничные ресурсы того, кто строил и обставлял особняк, несмотря на огромные комнаты, а может, и в силу того, что рассчитывались они не на людей, а на великанов, атмосфера особняка давила, прямо-таки как в средневековом замке.

И Дэн не мог не задаться вопросом, как вышло, что Палмер Бут, построивший себе столь утонченный и изысканный дом, мог приговорить маленькую девочку к мучениям в серой комнате. Такое противоречие требовало раздвоения личности. Доктор Джекилл и мистер Хайд в одном флаконе. Великий издатель, либерал и филантроп, который по ночам бродил по темным улицам с дубинкой, замаскированной под тросточку.

Дворецкий открыл одну из тяжелых дверей библиотеки и переступил порог, одновременно объявляя о прибытии мистера Холдейна. Дэн последовал за ним, прошел мимо книжных шкафов, между которыми располагались двери. Дворецкий тут же отбыл.

Потолок высотой в двадцать футов, отделанный панелями красного дерева, плавно спускался к десятифутовым стеллажам того же дерева, заставленным книгами, до некоторых добраться можно было лишь с помощью лесенки. В дальнем конце комнаты большущие французские окна занимали единственную стену, не полностью отданную книгам. Из них открывался вид на прекрасный сад, хотя зеленые портьеры наполовину суживали обзор. На начищенном паркете лежали дорогие персидские ковры, уютные кожаные кресла так и манили к себе. На огромном столе стояла лампа от «Тиффани» с абажуром из цветного стекла. Из-за этого стола и поднялся Палмер Бут, чтобы встретить своего гостя.

Высокий, под шесть футов, широкоплечий, с тонкой талией, пятидесяти пяти или шестидесяти лет, но с внешностью и энергетикой намного более молодого человека. Слишком узкое, с удлинёнными чертами лицо на красоту не тянуло, но аскетизм тонких губ и прямого тонкого носа, благородство подбородка и линии челюсти вызывали на ум слово «утонченность».

— Лейтенант Холдейн. — Бут приближался, протягивая руку. — Я так рад, что вы смогли подъехать.

Прежде чем Дэн сообразил, что делает, он уже пожимал протянутую руку, хотя сама мысль о прикосновении к этому злобному ящеру вызывала отвращение. Более того, он вдруг понял, что им манипулируют, что он реагирует на Бута частично как вассал, приглашенный к королевского двору, частично как случайный знакомый, приглашенный в дом к известному человеку, доброе отношение которого ему хочется заслужить. Какими средствами достигался такой результат, Дэн объяснить не мог. Вероятно, в этом заключалась причина того, что Палмер Бут стоил несколько сот миллионов долларов, а Дэн делал покупки в «Кмарте», но никак не в «Найман-Маркусе».

Дэн уловил движение в темном углу и, повернувшись, увидел высокого, тощего, с ястребиными чертами лица мужчину, который поднялся из кресла со стаканом виски с кубиками льда в руке. Необычайно яркие, с пронзающим взглядом, глаза мужчины максимально полно характеризовали его: высокий интеллект, жгучее любопытство, агрессивность и... толика безумия.

Бут еще не успел раскрыть рта, чтобы представить мужчин друг другу, как Дэн произнес:

— Альберт Ахландер. Писатель.

Ахландер, вероятно, знал, что по части манипуляций людьми он Буту не чета. Поэтому не улыбнулся. Не сделал попытки обменяться рукопожатиями. Тот факт, что они находились по разные стороны баррикады и исповедовали враждебные идеологии, не составлял для Ахландера тайны, как, впрочем, и для Дэна.

— Могу я предложить вам что-нибудь выпить! — Радующий хозяина, с учетом сложившейся ситуации, начинало выводить из себя. — Шотландское? Бурбон? Может, стакан хереса?

— Господи, да нет у нас времени сидеть и выпивать! — рявкнул Дэн. — Ваше время истекло, и вы оба это знаете. И если я хочу попытаться спасти ваши жизни, то лишь для того, чтобы испытать огромное наслаждение, видя, как вы отправляетесь в тюрьму на долгий-долгий срок.

— Очень хорошо, — холодно ответил Бут и вернулся за стол. Сел на клубный стул, обтянутый темно-зеленой кожей, и практически полностью растворился в тени. Видимым осталось только его лицо, ставшее зелено-желтым от света, падающего через абажур из цветного стекла.

Ахландер подошел к французскому окну и встал спиной к стеклянным панелям. Снаружи серый от дождя и тумана день уже перетекал в ранние зимние сумерки, так что в окно библиотеки много света не попадало. Однако окно все-таки выделялось световым пятном между темно-зелеными портьерами, и на его фоне писатель превратился в темный силуэт. Тени скрывали и его глаза, и выражение лица.

Дэн подошел к столу, ступил в круг многоцветного света, посмотрел сверху вниз на

Бута, который уже держал в руке стакан с виски.

— Почему человек с вашим положением и репутацией путается с такими, как Вилли Хоффриц?

— Он был умницей. Гением в своей области. Я всегда общаюсь только с самыми умными людьми, — ответил Бут. — Во-первых, они обычно и самые интересные люди. А во-вторых, их идеи и энтузиазм частенько приносят немалую практическую прибыль.

— А кроме того, Хоффриц предложил вам абсолютно покорную, полностью зависимую молодую женщину, готовую терпеть любые унижения, которым вам хотелось ее подвергнуть. Не так ли, *Папочка*?

Наконец-то в броне самоуверенности Бута появилась трещина. На мгновение глаза его сузились от ненависти, челюстные мышцы напряглись, от злости крепко сжались зубы. Но контроль над собой он упустил лишь на доли секунды. Лицо тут же расслабилось, он отпил виски.

— У всех людей есть... слабости, лейтенант. В этом я такой же человек, как и любой другой.

Что-то в его глазах, выражении лица, тоне отрицало признание собственной слабости. Скорее он просто проявлял великодушие, признавая, что слабости свойственны ему также, как обычным людям. Не вызывало сомнений, что он не находит ничего постыдного в своих отношениях с Реджиной, но при сложившихся обстоятельствах считал целесообразным потрафить собеседнику.

— Хоффриц, возможно, и был гением, но с извращенными моральными принципами, — продолжил Дэн. — Он использовал свои знания и талант не для разрешенных законом исследований коррекции поведения, а для разработки новых методов «промывки мозгов». Люди, которые его знали, говорили мне, что он — тоталитарист, фашист, элитист худшего толка. Как такое может сочетаться с вашим широко известным либерализмом?

Во взгляде, обращенном к Дэну, читались жалость, пренебрежение, насмешка. А заговорил Бут, словно обращаясь к ребенку:

— Лейтенант, каждый, кто верит, что проблемы общества можно решить политическим процессом, является элитистом. То есть большинство людей. И тут неважно, правый ли вы, консерватор, умеренный, либерал или крайний левак. Приклеивая к себе тот или иной политический ярлык, вы становитесь элитистом, потому что верите: проблемы общества может решить правильная группа людей, пришедшая к власти. Так что элитизм Хоффрица меня не волновал. Я, однако, уверен, что массы *нуждаются* в контроле, управлении...

— «Промывке мозгов».

— Да, в «промывке мозгов», для их же пользы. Поскольку население мира растет, а современные технологии способствуют все более широкому распространению информации и идей, прежние институты, такие, как семья и церковь, разваливаются. Появляются новые, более опасные способы и средства, через которые недовольные демонстрируют свои страдания и враждебность. Вот мы и должны найти методы подавления недовольства, контроля мыслей и действий, если мы хотим жить в стабильном обществе, стабильном мире.

— Теперь я понимаю, почему вы использовали либеральные политические комитеты как ширму для финансирования исследований Маккэффри и Хоффрица.

Брови Бута приподнялись.

— Так вы знаете и это?

— Я знаю гораздо больше.

Бут вздохнул:

— Либералы — такие безнадежные мечтатели. Они хотят свести государство к минимуму, практически искоренить политику. Я подумал, что будет забавно финансировать работу, преследующую прямо противоположные цели, используя в качестве прикрытия либеральный крестовый поход.

Альберт Ахландер все еще стоял спиной к французскому окну, молчаливый силуэт,

который приходил в движение лишь для того, чтобы поднести ко рту стакан с виски. Лицо его по-прежнему полностью скрывала тень.

— Итак, вы финансировали Хоффрица, Маккэффри, Коликникова, Толбека и еще бог знает сколько «гениев» с извращенной моралью, — кивнул Дэн. — А теперь, столь упорно ища способ контролировать массы, вы *потеряли* контроль над ситуацией. Один из экспериментов пошел не так, как хотелось, и в результате что-то быстро убивает всех, так или иначе связанных с этим экспериментом. И скоро доберется до вас.

— Я уверен, что такой ход событий вызывает у вас чувство глубокого удовлетворения, — ответил Бут. — Но я не верю, что вы знаете так много, как вам кажется, и, когда вы услышите всю историю и поймете, что происходит, думаю, у вас возникнет не меньшее, чем у нас, желание остановить убийства, положить конец ужасу, который вырвался из серой комнаты. Вы дали клятву защищать и охранять жизни, и я достаточно хорошо знаком с вашим послужным списком, чтобы знать, что к этой клятве вы относитесь очень серьезно, словно к обету, данному господа. И хотя жизни, которые вы должны защищать, моя и Альберта, и пусть мы вам противны, вы сделаете все, что необходимо, чтобы защитить нас, после того как выслушаете всю историю.

Дэн покачал головой:

— Вы не испытываете ничего, кроме презрения к чести и порядочности простых людей вроде меня, и однако вы полагаетесь на эту честь, чтобы спасти свой зад.

— На это... и на некоторые стимулы, — от окна подал голос Ахландер.

— Какие стимулы? — спросил Дэн.

Бут пристально всмотрелся в него. Яркие цвета стекол «Тиффани» отражались в ледяных глазах магната.

— Да, пожалуй, не повредит начать со стимулов. Альберт, принеси их, пожалуйста.

Ахландер вернулся к креслу в углу, на котором сидел, поставил стакан на ближайший столик, подхватил стоящий на полу чемодан, которого раньше Дэн не замечал. Принес, положил на стол Бута, открыл.

Чемоданчик заполняли аккуратные пачки банкнот по сто и пятьдесят долларов.

— Полмиллиона, наличными, — мягко произнес Бут. — Но это лишь часть моего предложения. В «Джорнэл» требуется начальник службы безопасности. Вы будете получать в два раза больше, чем теперь.

На деньги Дэн даже не посмотрел.

— Вы демонстрируете такое завидное хладнокровие, но этот чемоданчик показывает, в каком вы отчаянии. Ваше предложение можно объяснить только паникой. Вы сказали, что знаете меня. Значит, вам известно, что такие «стимулы» дадут обратный эффект.

— Да, — согласился Бут, — *если бы* мы хотели, чтобы за деньги вы сделали что-то противозаконное. Но мы надеемся доказать вам, что поступок, на который мы хотим вас подвигнуть, правильный, только так и может поступить честный, совестливый человек в сложившихся обстоятельствах. Я уверен, узнав, что произошло, вы поступите правильно. Именно этого мы от вас хотим. Заверяю вас, вы увидите, что деньги предложены вам не для того, чтобы заглушить чувство вины, но... скажем, как премия за хорошо выполненное доброе дело. — Он улыбнулся.

— Вам нужна девочка.

— Нет, — ответил Ахландер, его глаза блеснули, лицо в смеси цветов и тени стало еще более ястребиным. — Мы хотим, чтобы она умерла.

— И быстро, — добавил Бут.

— Вы предлагали Россу Мондейлу такую же сумму? Уэкслершу и Мануэлью? — спросил Дэн.

— Господи, нет! — ответил Бут. — Но теперь только вы знаете, где найти Мелани Маккэффри.

— Единственный во всем городе, — поддакнул Ахландер.

Со своей стороны стола они пристально наблюдали за Дэном.

— Судя по всему, вы даже хуже, чем я думал. — Дэн покачал головой. — Вы считаете, что убийство невинного ребенка, чем бы оно ни обуславливалось, может считаться правильным поступком, добрым деянием?

— Ключевое слово — невинный, — ответил Бут. — Когда вы поймете, что произошло в серой комнате, что убило этих людей...

— Я, возможно, уже знаю, что их убило, — перебил его Дэн. — Мелани, не так ли?

Они молча уставились на детектива, удивленные его проницательностью.

— Я прочитал часть вашей книги, о выходе в астрал. — Дэн смотрел на Ахландера. — Она подтолкнула меня к решению головоломки, и я смог собрать отдельные элементы в целостную картину.

Он-то надеялся, что ошибался, боялся подтверждения своих самых худших подозрений. Но от правды никуда не уйти. Волна холодного отчаяния, такого же реального, как дождь за окнами, окатила его.

— Она убила их всех, — ответил Ахландер. — Пока шесть человек. И убьет остальных, если у нее будет шанс.

— Не шесть, — поправил его Дэн. — Восемь.

Фильм Спилберга закончился. Эрл купил билеты на следующий фильм в этом же мультикомплексе. Они перешли в другой зал, Лаура и Эрл вновь посадили Мелани между собой.

Лаура пристально наблюдала за дочерью во время первого фильма, но ребенок не проявлял желания ни заснуть, ни впасть в более глубокое кататоническое состояние. Глаза Мелани следили за происходящим на экране до самого конца фильма, а однажды уголки рта буквально на мгновение искривились в улыбке. Во время просмотра она не произнесла ни слова, не издала ни звука, только раз или два шевельнулась, устраиваясь поудобнее, но даже минимальное внимание к происходящему в реальном мире говорило об улучшении ее состояния. У Лауры вновь возродилась надежда на выздоровление девочки, хотя она и понимала, что рассчитывать на быстрый прогресс не приходится.

А кроме того, где-то, то ли рядом, то ли нет, находилось Оно.

Лаура посмотрела на часы. Две минуты до начала просмотра.

Эрл оглядывал зрителей, которых собралось в два раза меньше, чем на предыдущий фильм. Все вроде бы пришли посмотреть кино и не вызывали никаких подозрений. И волновался он меньше, чем перед первым фильмом. До того как погас свет и осветился большой экран, только раз проверил, на месте ли пистолет.

Мелани глубже утонула в кресле, выглядела более усталой. Но широко открытыми глазами смотрела на экран, на котором начался показ рекламных роликов новых фильмов, до начала проката которых оставалась неделя-другая.

Лаура вздохнула.

Большая часть второй половины дня прошла тихо и спокойно. Может, теперь все образует.

— Восемь? — в ужасе переспросил Ахландер. — Вы говорите, что она убила восьмерых?

— Вы знаете насчет Коликникова в Вегасе? — спросил Дэн.

— Да, — кивнул Бут. — Он был шестым.

— Вы знаете насчет Рензевеера и Толбека в Маммоте?

— Когда? — спросил Ахландер. — Когда она до них добралась?

— Прошлой ночью.

Двое мужчин переглянулись, и Дэн буквально почувствовал, как их соединил воедино поток страха.

— Она избавляется от людей в определенном порядке, — пояснил Ахландер, — в соответствии с тем, как много времени они проводили в серой комнате и сколько причинили ей неудобств. Палмер и я бывали там реже, чем любой из остальных.

Дэн с трудом сдержался, чтобы не возразить, что слово «неудобства» он выбрал

неправильно, куда больше тут подходило другое слово — боль.

Теперь он понимал, почему они держались так спокойно, когда его провели в библиотеку, почему не сомневались, что у них есть время выпить и не спеша объяснить Дэну, чего от него хотят. Они полагали, что станут жертвами в последнюю очередь, а уверенность в том, что Говард Рензевеер и Шелдон Толбек еще живы, позволяла им только бояться, не впадая в панику.

За огромными французскими окнами серый день сменился короткими сумерками.

В библиотеке тени росли и перемещались, словно превратились в живых существ.

Свет лампы от «Тиффани» становился все ярче по мере того, как день угасал. Многоцветные пятна и полосы в сочетании с тенями уменьшали размеры комнаты, создавали впечатление, что стены надвигаются на стол и людей, собравшихся вокруг него.

— Но если Говард и Шелби мертвы, — заговорил Бут, — тогда мы — следующие, и... она... она может прийти в любой момент.

— В любой момент, — подтвердил Дэн. — Поэтому у нас нет времени на выпивку и подкуп. Я хочу *точно* знать, что происходило в серой комнате и почему.

— Рассказывать нет времени! — воскликнул Бут. — Вы должны остановить ее! Вы, вероятно, знаете, что мы развивали в девочке способность ВИТ — выхода-из-тела, и она...

— Что-то я знаю, еще больше подозреваю, но пока мало что понимаю, — ответил Дэн. — И я хочу знать все до мельчайших подробностей, прежде чем решу, что делать дальше.

— Мне нужно выпить. — В голосе Бута слышалась дрожь, он поднялся и нетвердым шагом направился к бару, который занимал один из углов библиотеки.

Ахландер плюхнулся на стул, который освободил Бут. Посмотрел на Дэна.

— Я вам все расскажу.

Дэн пододвинул к столу ближайшее кресло.

В баре Бут так нервничал, что уронил на пол пару ледяных кубиков. А когда наливал себе бурбон, горлышко бутылки выбило дробь о край стакана, прежде чем Бут сумел унять дрожь в руках.

* * *

Лаура продолжала следить за лицом Мелани.

Девочка все глубже утопала в кресле.

Этот фильм, который шел только десять минут, похоже, не увлекал ее, как картина Спилберга. Пока глаза девочки оставались открытыми, и она вроде бы следила за происходящим на экране, Лауре оставалось только гадать, сколь долго фильм будет занимать девочку.

* * *

Палмер Бут мерил библиотеку шагами и пил бурбон, удивляя столь нехарактерной для него потерей самоконтроля.

Альберт Ахландер, втянув голову в узкие плечи, отчего еще больше стал похож на птицу, рассказывал о проекте, который реализовывался в серой комнате.

Дилан Маккэффри, пусть и был доктором психологии, всю сознательную жизнь интересовался различными аспектами оккультизма. Он прочитал несколько первых книг Ахландера, начал с ним переписываться и постепенно особо заинтересовался ВИТ, выходом-из-тела, или так называемым выходом в астрал. Феномен выхода в астрал базировался на теории, согласно которой в каждом человеке соседствуют две сущности: физическое тело из плоти и крови и астральное, или этерическое тело, иногда называемое психогейстом.

Другими словами, каждый человек имеет двойную природу, включает в себя двойника, который может функционировать отдельно от физического тела, позволяя человеку находиться одновременно в двух местах. Обычно двойник, астральное тело (Ахландер называл его «тело чувств и ощущений»), пребывал в физическом теле и оживлял его. Но при крайне необычных обстоятельствах (как правило, со смертью) астральное тело покидало физическое.

— Некоторые медиумы утверждают, — продолжал Ахландер, — что могут по собственной воле выйти из физического тела, но весьма вероятно, что они лгут. С другой стороны, есть много историй заслуживающих доверия людей, которым снилось, как во время сна они поднимаются из своих тел. Они рассказывают и о путешествиях в невидимом состоянии, часто в те места, где их близкие умирали или им грозила смертельная опасность. К примеру, десять лет тому назад такое случилось с одной женщиной в Орегоне. Во время сна она поднялась из тела, поплыла над крышами домов в сельскую местность и прибыла на то место, где машина ее брата перевернулась на узкой дороге, по которой редко ездили автомобили. Его зажало в разбитой машине, и он истекал кровью. Она не могла помочь, будучи астральным телом, силы у которого нет, только чувства. В таком состоянии можно только наблюдать. Но она вернулась в спящее тело, позвонила в полицию, сообщила о месте аварии и спасла ему жизнь.

— Обычно астральное тело невидимо, — вставил Бут. — Чистый дух.

— Хотя известны случаи видимости астрального тела и даже обретения им плотности физического, — уточнил Ахландер. — В 1810 году, когда лорд Байрон, поэт, лежал в Патрасе, Турция, потеряв сознание от высокой температуры, несколько друзей поэта встречали его в Лондоне. По их словам, он прошел мимо, не сказав ни слова, и его видели среди людей, которые справлялись о здоровье короля. Позже Байрон находил все это странным, и ему в голову не пришло, что он испытал ВИТ крайней интенсивности, но напрочь забыл об этом после того, как температура упала и он пришел в себя. В общем, каждый более-менее серьезный оккультист пытался инициировать у себя ВИТ... обычно безуспешно.

Бут вернулся к бару, чтобы долить себе бурбона.

— Не напейтесь, — предупредил Дэн. — Будьте уверены, потеря сознания не поможет. Только все усложнит.

— За всю жизнь я ни разу не напился, — холодно ответил Бут. — Я не убегаю от проблем, лейтенант. Я их решаю, — он вновь закружил по библиотеке, но пил бурбон уже не так жадно, как раньше.

— Дилан не только верил в выход в астрал, — вернул разговор в нужное русло Ахландер, — но думал, что знает, почему так трудно добиться ВИТ.

Дилан, по словам Ахландера, не сомневался, что когда-то люди были наделены способностью выходить из тела и возвращаться в него, когда им заблагорассудится, все люди, все до единого. Но он также верил, что сдерживающая, ограничивающая природа человеческого общества и обучение, с длинным перечнем того, что можно делать и чего нельзя, что допустимо, а что — нет, эффективно «промывали» мозги детей в столь раннем возрасте, что потенциал ВИТ не реализовывался, как и многие другие психические способности, заложенные в человека. Дилан верил, что ребенок может раскрыть и развить этот потенциал, если будет воспитываться в культурной изоляции, если будет получать только ту информацию, которая позволит ему острее почувствовать существование психической вселенной. При этом необходимым условием являлись длительные периоды времени, проводимые в камере отсечения внешних воздействий, с тем чтобы ребенок сосредотачивался на своем внутреннем мире и искал собственные скрытые таланты.

— Изоляция — способ достижения ребенком максимальной концентрации, — вставил Бут, — способ отсечь все отвлечения повседневной жизни для того, чтобы сфокусировать мозг на вопросах психики.

— Когда миссис Маккэффри решила развестись с Диланом, — продолжил Ахландер, — тот увидел возможность воспитать Мелани в соответствии с его собственными

теориями и похитил девочку именно с таким намерением.

— И вы его поддержали. — Дэн повернулся к Буту. — Пособничество в похищении, соучастие в насилии над ребенком.

Седовласый издатель подошел к стулу Дэна, склонился над детективом, посмотрел на него с неприкрытым презрением. Бута несколько не волновала боль, которую он причинил людям своими действиями.

— Это было необходимо. Такие возможности не упускают. Вы только подумайте! Если бы мы смогли доказать, что выход в астрал реален, если бы ребенка научили покидать свое тело по собственному желанию, тогда, возможно, метод удалось бы усовершенствовать и обучить тому же взрослых... *избранных* взрослых. Представьте себе, что избранная группа, интеллектуальная элита, владеет способностью входить незамеченной в любую комнату, как бы хорошо она ни охранялась, слушать любой разговор, каким бы секретным он ни был. Ни государство, ни конкуренты, никто во всем мире не смог бы спрятать от нас свои планы и намерения. И втайне от всех мы смогли бы наконец создать всемирное государство, не встречая сопротивления оппозиции. А какое сопротивление могла бы оказать оппозиция, если бы мы присутствовали на всех заседаниях ее руководителей, знали бы их имена, намерения, секреты?

Бут тяжело дышал. В какой-то степени от выпитого спиртного, но в основном от грез власти, которые рисовало его неумное воображение. Лампа от «Тиффани» бросала янтарные круги света на его щеки, точки синего на подбородок, запятнала губы желтым, окрасила нос и лоб зеленым, так что он напомнил Дэну какого-то участника карнавала, странного и безумного клоуна, в чьих глазах можно углядеть алый отблеск костров ада и обреченную на вечные муки душу.

— Мир стал бы нашим, — добавил Бут. Издатель и писатель улыбнулись, словно забыли, что план их не сработал, а сами они попали в беду.

— Да вы оба — психи, — пробормотал Дэн.

— Просто мы можем заглянуть в будущее, — ответил Ахландер.

— Психи.

— Ясновидящие, — Бут отвернулся от Дэна и опять заходил по библиотеке.

Улыбка Ахландера поблекла, он вспомнил, почему они собрались здесь втроем, и продолжил рассказ:

— Дилан Маккэффри жил в доме в Студио-Сити двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, год за годом, не отходя от Мелани, превратившись в такого же заключенного, как девочка, виделся лишь с несколькими друзьями и коллегами, которые пытались соединить науку и оккультизм и разделяли его взгляды и так или иначе находились в зависимости от Палмера Бута. Дилан становился все более одержим проектом, и режим, который он устанавливал для Мелани, ужесточался, он не желал принимать во внимание человеческие недостатки, слабости, ограничения. Серая комната, со звуконепроницаемыми стенами, без единого окна или цветового пятна, стала средой обитания для Мелани и центром вселенной для ее отца. Те немногие, кто знал об эксперименте, думали, что участвуют в благородной попытке трансформировать человечество, разумеется, в лучшую сторону, и держали в секрете пытки Мелани, словно охраняли что-то святое и чистое.

— А потом, два дня тому назад, Мелани наконец-то совершила тот прорыв, о котором мы все мечтали. — Ахландер покачал головой. — Во время самого длительного пребывания в камере отсечения внешних воздействий, которому подверг ее отец, она сделала то, чего добивался от нее Дилан.

— Девочка реализовала свой психический потенциал, — подал голос Бут, стоявший у окна и окутанный лилово-серыми тенями. — Она отделила астральное тело от физического и поднялась из резервуара.

— Но дальше произошло то, чего никто из нас не ожидал, — подхватил Ахландер. — В ярости она убила своего отца, Вилли Хоффрица и Эрни Купера, который случайно оказался в тот момент в доме.

— Но как? — спросил Дэн, хотя к тому времени он уже решил, что слышит правду. — Вы же сказали, что астральное тело обычно может только наблюдать, но не способно на какие-либо физические действия. И даже если это не тот случай... она же маленькая, хрупкая девочка. Этих людей забили до смерти. Жестоко забили.

Палмер Бут двинулся от окна к книжным стеллажам, где тени полностью поглотили его. И из темноты донесся его лишенный тела голос:

— Выход в астрал оказался не единственной психической способностью, которой маленькая сучка обучилась в ту ночь. Она так же поняла, как телепортировать свое астральное тело на любые расстояния...

— В Лас-Вегас, в горы к Маммоту, — уточнил Альберт Ахландер.

— ... и как передвигать предметы, не касаясь их. Телекинез. — Бут замолчал. Из темноты донеслось звяканье стакана о зубы. Потом очень уж громкий глотательный звук. — Сила у нее психическая, сила мозга, у которой практически нет предела. Она сильнее десяти мужчин, ста, *тысячи*. Она без труда разделалась со своим отцом, Хоффрицем и Купером... а теперь разбирается с остальными, убивает нас одного за другим и, похоже, может учуять нас, где бы мы ни пытались спрятаться.

* * *

Мелани вздохнула.

Лаура наклонилась к ней, всмотрелась в дочь в свете экрана.

Веки опускались девочке на глаза.

Обеспокоившись, Лаура положила руку ей на плечо, мягко потрясла.

Мелани моргнула.

— Смотри фильм, сладенькая. Смотри фильм.

Взгляд ребенка очистился от тумана. Мелани вновь следила за происходящим на экране.

* * *

Бут вышел из теней.

Ахландер наклонился вперед.

Оба, похоже, ждали ответа Дэна, его заверений в том, что он убьет девочку и остановит бойню.

Но он молчал, потому что хотел, чтобы их еще сильнее пробил пот. А кроме того, его переполняли столь противоречивые чувства, что он еще не доверял своему голосу.

Дэн знал, что убивать — универсальная человеческая способность, такая же, как любить. Она имела место быть у добрых и слабых, нежных и невинных, хотя у одних была запрятана глубже, чем у других. Он не удивлялся тому, что способность эта открылась у Мелани, как не удивлялся тому, что ею обладали десятки и сотни убийц, которых он отправил за решетку... хотя тот факт, что Мелани — убийца, поверг его в глубокую тоску.

Конечно, он прекрасно понимал, с чего у Мелани возникло желание убивать. Запрятанная в тюрьму, подвергаемая физическим и психологическим пыткам, лишенная любви, ласки, понимания, воспринимаемая как лабораторная мартышка, а не как человеческое существо, долгие годы испытывавшая ментальную, эмоциональную и физическую боль, она накопила в себе сверхчеловеческий потенциал ярости и ненависти. И эти ярость и ненависть, вырвавшись наружу, не знали жалости. Мелани мстила, и мстила жестоко, неистово, кроваво. Возможно, именно эти ярость и ненависть, необходимость выпустить их наружу, потому что они просто разрывали ее изнутри, оказались тем ингредиентом, который, вкуче с потугами отца лишить девочку контактов с внешним миром,

чтобы она сосредотачивалась исключительно на своем внутреннем мире, позволили Мелани совершить прорыв к своим психическим способностям.

И теперь она выслеживала своих мучителей, хрупкая, маленькая девочка, но при этом очень опасная и умеющая убивать куда более эффективно, чем Джек-Потрошитель или любой член семьи Мэнсона. Но она не была отпетой убийцей. И вот за эту мысль Дэн ухватился, как утопающий за соломинку. Какая-то ее часть находилась в диком ужасе от того, что она натворила. В конце концов, потрясенная собственной жадой крови, она искала убежища в кататоническом состоянии, заползала в это темное место, где могла спрятать страшную правду об убийствах от всего мира... и от себя. Пока у нее сохранялась совесть, она еще не прошла весь путь, превращающий человека в зверя, а потому оставалась надежда на восстановление ее психического здоровья.

Именно она «оживила» радиоприемник на кухне. Она не могла сбросить с души тяжелый груз вины и отвращения к себе, который держал ее в квазиаутистичном состоянии, не могла говорить о том, что сделала и собиралась сделать, но сумела через радиоприемник послать предупреждения и мольбу о помощи. Все эти послания означали следующее: «Помогите мне, остановите меня. Помогите мне. Остановите меня».

И смерч, наполненный цветами, был... чем? Нет, конечно же, не угрозой. Лаура и Эрл подумали, что он им угрожал, но лишь потому, что ничего не понимали. Нет, наполненный цветами смерч являл собой отчаянную попытку Мелани выразить любовь к матери.

Любовь к матери.

В этой любви девочка могла обрести спасение.

Молчание Дэна действовало Буту на нервы, и он заговорил первым:

— Когда она совершила этот прорыв, сбросила оковы плоти, поняла, какими способностями обладает, и научилась их использовать, она должна была проникнуться к нам чувством благодарности. Эта маленькая сучка должна была благодарить своего отца и всех тех, кто помог ей стать не просто ребенком, не просто человеком.

— Вместо этого злобная маленькая сучка набросилась на нас. — В голосе Ахландера слышалась прямо-таки детская обида.

— Поэтому вы и послали Неда Ринка, чтобы убить ее, — разлепил наконец губы Дэн.

Для того чтобы найти оправдание, много времени Буту не потребовалось.

— У нас не было выбора. Она представляла собой невероятную ценность, и мы хотели изучить и понять ее. Но мы уже знали, что она идет по нашему следу, поэтому не могли снова захватить ее и продолжить исследования. Слишком большим был риск.

— Мы не хотели ее убивать, — добавил Ахлан-дер. — В конце концов, мы ее создали. Благодаря нам она обрела новые способности. Но нам не оставалось ничего другого. Самосохранение. Самозащита. Ничего больше. Она стала монстром.

Дэн смотрел на Ахландера и Бута, и ему казалось, что он в зоопарке, сквозь прутья смотрит на зверей в клетке. Должно быть, это был инопланетный зоопарк, и располагался он далеко от Солнечной системы, потому что здешний мир вроде бы не мог произвести на свет божий столь странных, бессердечных и жестоких существ, как эти.

— Мелани не была монстром, — ответил он. — А вот вы были. И остаетесь ими. — Он поднялся, переполняющая его злоба не позволяла усидеть на месте, сжал пальцы в кулаки. — А чего вы, собственно, ждали, после того как девочка совершит тот самый прорыв, к которому вы стремились? Вы думали, что она скажет: «Ох, я премного вам благодарна! Что я могу теперь для вас сделать, какие желания выполнить, какими делами отплатить за вашу доброту?» Вы думали, что она станет джинном, выпущенным из лампы, и будет стремиться ублажить тех, кто потерял медь и освободил ее? — Он понял, что кричит. Попытался понизить голос, но не смог. — Вы же засадили ее в тюрьму на шесть лет! Пытали ее! Вы думаете, заключенные обычно испытывают чувство благодарности к своим тюремщикам и мучителям?

— Какие пытки! — возмутился Бут. — Это был... образовательный процесс. Ее направляли в нужную сторону. Научно обоснованная эволюция.

— Мы показывали ей Путь, — добавил Ахландер.

* * *

Мелани что-то пробормотала.

Лаура не расслышала ни слова из-за громкой музыки и визга шин, фильм-то продолжался. Наклонилась к дочери.

— Что такое, сладенькая?

— Дверь... — прошептала Мелани.

В пульсирующем отблеске экрана Лаура увидела, что глаза девочки вот-вот закроются.

— Дверь...

* * *

За французскими окнами на Бел-Эр опустилась ночь.

Бут направился к бару за очередной порцией бурбона.

Ахландер тоже поднялся. Стоял за столом, глядя на цветную мозаику абажура лампы от «Тиффани».

— Что такое «Дверь в декабрь»? — спросил Дэн. — Дверь, которая открывается в другой сезон, в отличие от любой другой двери и окна в доме? Я кое-что прочитал об этом термине в вашей книге. Вы написали, что это парадоксальный образ, который используется как ключ к психическим способностям, заложенным в человеке, но дочитать главу я не успел и не уверен, что понял, о чем речь.

Ахландер заговорил, не отрывая глаз от лампы:

— Для того чтобы убедить Мелани, что *возможно все*, чтобы лучше объяснить ей такие фантастические концепции, как выход в астрал, ей предлагались специально разработанные образы, на которых следовало сосредоточиться во время длительного пребывания в камере отсечения внешних воздействий. Каждый такой образ — невозможная ситуация... тщательно сконструированный парадокс. Я полагал... и до сих пор полагаю, что такие, тренирующие мозг упражнения полезны для людей, которые хотят развить свой психический потенциал. Это способ подготовить себя к изучению немыслимого, способ преобразовать свой взгляд на мир, принять то, что ранее считалось невозможным.

— Альберт — умница, гений, — донесся от бара голос Бута. — Он многие годы пытается совместить науку и оккультизм. Нашел области, где эти дисциплины пересекаются. Он может многому нас научить, многое нам дать. Он не должен умереть. Вот почему вы не должны позволить этой маленькой сучке убить нас, лейтенант. Мы оба можем многое дать этому миру.

Ахландер все еще смотрел на густые цвета стеклянного абажура.

— Визуализацией невозможного, прилагая все силы для того, чтобы сделать каждую из этих странных концепций возможной, реальной, знакомой, вы в конце концов сможете освободить ваши психические способности из ментального ящика, в который сами же запечатали их своим неверием, возвращенным как обществом, так и культурой. Предпочтительно визуализировать во время глубокой медитации или в загипнотизированном состоянии, для достижения максимальной концентрации разума. Эта гипотеза никогда не была доказана. Потому что ученым запрещено подвергать людей длительным и иногда болезненным воздействиям, необходимым для установления контакта с собственным астральным телом.

— Чертовски жаль, что вы не жили в Германии, когда там правили нацисты. — В голосе Дэна слышалась горечь. — Я уверен, они предоставили бы вам не одну сотню людей для столь интересного эксперимента, и им было бы совершенно наплевать на то, какие вы будете

применять методы для того, чтобы человек овладел заложенными в него психическими способностями.

Ахландер словно и не услышал оскорбления.

— Но с Мелани, от которой с помощью наркотиков добивались долговременной и интенсивной концентрации, в сочетании с продолжительными и все удлиняющимися по времени пребываниями в камере отсечения внешних воздействий... это был идеальный подход, который в конце концов и привел к прорыву.

Оккультист объяснил, что, кроме двери в декабрь, были и другие тренирующие мозг образы. Иногда Мелани предлагалось сосредоточиться на лестнице, которая уходила вбок. Ахландер продолжал:

— Представьте себе, что вы на огромной, бесконечной викторианской лестнице с резными перилами. Внезапно вы осознаете, что не поднимаетесь и не спускаетесь. Вы на лестнице, которая уходит вбок, у которой нет ни начала, ни конца. Другие концепции включали кошку, которая поедает себя (эту историю Мелани пересказала в номере мотеля, находясь в гипнотическом состоянии), или окно в прошлое. Вы стоите у окна спальни и смотрите на лужайку. Вы видите не ту лужайку, какая она сегодня, а ту, какой была вчера, когда вы загорали на ней. Вы видите себя лежащим на пляжном полотенце. Это не то зрелище, которое вы можете увидеть через другие окна в комнате. Это не обычное окно. Это окно, которое смотрит во вчера. И, если вы вылезете через это окно, окажетесь ли вы во вчера, будете ли стоять рядом с самим собой, загорающим на полотенце?

Бут покинул бар, проскользнул сквозь тени, остановился у границы многоцветного светового круга, отбрасываемого лампой от «Тиффани».

— Сначала участник эксперимента должен поверить в парадокс, а потом уже не только поверить, но и стать его составным элементом. К примеру, лестница в никуда лучше всего срабатывала с Мелани, и наступал момент, когда ей предлагали сойти с конца лестницы, хотя никакого конца у этой лестницы не было. А сделав это, она бы покинула свое тело, и у нее начался бы выход в астрал. Или, если бы окно во вчера с ней сработало, она бы вышла во вчера, и смещение, в результате которого она бы стала частью невозможного, также могло привести к выходу в астрал. Так, разумеется, все выглядело в теории.

— Безумие, — повторил Дэн.

— Никакого безумия. — Ахландер оторвал взгляд от лампы. — Все так и вышло, сами видите. Девочке удалось визуализировать дверь в декабрь, и, пройдя через нее, она вошла в контакт со своими психическими способностями. Научилась их контролировать.

Дэн и Лаура ошибались. Девочка не боялась того Неведомого, которое могло выйти через дверь из какого-то сверхъестественного измерения. Она боялась другого: если дверь откроется, она войдет в нее и снова начнет убивать. Она разрывалась между двумя противоположными и мощными желаниями: с одной стороны, ей хотелось убить всех своих мучителей, с другой — она отчаянно стремилась положить конец убийствам.

Господи Иисусе!

Бут подошел к столу, положил руки на пачки банкнот, которые заполняли открытый чемоданчик, посмотрел на Дэна.

— Ну, что?

Вместо того чтобы ответить ему, Дэн задал вопрос Ахландеру:

— Когда она входит в это новое для себя состояние, использует эти способности, изменяется ли температура окружающего воздуха, причем до такой степени, что это замечают другие люди?

Ахландер заметно оживился:

— А каким образом она может изменяться?

— Резко понизиться.

— Такое возможно, — кивнул Ахландер. — Скорее всего, это свидетельствует о быстром накоплении оккультной энергии. Подобный феномен ассоциируется с полтергейстом. Вы при этом присутствовали?

— Да, — кивнул Дэн. — Думаю, это случается всякий раз, когда девочка покидает свое тело... или возвращается в него.

* * *

Внезапно в кинотеатре похолодало.

Лаура на две, максимум три секунды отвлеклась от Мелани, и до этого глаза девочки были широко раскрыты. Теперь же они закрылись, и Оно приближалось. Должно быть, где-то ждало, наблюдало, чтобы сразу же воспользоваться уязвимостью девочки.

Лаура схватила Мелани, тряхнула ее, но глаза не открылись.

— Мелани? Мелани, проснись! Температура воздуха падала.

— Мелани!

Падала и падала.

В панике Лаура ущипнула дочь за щеку.

— Проснись! Проснись!

Сзади раздался чей-то голос: «Эй... потише». Температура падала.

* * *

Рука Бута лежала на деньгах, ласкала их.

— Вы знаете, где она. Вы должны ее убить. Это будет правильно.

Дэн покачал головой:

— Она еще ребенок.

— Она уже убила восемь человек.

— Человек? — Дэн невесело рассмеялся. — Да разве люди могли сделать с ней то, что делали вы? Пытать электрошоком? Куда вы прикрепляли электроды? На ее шею? Руки? На гениталии? Да, готов спорить, что на гениталии. Максимальный эффект. Именно к этому стремятся все палачи. К максимальному эффекту. Восемь человек, говорите? Есть определенный предел аморальности, уровень безжалостности, переступив которые вы уже не можете называть себя людьми.

— Восемь человек. — Бут отказывался признавать правоту Дэна. — Девочка — монстр, психопатический монстр.

— У нее глубокое расстройство психики. Она не может нести ответственность за свои действия. — Дэн и представить себе не мог, что будет наслаждаться, видя, как другого человека трясет от страха, но он наслаждался, глядя на ужас и отчаяние, которые все явственнее проступали на лицах этих мерзавцев по мере того, как те понимали, что их последняя надежда на спасение — ложная.

— Вы — слуга закона, — сердито бросил Бут. — Ваш долг — сделать все для предотвращения насилия.

— Убить маленькую девочку — совершение насилия, а не его предотвращение.

— Но если вы ее не убьете, она убьет нас, — возразил Бут. — Две смерти вместо одной. Убейте ее, и в итоге вы спасете одну жизнь.

— То есть в графу «кредит» я смогу записать одну жизнь, так? Любопытный подход. Знаете, мистер Бут, как только вы попадете в ад, готов спорить, что дьявол назначит вас своим бухгалтером.

Внезапный прилив ярости превратил лицо седовласого издателя в гротескную маску дикой ненависти и бессильной злобы. Он швырнул в Дэна стакан.

Дэн пригнулся, и дорогой хрусталь упал на пол за его спиной и разлетелся на мелкие осколки.

— Ты безмозглый гребаный сукин сын! — зло выплюнул Бут.

— Ой, ой. Хорошо хоть, что ваши друзья по клубу «Ротари»¹ этого не слышат. Они были бы в шоке.

Бут отвернулся от него, уставился в темноту, где на полках молчаливо стояли книги. Его трясло от ярости, но он не произнес ни слова.

Дэн выяснил все, что хотел. Пришла пора уходить.

* * *

Лаура не могла разбудить Мелани. Она мешала смотреть фильм, злила сидящих неподалеку зрителей, но не могла добиться хоть какой-то реакции дочери. Девочка не раскрывала глаз, даже веки и те не дрожали.

Эрл поднялся и сунул руку за пазуху.

Лаура дико оглядывалась, ожидая первых признаков появления загадочной оккультной силы.

Но холод сняло, как рукой, воздух вновь прогрелся, ничего сверхъестественного не произошло.

Если в зрительный зал что-то и проникало, то теперь убралось восвояси.

* * *

Взгляд Ахландера вернулся к мозаике цветного стекла абажура настольной лампы, единственного источника света в библиотеке. Но, судя по затуманившимся глазам, видел он совсем не лампу, а что-то другое, скажем, свое будущее, в котором ему, похоже, уже ничего не светило. И заговорил он с дрожью в голосе:

— Лейтенант, послушайте, пожалуйста... вам необязательно соглашаться с тем, что мы делали... мы, скорее всего, вам не нравимся... но пожалейте нас.

— Пожалеть? Вы думаете, что я из жалости могу вышибить мозги маленькой девочке?

Палмер Бут шагнул к нему из теней.

— Вы же не только спасете наши жизни. Господи, неужели вы этого не понимаете? У нее же съехала крыша. Она почувствовала вкус крови, и нет гарантий, что мы станем последними ее жертвами. Вы же сами признали, что она не в себе. Сказали, что мы свели ее с ума и она не несет ответственности за свои поступки. Хорошо! Она не несет ответственности, но она же вышла из-под контроля и со временем будет становиться все более могущественной, в большей и большей степени овладевая своими психическими способностями. Если кто-то не остановит ее сейчас, тогда, возможно, уже в ближайшем будущем никто не сможет ее остановить. Дело не только во мне и Альберте. Сколько еще людей может умереть?

— Ни одного, — ответил Дэн.

— Что?

— Она убьет вас двоих, последних оставшихся в живых участников проекта «Серая комната», а потом... потом покончит с собой.

От этих слов у него защемило сердце, перехватило дыхание. Не хотелось и думать о том, что ему не удастся остановить Мелани, не дать ей свести счеты с жизнью из-за того, что она сделала.

— Покончит с собой? — переспросил Бут.

— С чего вы это взяли? — спросил Ахландер.

Он рассказал им о сеансах гипноза Лауры, о том, что говорила Мелани насчет

¹ Клуб «Ротари» — местное отделение элитарной общественной организации «Ротари интернэшнл», объединяющей влиятельных представителей деловых кругов. Члены клуба проводят еженедельные собрания, участие в которых является одним из условий членства.

собственной уязвимости.

— Когда девочка уверяла, что Оно придет за ней после того, как покончит со всеми остальными, мы понятия не имели, о каком существе идет речь. Духе, демоне... Казалось невозможным поверить в их существование, но мы стали свидетелями того, что в нашем мире появилось что-то странное. Теперь мы знаем, что это не дух и не демон, и мы знаем... короче, убив вас, она собирается покончить с собой, обратить против себя свои психические способности. Так что, сами видите, на карту поставлены как ваши жизни, так и ее, и, боюсь, если у меня и есть шанс спасти чью-то жизнь, так только жизнь Мелани.

Бут, который в вопросах морали не отличался от Адольфа Гитлера или Иосифа Сталина, который с чистой совестью нанимал палачей и убийц, который сам убил бы кого угодно, если бы не было другой возможности спасти собственную шкуру, этот насквозь продажный тип пришел в ужас, окончательно осознав, что Дэн, слуга закона, не только не собирается воспрепятствовать их насильственной смерти, но и радуется тому, что они покинут этот мир.

— Но... но... если она убьет нас, а вы, имея возможность остановить ее, не воспользуетесь этой возможностью... тогда вы будете не меньше ее виновны в нашей смерти.

Дэн посмотрел на него, потом кивнул:

— Да. Но меня это не шокирует. Я всегда знал, что в этом я ничем не отличаюсь от остальных. Я всегда знал, что при определенных обстоятельствах я способен на хладнокровное убийство.

Он повернулся к ним спиной.

Направился к двери.

— Сколько, по-вашему, у нас времени? — спросил Ахландер, когда Дэн отошел на несколько шагов.

Тот остановился, повернулся, посмотрел на них.

— Прочитав утром часть вашей книги, я подумал, что хотя бы частично понимаю происходящее. Поэтому, уезжая к вам, попросил Лауру не дать Мелани уснуть или еще глубже уйти в себя. Я не хотел, чтобы она пришла за вами до нашего разговора. Но этой ночью я не собираюсь заставлять Мелани бодрствовать. А когда она ляжет в постель и уснет...

Все молчали.

Тишину нарушал только шум дождя.

— Значит, у нас есть несколько часов, — выдохнул Бут, и это был уже не тот человек, который совсем недавно поднялся навстречу Дэну из-за стола. Этот Бут производил куда более жалкое впечатление. — Всего несколько часов...

Но у них не было и этих часов. Едва голос Бута смолк и тишину наполнил их ужас и жалость к себе, температура воздуха в библиотеке мгновенно упала на двадцать градусов.

Лаура не смогла помешать Мелани заснуть.

— Нет! — выкрикнул Ахландер.

Книги сорвало с одной из самых высоких полок и бросило в Бута и Ахландера.

Оба мужчины закричали и подняли руки, защищаясь от бумажных снарядов.

Тяжелое кресло оторвало от пола, подняло на восемь футов. Там кресло зависло, начало вращаться вокруг оси, а потом полетело через библиотеку и ударило по французским окнам. Зазвенело разбитое стекло, потом раздался грохот: кресло отскочило от крепкой деревянной рамы и упало на пол.

Мелани пришла. Ее этерическая половина. Астральное тело, или психогейст.

Дэн подумал о том, чтобы заговорить с ней, попытаться остановить, прежде чем она снова убьет, но он знал, что надежды достучаться до нее нет, как не получилось это у Лауры во время сеанса гипноза. Он не мог спасти Бута и Ахландера, да и не хотел этого делать. Он мог попытаться спасти только одну жизнь — Мелани. Думал, что знает, как можно удержать ее астральное тело, не позволить ему наброситься на тело физическое. Конечно, особой уверенности, что его замысел сработает, не было. Но для того чтобы попытаться реализовать

этот замысел, от него требовалось находиться рядом с телом девочки, ее физической половиной, к моменту возвращения астрального тела. Из этого следовало, что он должен спешить в Уэствуд, в мультикомплекс, в темный зал, где Мелани, Лаура и Эрл смотрели фильм, и прибыть туда до того, как девочка закончит свои дела в Бел-Эре, то есть он не мог тратить время на бесплодную попытку убедить ее не убивать Бута и Ахландера.

Невидимые руки скинули книги с другой полки, и они разлетелись по всей библиотеке.

Бут кричал.

Бар взорвался, словно в него попала бомба, и в воздухе запахло виски.

Ахландер молил о пощаде.

Дэн увидел, как лампа от «Тиффани» поднялась со стола, напоминая воздушный шар на причальном тросе. Прежде чем трос-провод натянулся до предела, Дэн уже понял, что нельзя терять ни секунды. Пробежал несколько ярдов, которые еще отделяли его от дверей. Когда он открывал дверь, свет погас и библиотека за его спиной погрузилась в темноту.

Дэн плотно закрыл за собой дверь и побежал через дом, возвращаясь тем же маршрутом, каким вел его дворецкий.

В комнате со стенами цвета персика и лепным потолком Дэн столкнулся с ним. Тот бежал к библиотеке, откуда доносились ужасные крики.

— Вызовите полицию! — приказал ему Дэн. Он не сомневался, что Мелани не причинит вреда людям, не связанным с серой комнатой. Тем не менее, когда дворецкий остановился, добавил: — Не входите в библиотеку. Не приближайтесь к ней. Вызовите полицию. И, ради бога, не входите в библиотеку!

* * *

Темный зал более не казался Лауре убежищем. У нее начался приступ клаустрофобии. Ряды кресел напирали на нее. Темнота угрожала ей. Да как могла она укрыться в этом месте средоточения тьмы! В темноте Оно наверняка чувствовало себя как рыба в воде.

Что произойдет, если температура воздуха вновь понизится и эта тварь вернется?

А Оно обязательно вернется.

Это Лаура знала точно.

Вернется, и скоро.

* * *

Огромные металлические ворота начали раскрываться, когда Дэн проехал только половину дороги.

Он предположил, что обычно дворецкий звонил охраннику, и тот открывал ворота, когда гость только выезжал с парковочного круга перед домом. Но в этот самый момент дворецкий звонил по номеру 911, перепуганный до смерти криками и грохотом, доносящимися из библиотеки, так что охранник привел в действие электропривод ворот, увидев фары приближающегося автомобиля.

Дэн снова поставил на крышу мигалку и включил ее. Мчался к воротам, вдавив в пол педаль газа, надеясь, что ворота успеют открыться вовремя. Потому что с такой массивностью они могли остановить не только легковушку, но и танк. И при столкновении от него осталось бы мокрое место, а седан превратился бы в груды железа.

Он мог бы ехать и с меньшей скоростью, но счет шел на секунды. Даже если бы астральное тело девочки и не прикончило Бута и Ахландера за несколько минут, оно вернулось бы в мультикомплекс в Уэствуде гораздо быстрее Дэна. Автомобиль не мог соревноваться в скорости с духом, последний мгновенно перемещался из одного места в другое. А кроме того, у дворецкого могла возникнуть мысль, что Дэн имеет какое-то

отношение к происходящему в библиотеке. Он мог позвонить охраннику, тот бы начал закрывать еще открывающиеся ворота, блокируя путь Дэну. И тогда были бы потеряны уже не секунды — минуты.

В тридцати футах от ворот, видя, что они все еще открываются, Дэн убрал ногу с педали газа, чуть придавил на педаль тормоза. Автомобиль чуть повело в сторону, но Дэн легким поворотом руля вернул его на середину дороги. Раздался резкий скрежет. Задний бампер чуть зацепил одну из створок. Улица пустовала. В визге шин и тормозов Дэн повернул налево и тут же прибавил скорости.

С включенной мигалкой погнал седан на пределе возможностей. На полной скорости прошел несколько слепых и наполовину слепых поворотов, рискуя собственной жизнью и жизнью тех, кто мог ехать навстречу.

Мысли вернулись в прошлое: Дельмар, Кэрри, Синди Лейки...

Этот список не должен пополниться!

Мелани была убийцей, да, но она не заслуживала смерти за содеянное. Она была не в своем уме, когда убивала их. А кроме того, убийство при самозащите зачастую не ставили человеку в вину, а здесь был тот самый случай. Если бы она не убила их, всех до единого, они бы продолжали преследовать ее, если не из мести, то с тем, чтобы продолжить эксперименты.

Если бы она не убила всех десятерых, ее мучения бы продолжались.

Ему требовалось донести до нее эту мысль. И он полагал, что знает, как это сделать.

«Господи, пожалуйста, позволь моему плану сработать».

Уэствуд находился неподалеку. С включенной мигалкой, не думая о собственной безопасности, он мог добраться до мультикомплекса менее чем за пять минут.

Дельмар, Кэрри, Синди Лейки... Мелани...

Нет!

* * *

Зрительный зал превратился в большой холодильник.

Лаура вскочила, не представляя себе, что нужно делать, зная только одно: невозможно усидеть на месте, когда Оно приближается.

Температура воздуха падала. Ей показалось, что в зале уже холоднее, чем на кухне ее дома или в номере мотеля, во время прежних визитов Неведомого.

Сзади кто-то вежливо попросил Лауру сесть, головы поворачивались к ней и с половины зрительского зала, которая находилась по другую сторону центрального прохода. Но через какое-то мгновение внимание зрителей переключилось на холод, который внезапно воцарился в зале.

Эрл тоже поднялся, но на этот раз вытащил пистолет из кобуры.

Мелани издала пронзительный, печальный крик, но глаза не открыла.

Лаура схватила ее, тряхнула:

— Крошка, проснись! Проснись!

По залу пронесся шелест голосов. Но зрители реагировали не на Лауру и Мелани, они обсуждали тот факт, что мерзнут. А потом все в ужасе замолчали, потому что огромный экран с громким треском разорвало снизу доверху. Зазубренная линия черноты появилась на проецируемых образах, у фигур на экране коржило лица и тела, поскольку серебристая поверхность, на которой они существовали, начала морщиниться, вздвигаться, опадать.

Мелани дернулась в кресле, ударила рукой воздух, раз, другой, третий... Удары доставались и Лауре, которая пыталась разбудить девочку.

Как только экран порвался, заставив замолчать зрителей, обе половины тяжелого занавеса, который его закрывал между сеансами, сорвало с направляющих под потолком. Половины занавеса взлетели в воздух, будто сам дьявол появился в зрительном зале и теперь

расправлял свои крылья, такие же, как у летучей мыши. Но тут же они упали на пол горами материи.

Этого зрители уже не выдержали. В замешательстве, испуганные, повскакивали с мест.

Получив с десяток ударов по рукам и лицу, Лаура сумела схватить Мелани за запястья и держала крепко. Через плечо посмотрела на экран.

Механик еще не остановил показ, поэтому на разорванном экране продолжалась демонстрация фильма. Горели и лампы аварийного освещения. Света вполне хватало для того, чтобы все увидели, что произошло потом. Пустующие кресла первого ряда, привинченные, как и все остальные, к полу, вырвало «с мясом», высоко подняло в воздух и швырнуло в экран. Они прорвали прочный пластик, уничтожая еще нетронутые части экрана.

Люди начали кричать, несколько человек побежали к выходу в глубине зрительного зала.

Кто-то закричал: «Землетрясение!»

Землетрясение не могло объяснить происходящее, и едва ли кто поверил такому объяснению. Но это слово в Калифорнии всегда вызывало панику. А из пола уже вырвало кресла второго ряда. Болты со скрежетом ломали бетон.

Лаура подумала, что какое-то чудовище проникло в зал со стороны экрана и теперь прокладывало путь к ним, круша все на своем пути.

— Уходим отсюда! — прокричал Эрл, хотя он не хуже Лауры понимал, что от Неведомого, пусть они и не знали, кто это или что это, убежать невозможно.

Мелани прекратила сопротивление, обмякла. Так обмякла, что напоминала мертвую.

Механик выключил проекционный аппарат, в зале вспыхнул свет. Все, кроме Лауры, Эрла и Мелани, спешили к дверям в задней части зала, половина зрителей уже успела выскочить в фойе.

С гулко бьющимся сердцем Лаура подняла Мелани на руки, по ряду направилась к проходу. Эрл следовал за ней по пятам.

В воздух уже поднимались кресла четвертого ряда. Они летели в сторону изорванного экрана и с грохотом разбивались. Но больше всего шума создавали двери запасных выходов по обе стороны от экрана. Они с диким треском снова и снова открывались и захлопывались. Пневматические доводчики, призванные обеспечить их плавное закрытие, ничего не могли поделать с той силой, что двигала дверьми.

Лаура видела не двери, а голодные пасти, и знала: если она попытается выйти через одну из этих дверей, то окажется не на автомобильной стоянке, а в чреве невообразимо страшного чудовища. Безумная мысль. Безумная. Но Лаура была на грани паники.

А если бы она не стала свидетельницей полтергейста куда меньших пропорций на кухне своего дома, то, наверное, и не смогла бы сдержать охватывающую ее панику. Что все это значит? Опять Неведомое? И почему Оно так хочет добраться до Мелани?

Дэн знал. Если не все, то что-то точно знал.

Но его знания не имели ровно никакого значения, потому что в этот момент он помочь им не мог. И Лаура сомневалась, что когда-нибудь увидит его вновь.

И пусть она едва не впадала в истерику, а запас эмоциональных сил стремительно подходил к концу, мысль о том, что она никогда больше не увидит Холдейна, безмерно ее опечалила.

Она уже добралась до прохода, когда ноги начали подгибаться под двойным весом Мелани и ужаса. Эрл сунул пистолет в плечевую кобуру и взял девочку из рук Лауры.

Лишь несколько человек оставались у дверей в фойе, толкая в спины тех, кто шел впереди. Двое или трое оглядывались, не в силах оторвать глаз от царящего у экрана хаоса.

Лаура и Эрл успели сделать несколько шагов по направлению к спасительной двери в фойе, когда из пола в первых рядах перестало вырывать кресла. Теперь неведомая сила переключилась на задние ряды. Кресла поднялись в воздух, а потом вповалку, друг на друга, их бросило в проход, создавая баррикаду.

Мелани не разрешали выйти из зала.

Держа девочку на руках, Эрл оглядывался, не зная, куда идти.

Внезапно что-то толкнуло его. Сильно. Отбросило назад. Что-то вырвало Мелани из его рук. Девочка покатилась по проходу, пока не уперлась в боковину одного из еще стоявших на месте кресел.

Крича, Лаура подскочила к дочери, перевернула на спину, приложила руку к шее, нащупала пульс.

— Лаура!

Она вскинула голову, услышав свое имя, и почувствовала ни с чем не сравнимое облегчение, увидев Дэна Холдейна. Он ворвался в зал через заднюю дверь, расталкивая последних, еще не успевших выбежать в фойе зрителей.

Перебрался через кресла, которыми невидимый враг перегородил проход, крича:

— Все так! Обнимайте ее, прижимайте к себе, защищайте! — Он добрался до Лауры, опустился на колени. — Накройте ее своим телом, отгородите ее от Неведомого. Потому что вам Оно вреда не причинит.

— Почему?

— Объясню позже. — Он повернулся к Эрлу, который уже поднялся на четвереньки. — Ты в порядке?

— Да, отделался синяками.

Дэн выпрямился во весь рост.

Лаура лежала в проходе, среди попкорна, бумажных стаканчиков и прочего мусора, обнимая Мелани, стремясь своим телом укрыть ее. Она вдруг поняла, что в зрительном зале воцарилась тишина, что невидимое чудовище перестало крушить все, что попадалось у него на пути. Но воздух оставался холодным, просто ледяным.

Оно составляло им компанию.

Дэн медленно повернулся вокруг своей оси, не зная, с какой стороны начнется новая атака.

Но, поскольку ничто не нарушало тишины, заговорил сам:

— Ты не сможешь покончить с собой, не убив свою мать. Она не позволит тебе, если, конечно, ты не убьешь ее первой.

Глядя на него снизу вверх, Лаура спросила:

— С кем вы говорите? — А потом вскрикнула и сильнее прижалась к Мелани. — Что-то отрывает меня от нее! Дэн, что-то отрывает меня от Мелани!

— Сопровитесь!

Лаура крепко держала Мелани и на какое-то мгновение превратилась в эпилептика, бьющегося и дергающегося на полу в припадке. Но атака прекратилась. Лауру перестало отрывать от дочери.

— Отпустило? — спросил Дэн.

— Да, — в недоумении ответила Лаура.

Дэн заговорил, чувствуя, что астральное тело остается в зрительном зале.

— Мама не позволит тебе утащить ее, чтобы ты смогла забить себя до смерти. Она тебя любит. Если придется, она умрет, чтобы защитить тебя.

Три кресла взлетели в воздух, оторвавшись от пола. С полминуты кружились, ударяя друг о друга, потом упали.

— Что бы ты ни думала, — говорил Дэн психогейсту, — ты не заслуживаешь смерти. То, что ты сделала, ужасно, но тебе не оставили выбора.

Тишина.

Никаких взлетающих кресел.

— Твоя мама любит тебя. Она хочет, чтобы ты жила. Поэтому будет держаться за тебя изо всех сил.

Стон, сорвавшийся с губ Лауры, показал, что до нее наконец-то дошла ужасная правда.

У экрана шевельнулись и приподнялись половины занавеса, словно пытаясь вновь превратиться в крылья, но через несколько секунд упали двумя бесформенными кучами.

Эрл встал. Шагнул к Дэну. Оглядывая пустой зрительный зал, он спросил:

— Так это она?

Дэн кивнул.

Плача от пережитого потрясения, горя, страха, Лаура качала дочь на руках.

Воздух оставался холодным.

Что-то толкнуло Дэна невидимыми ледяными руками, но не так чтобы сильно.

— Ты не сможешь покончить с собой. Мы не позволим тебе покончить с собой, — сказал Дэн невидимому астральному телу. — Мы любим тебя, Мелани. У тебя не было шанса начать новую жизнь, но мы хотим дать тебе этот шанс.

Тишина.

Эрл начал что-то говорить, но в нескольких рядах от них психогейт принялся выламывать кресла, половины занавеса на этот раз поднялись и распрямились, как крылья, захлопали двери обоих запасных выходов, с потолка посыпались плитки звукозащитного материала, возник и начал усиливаться дикий вой, быстро набрав такую громкость, что Эрл и Дэн заткнули уши руками.

Дэн видел, как Лаура кривится от боли, но она не отпустила Мелани, чтобы заткнуть свои уши. Крепко держала дочь, прижимая ее к себе.

Вой поднялся до невыносимого уровня, и Дэн уже подумал, что недооценил девочку и она сейчас обвалит крышу, чтобы убить всех ради того, чтобы покончить с собой. Но вой внезапно стих, поднятые в воздух предметы упали на пол, двери перестали хлопать.

Последняя плитка упала в проход в нескольких ярдах от них, пару раз подпрыгнула, замерла.

Опять никакого шевеления.

Опять тишина.

С минуту они с тревогой ожидали, что же будет, а потом воздух начал теплеть.

Из фойе в зрительный зал зашел какой-то мужчина, скорее всего менеджер, и спросил:

— Что здесь произошло, черт побери?

Сопровождавший его другой мужчина, должно быть, билетер, который, скорее всего, видел начало погрома, попытался что-то объяснить, но не смог.

Дэн заметил движение в окне проекционной, увидел выглядывающего из нее мужчину, на лице которого читалось изумление.

Лаура наконец-то оторвалась от Мелани, Дэн и Эрл присели на корточки рядом.

Девочка открыла глаза, но ни на кого не смотрела. Взгляд оставался рассеянным, но заметно отличался от прежнего. Она еще не могла сосредоточиться на чем-либо в этом мире, но уже и не смотрела внутрь себя, где раньше искала убежище. Сейчас она находилась в пограничье между воображаемым и реальным мирами, между темнотой, что царила внутри нее, и светом этого мира, в котором ей предстояло жить.

— Если желание покончить с собой ушло, а я думаю, так и есть, значит, худшее позади, — сказал Дэн. — Думаю, она полностью вернется к нам, со временем. Но это потребует бесконечного терпения и огромной любви.

— У меня хватит и первого, и второго, — ответила Лаура.

— Мы поможем, — добавил Эрл.

— Да, — кивнул Дэн, — мы поможем.

Мелани ждали годы психотерапии, и существовала вероятность того, что ей не удастся излечиться от аутизма. Но Дэн чувствовал, что дверь в декабрь девочка закрыла навсегда и никогда не позволит ей открыться. А если дверь будет закрыта, Мелани, возможно, заставит себя забыть, как ее открывать, возможно, забудет боль, насилие и смерть, которые происходили по ту сторону двери.

Забвение — начало выздоровления.

Вот тут Дэн понял, что и ему нужно усвоить этот урок. Он должен забыть боль прежних неудач. Дельмара, Кэрри, Синди Лейки. Безрассудная, детская надежда захлестнула его: если он сможет наконец забыть эти тягостные воспоминания и закрыть собственную дверь в

декабрь, тогда, возможно, удастся закрыть эту дверь и девочке. Ее выздоровление будет подстегиваться его решимостью отвернуться от смерти.

Он решил пойти на сделку с богом: «Послушай, господи, я обещаю закрыть глаза на прошлое, перестану слишком много размышлять о крови, смерти, убийстве, буду больше времени уделять жизни, ценить те радости, которыми могу наслаждаться, потому что живу, буду выказывать тебе большую благодарность за все то, что ты мне дал, а в обмен, господи, пожалуйста, сделай так, чтобы Мелани прошла весь путь до конца и вернулась к нам. Пожалуйста. Договорились?»

Держа на руках и покачивая дочь, Лаура смотрела на него.

— Вы такой сосредоточенный. Что-то не так? О чем вы думаете?

Даже перепачканная пылью и кровью, с растрепанными волосами, она была прекрасна.

— Забвение — начало выздоровления, — ответил Дэн.

— Вы об этом думали?

— Да.

— Больше ни о чем?

— Этого достаточно. Более чем достаточно.

АВТОРСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Изначально я опубликовал «Дверь в декабрь» под псевдонимом.

Писатели издают книги под псевдонимами по разным причинам.

Допустим, вы пишете бестселлеры о каменщиках и представителях смежных строительных специальностей и, выдав на-гора пятнадцать или двадцать таких историй, вдруг испытываете желание написать книгу об отважных, обладающих множеством талантов, весящих четыреста фунтов мужчинах, которые, с одной стороны, борцы сумо, а с другой — агенты ФБР. Понятное дело, ваши постоянные читатели, ждущие от вас очередного романа о каменщиках, будут разочарованы такой сменой действующих лиц, и вам не остается ничего другого, как опубликовать этот новый роман под псевдонимом.

Или, скажем, под настоящей фамилией вы заключили договор с издателем А. на несколько книг, которые должны передавать в издательство по одной в год, но, в силу слабости моральных устоев или связавшись с дурной компанией, вы попали в ежедневную двадцатичетырехчасовую зависимость от «диетколы», и в результате избыток нервной энергии требует, чтобы вы или пролечились по программе «Двенадцать шагов»¹, или писали по второй книге каждый год. Для вас, блаженствующего от избытка кофеина в крови, программа «Двенадцать шагов» кажется очень долгой и занудной, но никто не предлагает программу «Три шага» или программу «Двенадцать шагов бегом». Кроме того, такое лечение требует денег, тогда как вторая книга, наоборот, приносит дополнительный доход. Поскольку у издателя А. эксклюзивный контракт на использование вашего имени, вам не остается ничего другого, как публиковать вторую книгу под псевдонимом. Соответственно, вы заключаете договор с издателем У. или издателем Ю. (у любого из них куда более экзотическая фамилия, что у нашего дорогого издателя А.), после чего мир знает вас под настоящим именем, скажем, Джон Смит, и псевдонимом, допустим, Обадай Фурк.

В менее просвещенные времена женщина, пишущая в жанре, привлекающем в основном мужскую аудиторию, частенько скрывала свой пол псевдонимом. Соответственно, мужчины, которые писали романтические истории, часто прятались за женскими фамилиями. Опасность здесь, вероятно, в том, что «я» и второе «я» могут перепутаться, в результате чего может обнаружиться, что вы приобрели совершенно новый гардероб, кардинально отличающийся от того, каким пользовались годом раньше, а некоторые из наиболее важных частей вашего тела остались на столе хирурга.

Творцы большой литературы зачастую используют псевдонимы для тех произведений,

¹ «Двенадцать шагов» — программа лечения алкоголизма и наркотической зависимости.

которые с удовольствием читают обычные люди. Они верят, что читательский успех есть абсолютное доказательство того, что данное произведение не имеет никакой литературной ценности, и пусть им нравится получать гонорары за произведения, выпускаемые массовыми тиражами, они не хотят, чтобы их опознали в авторах этих произведений. До конца 1940-х годов граница между большой и массовой литературой была столь размыта, что ее, можно сказать, и не существовало. Многие писатели работали и тут, и там под своим настоящим именем, и их авторская репутация нисколько при этом не страдала. В качестве примера можно назвать Джона Ф. Маркуонда¹, который получил Пулитцеровскую премию и хвалебные отклики критиков на свои повести и романы, относящиеся к большой литературе, и при этом писал детективы, главным персонажем которых выступал некий мистер Мото. В наше время такому не бывать. Во-первых, мистер Маркуонд умер достаточно давно, а потому ему не приходилось укладываться в сроки, обусловленные контрактом, и участвовать в долгих рекламных турах своих новых книг. Более того, после окончания Второй мировой войны американские литературоведы и критики заняли крайне элитистскую позицию, граничащую с презрением к мнению массового читателя, которую и выражают самыми разными способами, включая жесткое разделение литературы на санкционированные и презируемые жанры. Ожидаемым эффектом такого разделения стало превращение писателей-жанровиков в блестящих хроникеров жизни обыкновенных мужчин и женщин, а ведь когда-то этой работой занимались исключительно большие писатели. При этом *неожиданный* эффект заключался в том, что большинство авторов большой литературы стали креативными трусами, боящимися выйти за узкие рамки, установленные этими самыми литературоведами и критиками.

Некоторые писатели пользуются псевдонимами, потому что включены в списки «на похищение» инопланетянами, и ощущают необходимость скрыть свой литературный талант, чтобы избежать нежелательных проктологических исследований на борту их звездолета.

Другие писатели берут псевдоним после того, как просыпаются в незнакомом городе, чтобы обнаружить полную потерю памяти. У них нет удостоверения личности, подушечки их пальцев сожжены кислотой, им сделали пластическую операцию, благодаря которой ближайшие родственники и друзья не могут опознать их даже по большим газетным фотографиям. Они, конечно, чувствуют, что в прошлой жизни были писателями, но не могут вспомнить ни одной написанной строчки, а потому им приходится делать себе имя повторно. Некоторые выбирают простые имена, имеющие отношение к жанру, в котором они собираются работать: Джо Мистери, Боб СайФи, Бренда Романс. У вторых фантазия побогаче: Микки Мистериозо, Роберт Рокетбласт, Бритни Хитер Слинкисайз. Третьи останавливают свой выбор на совсем уже непотребных фамилиях, скажем, Люк Флегм или Кэтлин Гастроэнтоптоз², и их литературные карьеры развиваются особенно успешно.

В сравнении с причинами, побуждающими писателей брать себе псевдоним, причины, заставившие меня опубликовать роман «Дверь в декабрь» под именем Ричарда Пайджа, прозаичны, если не сказать скучны, вот почему я дальновидно перенес их обсуждение в завершающую часть послесловия. В 1984 году, когда я написал этот роман, я успешно публиковался под собственным именем (Дин Кунц), а также под псевдонимом Лей Николс. Приятный во всех отношениях господин, который публиковал книги Дина Кунца в издательстве «Беркли букс», перешел в конкурирующее издательство «Нью америкэн лайбрери». Он понимал, что я, скорее всего, не захочу издавать новые книги под своей настоящей фамилией в издательстве, куда он перешел на работу, но знал и другое: я был недоволен сотрудничеством с издательством «Покет букс», где мои книги выходили под псевдонимом Лей Николс. Согласно контракту с «Покет букс», мне оставалось написать под этим псевдонимом только одну книгу. Приятный во всех отношениях господин предложил

1 Маркуонд, Джон Филипс (1893—1960) — американский писатель. Получил Пулитцеровскую премию за роман «Покойный Джордж Эпли» (1937).

2 Английские слова phlegm и gastroenteritis означают соответственно слизь и опущение желудка и тонкой кишки.

мне подписать с ним контракт на книгу, которая по жанровым особенностям будет соответствовать другим книгам Лея Николса, но издать ее в его издательстве под другим псевдонимом — Ричард Пайдж. И, после того как я передал бы в «Покет букс» последний роман Николса, оговоренный контрактом, я мог перейти вместе с Николсом в «Нью америкэн лайбрери», где известный псевдоним появился бы на книге, которая во всех планах значилась как роман Пайджа. Что-то в этом было нечестивое, даже дьявольское, но таковы нравы издательского мира.

А потом, я как раз передал последний роман Николса в «Покет букс» и уже засел за роман Пайджа, приятный во всех отношениях господин вновь поменял работу, перешел в «Покет букс». Он стал издателем Лея Николса и пообещал решить все проблемы, которые у меня были с «Покет букс». Такое изменение ситуации я только приветствовал, но мне не удалось убедить «Нью америкэн лайбрери» взять обратно выплаченный мне аванс, даже с процентами, и аннулировать заключенный контракт. В результате я написал «Дверь в декабрь», и в 1985 году на прилавки попал мой первый и единственный роман, опубликованный под псевдонимом Ричард Пайдж.

Девятью годами позже книги под моей собственной фамилией так хорошо продавались (несмотря на то, что я отклонил последнее и самое щедрое предложение Сатаны продать свою душу), что я более не пользовался псевдонимами. Я даже переиздал книги Лея Николса под своим именем («Сумерки», «Глаза тьмы», «Дом грома», «Ключ к полуночи», «Призрачные огни»), и все они стали бестселлерами среди изданий в обложке. Вот почему издательство «Нью америкэн лайбрери» предложило проделать то же самое с романом «Дверь в декабрь». Мы заключили новый договор, в 1994 году они отправили в магазины два миллиона экземпляров, и все остались довольны результатами продаж, кроме Сатаны.

В наши дни, когда люди спрашивают меня, что случилось с Ричардом Пайджем, я всегда говорю им правду (метафорическую): «Я оглоушил его тупым тяжелым предметом, купленным на распродаже тупых предметов в „Кмарте“, сжег в дровяной печи, что стоит у меня во дворе, и украл его маленькое, но приносящее неплохие деньги литературное наследство».

В снабженной комментариями библиографии «Спутник Дина Кунца», книге о моей работе, великодушный библиограф пишет о романе «Дверь в декабрь»: «Это исследование разлагающего влияния власти и стремления к тоталитаризму написано мрачно, как и многие произведения автора, но мрачность романа уравнивается образом Дэна Холдейна, реплики которого не столь ироничны, сколь едки». Насчет уравнивания судить, конечно, читателю, но я действительно хотел исследовать вышеуказанные аспекты, хотя книга эта также и о том, как семейные узы и любовь могут перебороть эти зловещие силы.

Те из вас, кто был моим постоянным читателем, знают, что я всегда пишу о могуществе семейных уз, любви, веры, надежды. Я уже утверждал не один раз и готов повторить вновь и вновь: никому из нас не удастся спасти себя самому; мы все — инструменты спасения друг друга, и только благодаря надежде, которую мы даем друг другу, мы поднимаемся из тьмы к свету. Я стараюсь жить по этим принципам, и за исключением одного эпизода с дровяной печью, думаю, мне это удастся.